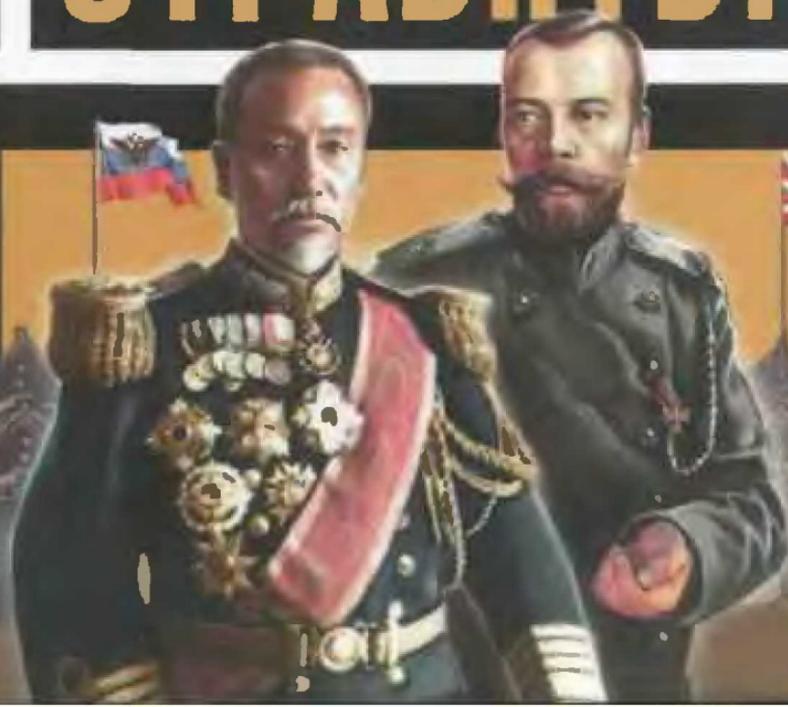

ПРОТИВО СТОЯНИЕ

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: СТРАВВИТЬ!

**ПРОТИВО
СТОЯНИЯ**

СЕРГЕЙ КРЕМЛЕВ

СЕРГЕЙ БРЕЗКУН

**РОССИЯ И ЯПОНИЯ:
СТРАВИТЬ!**

СКВОЗЬ ПРОРЕЗЬ УЗКИХ ГЛАЗ

Москва
«Яуза»
2005

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *В. Нартова*

Оформление серии художника *С. Груздева*

Кремлёв С.

К 79 Россия и Япония: сравнить! — М.: Яуза, 2005. —
384 с.

ISBN 5-87849-189-3

На Дальнем Востоке издавна завязывались в тугой узел интересы сразу многих народов и держав...

Россия, Япония, Китай, Корея, США и страны Запада... Взаимосвязь их судеб, «дальневосточный» «клубок» проблем мировой истории XIX-го века — тема нового исследования Сергея Кремлёва (Сергея Брезкуна), автор книг «Россия и Германия: сравнить!», «Россия и Германия: вместе или порознь?» и др. Особое внимание в книге обращено на отношения России и Японии, начальная история которых уходит во времена Екатерины Великой...

Идеолог викторианской Британии Гомер Ли считал, что тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, будет, будет днем гибели англосаксонской гегемонии.

Да, с Японией нам можно и нужно было дружить. Однако на излете своей истории царская Россия с Японией воевала. Почему? Не потому ли, что враги России ссорили русских с японцами на Востоке так же, как они ссорили нас с немцами на Западе? Ссорили, смертельно боясь их общего союза...

Рассказ о движении русских к Амуру, о «Небесной» Китайской империи и древнем народе Корё, о средневековой Японии сёгуна Токугавы и Японии эпохи Мэйдзи, о происках графа «Полусахалинского» Витте и роли США в русско-японском конфликте, а также о многом другом в новой книге Сергея Кремлёва.

ББК 63.3(2)

*Жене Галине с благодарностью за все
вечера и выходные, уступленные для рабо-
ты над этой книгой*

От автора

Уважаемый читатель!

Уже достаточно долгое время я отдаю немало усилий исследованию отношений России и Германии на протяжении длительного исторического периода. Результатом стали, в частности, четыре книги по темам «Россия и Германия: сравнить!», «Россия и Германия: вместе или порознь?», «Россия и Германия: путь к пакту» и «Кремлевский визит фюрера (Визит судьбы)»... В планах еще две — в рамках проекта «Кремлевский визит фюрера»...

И моя работа все более убеждает меня в том, что, как в прошлом, так и во вполне возможном будущем, наш наиболее конструктивный партнер во внешнем мире — это Германия. Стратегический союз двух народов делает невозможной мировую гегемонию англосаксонского Запада. Отсутствие этого союза способствует росту наглых притязаний мировой Империи Зла — Соединенных Штатов.

Сегодня становится все более понятным, что наша простодушная и, увы, нередко измаранная в социальном идиотизме Россия — извечная носительница идеи Мирового Добра, Держава Добра.

Германия же — при всех своих далеко не во всем оправданных былых амбициях — носительница деятельного духа, сумевшего создать великую национальную державу не на костях колониальных рабов, не при финансовой и политической поддержке национальных сил масонского толка, а за счет огромной повседневной интеллектуальной и производственной деятельности самих немцев...

Соединение русских начал Добра и немецких начал Активного Трудолюбия по сей день имеет огромный потенциал глобального

значения. Побывавший во время войны в России немец говорил в 40-е годы отцу моей жены: «Если бы соединить немецкого мужчину и русскую женщину, то это был бы коммунизм»... Мысль глубокая и перспективная, если иметь в виду соединение лучших качеств двух народов во имя как их общего процветания, так и всеобщего процветания народов планеты.

Однако в возможном международном уравнении, описывающем условия стабильного и справедливого мира, есть и еще один член — Япония. Япония тоже добилась феноменальных успехов уже в своем стартовом развитии с конца 60-х годов позапрошлого века и тоже, как и немцы, за счет усилий собственного народа.

При этом Россия как могла в прошлом, так и способна в будущем стать соединительным звеном между потенциальным лидером Европы — Германией и потенциальным лидером Азии — Японией. (Замечу в скобках, что Китай и Индия, при верно понятой ими своей системной роли, будут важнейшими дополняющими компонентами такого альянса.)

Вот почему злые силы в мире срывали и старательно стараются сорвать возможные союзы России с ее естественными стратегическими партнерами, первое место среди которых на Дальнем Востоке занимает Япония.

Именно Япония — после ее насильственного «вскрытия» Соединенными Штатами во второй половине XIX века — объективно могла бы дополнить Россию на Востоке так же, как это могло бы произойти с Германией на Западе.

Чтобы этого не произошло, Россию и Японию стравливали по примерно той же схеме, как это было сделано с Россией и Германией, причем те же силы и при помощи тех же фигур в России (особенно тут надо отметить Витте).

Еще более перспективным и благотельным для всего мира стал бы, повторяю, прочный союз России, Германии и Японии, потенциал которого, по моему убеждению, все еще не утрачен!

Мы плохо знаем Японию — это интереснейшее и самобытное явление мировой истории и мировой цивилизации. А ведь события, ее формировавшие, история родственных ей Кореи и Китая — это

не обочина мирового развития человечества, а один из его магистральных путей, пролагавшихся параллельно европейскому и кое в чем уведший его строителей дальше, чем их бледнолицых собратьев по разуму...

И автору очень хотелось бы, чтобы после прочтения этой книги читатель начал лучше понимать и прошлое наших восточных соседей, и их самих, и...

...И нашу великую, все еще не нашедшую себя окончательно Россию... Россию от балтийских островов Эзель и Даго до островов Курильских, от заполярных ледяных равнин до снеговых высокогорий Памира...

Предисловие

КАК автор уже сообщил читателю, он немало усилий отдал прояснению того весьма очевидного, но десятилетиями старательно затушевываемого факта, что оба кровавых русско-германских конфликта в XX веке не были обусловлены некими объективными историческими, геополитическими, политическими или идеологическими факторами, а стали результатом большой работы разнородных сил по стравливанию вначале Российской и Германской империй, а затем — националистического Третьего рейха и преодолевшего троцкизм Советского Союза...

Механизм этого стравливания в системном отношении оказался до удивления схожим.

Однако я был просто-таки обескуражен, когда, исследуя «дальневосточную» историю России, понял, что не только с Германией нас, русских, стравили на ровном, что называется, месте, но и с японцами нам устроили «развод» по той же, собственно, схеме, что и с немцами.

И сделано было это в тех же целях, что и в Европе, и в интересах тех же самых сил и даже, во многом, теми же фигурами.

Прежде всего тут надо указать — наконец-то — на графа «Полусахалинского» Витте... Мне уже приходилось писать, что этот прощельга с тонким голосом, который ссорил нас с немцами, сохранив у историков репутацию германофила, взрезал «саблей» Китайско-Восточной железной дороги долгосрочные российско-японские отношения.

При этом сонм (или вернее сказать — свора?) историков и тут выставляет его в глазах потомства «миротворцем», обеспечившим России мир с Японией.

Профессор Анатолий Аркадьевич Кошкин дал своей интересной книге «Японский фронт маршала Сталина» подзаголовок «Тень Цусимы длиной в век»... Однако не Цусима, не Мукден, не Русско-японская война стали причинами векового отчуждения русских и японцев. Цусима оказалась лишь логичным итогом той русской дальневосточной политики, которую с конца XIX века покатили по рельсам (в прямом смысле этого слова) железнодорожных линий в Северную и Южную Маньчжурию.

А прокладывал туда рельсы — и стальные, и политические — Витте. И прокладывал в интересах той Золотой Элиты мира, штаб-квартирой которой прочно становились Соединенные Штаты.

Что же касается Японии...

По-новому глядя на старые факты и обстоятельства, я был поражен абсолютным своеобычаем ее исторического пути. И, лишь всмотревшись в него, понял, какое это серьезное, уникальное и поучительное явление — японский фактор в жизни человечества.

На многое я посмотрел по-новому и в истории Китая, Кореи, да и — России...

Новый мой «дальневосточный» интерес — все разрастаясь и разрастаясь — постепенно превращался в отдельную книгу.

В ту, которую ты, уважаемый читатель, и держишь сейчас в руках.

Книгу о русских, о китайцах и японцах, о напоре янки и о русской судьбе...

ЗДЕСЬ, в предисловии, я не могу не отметить два интересных и нестандартных исследования проблемы, принадлежащих перу профессионального (и потомственного) япониста, доктора исторических наук Василия Элинарховича Молодякова... Молодость и задор присутствуют не только в его фамилии, но и в его работах, да и сам он весьма молод — ему нет и сорока.

Ранее мне уже попадались его интересные статьи о принце Коноэ, и я с интересом и удовольствием познакомился с его новыми книгами. Одна из них издана в 2004 году под названием «Несостояв-

шаяся ось Берлин—Москва—Токио». Вторая, вышедшая в 2005 году, называется «Россия и Япония: поверх барьеров».

Оба этих труда ценны как своей концепцией, так и фактическим материалом. Не со всем там можно согласиться, однако основная мысль полностью разделяется и мной... Да, Россия могла бы стать стержнем прочного, естественного тройственного союза трех держав. Япония при этом играла бы роль одной из глобальных точек опоры нового, справедливого мирового порядка.

ВЫХОД России на Амур и в Приморье создавал России проблемы в ее отношениях не с Японией, а с китайской Небесной, Поднебесной, империей. Однако и до Нерчинского мирного трактата, заключенного Россией с Китаем еще в допетровские времена — в 1689 году — и значительно позднее этого периода конфликт никогда не приобретал масштабности, а после 1689 года никогда не окрашивался кровью...

Впрочем, и до Нерчинского договора стычки сибирских казаков с маньчжурскими отрядами характера полноценной войны не носили... И все расширения русских земель до Амура и Тихого океана проходили хотя и при противодействии Китая, однако мирно.

Так же мирно — хотя так же не без проблем — могли бы развиваться и русско-японские отношения, прочное начало которым русские патриоты пытались заложить уже в екатерининские времена!

Подробно о давнем «японском» проекте профессора Лаксмана я рассказал в книге «Русская Америка: открыть и продать!», а здесь остановлюсь на нем, а также и на посольстве камергера Резанова, в предисловии... Очень уж подходят эти давние истории на роль своего рода эпиграфа ко всей ситуации вокруг России и Японии... Ситуации, на которую еще *до* ее формирования оказывали негативное воздействие антирусские и антияпонские силы...

НЕ ПЕРВАЯ, зато наиболее известная у нас попытка установления прямых и дружественных отношений с Японией приходится на период первой русской кругосветной экспедиции капитанов Кру-

зенштерна и Лисянского... Чрезвычайным послом был назначен камергер Николай Петрович Резанов...

Однако японское посольство Резанова не удалось. Страна восходящего солнца тогда очень жестко ограничивала любые контакты с внешним миром — о чем далее будет рассказано подробно.

Еще до отправления экспедиции Крузенштерна министр коммерции Румянцев подал царю 20 февраля 1803 года докладную записку «О торге с Японией», где писал:

«Известно, что со времен бывшего в Японии страшного христианам гонения и изгнания из оной португальцев одни только ба-тавцы (голландцы. — С.К.) имеют близ двухсот лет в руках своих толико выгодный для них торг сей. Сама природа, поставя Россию со-предельною Японии и сближая обе империи морями, дает нам пред всеми торговыми державами преимущество и удобность к торговле, к которой купечество наше, как кажется, ожидает токмо единого от правительства одобрения».

Изложив все выгоды торговли с Японией, Румянцев предлагал:

«На сей предмет не благоудно ли будет Вашему императорскому величеству с отправляющимися ныне в Америку судами назначить род некоторого к японскому двору посольства и, употребляя к исполнению сего важного предприятия человека с способностями... поручить ему сделать японскому двору приличным образом правильное о достоинстве Российской империи внушение... и постановить на предбудущее время дружественные отношения между обеими империями...»

В августе «Надежда» Крузенштерна с Резановым на борту и «Нева» Лисянского ушли в плавание. У Сандвичевых (Гавайских) островов они временно расстались, и 26 сентября (русского стиля) 1804 года «Надежда» прибыла в Нагасаки, где ее встретили с чрезвычайными предосторожностями. Вместе с японцами были и голландцы — внешне к русским лояльные, но их появлением обрадованные вряд ли...

И, скорее всего, как раз ими и было инспирировано последующее развитие событий. Могли тут напакостить, впрочем, и тайные английские агенты.

На следующий день губернатор Нагасаки прислал в подарок домашнюю птицу, рис и свежую рыбу. В целом же установился режим плена. Лишь 17 декабря Резанова поселили в местечке Мегесаки в доме, похожем на тюрьму.

Через два месяца, 19 февраля русского стиля 1805 года, посла известили о том, что японский император направляет к нему своего «комиссара». Еще через месяц стало известно, что император Резанова аудиенции не удостоит, а утром 20 марта из столицы наконец прибыл его посланец. Переговоры начались 23 марта (3 апреля) 1805 года и закончились быстро и плачевно. Русскому послу были вручены грамоты, запрещавшие русским кораблям когда-либо приставать к берегам Японии.

18 апреля «Надежда» покинула эти берега и вышла в море...

Затем Резанов посетил Русскую Америку, в Калифорнии влюбился в дочь коменданта испанской крепости Сан-Франциско Марию де ла Консепсьон д'Аргуэльо, был с ней помолвлен, а вскоре, вынужденный срочно уехать в Петербург, на обратном пути в русскую столицу заболел и 1 марта 1807 года в Красноярске умер. Смерть его была неожиданной и... очень уж выгодной врагам России.

Случайность?

Возможно...

Однако в истории начальных русско-японских контактов есть и еще две более чем интересные судьбы, закончившиеся тоже странными смертями...

Речь — об отце и сыне Лаксманах.

Уроженец Финляндии Эрик (Кирилл) Лаксман — отец после учебы в университете в Або в 25 лет переселился в Петербург. В 1770 году был избран академиком «по экономии и химии», в 1780 году

навсегда переселился в Сибирь, бывая в столице наездами и пользуясь в столичном научном мире заслуженным уважением.

В 1791 году у русских берегов потерпел крушение японец Кодзи и вместе со своим спутником был привезен в Иркутск, откуда их отправили ко двору.

Японцев сопровождает в столицу Лаксман, а там он предлагает Екатерине воспользоваться удобным случаем отправки потерпевших на родину и завязать с Японией отношения. Предложение было принято, и его автору поручили выработку наставления экспедиции. А ехать с японцами в эту беспрецедентную командировку было велено второму сыну Эрика — капитану Адаму Эриковичу Лаксману.

13 сентября (старого стиля) 1792 года, в годовщину подписания Екатериной указа о «японской» экспедиции, на галиоте «Святая Екатерина» Адам вышел в море. Фактически посольство было актом политическим, но формально Адам Лаксман вез в Японию письма всего-то от иркутского генерал-губернатора, подарки от его же имени и подарки отца трем японским ученым.

9 октября 1792 года «Екатерина» вошла в гавань Немуро на северном берегу острова Хоккайдо, но только 29 апреля 1793 года в Немуро прибыло японское посольство из двухсот (!) человек с ответом от императора. Лаксману предлагалось доставить двух своих подопечных в самый южный порт Хоккайдо — Мацумаэ на японском судне.

Лаксман, тем не менее, отправился на «Екатерине» в Хакодате, порт в сотне километров к северо-западу от Мацумаэ. В Хакодате власти приняли его исключительно любезно, но абсолютно изолировали от каких-либо контактов с жителями.

В результате более чем непростых переговоров Лаксман добился разрешения для одного русского корабля раз в год приставать в порту Нагасаки. Когда читатель позднее ознакомится с историей Японии получше, он поймет, что успеха Адам добился фактически невероятного.

По возвращении Лаксман был вызван с отцом в Петербург, получил чин капитана и предназначался в новую экспедицию, которую предполагалось снарядить в 1795 году. Ученая часть поруча-

лась Эрику Лаксману, а торговая — знаменитому основателю Русской Америки Григорию Шелихову...

Но экспедиция не состоялась. Шелихов внезапно умер в Иркутске 20 июля 1795 года, Лаксман — 5 января 1796 года на обратном пути в Сибирь. И тоже внезапно, в одночасье... Причем оба были отменного здоровья, да и лета имели не то чтобы преклонные.

Вскоре после смерти отца скончался и молодой Адам Лаксман.

И вот уж в трех последних смертях есть все основания предполагать руку вездесущей и вечно гадящей России «англичанки»... Так что неудивительно, что через двадцать лет после успеха (увы, незакрепленного) Адама Лаксмана — человека без серьезного положения и высших полномочий, камергера — и Чрезвычайного посла Резанова ожидал уже полный крах его миссии.

Почему? Ведь Резанов представлял Россию на высшем официальном уровне! Был сановником, чрезвычайным министром! Чтобы не раздражать японцев, не терпящих христиан, Резанов даже распорядился временно снять нательные кресты — особенно матросам, ходившим с открытой грудью. И тем не менее не добился даже подтверждения того, чего до него добился от японцев скромный армейский поручик...

Почему?

Не потому ли, что в случае успеха Резанова Россия могла бы первой из мировых держав мирно прервать ту самоизоляцию Японии, которую только через полвека грубо прервут США?

НЕУДАЧИ первых русских посольств в Японию стали как бы прологом к постоянным провалам нашей «японской» политики вначале в XIX, а затем и в XX веке. В то время как США и страны Запада активно наращивали свое влияние в Японии, Россия позволяла Западу и внутренней его агентуре в России вести себя к активному противостоянию с Японией. Системным пиком ситуации стала Русско-японская война...

Не более умной была и «китайская» политика царского правительства... И — «корейская»...

Однако и сегодня российско–китайская граница проходит по Амуру... И на правом его берегу начинается огромный Китай. А в Приморье часовые Родины все еще охраняют узкую полоску нашей границы с Народной Кореей...

В отношениях с этими двумя нашими континентальными дальневосточными соседями, как и в отношениях с Японией, Россия на рубеже позапрошлого и прошлого веков упустила весьма заманчивые возможности... Обо всем этом и о многом другом читателю предстоит вскоре узнать самому.

И я надеюсь, что новые знания дадут толчок новому пониманию старых, однако все еще нерешенных проблем.

И еще одно предупреждение...

В КОНЦЕ 1919 года Василий Алексеевич Маклаков, помещик, член ЦК партии кадетов и посол Временного правительства в Париже (к тому времени представлявший в «столице мира» уже белую Россию), сообщал генералу Антону Ивановичу Деникину: «Со слов Черчилля я могу вас заверить — о чем он обещал вам лично телеграфировать, что они (то есть англичане. — С.К.) продолжают и будут продолжать посылать вам вооружение. Они просят вас не смущаться тем, что блокада с России снимается. Это вообще очень сложный вопрос...»

«Сложный вопрос» для белых был в том, что в Англии начинали потихоньку приходиться к мысли о бесперспективности ориентации на деникинщину и белых вообще. А кое-кто из английской элиты — и тут уж усы у Антона Ивановича обвисали напрочь — даже подумывал о признании большевиков.

Имелись, впрочем, в Англии и настроения прямо противоположные, о чем Деникину сообщал знаменитый профессор-кадет Павел Николаевич Миллюков. Суть этих англосаксонских настроений формулировалась им без околичностей: позволить Германии, только что потерпевшей поражение в Первой мировой войне, частично восстановить свою военную мощь и «допустить Германию и Японию покончить с большевизмом, предоставив им за это серьезные экономические выгоды в России».

Вот как рассчитывали «объединить» судьбы трех мировых держав на берегах Темзы. Этого же, вне сомнения, хотели и на берегах вашигтонского Потомака. И тут интересен не только факт существования подобных настроений, но и то обстоятельство, что уже тогда в мире были силы, видевшие возможную взаимозависимость отношений русских, немцев и японцев и опасавшиеся того,

что эта взаимная зависимость будет развиваться на путях мира, а не войны.

Итак, англосаксы предполагали, что судьбы русских и немцев могут вновь пересечься. При этом, как сообщал позднее сам Антон Иванович: «Эти предположения находили весьма сочувственный отклик на берегах Шпрее, далекий, однако, от оптимистических чаяний англичан. Весьма показательно в этом отношении появление в 1918 году популярной книги немецкого профессора В. Дайа, проповедовавшего «новый тройственный союз XX века — Германии, России и Японии».

УВАЖАЕМЫЙ мой читатель! Умный немец-профессор смотрел на проблему очень здраво! И, оказывается, в тогдашней Германии имелось немало его не менее дальновидных единомышленников, которые хорошо понимали, что для немцев жизненно важно обеспечить такое положение вещей, когда интересы Германии, России и Японии будет объединять в нечто взаимосвязанное не распря, а союз!

Так что в 1919 году по Европе бродил не только призрак коммунизма, но и другой, хотя и более эфемерный, однако тоже страшный для англосаксов и французов призрак... Призрак российско-германского союза.

Вот как об этом написал еще один европейский корреспондент генерала Деникина — граф Владимир Николаевич Коковцов — в своем письме от 17 сентября 1919 года: «Здесь начинает пробиваться болезненная мысль, как бы не зародилась в один прекрасный день страшная перспектива взаимного сближения Германии, России, Японии и Италии...»

Воистину — русскую выгоду наши враги видят зачастую лучше, чем видим ее мы сами. А увидев, прикладывают максимум усилий для того, чтобы эта выгода не стала очевидной и для нас...

А тут есть ведь над чем подумать! Ведь сами антироссийские силы в начале XX века объединяли в своих политических кошмарах

в дружественный союз те три страны, которые в XX веке два раза оказывались друг с другом в попарном военном конфликте.

О значении возможного стратегического партнерства России и Германии мной сказано уже немало в трех книгах, охватывающих период с конца XIX века до начала германо-польской войны 1939 года, в считанные дни переросшей в войну уже европейскую.

Такое партнерство было бы для врагов России действительно страшной реальностью, потому что разрушало бы все их планы по установлению мирового господства Америки — новой резиденции Золотого Капитала.

С Германией все становится ясным достаточно быстро — надо лишь всмотреться в нашу общую с ней историю тщательно и внимательно.

Ну, а как там с Японией? Да и, кстати, с Китаем? Тоже ведь проблема не из малых!

Да и давнюю тихоокеанскую историю русско-американских отношений не мешает почаще вытаскивать за ушко да на солнышко. Тем более что его на Дальнем Востоке хватает...

В ЭТОЙ книге нам, уважаемый читатель, предстоит узнать многое и во многом же разобраться... Что-то тут объясню я сам, что-то, надеюсь, станет информацией к собственным размышлениям и выводам читателя.

«Японский» аспект тут будет лишь одним из нескольких, но хочется кое-что сказать о нем дополнительно и отдельно. Ведь даже в те времена, когда Япония была для внешнего мира совершенно закрытой страной (рассказ об этом нам еще предстоит), — в 1851 году лорд Пальмерстон уже опасался возможной «связки» «Центральная Европа (по сути — Германия. — С.К.) — Россия — Восточная Азия (где через два десятка лет начала бурно прогрессировать Япония. — С.К.)».

То есть наши враги уже издавна боялись союза не только Германии и России, но и союза России и Японии.

И это понимал знаменитый немец-геополитик Карл Хаусхофер.

В 1940 (!) году он написал книгу «Континентальный блок (Центральная Европа, Евразия, Япония)». Издана она была в Мюнхене в 1941 (!!)

Далеко не со всем в этой книге можно согласиться, но там есть много интересных, по сей день перспективных идей. Однако даже не собственно Хаусхофера мне хочется сейчас процитировать, а то место его книги, где говорится об оценке возможного союза трех держав явным врагом этих держав.

«Из эпохи расцвета викторианской мировой империи, — сообщал Хаусхофер, — доносится предостерегающий голос другого империалиста, Гомера Ли, автора знаменитой книги о мировых делах англосаксов. В этой книге относительно мнимого расцвета Британской мировой империи можно прочесть, что тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, будет днем, определяющим судьбу англоязычной мировой державы, гибелью богов».

Итак, умные англосаксы понимали опасность для себя такого тройственного союза еще тогда, когда Япония была весьма и весьма слабой.

Но есть, напомним еще раз, на Дальнем Востоке и Китай, и Корея, а через Тихий океан — Америка... И есть Европа, к проблемам Дальнего Востока далеко не равнодушная...

И все это существовало и существует не раздельно, а переплетаясь и взаимодействуя. Так что нам, уважаемый читатель, не помешает присмотреться к нашим давним дальневосточным и тихоокеанским делам повнимательнее.

Эта часть общероссийской жизни проходила и проходит «далеко от Москвы», но это — тоже часть нашей жизни.

Дальний Восток — хотя он и дальний, однако — «нашенский».

Не так ли?

Глава 1 Ерофей Павлович, граф Муравьев и Небесная империя

ИТАК, мы начинаем...

Впереди у автора с читателем многое: рассказ об истории самоизоляции, а затем — о драматическом развитии Японии, о не менее драматическом одряхлении к началу XX века старинной Китайской империи... И еще кое о чем...

Судьба капитана Невельского и графа Муравьева-Амурского, планы американских еврейских банкиров и хитрые, подлые происки графа Витте, иностранная интервенция в Гражданскую войну и драма адмирала Колчака...

Все это у нас впереди...

А пока...

А пока обратимся к географическим картам...

ЧТОБЫ лучше понимать политическую карту мира, надо порой поразмыслить над физической картой родной планеты.

Итак, посмотрим на правую верхнюю часть этих двух карт и сравним...

Вот советские Восточная Сибирь и Дальний Восток, окрашенные в светло-красный цвет. Через Берингов пролив — сероватая Аляска, бывшая русская земля... От нее к России тянутся сероватые же, «шатовского» цвета Алеутские острова — тоже бывшие русские...

А вот — серо-фиолетовая Монголия, окруженная Россией и Китаем, а вот — и сам Китай желтого цвета.

А там, где-то совсем восточнее, разделяет Желтое и Японское моря маленькая зелененькая Корея...

Корею и Китай разделяют по суше, к слову, реки Ялу и Тумынь... Мы о них вспомним.

Граница между Россией и Китаем от Казахстана и — через Монголию — до китайского города Маньчжурия, расположенного вблизи китайского же озера Далайнор, хотя и извилиста, но тянется более-менее гладко.

Зато от Маньчжурии до Владивостока граница настолько явственно вдается в глубь России, что так и хочется этот выступ как-то спрямить. Но, с точки зрения геополитической, с учетом естественности границ, ее не спрямить никак!

Горы не дают.

И — реки...

«Выпирает» границу в сторону России хребет Большой Хинган, и он же определяет течение пограничных рек: вначале — Аргуни, а после соединения Аргуни и Шилки с Амуром-батюшкой — и самого Амура.

У Хабаровска Амур отворачивает на семьсот километров круто к северу, к Татарскому проливу между Охотским и Японским морями.

Туда Амур отжимается уже хребтом Сихотэ-Алинь, так памятным русскому читателю по странствиям Арсеньева и его верного сотоварища — гольда Дерсу Узалá.

И этот же хребет поворачивает к Амуру уже последнюю крупную пограничную реку — Усури.

В Усури впадет Сунгачи, вытекающая опять-таки из арсеньевского озера Ханка.

А там уже недалеко и до залива Посъета и — у самой узенькой границы с Кореей — небольшого озера Хасан.

В 30-е годы XX века китайская территория этого выступа границы была оккупирована Японией. Японцы были тогда и в Маньчжурии, где в районе озер Далайнор и Буир-Нур протекает недлинная (всего-то 233 километра) река Халхин-Гол.

Невелика река, да знаменита. Хотя и об этом мы, с позволения уважаемого читателя, поговорим позднее...

Вначале же перенесемся в первую треть века XVII...

КОНЕЧНО, и по времени — далековато, и по месту такое путешествие — не близко. Однако, предприняв его, мы узнаем, что в 1638 году казачий атаман Максим Перфильев был послан из Енисейска во главе отряда из 36 человек на поиски удобных путей к Амуру.

Значительно позднее генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев справедливо считал, что Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура.

Я бы лишь прибавил к этой формуле правый берег Уссури, потому что между почти ставосьмидесятиградусным раствором, образуемым Нижним Амуром и Уссури, лежит то Приморье, которое завершающим образом выводит русские земли к Великому, Восточному, Тихому океану.

О Николае Николаевиче и его сподвижниках, о Невельском и Завойко, о русских моряках и солдатах мы еще вспомним, но надо сказать доброе слово и об их давних предшественниках.

Скажем, старорусские воеводы не всегда лаптем щи хлебали. И со своим позднейшим коллегой в оценках важности для России Амура не расходились. Потому и посылали к его берегам деятельных русских людей.

Зачем?

Простой ответ — за новым ясаком (данью), для покорения новых «ясачных» народов... Но это не только простой ответ, но и неверный ответ... Не только в русских сказках, но и в русской жизни того времени герои шли за тридевять земель, в тридесятое царство потому, что это было им по душе, потому, что русский человек — если он действительно русский человек — привычен к широкому шагу и к широкому размаху...

Причем шли они не столько с оружием в руках (хотя оружие в руках держать приходилось), сколько с тем умением отнестись к чужому народу с уважением, которое русским свойственно. Мы не ангелы, однако национальная спесь — не в русском национальном характере (о карикатуре на него — характере «расейском» — не говорю).

Удобный путь по тем временам — водный путь. По воде Перфильев и шел, хотя приходилось переходить и тяжелыми волоками.

До Амура атаман, впрочем, не добрался. Дошел до него посланный уже из Якутска «письменный голова» Василий Поярков.

Хотя и Поярков закрепиться на амурских берегах не смог.

А весной 1649 года — на следующий год после подписания в Европе Вестфальского мира 1648 года, на века закрепившего раздробленность Германии, — из Илимска путь к реке, называемой аборигенами «морем», начала экспедиция Ерофея Павловича Хабарова.

Есть на Забайкальской железной дороге станция Ерофей Павлович. Так это — в честь его, Хабарова. Не знаю кому как, но сдаётся мне, что если бы самому Хабарову пришлось отвечать на вопрос: что ему приятнее — большой город, носящий его фамилию, или маленькая станция его имени-отчества, то первенство он отдал бы этой станции. Уж очень здорово кто-то с ней придумал!

И ведь что обидно! Умеем ведь, умеем мы, уважаемый мой читатель, уважить порой и себя, и лучших людей своих. Уважить душевно и умно... Но, увы, умеем и хотим этого далеко не всегда...

Через два с половиной века после хабаровской эпопеи по Восточной Сибири и Дальнему Востоку проехал Антон Павлович Чехов, написав затем серии очерков «Из Сибири» и «Остров Сахалин»...

Были там и такие наблюдения:

«Интересно, что на Сахалине дают названия селениям в честь сибирских губернаторов, смотрителей тюрем и даже фельдшеров, но совершенно забывают об исследователях, как Невельской, моряк Корсаков (гидрограф Воин Андреевич Римский-Корсаков. — С.К.), Бошняк, Поляков и многие другие, память которых, полагаю, заслуживает большего уважения и внимания, чем какого-нибудь смотрителя Дербина, убитого за жестокость».

Справедливо...

Но вернемся во времена царя Алексея Михайловича (о сыне которого, Петре Алексеевиче, у нас еще будет повод поговорить)...

В июне 1652 года енисейский воевода направляет для установления русской власти в Забайкалье сотню казаков с сотником Пет-

ром Ивановичем Бекетовым. Бекетов прошел за Байкал, вышел на Шилку, в устье реки Нерча поставил крепостцу—острог Нерчинск и пошел дальше — к Амуру.

Странствовал он более трех лет и впервые проследил весь Амур, от слияния Шилки и Аргуни до устья (а это — почти три тысячи километров!) и обратно...

В пятидесятые годы XVII века по западному берегу полуострова Камчатка (тогда он, впрочем, так еще не назывался) шли казаки Ивана Ивановича Камчатого.

Историки по сей день не решили: то ли он дал свое имя реке Камчатке, а затем и полуострову, то ли это просто удивительное совпадение. Во всяком случае, когда русские казаки впервые попали в эти края, здешняя земля именовалась Нос, или Ламский Нос — по Ламскому (Охотскому) морю, от эвенкийского «лам» («море»). И появление названия «Камчатка» (вначале — у реки) относится как раз ко времени походов Камчатого.

Так что переключка географии и судьбы — налицо.

В самом же конце века, в преддверии петровских времен, казак Владимир Владимирович Атласов проходит в Камчатку по суше, основательно исходив ее, и закрепляет окончательно как русское владение.

У белоэмигрантского поэта Розенгейма есть не очень-то совершенные, но подкупающие искренностью строки:

*«Из века в век, из века в век,
Шел крепкий русский человек
На дальний север и восток
Неудержимо, как поток
С плохой винтовкой за плечом
Иль с неизменным топором,
С краюхой хлеба в кошеле,
Отдавав поклон родной земле,
От неприглядного житья
Он шел в безвестные края,
Чрез тундры, реки и хребты,
Чрез быстрину и высоты,
Пока в неведомой дали
Он не пришел на край земли,*

*Где было некуда идти,
Где поперек его пути
Одетый в бури и туман
Встал необъятный океан»...*

Сказано душевно... Жаль вот только, что проникнутому монархическо-элегической тоской эмигранту не пришло на ум, что и «необъятный океан» не стал для крепких русских людей преградой, и они ушли «с краюхой хлеба в кошеле» за него — на Аляску, в Калифорнию... Но ко временам Розенгейма Русскую Америку в белой эмиграции поминать было неловко — продали-то ее не большевики, а царь.

И еще одно... Как из песни не выкинешь слова, так и из нашей истории негоже выкидывать не красящие нас страницы...

Так, Владимир Владимирович Атласов жил славно, верно служил России и царю Петру... А погиб невесело, от рук своих же...

В январе 1711 года взбунтовался казачий отряд на Камчатке и двинулся в Нижнекамчатск — добывать Атласова... Владимир Владимирович был крут, а казаки, хотя времена уже и были прочно петровские, жили еще понятиями стрелецкой вольницы. Да и, похоже, не очень рвались в новый поход, задуманный Атласовым. Не доехав до места полверсты, выбрали делегатов, а точнее — убийц. Вручили фальшивую грамоту, наказав бить ножом в спину, когда атаман начнет читать...

Так окончилась жизнь Атласова, по определению Пушкина — «камчатского Ермака».

Да ведь и у Ерофея Павловича Хабарова не все бывало гладко. В 1653 году в его отряд прибыл из Москвы посланец царя с наградами, в том числе и для атамана. Но от власти он Хабарова отстранил, а когда Хабаров не подчинился, избил его и повез в Москву, по пути еще и обобрав.

Царь, правда, Хабарова пожаловал в «дети боярские» и дал в «кормление» несколько деревень у Илимска. Но вернуться на Амур Хабарову так и не удалось.

А рвался...

Справедливости ради сообщу, что в январе 1687 года своими же

матросами был убит француз Рене Робер Кавелье де Ла Саль, первый исследователь Миссисипи...

А знаменитый Генри Гудзон, английский исследователь Северной Америки, погиб в том же году, что и Атласов, в волнах того залива, который впоследствии был назван его именем. Погиб, высаженный с семьей в лодку взбунтовавшимся экипажем.

Трусость и подлость, увы, интернациональны.

Впрочем, я отвлекся, а на Амуре уже век XIX, год 1842-й... И туда направляется — по инициативе выдающегося русского немца академика Карла Максимовича фон Бэра — экспедиция другого русского немца — Александра Федоровича Миддердорфа, заложившего основы присоединения Амурского края к России.

А к 1855 году низовья Амура досконально исследует капитан Невельской.

ИСТОРИЯ Геннадия Ивановича Невельского заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее, рассказав здесь также и о его начальнике и покровителе — графе Николае Николаевиче Муравьеве-Амурском.

Происходивший из старинного дворянского русского рода, Муравьев родился в 1809 году, воевал, на Кавказе был ранен, получил за храбрость Георгия 4-й степени, в тридцать восемь лет в чине генерал-майора был назначен тульским губернатором и одним из первых среди своих коллег-губернаторов поднял вопрос об освобождении крестьян. Причем — с землей.

В 1848 году Николай Первый назначает Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири в Иркутск, и начинается тот период его жизни, который принесет ему удлинение фамилии на приставку «Амурский».

Этот свой «географический» титул граф заслужил полной мерой, потому что задумывался об исследованиях низовий Амура еще в Петербурге и там же свел знакомство с будущим амурским героем капитан-лейтенантом Невельским.

В то время считалось (и это мнение было подкреплено автори-

тетом Лаперуза и Крузенштерна), что между материком и Сахалином имеется перешеек (то есть, что Сахалин — полуостров), и что устье Амура перекрыто непроходимыми для крупных судов мелями.

Тридцатидевятилетнего генерал-губернатора Муравьева доступность Амура с моря весьма волновала. И тридцатичетырехлетний капитан-лейтенант Невельской, назначенный в 1847 году по собственному желанию командиром военного транспорта «Байкал», рвался этот вопрос прояснить.

Упреждая еще лишь предстоящий нам рассказ, замечу, что в то время еще существовала Русская Америка, и закрепление за Россией обоих берегов Тихого океана в этой зоне было делом важнейшим.

В 1848 ГОДУ «Байкал» Невельского уходит из Кронштадта через Атлантику вокруг мыса Горн в Тихий океан, на Камчатку — с припасами туда от морского ведомства.

Муравьев добивается от начальника Главного морского штаба князя Меншикова (того самого, командовавшего позднее войсками в Крымской войне) особой инструкции для Невельского: по сдаче груза исследовать устье Амура и Сахалин.

Получив инструкцию, Муравьев отправляет ее на Камчатку Невельскому со штабс-капитаном Михаилом Семеновичем Корсаковым (Карсаковым), своим родственником и впоследствии — своим преемником на посту генерал-губернатора.

Корсаков Невельского не нашел, потому что тот — как «крепкий русский человек» — на собственный страх и риск уже двинулся из Петропавловска-Камчатского прямо к Сахалину и в Амурский лиман.

Пока «Байкал» занимался промерами и картографической съемкой берегов, делая открытие за открытием, Муравьев на судне «Иртыш» проплыл к Камчатке и вскоре ушел оттуда. всюду на обратном пути расспрашивая о Невельском.

Слухи были неутешительны, однако Муравьев задержался в

форте Аян на Охотском побережье в районе хребта Джугджур для прояснения ситуации. Он не знал, что туда же идет и возвращающийся в Петропавловск Невельской. Но недаром лихой капитан назвал один из открытых им заливов заливом Счастья.

Счастье ему сопутствовало, и вскоре Муравьев увидел корабль Невельского, входящий на рейд Аяна. Радость губернатора была так велика, что он наплевал на этикет и на первой же попавшейся лодке направился к «Байкалу».

Эх, уважаемый читатель! Сцена встречи журналиста-англосакса Стенли с отысканным им в джунглях Африки Ливингстоном известна широко. Однако нам с тобой надо знать и сцену встречи русских Муравьева с Невельским.

Вот лодка подходит к борту устало покачивающегося, потрепанного судна, и главный начальник русского флота в водах Тихого океана по штурм-трапу поднимается на палубу.

Обветренный полукругосветным путешествием капитан «Байкала» салютует и вместо приветствия по статуту порывисто, даже не титулуя начальство, сообщает:

— Сахалин — остров!

— Амур?

— Устье Амура доступно для морских судов, глубина пролива между берегом и Сахалином — пять сажен!

— Устали?

— Устали, ваше высокопревосходительство!

— Молодцы! Молодцы...

Увы, это было лишь радостное начало непростой и зачастую грустной истории.

Муравьев отправил Невельского и Корсакова в столицу с сообщениями об открытиях, однако в «правлящих сферах» новости вызвали лишь жестокое... недовольство.

Не думаю, что тут хоть какое-то значение имело то, что такой лихой и опытный мореплаватель, как барон Фердинанд Петрович Врангель (к тому же — член-корреспондент Академии наук), ранее

представлял Николаю рапорт, где заявлял, что устье Амура доступно лишь для мелкосидящих лодок. Николай на сем написал: «Весьма сожалею, вопрос об Амуре, как реке бесполезной, отставить».

Невельской опроверг Врангеля, да еще и «самовольно», но не тот был человек Фердинанд Петрович, чтобы по этому поводу гневаться. Нет, главную роль тут сыграло соединение государственной тупости высшей петербургской бюрократии с прямой, пожалуй, государственной изменой. И первую роль тут играл министр иностранных дел Карл Нессельроде.

Если в грибоедовские времена фамусовы более всего беспокоились о том, что скажет «княгиня Марья Алексевна» (ныне, в путинские времена, эту легендарную княгиню сменил «друг» Буш и прочие «друзья»), то тогда у действительных статских и тайных советников голова болела при мысли о возможном неудовольствии Англии, «дружественного» Китая, «дружественной» (надо же — и тогда «дружественной»!) Америки...

То, что цинский императорский Китай нам «дружественен» до тех пор, пока мы на Амуре хлопаем ушами, в расчет не принималось, и Невельской казался непозволительным возмутителем спокойствия.

Русская активность была не по душе и тем интернациональным, а точнее — наднациональным, силам, которым такая активность путала все их долгосрочные антироссийские планы еще с петровских времен и агентом которых в России был Нессельроде. Да и не он один.

Еще до открытия Невельского Особый комитет под председательством Нессельроде с участием военного министра графа Чернышева, генерал-квартирмейстера Берга и другой сановной сволочи постановил признать Амурский бассейн принадлежащим Китаю и отказаться от него навсегда.

Вот как оно было, читатель!

А тут какой-то Невельской...

Н-да...

Только приезд самого восточносибирского губернатора и его доклад Николаю положение как-то спас. Невельской вышел сухим

из казенных столичных чернильных «вод» и благополучно вернулся к водам Охотского моря.

А там к устью Амура уже подбирались иностранные (английские и американские по преимуществу) суда. И Геннадий Иванович рискует еще раз! Он по собственной инициативе входит в Амур, поднимается до гияльского селения Тыр и объявляет, что местное население отныне поступает под руку и защиту русского императора.

Точный статус амурских земель не был тогда определен межгосударственными трактатами, и поступок русского моряка имел далеко не местное значение, о чем я еще скажу.

14 августа 1850 года Невельской, чтобы подкрепить слово делом, основывает первое русское поселение на берегах нижнего Амура — форт Николаевский пост (ныне — Николаевск-на-Амуре) и поднимает над ним российский флаг.

К слову, всего через восемь лет после этого в открытую в Николаевском мореходную школу поступает Степа Макаров — будущий великий наш флотоводец, адмирал Степан Осипович...

Муравьев от решительного действия своего протезе в восторге, а царский Совет министров... А он — стисни зубы и кулаки, уважаемый читатель, — он, с подачи Нессельроде, постановляет... предать Невельского военному суду как человека вредного и «толкающего Отечество к неминуемой опасности»...

Эх!

И опять все решает лишь личная аудиенция Муравьева у Николая. Губернатор и капитан награждены, а Николай резюмирует: «Где раз поднят русский флаг, он спускаться не должен».

Увы, этот принцип преступно нарушит уже его сын, спустив русский флаг над Русской Америкой...

А вот Невельской своим «преступным» в глазах петербургской сановной сволочи поступком совершил, по сути, великий гражданский подвиг. Именно — подвиг, если учитывать, что на Дальнем Востоке как раз начиналась пора больших событий и динамичных решений.

НОВЫЕ времена начинались для России, для Китая...

Вот-вот они должны были начаться и для Японии.

А причиной была активизация дальневосточных проектов и appetитов Западной Европы и США. И только ли дальневосточных? На носу у Европы уже была Крымская война.

Впрочем, она лишь называлась «Крымской», а события ее разворачивались порой не только на бастионах Севастополя, но и в виду могучих фортов Кронштадта, и слабеньких укреплений берегового поста Де-Кастри в Татарском проливе...

Камчатский военный губернатор и командир Петропавловского порта генерал-майор Василий Степанович Завойко (впоследствии — адмирал) в августе-сентябре 1854 года руководил доблестной обороной Петропавловска-Камчатского от нападения англо-французской эскадры контр-адмирала Депуанта и адмирала Прайса.

В ее составе были три фрегата: французский «Форт» с 60 орудиями, английские «Президент» с 50 и «Пик» с 46 орудиями; французский корвет «Эвридика» с 30 орудиями, французский бриг «Облигадо» с 12 орудиями и английское паровое судно «Вираго» с 6 орудиями.

Всего — 204 «союзнических» орудия против 75 русских орудий 44-пушечного фрегата «Аврора», 12-пушечного транспорта «Двина» и 19 орудий трех береговых батарей.

Пришлось проявлять героизм, что русским было не в диковину.

Я, УВАЖАЕМЫЙ мой читатель, пытался далее ограничиться лишь кратким изложением обороны Петропавловска-Камчатского. Но можно ли было удержаться и не сказать об этой, фактически неизвестной нам сегодня, обороне хотя бы то, что сказано ниже?!

До прихода «Двины» (она-то и привезла известие о войне) в распоряжении Завойко было всего 283 человека. «Двина» подвезла еще 300, а вскоре прибыло подкрепление из 400 человек во главе с капитаном Александром Павловичем Арбузовым (не исключаю, что он был сыном участника первого русского кругосветного путешест-

вия в 1803—1806 годах капитан-лейтенанта Павла Петровича Арбузова). Строевых набиралось немногим более 800 человек...

Союзники первую потерю понесли еще до начала боевых действий. И о ней тоже нельзя не рассказать.

Утром 30 августа адмирал Прайс прогуливался по палубе «Президента» и, вроде бы спокойно, обсуждал с капитаном Бэрриджем принятую вечером 29 августа диспозицию. Накануне Прайс лично провел рекогносцировку русских укреплений и театра предстоящего сражения на пароходе «Вираго» (под фальшивым, к слову, американским флагом). И с досадой убедился, что в Петропавловск прорвались «Аврора», ускользнувшая от него из перуанской гавани Кальяо, и «Двина», которую союзники прозевали в районе Сандвичевых (Гавайских) островов.

Нагулявшись с Бэрриджем, Прайс быстро прошел в каюту, на глазах у изумленного капитана вынул из пистолетного ящика пистолет, приложил дуло к сердцу и нажал курок.

Смерть пришла мгновенно. А объяснение было одно — Прайс еще до боя (!) отчаялся взять город и захватить русские суда, им ранее провороненные. И решил загладить свою оплошность таким вот образом.

Высшее командование пришлось принять Депуанту, и началась бомбардировка берега.

Капитан Арбузов накануне поссорился с Завойко и, отрешенный им от должности, тут же поступил волонтером-добровольцем на «Аврору» под командование капитана Ивана Николаевича Изыльметьева.

Но честный общий бой — лучшее средство для примирения, и уже через день Арбузов возвратился к своим солдатам, собрал их и сказал:

— Теперь, друзья, я снова с вами, и клянусь Георгием, которого честно ношу четырнадцать лет, что не осрамлю имени командира!

Ответом ему было «Ура!», а Арбузов закончил:

— Если же вы увидите во мне труса, то заколите меня штыком, а на убитого — плюйте!

Начались новые бомбардировки. Гремели сотни орудий, начались и захлебывались атаки.

Показательная деталь (лучше оценить ее мы сможем позднее — когда речь у нас будет о Русской Америке)... 2 сентября было затишье — хоронили адмирала Прайса. Во время похорон в Тарьинской губе союзники встретили двух американских матросов с судна, заходившего в Петропавловск. «Нейтральные» янки рубили дрова, но тут же показали англичанам тропинку, по которой можно незаметно провести десант. И этот предательский поступок положение русских осложнил.

Решающее же сражение произошло 5 сентября. Союзники только на берегу имели в штурмовых отрядах примерно тройной перевес.

Мичман Николай Фесун, командовавший одной из стрелковых береговых партий с «Авроры», писал позднее: *«Энтузиазму, одушевлению всех вообще не было пределов; один кидался на четверых. И все держали себя так, что поведение их превосходит похвалы».*

Поэтому Завойко штурм отбил, и союзники убрались из Авачинской бухты. Однако опасность не исчезла.

И тогда губернатор решает эвакуировать морем гарнизон и жителей в устье Амура и там укрепить Николаевск, установив связь и с Де-Кастри (вот когда жизненно пригодилось открытие Невельским прохода из Японского в Охотское море).

Вскоре наши силы в устье Амура достигали уже двух тысяч человек, а новые батареи Николаевска надежно прикрыли вход в великую реку, отныне полностью русскую.

Попытка англо-французов высадиться у Де-Кастри была быстро ликвидирована, на чем их боевая активность на Дальнем Востоке и закончилась.

Так что если бы Невельской с Муравьевым незадолго до этих событий промедлили, то Россия могла бы получить у себя под сибирским «боком» серьезные неприятности, возникшие, по сути, из ничего...

И еще один вывод можно и нужно сделать из петропавловской

обороны... Получая достойный отпор даже малых русских сил, Запад тут же снижал и шел на Дальнем Востоке на попятный.

Французский участник «союзной» экспедиции в Петропавловск Эдмонд де Аيي восхищался умением и распорядительностью генерала Завойко и капитана Изыльметьева, сравнивал их даже с адмиралом Нельсоном, прекрасно сознававшим значение времени для успеха, и заключал: «Как восхитительно их умение пользоваться временем».

Насчет времени тут сказано было точно! Изыльметьев до сражения у Петропавловска уже сталкивался с союзной эскадрой в перуанском порту Кальяо. «Аврора», зайдя туда, была союзниками задержана. Узнав стороной, что они только и ждут официального сообщения о начале войны с Россией, чтобы захватить русский фрегат, Иван Изыльметьев после десяти дней выжидания (умение ждать иногда тоже есть умение пользоваться временем) в кратковременном утреннем тумане семью десятивесельными шлюпками бесшумно вывел «Аврору» из гавани и был таков.

А потом сделал переход из Кальяо в Петропавловск в рекордно короткое время — в 66 дней!

Увы, ценить время и умело пользоваться им умели русские первопроходцы, «крепкие русские люди», но никак не царедворцы и их августейшие «шефы»...

Тем не менее решительные действия русских патриотов Муравьева, Невельского, Завойко и их соратников в Амурском крае явно подтверждали мнение де Аيي. Они на корню подсекли чужие заморские амбиции и вместо обострения положения позволили прийти к мирным решениям с соседями-китайцами.

Хотя и непростым путем.

ЗА НЕСКОЛЬКО лет до начала Крымской войны Невельской получил, наконец, относительную свободу рук. Одернутое Николаем Морское министерство теперь уже не сдерживало капитана, а, напротив, поручило ему руководство Амурской экспедицией 1850—1855 годов.

При всем своем чисто научном значении эта экспедиция сыграла прежде всего выдающуюся политическую, а уж потом — географическую роль.

Впрочем, самого Невельского, выполнившего свое основное дело, Петербург с Дальнего Востока все же убрал.

Бывший декабрист Гавриил Степанович Батеньков в письме из Тобольска к столичному другу недоумевал: «*Невельской — великий энтузиаст Амурского дела; мне непонятно, почему его удалили*».

Да вот потому и удалили, что он был энтузиастом дела, а не его имитации. Не исключено, правда, что тут сыграло свою роль и нарастающее отчуждение между Невельским и Муравьевым.

Прискорбно, но факт. а его из истории (если она не в кавычках), как и слова из песни, не выкинешь.

Невельского удалили, однако на Амуре оставался еще Муравьев.

Точнее, он одно время лечился за границей, и забайкальским военным губернатором стал Михаил Семенович Корсаков. Замечу, что современный сахалинский город Корсаков назван не в его честь, а в честь русского гидрографа Воина Андреевича Римского-Корсакова. Пусть не царская, так Советская Россия об этом Корсакове не забыла...

Неожиданная активность русских на Амуре встревожила китайцев. Хотя государственное присутствие Небесной империи тут ощущалось слабо (Китаю было не до освоения новых земель), русско-китайские отношения на Дальнем Востоке формально регулировались тогда Нерчинским трактатом еще конца XVII века...

Теперь возникли новые условия и необходимы были новые договоренности.

У Корсакова переговоры с китайцами не ладились — не столько, пожалуй, по его дипломатической неудалости, сколько из-за саботажа китайской стороны.

В 1856 году на Дальний Восток вернулся Муравьев, в 1857-м ему в подмогу выслали графа Путятин (с ним мы еще познакомимся). Путятин засел в китайском Тяньцзине, и тоже без особого успеха.

Однако вскоре внутренние дела у китайцев пошли хуже и хуже. Англичане и французы заняли южнокитайский порт Кантон, проникли в Тяньцзинь... В стране ширилось восстание тайпинов. На носу у пекинского правительства была вторая «опиумная» война, навязанная ему англо-французами. Закончилась она, надо сказать, для Китая плачевно...

Впрочем, цинский режим тогда не осознавал еще всей проигрышности своего положения, поэтому эффективной линией поведения с ним мог быть только русский напор в сознании своей правоты.

Ну, а напора у Муравьева хватало.

И 28 мая 1858-го, через три года после завершения сильно способствовавшей разграничению границы с Китаем Амурской экспедиции Невельского, по Айгунскому договору с Китаем за Россией закрепляется весь левый берег Амура и правый — от устья Уссури и до Татарского пролива. Россия закрепляла за собой более миллиона квадратных верст богатой территории.

От имени России Айгунский договор заключил Николай Муравьев, получивший за это титул графа Амурского.

В 1861 году был удален с Дальнего Востока и Муравьев, хотя силы его далеко не исчерпались (умер он в 1881 году, семидесяти двух лет). Заменял Муравьева опять Корсаков...

На Руси любят лягнуть похода, не очень вдаваясь в суть дела. Иногда этим грешат даже умные люди. И еще в генерал-губернаторство Николая Николаевича — в 1860 году — бывший декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин в серии статей обрушился на амурскую политику Муравьева, обвиняя его во всех грехах.

О молодом Завалишине я в своем месте расскажу подробно, а тут сообщу, что человеком он был удивительным, незаурядным, лично, судя по всему, абсолютно честным. Увы, при всей широте многих взглядов был он в то же время человеком, в чем-то ограниченным и занудным. И в своих «Воспоминаниях» (в 2003 году переизданных) он просто-таки живого и чистого места на облике графа не оставил.

Однако тогда же его бывший сотоварищ по тайному обществу Михаил Александрович Бестужев, знавший положение дел не хуже Завалишина, написал обличителю: *«Как ты ни обвиняй графа, коренное зло есть: половинные меры и недостаток энергии в высшем правительстве»...*

И вот тут уж он попадал в точку!

Доставалось Муравьеву (в чем-то — за дело) и от Герцена. В целом же бывшие ссыльные декабристы, оставшиеся в Сибири, оценивали труды Муравьева как минимум положительно, а кое-кто прямо подчеркивал его выдающуюся, незаменимую роль в деле закрепления Амурского края за Россией.

О нем хорошо написал и князь Петр Алексеевич Кропоткин — тот самый, знаменитый теоретик анархизма, но еще и ученый, путешественник. В начале 60-х годов он после окончания Пажеского корпуса выбрал назначение в Сибирь, к Корсакову, и вот его тогдашние впечатления:

«В 1862 году высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной и в общем гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России. Пост генерал-губернатора Восточной Сибири в продолжение нескольких лет занимал замечательный человек граф Н.Н. Муравьев. присоединивший Амурский край. Он был очень умен, очень деятелен, обаятелен как личность и желал работать на пользу края. Как все люди действия правительственной школы, он в глубине души был деспот: но Муравьев в то же время придерживался крайних мнений, и демократическая республика не вполне бы удовлетворила его (в чем его вполне можно понять, особенно глядя на нынешнюю «демократическую» Россию. — С.К.). Ему удалось отделаться почти от всех старых чиновников, смотревших на Сибирь как на край, где можно грабить безнаказанно, и он окружил себя большей частью молодыми честными офицерами...»

Кропоткин тогда же рассуждал не только о пользе, но и «вреде» в муравьевской деятельности: *...характер управления, деспотизм, усвоившийся здесь, влияние личностей и т. п.*». Поэтому общая

оценка им Муравьева может считаться объективной, а ведь князь-анархист писал и так:

«Все необъятное левое побережье Амура и берег Тихого океана, вплоть до залива Петра Великого, были присоединены графом Муравьевым почти против воли петербургских властей — во всяком случае, без какой-либо значительной помощи с их стороны. Когда Муравьев задумал смелый план овладеть великой рекой, южное положение и плодородные берега которой в течение двух столетий манили сибиряков, когда он решил, прежде чем Япония откроется для Европы, занять для России прочное положение на берегу Тихого океана и вступить таким образом в сношения с Соединенными Штатами, против генерал-губернатора ополчились почти все в Петербурге. У военного министра не было лишних солдат, у министра финансов — свободных денег. В особенности противилось министерство иностранных дел, всегда старающееся избегать «дипломатических осложнений». Муравьеву поэтому оставалось действовать на свой страх и риск... Кроме того, приходилось действовать как можно скорее, чтобы возможному протесту западноевропейских дипломатов противопоставить «свершившийся факт»...

В свете моего дальнейшего рассказа я сразу замечу, что Кропоткин, как видим, абсолютно не брал в расчет Русскую Америку (Аляску и тихоокеанские острова), которая в то время, когда он появился в Сибири, была еще русской. И, не видя перспектив для Русской Америки, Кропоткин, конечно, ошибался. Русскую Америку действительно продали через шесть лет после отставки Муравьева и через пять лет после сибирского дебюта Кропоткина, но произошло это не потому, что причиной были объективные обстоятельства.

Хотя, как я понимаю, русская активность в дальневосточной Азии стала дополнительным фактором, ускорившим планы наднациональных сил по отторжению от России ее американских владений. Имея и Дальний Восток, и Русскую Америку, Россия — если бы власть в ней имели Муравьевы и Невельские — могла приобрести совсем иной геополитический облик, чем тот, который она реально имела к концу XIX века.

УВЫ, тон государственной жизни России задавали не они... Упрекнутый декабриста Завалишина в предвзятом мнении по отношению к Муравьеву декабрист Бестужев насчет «недостатка энергии в высшем правительстве» убеждался не раз, а лишний раз — в январе 1859 года, когда через еще одного своего старого друга—декабриста, барона Владимира Ивановича Штейнгеля, сумел передать свою записку о будущем Амура самому Александру Второму.

Ну и что?

А ничего... Делано—«государственное», якобы глубокомысленное движение царевых бакенбард да якобы патриотический, чо быстро сошедший на нет порыв его брата, великого князя Константина.

Константин даже поначалу задумал отправиться на Амур самолично и 9 марта 1959 года написал Муравьеву: *«Душевно желал бы обнять Вас на берегах Амура в 1860 году»*.

Ну, и обнял бы! Кто в том мог помешать второму после императора человеку в Российской империи? И резонанс от такой поездки был бы огромным, для русского дела на Дальнем Востоке исключительно благотворным. Недаром Муравьев в ответном письме писал, что желание великого князя приехать в Амурский край обрадовало и ободрило его.

И только ли графа обрадовало и ободрило бы такое внимание высшей российской власти к российскому Дальнему Востоку?

Ан нет... В марте 1859 года Константин обнадеживал Муравьева, но заведомо лгал ему, потому что еще 9 января того же года меланхолично пометил в своем дневнике: *«Жинка не в духе, потому что Гауровиц сказал ей про мой амурский план»*.

Великокняжеская чета пребывала в это время в Италии, и Константин вздыхал: *«Новый год на чужбине»*...

Так кто его туда выталкивал, на чужбину—то эту? Что, в России дела не было?

Но закрутило: Мессина, Сиракузы, Константинополь, Петербург, проливы Каттегат и Скагеррак, Лондон, Осборн... А там уже, смотришь, и сентябрь на носу, холодно...

А Муравьев бывал за границей в основном для поправки здоровья... И поэтому, вернувшись 30 мая 1858 года после заключения Айгунского договора в Благовещенск, он имел полное моральное и историческое право отдать приказ по войскам, начинавшийся так: *«Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы! Амур сделанся достоянием России...»*

Когда в Пекине было получено известие о заключении договора в Айгуне, быстро решились дела и у Путятина в Тяньцзине — 13 июня был подписан договор и там, и он хорошо подкрепил муравьевский трактат.

Оба трактата были тут же ратифицированы китайским императором-богдыханом И Чжу.

В 1860 году Пекинский договор закрепил за Россией Южно-Уссурийский край, и в том же году был основан Владивосток.

Затем более чем на тридцать лет «зона договоров» перемещается в Центральную Азию, к Казахстану... В 1864 году Чугучакским русско-китайским протоколом было определено общее направление границы в этой зоне — «следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов».

Формулировка расплывчатая, но ведь тогда и достоверных карт тех мест не существовало...

Ливадийский русско-китайский договор 1879 года, Петербургский договор 1881 года и серия протоколов — это все крутилось вокруг Илийского края в горном районе Синьцзяня.

И лишь к началу 90-х годов XIX века российско-китайские проблемы вновь смещаются (или их туда коварно *смещают*) на Дальний Восток...

ВООБЩЕ-ТО, история устойчивых межгосударственных связей России и Небесной империи — Китая — насчитывает уже более трех веков.

За точку отсчета здесь можно принять подписание в 1689 году Нерчинского мирного договора.

1689 год — это последний год правления Софьи Алексеевны. То есть еще допетровская Россия была первым европейским государством, установившим с Китаем договорные отношения.

Увы, наши отношения с Китаем с самого начала их зарождения выстраивались непросто — уж очень неискренней, коварной была зачастую «русская» политика Китая. Так, в Софьины времена Китай претендовал «всего лишь» на Забайкалье.

В сторону Китая — к русскому Нерчинску — на долгих три года отправилось посольство Федора Алексеевича Головина — образованного умницы, будущего сподвижника Петра и будущего генерал-фельдмаршала.

Первая статья в инструкциях Головину предписывала: «Настаивать, чтобы между русскими и китайскими владениями границей была написана река Амур».

Головин добрался до Нерчинска 9 августа 1689 года. Под городком уже стояли китайские великие послы, а теперь рядом выросли и наметы русского посольства — для переговорных съездов. Ставил их, к слову, Демьян Многогрешный, бывший атаман Войска Запорожского.

Одна деталь начавшихся переговоров была символической, и помнить о ней надо бы и русским, и китайцам. Для обсуждения процедуры к Головину приехали три представителя китайских послов. Платье, естественно, китайское, китайские шапочки, бритые головы, косы... Поклонились они тоже по-китайски, а потом... поинтересовались, нет ли толмача, разумеющего... латынь.

Ну, с этим «вариантом китайского языка» был знаком и сам великий полномочный русский посол. И вот что выяснилось...

Двое из троих посланцев китайских послов — отцы-иезуиты! Испанец Перейра и француз Жербильон.

И переводили они потом, на переговорах, весьма своеобразно...

Головин объявил, что границей должен быть Амур до самого моря: «Левой стороне быть под властью царского величества, а правой — богдыханова»...

И тут китайские послы (в переводе иезуитов) обнаруживают удивительное знакомство с древней европейской историей и возра-

жают, что Амур—де был во владении богдыхана со времен Александра Македонского...

Головин невозмутимо отвечает, что «об этом хрониками разыскивать долго, а со времен Македонского многие земли разделились под державы многих государств».

Тогда китайские послы (в переводе иезуитов) заявляют, что пусть граница будет до Байкала, а если что не так, они приведут сюда своих «ратных людей»...

Головин опять же невозмутимо отвечает, что при посольских съездах «не обычаем грозить войною», а если китайцы хотят войны, то «пусть объявят прямо».

И эти последние свои слова Головин, как сообщает Сергей Михайлович Соловьев, «велел перевести на мунгальский язык, заподозрив иезуитов, что они, переводя с латинского на китайский, многие слова прибавляют от себя»...

Умен был Федор Алексеевич, и все заподозрил он правильно. Китайские послы — уже на «мунгальском» языке — заверили, что они велели иезуитам говорить только о границе, а не угрожать войсками.

В Европе Франция и Испания вековечно враждовали, но тут иезуит-испанец и иезуит-француз выступали в трогательном единении, охваченные общим искренним чувством вражды к России (да и к Китаю) и желанием ссорить ее с Китаем.

Деталь, повторяю, не лишняя в памяти русских и китайцев и в XXI веке.

К слову, сообщу уж читателю и то, что в ходе переговорной переписки иезуиты ничтоже сумняшеся просили Головина прислать им «соболей, горностаев, лисиц черных на шапки, вина доброго, кур, коровьего масла».

Посол отослал из царской казны «сорок соболей на 80 рублей, сто горностаев на 10 рублей, лисицу черную в 10 рублей» да от себя — «лисицу черную в 15 рублей, сорок горностаев в 4 рубля, полпуда масла коровьего, 15 кур, ведро вина горячего»...

Иезуиты же «отдалили» двумя «готоваленками» с ножичком и

ножничками «ценою по 10 алтын» (тридцать копеек), двумя гравированными портретами Людовика XIV и «версальской» книгой.

Деталь тоже показательная, и ее русским людям тоже желательно бы знать и даже в XXI веке не забывать.

Китайские богдыханы обходились в Восточной Сибири данью с «мунгальского» хана, и ничего похожего на освоение этих земель — в отличие от русских — не предпринимали. Соответственно, и географию этих мест знали они не лучшим образом... Однако когда наше посольство на переговорах предоставило русские карты, то китайцы-маньчжуры, впервые увидев — всего лишь на бумаге — новые просторы, сразу же потребовали от нас всю территорию к востоку от Лены.

Не обломилось... И Нерчинский договор зафиксировал, в общем-то, провал попыток воцарившейся в Китае с середины XVII века маньчжурской династии Цин завоевать — без особых военных усилий — чуть ли не всю Восточную Сибирь.

Провал этот был вполне объясним. Скажем, поведение того же Хабарова резко контрастировало с политикой сознательного террора, набегов и резни, проводимой маньчжурами на той стороне Амура, по которой позднее пройдет русская «железка» со станцией Ерофей Павлович на ней.

Бывало, конечно, всякое... И, скажем, во время тех же нерчинских переговоров «ясачные» буряты поддержали не русских, а китайцев, чем повлияли на результаты переговоров.

Однако жизнь народов измеряется мерками не одного дня, и опыт межнационального общения приходит не сразу. Но — приходит. И в результате многолетних сравнений амурские аборигены были склонны идти все же не под китайскую, а под русскую державную руку.

Впрочем, победой России Нерчинский договор не стал — по нему мы вынуждены были уйти в то время с Верхнего и Среднего Амура. Юридически вернул нам эти земли лишь договор Айгунский.

Нерчинский договор разграничивал ряд сопредельных территорий и определял характер торговых отношений двух стран. Позднее

условия русско-китайской торговли были подтверждены Кяхтинским договором 1727 года.

Еще ранее — с 1712 года — Россия (опять-таки — единственная из иностранных государств) имела в столице Циньской империи постоянное представительство в виде Российской духовной миссии.

Интересная деталь: после Кяхтинского договора 1727 года китайские купцы вели торговлю с Россией по строгой «Инструкции», где, в частности, говорилось: *«Жадности в покупке русских товаров не иметь и в торговле не показывать, хотя бы кому и была крайняя необходимость»*.

Интересно и резюмирующее обоснование этого принципа: *«Ибо польза частная не должна заменять общей»*. Такой тезис в конкретном деловом, да еще и торговом документе, да еще для тех далеких времен — это, я вам скажу, вещь далеко незаурядная!

И если судить по этой цитате, то можно предполагать, что национальная солидарность для китайцев — понятие далеко не бесплотное. Однако если судить по их реальной истории, то можно прийти к выводу и прямо противоположному — уж очень часто Китай был раздроблен силами сепаратизма разного рода.

Какой же вывод будет соответствовать истинному положению вещей?

Пожалуй, тот, который основывается на многофакторности и неоднозначности китайского характера и китайского вопроса и который гласит: *«Многое зависит от многого»*.

При этом, забегая очень далеко вперед, скажу, что вот национальная солидарность японцев — это однозначно бесспорная черта островных соседей огромной Небесной империи.

Что же до Китая — тут все сложнее...

И ВОТ что хочется сказать мне уважаемому читателю! В этой книге нам надо поговорить о многом так, чтобы в результате сложилась широкая геополитическая картина развития жизни и отношений основных народов и государств Дальнего Востока и север-

ной зоны Тихого океана, а также и стран Европейского Запада в той части, в какой эти страны оказались причастны к проблемам Дальнего Востока...

То есть предметом разговора оказываются Россия и Китай, Россия и США, Россия и Япония, Япония и Китай, Япония и Корея, Япония и США, США и Китай, их двусторонние и многосторонние связи.

Нельзя забывать и об Англии, Франции, Испании, Германии, да и еще кое о ком...

При этом автору придется иногда отходить от последовательного рассказа, чтобы попытаться описать ситуации, объемные во времени и пространстве, в их системном многообразии.

Итак, отвлечемся на время от чистой истории и поговорим немного о национальном характере...

О человеке говорят: «Посеешь характер — пожнешь судьбу».

А народы? Думаю, что и их исторические судьбы определяются национальным характером далеко не в последнюю очередь.. Ведь национальный характер формируется порой тысячелетиями. И, один раз сформировавшись, он оказывается весьма устойчивым и плохо поддается трансформации даже в результате вселенских социальных катаклизмов.

Правда, скажу в скобках, что есть факторы, которые не изменяют в одночасье национальные характеры, но быстро *разлагают* их и заражают гниением всю мировую цивилизацию. Факторы эти — американизированная глобализация и телевидение типа «россиянского».

Но, заметив это, я тут уж далее отклоняться не буду, тем более что в конце XIX и начале XX века до глобализации и ОРТ с НТВ было еще далеко.

Итак, характер народа...

Каков он у народа, скажем, китайского?

Конечно, в определенном смысле китайский национальный характер — понятие достаточно условное, поскольку Китай на протяжении большей части своей истории был весьма неоднородным в разных своих частях.

Тем не менее определяющие черты общенационального китайского характера можно выделить и анализировать в той мере, в какой собирательный тип китайца оказался способным на создание целостного и выжившего в исторических передрыгах государства.

Китай имел развитую и, казалось бы, динамичную цивилизацию уже во времена, современные эллинистической и затем римской цивилизации. Однако Древние Греция и Рим к Средним векам давно исчезли как субъекты реального мирового исторического процесса, а Китай, по свидетельству академического источника, «огромный по своей территории, имел многочисленное население и славился высокой культурой земледелия, искусством ремесленников, трудами своих ученых и писателей...»

Тот же источник отмечает «развитие городов, городского ремесла и торговли, широкое применение таких крупных изобретений, как компас, порох, книгопечатание, значительное расширение оросительной сети и введение новых земледельческих культур».

Казалось бы, прекрасные показатели, причем не утраченные на протяжении более чем тысячелетия (вышеприведенная оценка относится к Китаю **X века н. э.**!).

Волна нашествий кочевой Степи не подкосила Китай (как это произошло со Средневековой Русью). Монографии сообщают: «Несмотря на многолетнюю и героическую оборону, Южный Китай подвергся завоеванию и в 1279 г. вошел в состав Монгольской империи, сильно китаизированной и имевшей своей столицей г. Пекин (*выделение мое.* — С.К.). Несколько десятилетий спустя монгольское иго в Китае было свергнуто силами мощного народного восстания».

И несколько позднее для Китая тоже все складывалось вроде бы неплохо... В начале XV века китайский дипломат и флотоводец Чжэн Хэ совершает семь плаваний, посещая Индокитай, Малакку, Малайские острова, Цейлон, Индию, Аравию, Африку.

Достижения, что и говорить, — впечатляющие. Даже на фоне лучших европейских океанских экспедиций той же эпохи.

Однако...

Однако проходит еще три–четыре века, и Китай не выдерживает никакого технологического сравнения с Европейским Западом. То же, впрочем, можно сказать и о самоизолировавшейся Японии.

И все же судьбы Японии и Китая со второй половины XIX века разнятся все более и более... А одна из причин разности судеб — разность национальных характеров.

Коснувшись здесь этой темы, я вернусь к ней, уважаемый мой читатель, еще не раз, потому что принцип спирали — не выдумка философов, а одна из черт социальной и интеллектуальной жизни человека.

Что же до китайского характера, то не следует ли признать одними из его определяющих черт — хотя бы в прошлом — неумение адекватно оценивать себя и свои усилия, а также удивительное сочетание прагматичности и авантюристичности (в широком смысле) во внешней и внутренней жизни?

И эти характерные черты Китая формировались на протяжении как минимум двух последних тысячелетий его истории.

ВОТ ВЕДЬ как получается...

Обозревая мировую историю, мы можем выделить только два феномена аномального развития: Индию и Китай.

Число крупных, устойчивых на протяжении значительных исторических периодов цивилизаций не так уж велико. При максимальном укрупнении можно выделить, пожалуй, четыре современных их типа: западная, славянская (носителем которой следует признать только Россию, взятую как итог лучших цивилизационных подходов советского периода), исламская и восточная (при всей несхожести сюда можно отнести Китай, Японию и Корею).

Вспоминая прошлое, мы к этому современному списку можем добавить второй, а именно: цивилизации древнеегипетскую, эллинско–римскую, «средневеково–американскую» (определяя так государства инков, ацтеков и майя), а также — древнеиндийскую и... древнекитайскую.

Только две последние цивилизации из второго списка не относятся к «мертвым» в чистом виде, имеют древнюю историю, непрерывность и национальное продолжение в современности.

Но вот же — несмотря на внешнюю непрерывность и преемственность цивилизационного существования на протяжении нескольких тысячелетий, ни Индия, ни Китай не реализовали потенции такого исключительно долгого, не имеющего других прецедентов исторического пути. Этому не может не быть вполне определенных объективных обоснований.

Каких?

О чем-то я сказал, о чем-то — еще скажу. Но вопрос сложен. Поиск основополагающих причин может оказаться и мало успешным. Тем не менее сам факт наличия феномена — налицо.

Индию мы сейчас отставим в сторону, и не только потому, что она географически и политически далека от Дальнего Востока, а потому, что Индия уже с середины XVIII века все более подпадала под иностранное (британское по преимуществу) владычество, а к началу XIX века превратилась в британскую колонию почти полностью (Северный Индостан был завоеван к середине XIX века).

Китай же был всегда юридически независим. И в тот период, когда западная цивилизация (а с началом петровских реформ — и Россия) бурно развивалась, Китай не имел других серьезных препятствий к собственному развитию, кроме препятствий внутренних. Поэтому Китай можно выделять в особый феномен цивилизационной истории человечества.

Для того чтобы стать одним из лидеров мира, Китай имел возможностей намного больше, чем, например, маленькая Голландия.

Но не стал им.

Почему?

Возможно, некий историко-психологический ключ отыскивается, так сказать, в синдроме Великой Китайской стены... Вот что написал в свое время советский разведчик, болгарин Иван Винаров: *«В Маньчжурии и дальше поезд шел вдоль Великой китайской стены. Это сооружение поражало своими масштабами. Эта стена высотой от 5 до 10 и шириной от 5 до 8 метров, длиной более 4 тысяч*

километров, построенная на отдельных участках в 4—3-м вв. до н. э., возвышалась над долами и горами. ...В это бессмысленное с военной точки зрения сооружение был вложен колоссальный человеческий труд... Никогда — ни в начале строительства, ни после его завершения — Великая китайская стена не была в состоянии остановить нашествие врагов...»

Винаров — не эксперт-историк, но оценка его интересна. Первые участки Великой Китайской стены создавалась действительно в 4—3-м веках до н. э., но реальная опасность со стороны кочевой Степи возникла через почти полторы тысячи лет. До этого кочевые волны не имели сил значительно распространяться вначале на восток (в Китай), а затем — на запад (на Русь).

Великая Китайская стена преградой для дикой Степи не оказалась. Все решило национальное сопротивление китайцев — как и на Руси. То есть сопротивляться Китай вроде бы умел...

Однако и с сопротивляемостью китайцев внешнему напору тоже все не просто. Читая описания действий союзного англо-французского экспедиционного корпуса во время «опиумной» войны 1856—1860 годов, я поражался неправдоподобно легким успехам европейцев.

За счет одного лишь превосходства в вооружении они быть такими не могли, тем более что «домашний» театр военных действий позволял китайцам и ночную, и засадную тактику, да и артиллерия — какая-никакая — у них была.

А в Пекин экспедиционный корпус вошел как стальной нож в размякшее масло. И это при том, что эпизодически китайцы вполне выказывали стойкость.

Но, черт побери, неужели же они так уж и не умели воевать, имея за много веков до «опиумных» войн такого военного теоретика, как Сунь Цзы?

Смотрели ведь в Китае на европейцев свысока — как на личностей нецивилизованных, «варваров» (которыми союзники себя, к слову, в Пекине и зарекомендовали). И поэтому испытывать панического страха перед ними китайцы вроде бы не должны были. В начале последней, третьей «опиумной» войны, 6 сентября 1860 года, им-

ператор И Чжу издал указ, где говорилось: «Эти вероломные дикари (англо-французы. — С.К.) осмелились двинуть свою разнузданную солдатню на Тунчжоу и объявить о своем намерении принудить нас дать им аудиенцию. Любая дальнейшая снисходительность с нашей стороны...», и так далее...

А вот же! Вскоре после этих грозных деклараций тридцатитысячная маньчжурская конница рассеивается «дикарями» почти без усилий... Китайская пехота не защищает артиллерийские батареи... Китайские батареи неприцельно бьют с постоянным перелетом, зато не ведут огонь в упор и т. д. В итоге при огромном численном перевесе, при знании местности — катастрофические потери и поражение...

Итак, может быть, дело в том, что Китай в прошлом — это способность к гигантской концентрации усилий с нередко минимальным, неадекватным результатом?

Возможно, что и так...

А как там с русским национальным характером и с русской исторической судьбой?

В споре с тем же Китаем в XIX веке мы — без особых все-таки усилий, без разрыва и войны — смогли с максимальным результатом отстоять свои естественные национальные интересы (потому что русская граница по Амуру и Уссури — естественная граница).

Не раз отстаивали мы и расширяли свои земли и естественные границы и в других местах планеты XIX века...

Но — во всех ли?

И ВОТ тут, уважаемый мой читатель, нам надо хотя бы на пару минут поднять взгляд от берегов Желтого и Японского морей и перевести его на обе стороны Берингова пролива...

То есть обратить наше внимание на Восточную Сибирь и те земли и острова, которые весь мир в свое время называл «Русской Америкой»...

Об истории ее основания, развития и бесславной продажи я написал книгу «Русская Америка: открыть и продать!»...

И там я писал о том, что уже после того, как Аляска, Алеуты, острова Прибылова, святого Матвея и святого Лаврентия были в 1867 году за бесценок проданы янки, газета издателя «Отечественных записок» Андрея Александровича Краевского «Голос» даже через несколько дней после получения сообщения из Вашингтона, в номере от 23 марта (4 апреля по новому стилю), называла его «невероятным слухом» и «злой шуткой над легковериим общества».

В номере от 6 апреля «Голос» писал:

«Лиха беда начало: сегодня слухи продают николаевскую железную дорогу, завтра — русские американские колонии; кто же поручится, что завтра не начнут те же самые слухи продавать Крым, Закавказье, Остзейские губернии? За охотниками дело не станет... Какой громадной ошибкой и нерасчетливостью была продажа нашей колонии Росс на берегу золотоносной Калифорнии; позволительно ли повторить теперь подобную ошибку? И неужели чувство народного самолюбия так мало заслуживает внимания, чтобы им можно было пожертвовать за какие-нибудь 5—6 миллионов долларов? Неужели трудами Шелихова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных для России людей должны воспользоваться иностранцы и собрать в свою пользу плоды их? Нет, решительно отказываемся верить этим нелепым слухам».

Однако и сама Русская Америка, и наши потенциально блестящие восточные перспективы были проданы и преданы императором Александром Вторым, его братом великим князем Константином и их ближайшим окружением...

Воля нескольких высоко сидящих ублюдков — вот и вся русская тихоокеанская и дальневосточная «геополитика» второй половины XIX века...

И безрадостную ситуацию не могло поправить даже расширение наших земель в сторону Тихого океана на Азиатском материке...

Глава 2 Дым опиума, королева Мин и «черти из-за Восточного моря»...

ДА, НАШИ амурские успехи мало что меняли в общей негативной оценке ситуации уже хотя бы потому, что эти успехи были итогом не столько осмысленной и решительной государственной линии, сколько результатом личной инициативы, поддержанной (отдадим ему должное) императором Николаем Первым. Тут достаточно вспомнить слова князя Кропоткина о графе Муравьеве-Амурском.

Сыновья Николая — император Александр и великий князь Константин — и Русскую Америку «сдали», и к русскому Дальнему Востоку особого интереса не проявили.

Граф Муравьев-Амурский продажу русских американских владений катастрофой, правда, не считал — в надежде на то, что после петербургского отказа от Аляски и Алеут последует расцвет Дальнего Востока. Однако патриоты России рассчитывали на это напрасно.

Не более интересовался этими своими владениями и Александр Третий... Я предоставлю тут слово человеку, к проблеме причастному и знакомому с ней по личной судьбе, — Леониду Михайловичу Старокадомскому, врачу полярных экспедиций на «Таймыре» и «Вайгаче» в 1910—1915 годах и автору книги «Пять плаваний в Северном Ледовитом океане». Вот что он сообщает:

«Особенно тревожным было положение на самом крае русской земли — на Чукотке и Камчатке. Здесь бесконтрольно бесчинствовали иноземные, главным образом американские, торговцы-хищники.

Еще в середине прошлого века американские зверобои проникли в воды Берингова и Чукотского морей. Они беспощадно истребляли китов, моржей, котиков, завязывали грабительскую меновую торговлю с чукчами и эскимосами. После покупки у России Аляски эта новая американская колония стала базой контрабандной торговли с русским Дальним Востоком (Эх! — С.К.). Не было такой подлости, какую бы не использовали предприимчивые иноземцы, чтобы грабить коренное население. Они спаивали чукчей и камчадалов, выменивали драгоценную пушнину на безделушки, сбывали бросовые товары, совершали набеги на лежбища морского зверя, увозили женщин из стойбищ (можно представить, что они нелегально, «контрабандно» творили в Русской Америке в первой половине XIX века! — С.К.). Пользуясь беззащитностью далекой русской окраины, американские фирмы начали организовывать на чукотском берегу, и даже в тундре, свои торговые фактории, многочисленных русских торговцев превращали в свою агентуру. Вместе с тем, действуя через подставных лиц, аляскинским синдикатам удалось получить монопольное право на эксплуатацию горных богатств Чукотки. Сюда хлынули толпы проспекторов-золотоискателей и всякий сброд любителей легкой наживы. По существу, Чукотка и другие дальневосточные окраины были на грани полного захвата их иноземными хищниками и отторжения от России...»

То есть даже к концу XIX века Дальний Восток был чем-то для царской самодержавной России инородным. Это тонко уловил чутьем наблюдательного и человеческого писателя Антон Павлович Чехов, который в своем очерке «Остров Сахалин», относящемся к 1890 году, признался:

«Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или в Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам (а к тому времени таких хватало в возрасте уже за тридцать лет. — С.К.), что

Пушкин и Гоголь тут непонятны и никому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами.. Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о политике, о русском правительстве, о русском искусстве...»

В чем дело?

Думаю, здесь многое шло от чувства заброшенности, от равнодушия к русскому Дальнему Востоку высшей русской власти.

А это равнодушие продуцировало — как ни крути — и равнодушие к Дальнему Востоку общественного мнения в европейской части России.

Вот это равнодушие России к Амурскому краю и порождало уже ответное равнодушие значительной части амурцев к России.

Несмотря на опасения «Голоса» Краевского в 1867 году, если бы царь вслед за Русской Америкой решил продать, скажем, Крым, или Кавказ, или даже Курляндию, не говоря уже о Петербургской губернии, то даже самый махровый реакционер взялся бы, пожалуй, за оружие! Такого царя просто свергла бы гвардия под рукоплескания публики. И даже Победоносцев не нашел бы слов для осуждения и возражений.

Плевать же на русский Дальний Восток позволялось... И особого интереса к нему в России не было, а потому, повторяю, и становилась возможной, и укреплялась та ответная реакция, которую описал Чехов.

Но Антон Павлович наблюдал уже последствия, а за десяток-полтора лет до его поездки ситуация лишь формировалась...

И ФОРМИРОВАЛАСЬ ситуация глупая, недержавная, недалёковидная. И это при том, что дальневосточный фактор в общерусском перспективном геополитическом потенциале мог быть очень значимым. Мы могли и были обязаны закрепить за собой Сахалин и Курилы, а в рамках идеи о незамерзающей базе флота в подмогу Владивостоку — закрепиться в Корее. Последнее было не только желательным, но и разумным, и возможным, что станет ясно из дальнейшего...

Да, хотя бы после утраты Русской Америки можно было встряхнуться и не упускать контроль над развитием дальневосточной ситуации. Конечно, для этого надо было вкладывать в дальние земли соответствующие средства.

Ведь даже после Крымской войны, в семидесятые–восемидесятые годы позапрошлого столетия, на северо–востоке Тихого океана у России по–прежнему не было серьезных в военно–политическом отношении соперников.

Китай все более ослабевал, все более подчиняясь воле чужеземцев. Это не означало, что России надо было позволять себе в Китае то же, что и Западу. Но внятно указать китайцам на разницу в поведении Запада и России по отношению к ним надо было!

Скажем, Маньчжурия очень соблазнительно вдается в территорию России, и, глядя на карту, невольно хочется этот выступ спрямить. Но эти земли лежали за Амуром, и их включение в пределы России было бы цивилизационно еще более глупой акцией, чем включение в состав России чисто польских земель — славянских лишь внешне.

В пограничной с Китаем зоне Дальнего Востока России к концу XIX века должно было хватать той России, которая у нас уже была. И не пример унижающих и эксплуатирующих Китай чужеземцев должен был вдохновлять нас тут.

Сами эти чужеземцы — англосаксы и французы — усиливались в Китае прежде всего экономически, потому что серьезной — по европейским меркам — военной силы на Дальнем Востоке им тогда для обеспечения своего влияния и не требовалось. Да и не могли они тогда в ту зону их направить. «Войны» французов и англичан с Китаем в рамках «опиумной» политики на рубеже 50—60-х годов велись небольшими силами и были, по меткому определению историка Р. Светлова, «полицейскими войнами» ограниченного масштаба.

В первой главе я писал о неправдоподобно легких успехах англо–французского экспедиционного корпуса во время китайской войны 1856—1860 годов. Так вот, они, возможно, и были неправдоподобными в полном смысле этого слова.

Уж очень малыми оказались потери европейцев, зафиксированные историками по союзным реляциям. Но так ли легко все было на деле и так ли уж и без боя решалась судьба Китая? Интервентам всегда и везде проще свалить потери на «генерала Зиму», на «генерала Жару», на «маршала Тиф», чем на упорство туземцев. А еще проще и выгоднее их просто замолчать.

Если бы англичане и французы шли по Китаю только прогулочным шагом или парадным маршем, то уж взяли бы да и прошли его из конца в конец хотя бы в целях грабежа. Они этим занятием очень увлекались и, войдя в Пекин в 1860 году, поставили разграбление императорских дворцов на прочную коммерческую основу. Грабили деньгами и «натурой», потом все подсчитывали, перепродавали, а потом перераспределяли прибыль между офицерами и солдатами.

Однако вряд ли так просто было ограбить весь Китай. И еще сложнее было бы его оккупировать. К военной оккупации Центрального и Южного Китая не стремился Запад. Ничего хорошего она не дала бы и России в Китае Северном.

Грозить Китаю агрессией — это было бы для России делом глупым и ненужным. А вот сослаться в разговорах и переговорах с китайцами на принципиальную нашу готовность оградить русские интересы военной силой не только по русскую сторону Амура и вести себя в этом вопросе с ними жестко — можно было. Прецедент создавал Запад.

А в отношении англичан, янки и французов можно было намекать на принципиальную нашу готовность как усилить в военном отношении китайцев, так и направить в подмогу им *своей* экспедиционный корпус.

Германия в 80-е годы России на Дальнем Востоке помехой быть не могла — новая Германия Бисмарка только нащупывала там прочные позиции... Она скорее нуждалась в нас, чем была готова мешать в тех наших намерениях, которые были бы для нас разумными.

Япония лишь начинала свой мощный путь к новой своей судьбе,

вытекающей, как мы это попозже увидим, из ее судьбы прошлой намного более логически, чем это могло показаться на первый взгляд... Не все ведь на Тихом океане относились к своей истории и к своим историческим перспективам так глубоко наплевательски, как это продемонстрировала официальная царская Россия... Но и Япония тогда была еще весьма слаба — как экономически, так и, особенно, в военном отношении. У нее тогда даже флота мало-мальски весомого не было!

Тем не менее в 1875 году Япония, сняв свои — ничем не обоснованные — «претензии» на Южный Сахалин, получила от России Курилы. Как можно относить хоть какую-то часть Сахалина к Японии — лично я ума не приложу. Хотя южный кончик Сахалина и отделяется от японского острова Хоккайдо узким проливом Лаперуза, Сахалин настолько очевидно прилежит к России, что тут просто не о чем говорить! Увы, для Александра-«Освободителя» и его брата освобождение России от ее тихоокеанских владений стало чем-то вроде семейного развлечения.

Однако жизнь продолжалась... После утраченной Русской Америки у России оставалось благоприобретенное Приамурье. Значит, так или иначе, но продолжались континентальные отношения с Китаем.

Волей-неволей нельзя было забывать о Японии, да и о маленькой, но непростой и древней Корее помнить тоже не мешало...

Главной же текущей дальневосточной проблемой пока оставался Китай, который — пусть особо и не развиваясь — оставался все же Китаем.

И поэтому вернемся опять немного назад...

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, имперская маньчжурская династия Цин на протяжении двухсот с лишним лет относилась к России весьма высокомерно и порой — *до забавного* неадекватно. Так, маньчжурские правители Китая долго причисляли Россию к своим «вассальным» государствам и сносились с ней через свой «Трибунал по делам вассалов».

С другой стороны, отношение России к своему соседу всегда отличалось в выгодную для Китая сторону по сравнению с его отношениями с другими мировыми державами. Это отмечал уже Карл Маркс в 1857 году в передовой статье «Нью-Йорк дейли трибюн»:

«У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане ... лишены привилегии непосредственной связи даже с наместником Кантона ... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря... Русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю».

Действительно, к первой трети XIX века иностранное проникновение в Китай с моря — прежде всего англичан и американцев — приобрело не только широкий, но и вполне зловеший характер. В Китай стали массово ввозить опиум (в 1839 году — около 160 тысяч пудов, т. е. примерно 2500 тонн!).

В первой половине декабря 1817 года среди китайских купцов, ведущих торг с русскими в забайкальской Кяхте, распространился слух (как оказалось впоследствии — ложный) о начале военных действий англичан против Китая, о захвате ими открытого южнокитайского порта Кантона и прочем...

В связи с этим сибирский генерал-губернатор Иван Борисович Пестель доносил Александру Первому в рапорте от 14 (26) февраля 1818 года:

«Судя по давнишним покушениям англичан на завладение кантонским торгом, который с обеими Индиями легко соединиться может, соображая, что так называемое Желтое море, окруженное восточными и северными берегами Китая и берегами Татарии и Кореи, зависящими от китайцев, из коих в последней много золота и серебра, были всегда предметом приманчивым для алчного английского торгового духа, я полагаю, что присланные известия хотя и не

достоверны, но в некоторых отношениях более нежели вероятно быть могут...»

Тут Иван Борисович оказался просто провидцем, точно определив перспективную «китайскую» программу Британии, где опиуму для китайского народа отводилась вполне определенная и немаловажная роль.

Один мой знакомый — московский политолог — в широком распространении опиумокурения среди нескольких поколений китайцев усмотрел чуть ли не основную причину того, что Китай оказался не способен на тот мощный цивилизационный рывок, который совершила в конце XIX века Япония... Что ж, мысль — заслуживающая, как минимум, внимания... Опиумный дым действительно затмил Китаю немало исторических перспектив.

Уничтожение иностранных запасов опиума в Кантоне стало поводом вначале к первой англо-китайской «опиумной» войне 1839—1842 года, а затем — второй, англо-франко-китайской, длившейся с 1856 по 1860 год. О некоторых ее моментах я уже рассказывал.

Англию неизменно поддерживала Америка, так же неизменно тесня английского «старшего брата» с его дальневосточных позиций.

Уже в 1842 году Китай после поражения в первой «опиумной» войне подписал первый **неравноправный** (в отличие от договоров с Россией) Нанкинский договор с западной иностранной державой — Англией.

В 1844 году «под шумок» английской «опиумной» победы свой первый договор Китаю навязывает Франция. Его подписывают на борту французского корабля в бухте острова Вампу близ Кантона.

В отличие от Японии Китай никогда не вводил режим самоизоляции. Однако оценки Китаем внешнего мира были до удивления неадекватными — особенно с момента воцарения в Китае с 1644 года цинской династии вплоть до конца XIX века. И даже позднее (!) китайские политические мыслители и историки говорят в своих трудах об «английских, американских и прочих варварах» — как это характерно для капитального труда с характерным названием «Чо-

убань иу ишимо» («Начало и конец всех дел с варварами»), посвященного внешнеполитической деятельности цинского правительства и охватывающего по времени большую часть XIX века.

Однако по мере хода лет в этом веке делам китайцев с «варварами» не было видно ни конца ни краю...

НАНКИНСКИЙ договор открывал для английской торговли 5 китайских портов, Гонконг переходил во владение Англии, Китай уплачивал 6 миллионов долларов за уничтоженный опиум плюс 15 миллионов долларов контрибуции (для сравнения — по Вашингтонскому договору 1867 года Россия уступала США Русскую Америку всего за «семь миллионов двести тысяч долларов золотой монетой»).

В 1843 году Англии дополнительно предоставляется право экстерриториальности и ряд таможенных льгот. В крупнейших городах Китая стали создаваться сэттльменты (экстерриториальные поселения), которые можно рассматривать как своего рода прообраз современных «свободных экономических зон».

Суть, во всяком случае, была схожей: все более прочная и неравноправная привязка Китая к Западу.

В 1844 году, угрожая войной, уже Соединенные Штаты принуждают Китай к подписанию Вансянского договора с предоставлением привилегий еще более широких, чем для Англии.

В споре из-за Аннама (Вьетнама) Китай проиграл и Франции. Соответственно, в 1885 году с ней заключается новый неравноправный договор.

Причем надо заметить, что особых недоразумений друг с другом из-за Китая у Англии, Франции и США не было. Жирных кусков хватало на всех, драться смысла не было — бери сколько сможешь.

Суть же «китайской» политики России видна из указа императора Китая в период второй «опиумной» войны: «Русские в течение многих лет поддерживают с Китаем дружественные связи, их следует принять в первую очередь, с оказанием почестей, как гостей».

Конечно, от идиллии все это было далеко, но эпизод с этим указом можно считать показательным. Попадая в сложное положение вследствие своекорыстной империалистической линии западных держав, Китай мгновенно запрятывал спесь подальше и оценивал дружбу с Россией адекватно, то есть высоко и с пониманием ее жизненной для Китая необходимости.

Но даже в тяжелые для себя годы Китай не стремился к паритетности, не был нам благодарен, а лишь старался использовать Россию в своих интересах — всегда готовый от России отвернуться при малейшей готовности Запада к подачкам. Говоря по чести, России временами доставались фальшивые улыбки, а экономические и политические выгоды, причем односторонние, получал Запад.

В 1854 году американская эскадра коммодора Перри «вскрыла» Японию. Вскоре после этого началась «незавершенная» японская «революция–реставрация» Мэйдзи» 1867—1868 годов.

Разные, наверное, были тому причины, но после насильственного приобщения Китая и Японии к западной цивилизации судьбы двух великих восточных народов складывались очень по-разному.

Китай впадал в кризисы.

Япония начала бурно развиваться.

В конце XIX века Китай потерпел поражение в китайско–японской войне, спровоцированной Японией, но желаемой также и Китаем. Чтобы понять суть позиции Китая, достаточно процитировать указ, изданный от имени вдовствующей императрицы (точнее — перманентной регентши) Цы Си: *«Кто мог предвидеть, что коротыши (японцы. — С.К.) осмелятся втянуть нас в войну и что с начала лета они вторгнутся в пределы государства, нашего данника (имеется в виду Корея. — С.К.)... У нас не было иного выхода, как вынуть меч и начать карательную кампанию».*

Японию поддерживали англосаксонские страны — Англия и Америка. Даже чисто теоретически возможный союз трех дальневосточных держав — Китая, Японии и России — их, безусловно, страшил. Сталкивать Японию с Россией было еще рано, а вот с Китаем — самое время.

Франция и Германия держались при своих интересах.

И Китай обратился тогда к России (впрочем, ни на какую другую державу, как на дружественную, Китай никогда рассчитывать и не мог как до этого случая, так и после).

22 мая 1896 года, после успешных переговоров в Москве, был подписан секретный договор об оборонительном союзе, направленном против возможного нападения Японии на Китай или Россию. Как показали ближайшие годы, реального значения он не приобрел, но и в этом случае общая тенденция была заявлена достаточно выразительно.

В отношениях с Китаем во второй половине XIX века Россия обеспечивала, по сути, свои естественные геополитические интересы, закрепляя и укрепляя статус пограничных с Китаем российских земель.

Последнее было, надо сказать, нелишним — русские исследователи золотых запасов Амуро-Приморского района Л. Тове и Л. Иванов оценивали контрабандную утечку золота с русской территории в Маньчжурию в конце XIX века на уровне 100 пудов (1,6 тонны) в год.

Не так уж и мало. Тем более что реально цифра была наверняка еще внушительнее.

Весьма значительной становилась и постоянная китайская миграция в наш Уссурийский край. Миграционный процесс оказался сложным и неоднозначным уже потому, что работающих китайцев эти места привлекали теперь именно в силу новых обстоятельств — русская колонизация давала им новые возможности, в том числе и рабочие места.

Все же, в отличие от стран Запада и Японии, Россия долгое время не проводила в Китае империалистической политики, и межгосударственные связи базировались на взаимной торговле.

Начало новой политики России в Китае (да, можно сказать, и на Дальнем Востоке вообще) датируется точно — 1896 год.

Тогда Пекин отправил в Россию чрезвычайное посольство на коронацию Николая Второго. Проходила она в Москве, и там-то первое лицо сановного Китая — Ли Хунчжан, министр иностранных

дел России князь Лобанов–Ростовский и министр финансов Витте как раз и подписали тот Московский договор, где стороны секретным образом договорились, кроме прочего, и о проведении в жизнь «широко задуманного» плана Витте — концессии на постройку Китайской Восточной железной дороги, КВЖД.

Об этих четырех буквах (или четырех «картах»?), обошедшихся России более чем дорого, мы впоследствии поговорим подробно.

На рубеже XIX—XX веков Россия принимает участие в империалистической интервенции восьми стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония, Австро–Венгрия, Италия и Россия) в Китае с целью ликвидации мощнейшего общенационального Ихэтуаньского (т. н. «боксерского») восстания...

Жестокое его подавление окончательно превратило Китай в интернациональную полуколонию. По так называемому Боксерскому протоколу от 7 сентября 1901 года Китай, в частности, обязывался до 1940 года выплатить контрибуцию в 450 млн лян, с увеличением ее за счет 4% годовых до 982 млн лян.

450 миллионов лян — это примерно 600 миллионов русских рублей того времени. Сумма приличная...

Каждое иностранное посольство получило право содержать национальную военную охрану при общей численности охраны до 2101 человека с 30 орудиями и 30 пулеметами.

Что же касается «китайской» политики России после участия в интервенции против Китая, то ее хорошо характеризует оценка Ленина, данная в реальном масштабе времени: *«Политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство»*.

Движение ихэтуаней не было по своей сути прогрессивным — его идеи вообще отвергали прогресс на европейский манер. Но это движение было справедливым и оправданным в своей главной идее. Китай должен принадлежать китайцам, и его потенциал — развитой ли, неразвитой — должен использоваться на благо народа Китая, а не европейцев. И с этой идеей, говоря по чести, не согласиться нельзя.

Поэтому антибоксерская интервенция — это исключительно позорная страница в истории западной цивилизации и России. Однако для Запада эта интервенция была единственной возможностью сохранить тотальное доминирование в Китае, экономически для Запада крайне выгодное — ведь обосновался к тому времени иностранный капитал в Китае со вкусом.

Хотя...

Хотя неудобства и конфликты не исключались. Так, первая германская компания появилась там в 1842 году, но в 1919 году, после поражения Германии в Первой мировой войне, другим собственникам были переданы 273 германские фирмы.

К 20-м годам XX века по данным Китайского национального банка позиции иностранного капитала были таковы:

Страна	Капитал в млн \$	Число зарегистрированных фирм
Франция	?	181
Германия	100	319
США	200	574
Япония	1000	8926
Великобритания	1750	682

Думаю, уважаемый читатель, что особой нужды комментировать эту таблицу нет. Разве что можно прибавить, что Англия и Франция в Китае влияние постепенно утрачивали, а остальные члены компании, представленной в таблице, свое влияние укрепляли.

Немцы и американцы действовали маркой и долларом, а японцы подкрепляли иену штыком. При этом янки не только напористо внедрялись в Китай, но, проявляя дальновидность, очень внимательно и умно к Китаю приглядывались.

Вот пример из времен не очень близких, но и не очень давних... В начале 30-х годов XX века в Китай приехал со своего рода инспекцией финансовый магнат из Бостона Рассел Грин Фессенден.

Ему было поручено разработать для Белого дома генеральные направления политики США в Китае на ближайшее десятилетие. Сообщивший это немецкий публицист Юлиус Мадер даже в 80-е годы XX века подчеркивал: «Меморандум Фессендена и по сегодняшний день опубликован приблизительно только наполовину, остальное осталось за плотными дверями кабинетов сенаторов и менеджеров в качестве вспомогательной информации».

XX век нес Китаю не просто какие-то «сезонные» изменения в политической погоде, но явно обещал полную перемену политического климата. Маньчжурская династия выдыхалась, Китай начинали разъедать язвы селаратизма. Да и социальные язвы растревались все сильнее.

И еще до нашего Октября 1917-го — 10 октября 1911 года в Китае началась революция. В 1912 году образовался Гоминьдан Сунь Ят-сена — деятельная партия не только национальной буржуазии, но и вообще всех китайских националистов, в том числе левого толка.

К СОЖАЛЕНИЮ, мы, европейцы, заражены неким европоцентризмом. Все, что происходило не в Европе или в Америке, — это, в нашем представлении, немного «не той системы», это не так «первосортно» по значению для судеб мира, по накалу страстей, по увлекательности, наконец...

Возможно, впрочем, я возвожу напраслину на других, переваливая со своей головы больной да на здоровые головы читателей?

Что ж, если так — виноват. Но что касается меня, то надо было «въехать» в историю «желтого» Востока, работая над этой книгой, да еще и самому побывать в Китае, чтобы понять — ничем накал и закрученность восточных исторических страстей не уступают европейским.

«Котел» истории давно кипел (да и кипит) в Китае, Японии и Корее бурно и непрерывно... И кипит он тем более бурно, что политические «дровишки» в огонь под этим «котлом» то и дело подбрасывали и подбрасывают отнюдь не только сами азиаты.

Я все это к тому, что в десятые годы XX века, в преддверии Первой мировой войны в Европе, Дальний Восток вообще и Китай в частности были тоже накануне важнейших событий далеко не регионального значения. И в Китае, и на всем Дальнем Востоке шли такие процессы, которые в перспективе меняли лицо мира ничуть не менее значимо, чем процессы, шедшие на пространствах по обе стороны от Ла-Манша до Волги и до Потомака...

Маньчжурская цинская династия, по сути, себя исчерпала... Регентша Цы Си (стерва, пардон, еще та), придворная клика и чиновничество (или — «чиновничество»?) империи, находящейся в стадии завершающего маразма, ситуацию уже не контролировали.

Впрочем, сами-то они так не считали...

За семь лет до начала нового века Китаю пришлось пройти испытание войной с Японией, и он этого испытания не выдержал.

Китаю, правда, «помогли» тогда как-то выпутаться из ситуации Россия, Германия и Франция, однако поражение в китайско-японской войне 1894—1895 годов было стратегическим предвестием конца монархии. На рубеже веков Китай сотрясало то Ихэтуаньское восстание, которое задавили лишь объединенными усилиями коронованной и «демократической» сволочи со всего мира.

Впрочем, опыт взаимодействия верховной власти Китая и Запада для подавления широких народных движений был накоплен уже до этого. Уже для подавления движения тайпинов, пик которого пришелся на годы после последней «опиумной» войны, режим Цы Си привлекал «всегда побеждающую армию» под началом англичанина Гордона.

Сегодня даже в России некоторые историки пытаются представить Цы Си умным, дальновидным и тонким политиком. И в их изображении Цы Си напоминает некий китайский аналог русской правительницы Софьи — амбициозной сестры будущего Петра Великого. И некое сходство тут, пожалуй, усматривается — в полной неспособности режима Цы Си (как и режима Софьи) предотвратить деградацию собственной страны. А Китай — держава потенциально великая — деградировал.

Уродливость общественных процессов в нем и проявилась в буйствах ихэтуаней. Но еще до этого восстания в Китае произошло несколько событий — некоторые из них имели далеко идущие последствия...

Так, за четыре года до восстания, в 1895 году, министр финансов России Витте (опять и опять — он!) устроил для Китая заем под русской гарантией на парижском денежном рынке (читай — при участии еврейских банкиров Франции) и создал Русско-китайский банк.

В 1896 году по уже упомянутому договору с Россией, инициатором которого был все тот же Витте, Китай соглашается на проведение по его территории в Северной Маньчжурии одного из участков русской Сибирской железной дороги — знаменитой впоследствии КВЖД (расшифровка этой аббревиатуры читателю уже известна).

В ноябре 1897 года в провинции Шаньдун были убиты два католических миссионера — как раз в той зоне, где католические духовные миссии находились под покровительством Германии... Берлин давно искал повод для действий определенного рода, и повод теперь был... Германская эскадра вошла в бухту Цзяочжоу и высадила десант. В начале марта 1898 года Германия заключила с Китаем договор об аренде района Цзяочжоу сроком на 99 лет. Так создавалась опора рейха в Китае — военно-морская база Циндао.

Вскоре, 27 марта 1898 года, уже Россия по конвенции с Китаем получила на 25 лет в аренду порт Люшунь (Порт-Артур) и порт Дальня (Дальний). И этот факт мы выделим особо, потому что о нем нам предстоит немало поговорить в дальнейшем.

В соответствии со статьей 4 конвенции на арендуемой территории «все военное командование сухопутными и морскими силами, а равно и высшее гражданское управление будет всецело предоставлено русским властям...»

Порт-Артур объявлялся исключительно военным портом с правом использования только русскими и китайскими судами.

Порт Дальний за исключением одной внутренней бухты, оставленной для военных целей, объявлялся статьей 6 конвенции «от-

крытым для иностранной торговли», и открытый доступ в него предоставлялся «коммерческим судам всех наций».

Просто наблюдать такие шаги Германии и России просвещенная Европа, конечно же, не могла. И 30 мая 1898 года под видом «аренды» Англия захватила порт Вэйхайвэй в провинции Шаньдун и полуостров Цзюлун.

Чуть позже «арендовала» Гуанчжоувань на юге Китая Франция.

Япония, одержав над Китаем легкую военную победу, все более активно — хотя пока еще и не очень широко — резвилась по всему Китаю, особенно «увлекаясь» Маньчжурией.

Соединенные Штаты в рамках «политики открытых дверей» (точнее — открытых *ими чужих* дверей) заняли в товарообороте Китая к концу XIX века третье место.

Формула «открытые двери» впервые появилась в инструкциях чрезвычайного посольства Кашинга, отправленного во времена президента Тейлера в Китай.

Кашинг прибыл в Китай, в Макао, на 4 военных кораблях 24 февраля 1844 года, и нельзя сказать, чтобы все дела обделал без труда. Лишь 3 июня в Ванься был подписан первый американо-китайский договор.

Зато был он — хоть куда! И это при том, что военным могуществом США — тем более на Тихом океане — тогда и не пахло. Однако для янки было открыто пять портов, в них назначались американские консулы, граждане США получали права экстерриториальности, а что уж говорить о таможенных льготах!

Янки открыли двери в Китай не совсем в той манере, в какой «медвежатник» открывает банковский сейф, — силенок для этого было маловато. Но золотых долларов хватало — ведь за спиной США стояла Золотая Элита. Она с момента создания США обеспечивала им всегда и во всем режим наибольшего благоприятствования. И поэтому «китайские» дела янки неизменно процветали.

После упомянутой выше серии «аренд» Британия забеспокоилась и предложила янки как-то совместно отреагировать на новую ситуацию. Но до поры до времени «младший» — заокеанский «брат», как и за семьдесят с лишком лет до этого в случае с доктри-

ной Монро, предпочел ввести в оборот единолично американскую доктрину госсекретаря Хэя, которая известна также как доктрина «открытых дверей».

«Бескорыстным» и «высокоморальным» янки и долларов не надо — дай им только о других народах позаботиться... Вот и тут предложение «сохранить во всех частях Китая открытый рынок для торговли всего мира» объяснялось ими желанием «провести административные реформы, настоятельно необходимые для сохранения целостности Китая». Именно это было сказано в ноте, подготовленной для Хэя специальным советником госдепартамента — востоковедом, дипломатом и, по совместительству, разведчиком Уильямом Вудвиллом Рокхиллом.

6 сентября 1899 года нота была направлена правительствам Англии, Германии и России, а вскоре — и Франции, Италии и Японии.

3 июля 1900 года — уже во времена восстания «боксеров»-ихэтуаней — появилась вторая нота Хэя с призывом придерживаться «принципа равной и справедливой торговли во всех частях Китайской империи».

Какой прогресс, надо заметить! От «тарифов абсурда» в начале XIX века Штаты пришли под конец этого века к политике «равной торговли». Правда, «тарифы абсурда» не пускали чужих на рынок США. А доктрина Хэя была ключом янки к чужим рынкам. Но это была деталь «малозначащая». Не так ли?

В нотах Хэя говорилось о реформах...

И они Китаю — пусть и не в редакции Хэя — были действительно необходимы.

В САМОМ преддверии Ихэтуаньского восстания, в 1898 году, молодой император Гуансюй рискнул пойти на реформы. Риск был не в том, что реформы могли оказаться несвоевременными, а в том, что им упорно противилась уже помянутая выше клика его тетки — 63-летней императрицы-регентши Цы Си.

Собственно, и Цы Си о реформах рассуждала весьма громко —

как и царица Софья в допетровской России. Но «гладко было на бумаге»...

Главной фигурой короткого периода «Ста дней реформ» (с 11 июня по 21 сентября) стал лидер движения «обновления» сорокалетний философ Кан Ювэй (автор трактатов «Тонкости в учении Мэн Цзы», «Исследование идей Конфуция об изменении общественного строя» и др.).

За «Сто дней» было издано более 50 указов: о поощрении промышленности, о развитии сельского хозяйства, об открытии университета, о строительстве железных дорог, об усилении армии и т. п.

Увы! Герои любых «Ста дней» не очень-то, похоже, везучи. 21 сентября Цы Си произвела очередной (не привыкать!) переворот, арестовала Гуансюя, от его имени издала указ о возобновлении ее регентства, прекращенного с началом ученых «реформ», арестовала «реформаторов», казнив шестерых из них.

Но Кан Ювэй упустила. Автор трактата «О великом единении» успел бежать и стал за границей главой... монархической партии. Что ж, с философами — от большого ума — такое случается.

Забегая вперед, скажу, что в 1911 году Кан Ювэй решительно выступил против революции Сунь Ят-сена и против него самого, а в 1917 году, за десять лет до смерти, участвовал в неудачном монархическом путче милитариста Чжан Сюня, пытавшегося восстановить на престоле маньчжурского императора Пу И (значительно позднее это сделали японцы).

Неудачные реформаторы потерпели крах прежде всего, конечно, потому, что много философствовали на манер русского Манилова и мало действовали. Свое гнусное значение сыграло — как тоже случается нередко — и вульгарное предательство командующего Бэйянской (Северной) армией тридцатидевятилетнего генерала Юань Шикая.

Не первый (и, увы, не последний в истории государств и народов) генерал-предатель получил в награду пост губернатора Шаньдуна, а после активного участия в подавлении Ихэтуаньского восстания стал губернатором столичной провинции Чжили.

В 1908 году Цы Си скончалась, а через три года началось Учанское восстание — пролог китайской Синьхайской революции.

Началась она в 1911 году, в год «синьхай» по старому китайскому календарю, отсюда и название. Последней каплей стало принятие цинским правительством акта о... национализации железных дорог. Фактически это означало передачу железных дорог в провинциях Сычуань, Хуюэй и Гуандун иностранному консорциуму.

10 октября 1911 года восстали солдаты 8-го саперного батальона в Учане — с того и пошло. К концу года императорская власть в стране полностью себя исчерпала.

Революция сделала вначале премьер-министром пекинского правительства, а затем и временным президентом Китая не кого иного, как... Юань Шикая. Собственно, вначале временным президентом был провозглашен 29 декабря 1911 года Сунь Ят-сен, вернувшийся из эмиграции. Но Юань Шикай добился от него отказа от президентства в свою пользу.

Потом генерал установил военную диктатуру, а позднее даже пытался провозгласить себя императором. Все это политическое фокусничество с удовольствием поощряли и Запад, и Япония... Да и без благословения самой китайской буржуазии (не такой уж и слабой к тому времени) все это вряд ли было бы возможным.

Чудны дела твои, Господи, но дела Капитала еще, пожалуй, чудеснее...

Китай Юань Шикая вряд ли можно было назвать Китаем в полном смысле этого слова, ибо к тому времени он как единая держава начинал уже распадаться... В китайских портах высаживались иностранные десанты.

Одновременно активизировался Гоминьдан Сунь Ят-сена (и за три года до своей смерти, в 1913 году, Юань Шикай объявил Гоминьдан вне закона).

Распоясывались понемногу и генералы-милитаристы.

В великом по своему комплексному потенциалу Китае начиналась очередная многолетняя и изнуряющая смута, которую не умаляли большие и малые интервенции, а прежде всего — интервенция японская.

НЕСПОКОЙНО было и в маленькой, но древней Корее. И как раз в Корее завязался тот узел взаимных русско-японских противоречий, который потом затягивался все туже и туже...

Король Кореи, провозгласивший себя в конце XIX века после ряда иезуитских подзуживаний императором, был тогда формальным вассалом императора Китая (о чем напоминал и указ Цы Си накануне китайско-японской войны).

Фактически же Корея была от Китая независима. Но в перспективе дело шло к зависимости от Японии. Однако Корея могла стать и зоной разумного влияния России в том случае, если бы мы пришли в Корею вовремя и значимо — почти сразу после того, как отказались от Русской Америки.

То есть — в конце 60-х или в самом начале 70-х годов... Конечно, наших отношений с режимом Цы Си это не улучшило бы. Ну и что? С Россией из-за Кореи маньчжурская династия воевать не стала бы не только по причине своей фактической крайней слабости, но и потому, что японцы в Корее справедливо воспринимались как оккупанты, а русские могли быть восприняты как гарант стабильности.

Еще более перспективно такой вариант выглядел бы, естественно, при *сохранении* нами Русской Америки. Да и было бы все это — при ее сохранении — еще более возможным! При умной русской внутренней и внешней политике сил бы тут хватило на все. Ведя европейскую войну за свободу «братушек», Россия влезала в миллиардные внешние долги. Отказ от идиотской европейской политики сразу же давал бы средства для захватывающих дальневосточных проектов.

Увы, не для квази-русских «бар Романовых» и тяжеловесного Александра Третьего это было возможным и доступным для понимания и осуществления.

А вот **Россия** такое вполне могла бы осилить!

Эх!

Позднее, когда время было упущено, Россию в Корею настойчиво толкали многие, и Витте — в том числе. Хотя основное направление, задаваемое Витте, было маньчжурским.

Цели у него были, скажу прямо и заранее, провокационными и антирусскими. Результатом здесь могло стать только возникновение и развитие русско-японских трений, что на деле и произошло.

Иными словами, в интересах тех мировых антироссийских сил, для которых Витте в Европе старался рассорить Россию и Германию, он же в Азии стравливал Россию и Японию.

Причем, что интересно и в каком-то отношении даже забавно до грустного... Знаменитый в будущем геополитик Карл Хаусхофер, знаток Японии (в 1908—1910 годах он был там военным атташе Германии) и мировой ситуации вообще, оценивал Витте как проводника прогерманской линии в России, да и его дальневосточную политику ценил высоко.

Ловок был граф Сергей Юльевич на актерство и притворство — что и говорить!

Вообще-то вначале в Корее соперничали — как мы об этом уже немного знаем — Япония и Китай. Корея издавна считалась феодальным «леном» Небесной империи... Но в 1875 году Япония предприняла туда военную вылазку.

Всего двадцать лет назад Япония находилась в состоянии жесткой феодальной самоизоляции, режим которой длился к середине XIX века уже третий век

Лишь под корабельными пушками эскадры американского командора Перри Япония была вынуждена открыть страну для внешнего мира.

Теперь уже японцы требовали от корейцев «открытия» страны методами классической «дипломатии канонерок». В апреле 1875 года три военных японских корабля впервые вошли в устье реки Ханган, на которой стоит корейская столица Сеул.

В 1876 году Япония навязала Корее неравноправный торговый договор, открывший дорогу уже договорам с Кореей Соединенных Штатов и Запада.

Корейцы — народ небольшой, но упрямый, независимый, себя уважающий. В 1882 году в Корее поднялось первое антияпонское восстание. Япония отступила.

В декабре 1884 года в Сеуле произошел прояпонский дворцовый переворот (провернули все это, конечно, сами японцы). Но все быстро закончилось тем, что население столицы напало на японское посольство и сожгло его, убив нескольких японцев.

Прояпонское правительство сбежало в Японию.

А в Корее возросло влияние вмешавшегося в ситуацию Китая. Во второй половине 80-х годов доля Японии в корейском импорте резко снизилась, зато доля Китая возросла.

Что же до России, то королевская Корея была не прочь пойти и под руку России (на правах чуть ли не присоединения!).

А вот Россия...

Я, уважаемый читатель, признаюсь, глазам своим не поверил, когда прочел, что к тому времени, когда 7 июля 1884 года в Сеуле был подписан первый русско-корейский договор о дружбе и торговле, Корея была единственной из сопредельных стран Востока, с которой Россия до этого не поддерживала никаких официальных, в том числе и дипломатических, отношений.

Это надо же!

Оказывается, мы «в упор» не замечали как раз то *сопредельное* (то есть имеющее с нами общую границу) государство, *своевременное* мощное покровительство которому могло бы придать нашей дальневосточной политике феноменально заманчивые и долговременные перспективы!

Александр Третий под авантюрный «тибетский» проект (о нем будет рассказано в свое время) отваливал два миллиона рублей. Николай Второй субсидировал постройку КВЖД.

А ведь не в Тибет, не в КВЖД, а в Корею надо было вкладывать русские силы и средства. В Корею России можно было идти — как сильной и дружественной соседке — еще тогда, когда коммодор Перри лишь подплывал к берегам Японских островов, а Муравьев только-только раскручивал амурские наши дела...

Мы могли идти в Корею еще даже до основания Владивостока в 1860 году, а уж после основания — тем более!

Тем не менее японцы опередили нас в «корейских» делах чуть

ли не на десяток лет, хотя любви и доверия к ним у корейцев традиционно не было испокон веку.

И корейцы в 1884 году — через полгода после заключения договора с нами — показали, что совсем не склонны изображать из себя перед японцами, как кролика перед удавом... Пожалуй, свою роль тут играл и этот «свежий» русско-корейский договор.

Куда только Россию не совали на Дальнем Востоке всякие там витте и романовы — в Маньчжурию Северную, в Маньчжурию Южную... Но только не туда, куда нам надо было идти... То есть — в Корею.

Впрочем, и в Корею, как я уже говорил, нам надо было если и идти, то — вовремя... Скажем — в 1885 году, когда растерявшийся под напором обстоятельств и массы новых «торговых партнеров» и «друзей» Сеул выразил желание принять прямой протекторат России. Прямой протекторат! Добровольно! Это, по сути, был бы первый шаг к включению сопредельной Кореи в состав России — на правах широкой автономии при верховном праве России на защиту рубежей своего дальневосточного протектората.

Не решились...

Зато за шесть лет до этого русский военный министр Милютин (надо сказать, глубоко русский патриот, реформатор русской армии, но человек невеликого политического ума) не находил ничего более подходящего, как выдвигать русские войска к границе с Германией — к досаде и недоумению кайзера Вильгельма.

О непонимании этого и впрямь рациональным мышлением не понимаемого шага Вильгельм прямо говорил самому Милютину.

Не более понятным было строительство железных дорог на западе России — явно в целях быстрой переброски русских войск опять-таки к германской границе...

А если бы эти дороги да вести на русский Дальний Восток — по русской, естественно, территории?

А если бы эти бы войска да постепенно перебросить по ним туда же, на Дальний Восток, — так, для острастки горячих голов и для укрепления веры в мощь России голов трезвых и осторожных?

А если бы после первой же просьбы корейского короля да и ввести их в Корею и начать в Корее укрепляться прочно? У нас же была с ней пусть и узенькая, но сухопутная граница.

Причем и естественные «рокады» вдоль китайско-корейской границы были — реки Ялу и Тымынь... Было по чему совершать маневр войсками для защиты границ нового благоприобретенного протектората.

Вместо подобных решений и действий романовская Россия в 1888 году навесила на себя цепи первого французского займа, которым благодетельствовали Отечество Витте вкупе с экс- и нью-бердичевскими банкирами («Новым Бердичевом» именовали Санкт-Петербург бывшие местечковые еврейские ростовщики, удачно перебравшиеся в русскую столицу)...

Россия ввязывалась в чуждые ее интересам европейские свары. А перспективная ситуация в Корее была отдана на откуп Японии.

18 апреля 1885 года Япония и Китай заключают в Тяньцзине конвенцию о равных, по сути, правах в Корее и об отказе от ввода туда войск сторон. Войска из Кореи взаимно отзывались, но могли быть введены туда вновь. «Равновесие» оказывалось, конечно же, неустойчивым.

В том же 1885 году Англия оккупирует порт Гамильтон на крохотных корейских островах Комуудо в сотне километров от материка.

И Россия...

Нет, Россия Александра Третьего и Победоносцева не спохватывается... Она, уважаемый читатель, устами российского поверенного в делах в Китае Ладыженского, встретившегося с заместителем столичной провинции Цин Ли Хунчжаном, заключает в 1886 году **свое** Тяньцзинское соглашение по Корее — устное. Тоже взаимно обязуясь не вводить в Корею никаких войск.

Китай за это обязался совместно с Россией добиться... от Англии эвакуации Гамильтона, что вскоре и произошло.

Китаю-то это было выгодно, потому что английский Гамильтон — это база для английской интервенции в Китай вне Китая... Китай мог теперь говорить и о его поддержке Россией...

А Россия? Что реально выгодного для себя получила Россия?

Ничего!

Так был упущен очень уместный шанс и повод войти нам в Корею уверенно и сильно. Ведь, в отличие от Японии, у нас, напоминая, была с Кореей сухопутная граница.

ДА И ОПЕРЕТЬСЯ нам в Корее тогда было на кого. Энергичная и властная корейская королева из рода Мин ориентировалась на Россию и группировала вокруг себя активные антияпонские силы. И Мин оставалась сторонницей России до конца, поддерживала связи с русской миссией...

Безвольный же и ничтожный король Ко Чжонь (Ли Чже Хван, И Хый) находился под влиянием Китая.

В 1894 году в Корее начинается крестьянское восстание под флагом нового религиозного учения «тонхак» («восточное учение»). За помощью в его подавлении Сеул обратился и к Китаю, и к Японии.

Китай направляет в Корею три тысячи солдат. Япония оккупирует Сеул.

В связи с подавлением «союзными» японскими войсками восстания тонхаков Япония вновь стала хозяином положения, арестовала королевскую семью и образовала марионеточное правительство 80-летнего Те Уонь Гуня — бывшего регента и отца арестованного короля. Это правительство отменило договор Кореи с Китаем и заключило договор с Японией. Последняя признавала независимость Кореи от Небесной империи.

27 июля 1894 года Те Уонь Гунь объявил Китаю войну и сразу спрятался за спину той Японии, которая его для этого из-за своей спины и доставала.

Защита Японией новоделальной корейской «независимости» и послужила формальным поводом к японо-китайской войне 1894—1895 годов. Официально объявленная 1 августа, она началась фактически 25 июня 1894 года, когда японское военное судно «Нанива» под командой капитана Того (будущего адмирала и победителя в Цусимском сражении) потопило без предупреждения английский

пароход «Коушинг», зафрахтованный Китаем и перевозивший китайских солдат.

В ходе войны японцы оккупировали корейскую столицу, но закрепиться тогда они там не смогли.

Помешали и антияпонские выступления самих корейцев, и политическое (увы, не силовое!) вмешательство (так и хочется сказать — уже «помешательство») России.

Теперь, когда за десять лет все тут изменилось для России не в лучшую сторону, мы начали вдруг махать кулаками... Советский историк Федор Ротштейн позднее писал: «Россия не для того согласилась на независимость Кореи, чтобы предоставить Японии возможность овладеть ею и запереть выход из Владивостока».

А чего иного, спрашивается, могла ожидать Россия после того, как «согласилась на независимость Кореи»? Китай был в состоянии нарастающего кризиса и осуществлять реальный патронаж в Корею не мог. Защитить себя самостоятельно Корея тоже не могла. И, отказываясь от протектората над Кореей, Россия отдавала ее Японии почти автоматически! Вопрос был лишь в темпах и сроках.

Впрочем, и тогда еще время для решительной (то есть — неизбежно силовой) русской политики окончательно упущено не было, потому что 6 июля 1895 года по инициативе королевы Мин король Ко Чжонь удалил из правительства японских ставленников и назначил вместо них министров русской ориентации. Японии отказали в праве держать гарнизоны в главных городах страны.

Ну пусть и с опозданием, но можно было энергичными действиями России переломить ход событий в свою пользу. Ведь Япония хотя и быстро усиливалась, но все еще была достаточно слаба. В июне 1895 года в Корейском королевстве было всего-то две тысячи японских войск! Японский флот тогда еще очень уступал нашему — если брать общее соотношение боевых кораблей.

Но что толку от этого, если все лучшие наши морские силы были заперты в узкостях далекой от Желтого моря Балтики и развернуты на Германию?

А ведь можно, можно было своевременно перебросить все подобное и новое на Тихий океан... Сделай мы это вовремя, и не надо

было бы даже организовывать в Сеуле очередной — теперь уже прорусский — переворот. Его уже провела законная корейская королева Мин!

Но и этот, уже окончательно последний разумный, наш шанс Россия бездарно упустила...

И ведь что обидно и досадно, уважаемый читатель! Молодой император Николай Второй в то время на записке Лобанова-Ростовского пометил: *«России безусловно необходим свободный в течение круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-восток Кореи)...»*

Очень здравая мысль! Причем — именно на юго-востоке, потому что тогда коммуникации от такого порта к Владивостоку не пережимались бы Корейским проливом, посередине которого, разделяя его на Западный и Восточный проходы, стояли японские острова Цусима.

Юго-западный же, например, корейский порт Инчхон (Чемульпо) был-то неплох — на расстоянии трехсот миль через Желтое море находился германский Циндао (Кио-Чау). Но внутри Желтого моря русский флот было легко запереть в случае войны, а уж связь с Владивостоком блокировалась точно.

Недаром позднее, в Первую мировую войну, японцы весьма быстро и без проблем захватили Циндао, хотя эскадра адмирала Шпее с «Шарнхорстом» и «Гнейзенау» ушла заблаговременно в Океанию.

Вот когда — в конце XIX века — нам по-настоящему стала «икаться» продажа Русской Америки. В новой ситуации на Тихом океане державе действительно очень бы не помешала незамерзающая база флота. Но Россия Александра Первого упустила «гавайский» шанс, Россия Николая Первого — Форт-Росс, а Россия Александра Второго — и всю Русскую Америку.

Да, наследство они оставили своим преемникам непростое...

То есть Николай здравомыслящий был не лишен. но, во-первых, его политика была отягощена ошибками деда и прадедов (не говоря уже об ошибках отца). А во-вторых, Николай, увы, тоже был лишен

умной государственной воли. Зато неумное упрямство демонстрировал потом не раз.

Вот и на этот раз все ограничилось умной пометой при неумной политике.

20 сентября 1895 года российский поверенный в делах в Корею и генеральный консул в Сеуле Владимир Карлович Вебер отослал в российский МИД депешу, в конце которой писал:

«В высшей степени желательно получить категорические указания императорского министерства относительно того, в какой мере возможно оказать поддержку королю. Отказывать ему или оставаться в бездействии в ответ на высказываемые к России предпочтение и доверие казалось бы мне не только нежелательным, но даже опасным для нашего положения здесь».

Император Николай сделал и на этой депеше помету: «Я разделяю мысль Вебера».

Пометой все ограничилось, увы, и в этом случае...

Ну что тут скажешь, уважаемый мой читатель?!

А 8 ОКТЯБРЯ 1895 года японский посланник Иомиура проводил в японской миссии в Сеуле смотр своих сил — полицейских, солдат и наемных бандитов «соси».

Японские «соси» имели богатый опыт предвыборного террора и политических убийств в самой Японии и в тот день оказались на высоте... Они ворвались в королевский дворец и перебили всех находившихся там женщин, рассчитывая на то, что уж таким образом они не упустят и Мин.

Они ее и не упустили.

Опознав потом труп королевы, «соси» вытащили его в сад, изрубили на куски, облили керосином и сожгли.

Эх!

Король Ко Чжонь оказался под стражей, но 11 марта 1896 года бежал, укрылся в здании российской миссии и там издал указ об увольнении министров прояпонских и назначении министров — сторонников России.

Увы, русских броненосцев, способных подкрепить своим главным калибром это решение Ко Чжоня (как-никак — законного монарха), поблизости не было... Они выстраивались в водах Кронштадта на парадных императорских смотрах...

Кончилось все это тем, что 14 мая 1896 года Владимиром Карловичем Вебером и японским представителем Дзютаро Комурой было подписано первое российско-японское соглашение по Корее — Меморандум 1896 года.

Внешне миротворческое, оно стало первым реальным камнем преткновения в отношениях России и Японии в наступающем новом веке. Обе державы соглашались на присутствие в Корее «в целях охраны» равного числа солдат, а также на прочее — по мелочам.

Не прошло и месяца, как уже в Москве представитель Японии на коронации Николая Второго Аритомо Ямагата и министр иностранных дел России князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский подписали 9 июня новый протокол по корейскому вопросу, где предусматривался совместный контроль обеих держав над бюджетом и иностранными займами Кореи, контроль за формированием корейских вооруженных сил и полиции.

В Корею прибыли русские военные инструкторы и финансовые советники. Кто-то из них представлял российские интересы, а кто-то был и эмиссаром Витте.

На должность главного советника министерства финансов и главноуправляющего таможенным ведомством Кореи король назначает К.А. Алексеева.

Основывается Русско-корейский банк (впрочем, и «русским», и «корейским» он был лишь в кавычках).

А Николай писал другу Вилли в Берлин:

«Как тебе известно, мы пришли с Японией к соглашению по поводу Кореи, а с Северной Америкой у нас еще задолго до этого установились прекрасные взаимоотношения. Я, право, не вижу причины, почему последняя обратилась бы против старых друзей (эх, господин полковник, господин полковник Романов! — С.К.) только ради «les beaux yeux» (прекрасных глаз) Англии».

Вильгельм к тому времени мог бы без обиняков ответить, что почему бы и нет, если Россия готова обратиться против старого партнера — Германии, только ради «les beaux yeux» Франции (да и Англии в придачу).

Однако Вильгельм, не без лукавства, конечно, писал из Берлина: *«Мастерское соглашение в Корее, которым тебе удалось успокоить чувства сердитых японцев, я считаю замечательным образцом дипломатии и предусмотрительности; ...теперь ты, собственно, хозяин Пекина».*

Н-да, устами бы германского кайзера — да мед пить!

В 1897 году русским посланником в Токио назначается 50-летний барон Роман Карлович Розен. Просто справки ради замечу, что он оставался там два года, а в конце 1902-го был вновь назначен в Токио, сменив Александра Петровича Извольского, и встретил в Японии начало Русско-японской войны.

Розен-то 13 (25) апреля 1898 года и подписал последнее наше довоенное соглашение с Японией по Корее.

На протоколе Розена—Ниси (Ниси — японский министр иностранных дел) нам надо бы остановиться подробнее...

Он рождался уже в обстановке резкой активизации России в чужих и чуждых ей краях — после «аренды» романовской империей зоны Порт-Артура в китайской Южной Маньчжурии, после начала строительства КВЖД в китайской Северной Маньчжурии, после получения в 1896 году первой «русской» лесной концессии на реках Ялу и Тумынь по корейско-китайской границе.

Россию, упустившую в Корее свой шанс тогда, когда Япония была слаба, теперь — когда там уже прочно обосновывалась Япония, антинациональная клика просто-таки втаскивала в Корею.

А при этом по соглашению от 13 апреля Россия отказывалась от привилегий в Корее и отзывала своих финансовых и военных инструкторов.

МИД, правда, оставлял открытым вопрос о возможности занятия при осложнениях северной части Кореи. Но возникал ли бы он, если бы в Корее были наши не военные инструкторы, а воинские части?

А Япония не просто обосновывалась, а уже вытесняла из Кореи даже Соединенные Штаты, которые в 1882 году заключили с корейским королем свой собственный «договор».

К слову, в тот же период, в марте 1898 года, Япония хотела добиться от России гарантий полной свободы своих действий в Корее в обмен на признание «особых интересов России в Маньчжурии». Предложение не такое уж и неразумное: раз уж мы влезали в Маньчжурию и, скажу, забегая вперед, перехватили у Японии Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, то можно было бы что-то и разменивать...

Хотя разумнее было бы — если уж мы упустили Корею как таковую — попытаться нейтрализовать ее в военном отношении в обмен на экономическую свободу для Японии и военный порт для России на юго-востоке Кореи.

Россия же отказалась, боясь... испортить отношения с Америкой и Англией.

Воистину, можно было бы сказать, что тех, кого он хочет наказать, Бог лишает разума. Однако можно ли лишить кого-то того, чего тот не имеет? А внешнеполитического разума — то романовская Россия уже давно не имела.

И пошла, как баран на веревочке, к войне с Японией.

Витте от такой политики внешне дистанцировался. Он все сваливал (я потом еще это покажу) на министра иностранных дел Муравьева — мол, это он повлиял на царя и добился роковой аренды Порт-Артура.

Но общие отзывы об этом Муравьеве-«Порт-Артурском» не расходятся: полуобразованный жуир, проныра, ограниченный лентяй, изворотливый обманщик и ловкий царедворец, обязанный карьерой протекциям.

Короче — идеальный вариант идеального «агента влияния». То есть агента, используемого «втемную», так, что он даже не догадывается о том, что его делают орудием и проводником чужой воли.

При таком великосветском олухе царей небесного и земного Витте несложно было обеспечивать себе прикрытия по принципу «я — не я, и лошадь не моя, и я не извозчик».

Русско-японская война дала абсолютное преимущество в Корее и на Дальнем Востоке Японии. И это пришлось признать даже США. Даром, что они и сами на Корею виды имели, а по американо-корейскому договору 1882 года обещали корейцам содействовать в их отношениях с другими странами.

Так вот, они и «содействовали»! В 1907 году военный министр США Уильям Говард Тафт (чуть позже он станет президентом США) официально заявил: «Весь мир должен питать доверие к политике Японии, которая стремится распространить в отсталом народе правосудие и образование».

Под такие авансы Япония вела дело к полной аннексии Кореи, которая стала фактом 22 августа 1910 года после того, как японским и корейским «императорами» (оба в кавычках, но по разным причинам) был подписан соответствующий «договор».

Этот «договор» стал одним из логических результатов бездарности нашей дальневосточной политики и поражения России в дальневосточной войне.

В нем было сказано, что «император» Кореи (в кавычках потому, что «империей» в кавычках была Корея) «желая увеличить общее благосостояние обеих наций и для сохранения мира на Дальнем Востоке» уступил на вечные времена все права суверенитета на свою страну японскому «императору» (в кавычках потому, что — как мы увидим из дальнейшего — он правил, но не управлял).

Япония из тех же «высоких побуждений» «соглашалась» на это.

Россия и Япония таким образом получили фактически пусть и коротенькую, но общую сухопутную границу.

Много бурных событий пронеслось над Россией, Японией, Кореей и Китаем за десятилетие до такого взаимно «великодушного» решения двух «императоров»... Да и сама аннексия Кореи оказалась, как сказано, лишь итогом многих из этих событий.

Но об этом — о КВЖД и Ляодуне, о Порт-Артуре и реке Ялу, о Витте-«Полусахалинском», Жамсаране Бадмаеве и много еще о чем и о ком — у нас будет время поговорить в деталях позднее.

А сейчас поговорим о Японии...

ОФИЦИАЛЬНЫЕ отношения наши с Японией были намного более молодыми, чем с Китаем. Удачное по японским результатам, но неудачное по петербургскому итогу посольство Адама Лаксмана и странно неудачное посольство Резанова — вот и весь наш японский «пассив» первой половины XIX века.

Без «актива»...

К середине этого века, имея Русскую Америку, в случае нарастающего на Тихом океане усиления, Россия могла бы сдвинуть с глупой точки и японские дела. По крайней мере — попытаться это сделать!

Вместо этого Петербург Нессельроде и ему подобных уступал инициативу на Тихом океане янки. За восемнадцать лет — с 1834 по 1852 год — в тихоокеанские воды было направлено всего 5 русских судов. Позднее это удивляло кое-кого даже в царские времена!

Но даже неповоротливая на Дальний Восток николаевская Россия видела, что с Японией надо входить в официальные контакты... И наш первый с ней договор — трактат о торговле (Симодский договор) был заключен в 1855 году. С российской стороны его подписал граф и вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин.

За год до этого состоялось «вскрытие» Японии Соединенными Штатами. И надо сказать, что храбрый штатовский коммодор Перри, с которым мы еще познакомимся, действовал при этом методами не столько специалиста по вскрытию сейфов — «медвежатника», сколько методами громилы-налетчика...

Снявши голову, по волосам не плачут. После открытия японских портов Симода в княжестве Цюсю и Хакодате в княжестве Матсумай для далеких Штатов, можно было открыть их (в количестве уже трех штук — Симода, Хакодате и Нагасаки) и для соседки — России.

Как себя поставишь, так и стоять будешь... Особенно — на Востоке. Восток ведь — дело действительно тонкое! 18 февраля 1855 года скоропостижно скончался Николай Первый, а первый договор с Японской империей был подписан 7 февраля этого же года руководителем дальневосточной экспедиции 1852—1855 годов и главой дипломатической миссии по установлению отношений с Японией адмиралом Путятиным.

Это была, как мы знаем, уже третья, и явно запоздавшая, русская миссия в Японию.

Телексов тогда не существовало, и Путятин, надо полагать, руководствовался долгосрочными инструкциями. И уж не знаю, сам ли Николай санкционировал обязательства Российской империи по этому договору или все решал «по ситуации» Путятин, но обязательства России с самого начала выглядели, уважаемый мой читатель, странно.

Граф Путятин плыл на Дальний Восток на фрегате «Паллада» (том самом, гончаровском, на котором великий писатель плавал секретарем адмирала). Времени на раздумья вроде бы хватало. Однако договор он подписал такой, что я, например, по его поводу лишь плечами пожимаю

Правда, даже патриотичное второе издание Большой Советской энциклопедии определило его как «благоприятный для России». Но что там усматривалось для нас «благоприятного», мне лично непонятно.

Евфимий Васильевич Путятин моряком был весьма лихим. Мичманом на фрегате «Крейсер» обошел вокруг света с адмиралом Лазаревым, увидел Русскую Америку. По возвращении побывал в Наваринском сражении... Быстро повышался в чинах: еще не «отплавав» по жизни четыре десятка лет, стал контр-адмиралом. Но потом пошел по дипломатической линии, возглавлял миссию в Персию, где, как сообщают источники, «добился обязательства не чинить препятствий русской торговле на Каспии».

Персия в то время была уже далеко не державой легендарного Дария и Ксеркса, и какие такие серьезные препятствия она могла чинить на Каспии Родине героев Наварина — адмиралов Лазарева и Путятина, — мне понять не дано...

Свою государственную карьеру Путятин закончил, к слову, пятидесяти восьми лет от роду (прожил он восемьдесят), уйдя в 1861 году со скандалом в отставку с поста министра народного просвещения после того, как вызвал студенческие волнения.

Пробыл адмирал министром полгода, а волнения вызвал тем, что запретил студенческие сходки, кассы и библиотеки.

Вот этот «великий дипломат» и «реформатор образования» и заключал первый наш договор с Японией.

Обращу внимание читателя на то, что задумка — то была неплохая.. Путятин двинулся из Кронштадта устанавливать отношения с Островной империей 7 октября 1852 года — за два года до акций commodora Перри.

В Японию его эскадра прибыла раньше Перри — в августе 1853 года она бросила якоря в бухте Нагасаки. Причем Путятин имел предписания добиться открытия страны исключительно мирными средствами.

Похвально!

Итак, Евфимий Васильевич предложил японцам установить торговые отношения и провести границу между русскими и японскими владениями на север от Японии.

Тут было все верно — с Японией России надо было как-то определяться, потому что Россия для Японии — не то, что Америка. И Япония для России — не то, что США. Россия и Япония — соседки. И два народа постоянно сталкивала сама жизнь — то шторм прибьет к русским землям потерпевших кораблекрушение японцев, то наткнутся друг на друга в море промышленники или рыбаки.

А новые времена все более сокращали и так невеликие расстояния между японскими и русскими пределами... Так что миссия Путятинина — это была акция давно необходимая и разумная.

В принципе было разумно и то, что мы на японцев пушками не давили. Путятин мирно предложил, японцы обещали подумать. И русская эскадра отбыла восвояси.

Это-то все было неплохо...

Плохо было то, что далее мы повели себя с Японией отнюдь не так, как подобает уважающему себя государству.

Во-первых, Путятин был долгое время занят не мыслью о договоре с Японией, а географическими открытиями и исследованиями в Тихом океане. Его экспедиция нанесла на карту немало новых русских имен, и не только чисто русских — мыс Шлиппенбаха в северо-восточной части Кореи был назван так в честь участника экспедиции Путятинина — капитан-лейтенанта А.Е. Шлиппенбаха.

Однако в результате этих — мелких, по сути, — открытий Путятин упускал из виду необходимость главного открытия — открытия для России Японии!

Экспедиция Путятина заходила на Филиппины, потом двинулась в гавань Хаджи (Императорская гавань, а сейчас — Советская гавань) на материковом, сибирском берегу Татарского пролива.

Коммодор Перри в это время уже во второй раз пришел к японским берегам — в феврале 1854 года, и 31 марта был подписан первый в новой истории Японии договор между ней и христианским государством — договор между Японией и США.

Путятин же в гавани Хаджи пересел на новый фрегат «Диана» под командой капитан-лейтенанта (будущего адмирала) Степана Степановича Лесовского. Лесовский пришел из Кронштадта специально в распоряжение Путятина. И географическо-дипломатическая миссия вернулась на «Диане» в Японию — в бухту Симода.

После Перри...

Я напомню читателю, что в свое время Федор Шимелин из РАК по поводу открытий «Невы» Лисянского резонно замечал, что географические открытия не всегда согласуются с коммерческой выгодой. Но, как видим, и с дипломатическими выгодами они тоже не всегда согласуются.

Мне сложно понять и другое — почему Путятин не прихватил с собой в Японию и «Палладу». Плыл он к японцам с миром, но лишний фрегат в бухте Симода не помешал бы... Конечно, по тем временам — шла Крымская война — русский фрегат был нелишним и в районе устья Амура, но...

Очень уж мы порой миролюбивы — когда не надо... И когда не надо — как на Балканах — воинственны.

11 декабря 1854 года «Диана» погибла во время землетрясения, и, сдается мне, что-то стряслось тогда и с мозгами Евфимия Васильевича...

Да, ничем иным симодский поворот русских дел на Дальнем Востоке я объяснить не могу! Царская Россия, владевшая в то время, кроме прочего, Русской Америкой, повела себя с Японией, от-

ставшей в то время даже от России на добрый век, просто по-идиотски, сразу же начав «на корню» сдавать русские национальные интересы.

Ну, в самом-то деле... Возьмем эту самую первую российско-японскую договоренность — Симодский договор...

Вот исходные позиции сторон...

Россия во главе с новым самодержцем Александром Вторым — мировая и как-никак во многом по-европейски развитая держава.

Япония — «держава» в тот момент никакая, технологически отставшая от внешнего мира на века...

А Симодский договор закрепил размежевание на Курильских островах так, что русско-японская граница проходила в районе Курил между островом Уруп и островом Итуруп.

Итуруп, Кунашир, Шикотан и «мелочь» вокруг них получала почему-то Япония, хотя даже один, но честный взгляд на карту мира отдает всю Курильскую гряду по совести России.

Всю!

О Сахалине, который «прилип» к русскому Приморью, как прилипает рыба-прилипала к огромному киту, и вообще речи быть не может, кроме как о русском владении!

Тем не менее новоалександровская Россия спокойно и даже с благодарностью отнеслась к тому, что претендовать на Сахалин японцы — тогда до невероятного слабые — «милостиво» не стали. И в договоре было записано считать Сахалин «неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени» ..

Эх, если бы лейтенанты Хвостов и Давыдов живы остались да в адмиралы вышли, да если бы они и в дипломаты выбились, то, может, и Симодский договор выглядел бы иначе?

Легко быть спесивым, когда тебе добровольно подставляют морду под кулак — на, мол, бей!

Лихое это было для России время, дорогой мой читатель! Авторитет России был подорван итогами Крымской войны. Япония, как я понимаю, накануне своего «вскрытия» исподволь за событиями во внешнем мире следила внимательно и разбираться в них умела... Поэтому задача у Путятина была, конечно, очень непростой. Тут ну-

жен был действительно мудрый государственный ум в соединении с высоким и убедительным патриотизмом.

Надо было доказать японцам, что неудача России — явление временное, а вот потенциал ее — фактор постоянный. Надо было привезти в Японию альбомы фотографий о России и альбомы об ее истории, ее промышленные изделия и ее книги... И спокойно, с достоинством отстаивать русское дело, не идя на умаление России... Не останавливаясь при необходимости и перед спокойной жесткостью тона. .

Но, безотносительно к личным, не очень-то выдающимся, качествам Путятин, вряд ли официальный представитель тогдашней России мог бы повести себя *так!* Он себя так и не повел, и никаких альбомов в Японию не привез.

К тому же везти все это надо было бы не на одном, не на двух фрегатах, а на флагмане во главе — внушающей уважение эскадры хотя бы в три-четыре корабля. При соответствующем почетном орудийном салюте! Из всех пушек...

Сила духа дипломата питается силой духа державы, пославшей его в чужие пределы для отстаивания своих национальных интересов. А мог ли Путятин, посланный в Японию еще николаевской Россией, быть вдохновлен Россией теперь александровской?

Ведь Путятин подписывал Симодский договор в преддверии тех времен, когда незабвенный сын незабвенного Николая Первого — Александр Второй — «Освободитель», вместе со своим августейшим братцем Константином уже задумывал «освободить» Россию от Русской Америки.

В 1867 году он нас от нее и освободил...

А вскоре он же «освободил» нас и от Курил — по трактату между Россией и Японией 1875 года (Санкт-Петербургский договор).

А за это Япония «отказалась от притязаний» на Сахалин, ни по какому праву ей не принадлежащий. Еще во времена Резанова аборигены Сахалина, айны, говорили: «Сахалин — земля айнов, японской земли на Сахалине нет...» Против русского же подданства они не возражали.

И ведь что еще позорно! Между заключением американо-японского договора от 31 марта 1854 года «о мире и дружбе» и заключением русско-японского договора от 7 февраля 1855 года была заключена англо-японская конвенция. Япония и Англия подписали ее в том же Нагасаки, где торчал Путятин, 14 октября 1854 года.

Так за что историки о Путятине отзываются неплохо — не пойму!

Надо сказать, что и в договоре с янки, и в конвенции с британцами, как одна из двух «станций» для американских судов, где они могли «продовольствоваться лесом, водой, средствами пропитания, углем и другими товарами...», и для английских судов «с целью производства ремонта и получения пресной воды, продовольствия и всякого рода иных нужных предметов...» указывался порт Хакодате на острове Хоккайдо.

Изучение карты показывает, что Хакодате — чисто внутренний японский порт, лежащий на отшибе от тогдашних международных торговых путей, был важен для англосаксов прежде всего как возможная операционная база для действий против России.

И это при том, что факт русско-японского соседства был неизбежно подтвержден уже первым нашим общим договором, где статья 2 касалась границ между Россией и Японией.

Соседство — не всегда *доброе* соседство, однако лишь добрососедство — это умное соседство. Но умно ли мы разграничили себя с Японией с самого начала и умно ли мы себя представили перед японцами?

Так оно и повелось в русско-японских отношениях... Со стороны России — позорный для великого народа идиотизм в смеси с авантюрами властей предрежущих. Со стороны Японии — неумная спесь в сочетании с таким же авантюризмом.

Хотя даже из того, что мной было сказано, уважаемый читатель может понять, что объективная основа у *умных и добрых* наших отношений была.

Взаимно дополнять друг друга нам было чем.

Да и люди, понимавшие это, и в России, и в Японии имелись.

Причем с самого начала договорных отношений «демократические» англосаксы ставили себя по отношению к японцам в приви-

легированное положение, оговаривая лишь свои права в Японии, но не права японцев в Англии и США.

А вот в договоре 1855 года, подписанном Японией с «тоталитарной» Россией, статья 8 гласила:

«Как русский в Японии, так и японец в России всегда свободны и не подвергаются никаким стеснениям. Учинивший преступление может быть арестован, но судится не иначе как по законам своей страны».

Да, мы вполне могли дружить, взаимно уважая законные интересы друг друга.

Чехов в своих сахалинских очерках сообщает много интересных подробностей и констатирует: «Отношения у местной администрации и японцев великолепные, какие и быть должны».

Он же пишет, что после того, как со второй половины XIX века на Южном Сахалине стали укрепляться русские, японские промышленники, облюбовавшие эту зону из-за обилия рыбы и почти дарового труда айнов, встревожились... «Соображение, что они могут потерять хорошие доходы и даровых рабочих, — продолжал далее Антон Павлович, — заставило их внимательно следить за русскими, и они уже старались усилить свое влияние на острове в противовес русскому влиянию. Но... за отсутствием уверенности в своем праве эта борьба с русскими была нерешительна до смешного, и японцы держали себя как дети. Они ограничивались только тем, что распускали среди айнов сплетни про русских и хвастали, что перережут всех русских, и стоило русским в какой-нибудь местности основать пост, как вскорости в той же местности, но только на другом берегу речки, появлялся японский пикет, и, при всем своем желании казаться страшными, японцы все-таки оставались мирными и милыми людьми: посылали русским солдатам осетров, и когда те обращались к ним за неводом, то они охотно исполняли просьбу»...

Это было написано за пятнадцать лет до Русско-японской войны, и тут Чехов подметил в пустяке очень важное — отсутствие злобности по отношению к русским у простых японцев.

Спесью отличались власть имущие, но спесь — черта характера напускная. Ее устраняет или жесткий напор, или полная достоинства, чуть ироничная улыбка.

Улыбаясь Японии японцев и спокойно выдерживая взгляд Японии самураев, Россия могла обеспечивать себе на Дальнем Востоке прочный мир!

Однако у возможной русско-японской дружественности были на Тихом океане те же враги, что и в Европе у нас с немцами. Так же «гадила» нам здесь англичанка, и так же она все чаще гадила не только к своей выгоде, но и к выгоде дяди Сэма...

И все чаще гадил нам сам этот дядя Сэм...

Пиком (или, если желается — *впадиной*) глупой ситуации стала Русско-японская война 1904 года. Но о ней — позднее...

А пока вернемся опять в Китай...

ВЕЛИКАЯ Октябрьская социалистическая революция перевела отношения России с Китаем в плоскость «пролетарского интернационализма». Китай рассматривался как естественный великий союзник по будущей мировой революции.

Однако в революционно-демократических процессах в Китае преобладали антиимпериалистические и националистические, а не классовые факторы.

Тем не менее СССР весьма старательно помогал Китаю в его стремлении обрести самостоятельность, а также — и в его анти-японской борьбе. Еще в 1924 году было заключено советско-китайское соглашение, которое аннулировало все неравноправные договоры, заключенные царской Россией, с отказом (по статье XI соглашения) от «русской части возмещения», то есть так называемой «боксерской» контрибуции.

Помогали мы основателю Гоминьдана Сунь Ят-сену, помогали китайским коммунистам, но помогали и буржуазному националисту Чан Кай-ши. Он даже невестку от нас получил для своего сына Цзян Цзин-го — «Машу с Уралмаша». На Урале комсомолец Цзян Цзин-го работал под псевдонимом Николая Владимировича Елизарова.

Однако — вотще! «Русская» политика и Гоминьдана во главе с Сунь Ят-сеном, а впоследствии с Чан Кай-ши, и Компартии во главе

с Мао Цзэдуном по отношению к СССР была, честно говоря, перманентно двуличной.

А в лучшем случае — меркантильно-иждивенческой.

Ну вот, скажем, лидер Китая Сунь Ят-сен. Умер он в марте 1925 года, то есть тогда, когда сам Советский Союз еще лишь выбирался из-под развалин двух войн и интервенции.

Тем более тяжело было нам в году 1922-м...

И...

И вот весной 1922 года Сунь встречается с сотрудником Коминтерна Сергеем Далиным и сообщает ему о своем настойчивом желании привлечь Советскую Россию к грандиозному железнодорожному строительству в Китае.

— Покрыть Китай сетью железных дорог — моя мечта, — простодушно признавался он Далину.

Далин знал, что Сунь в свое время заведовал Бюро по железнодорожному строительству, что мечты такие у него имеются издавна и что в 1914 году он даже создал в Шанхае для этого фирму.

Поэтому Далин вежливо согласился:

— Что же, ваша мечта — прекрасная и полезная мечта.

— И еще одна моя мечта — соединить Кантон и Москву железной дорогой через Туркестан.

— Идея прекрасная, но откуда же взять средства? — удивился Далин.

— А вы?

— Эх! Мы сами были бы не прочь получить их от кого-нибудь для наших железных дорог...

— Да-да, я пытался добиться поддержки от Запада...

— Ну и как?

— Безуспешно...

Далин был коммунистом, советником Коминтерна, и поэтому он предложил Сунь Ят-сену вполне естественный совет:

— А вы попробуйте провести хотя бы налоговую (не аграрную!) реформу в интересах прежде всего среднего крестьянства!

— Нет-нет, это категорически невозможно, — тут же вспыхнул китаец.

— Но это дало бы вам устойчивую массовую базу на селе.

— Нет-нет, это не выход...

Уважаемый читатель! Для 20-х годов предлагать разоренной России строить в Китае железные дороги было не просто прожектерством, но более того — свидетельством полного отсутствия политического реализма в сочетании с примитивным узконациональным эгоизмом.

А отказ от широких социальных реформ вел в никуда...

И если уж я тут начал рассказ о Сунь Ят-сене, то сообщу кое-что такое, о чем «историки ЦК КПСС» предпочитали помалкивать, дабы не потрескался «хрестоматийный глянец» на облике «вождя китайской революции».

С началом Первой мировой войны Сунь обратился к лидеру влиятельной японской буржуазно-помещичьей партии «кокуминто» Инукаи с призывом вступить в войну на стороне центральных держав (то есть — против России в том числе) во имя освобождения Азии.

Он писал: «Япония — моя вторая родина, а руководители Японии — мои учителя... Азия — наш дом, а Япония и Китай в этом доме близнецы-братья, которые должны тесно сотрудничать и на практике помогать друг другу»...

Сравнение насчет братьев выглядело несколько комично (если посмотреть на территориальные размеры «близнецов»), но мысль была выражена вполне определенно.

Накануне Первой мировой Сунь в очередной раз отправился в Токио и там такой его собеседник, как генерал-милитарист Кацура, был к идее предлагаемого «братания» очень даже расположен и даже предложил Сунь Ят-сену «по-братски» уступить Японии Маньчжурию. А за это обещал ни более ни менее как «освободить Китай от британского влияния».

Сунь мялся, чувствовал себя неудобно, но от этих «братских» идей резко не отмежевывался... Назвался груздем — полезай на засолку...

Шли годы...

Не принципиальная позиция мудрого лидера, понимающего жизненно важное значение для Китая прочного союза с Россией, а вьезшаяся в самую суть политики Сунь Ят-сена конъюнктурщина и явно антикитайская линия Японии сделали из него «друга» России.

Однако отказываться даже от эгоистичного Китая и от возможностей влияния в нем было для Советской России не просто глупо, но и опасно. Япония была к нам враждебна, а Китай был тут хотя и ненадежным, но реальным фактором отвлечения Японии.

Тем более что в августе 1923 года Чан Кай-ши привез в Москву просьбу Сунь Ят-сена о посылке в Кантон советских политических и военных советников.

И с сентября 1923 по июль 1927 года главным политическим советником ЦИК Гоминьдана становится Михаил Бородин (Грузенберг). Вообще-то — троцкист, но — ладно... Хотя куда там — «ладно»! Троцкистские левацкие перегибы в конце концов обошлись нам в Китае дорого.

Главным военным советником революционного правительства Китая с 1924 по 1927 год был Василий Константинович Блюхер (генерал Галин).

Впрочем, параллельно отмечу, что с апреля 1934 по март 1935 года военным советником режима Чан Кай-ши (то есть — того же правительства Китая) был знаменитый германский генерал-полковник Ганс фон Сект (Зеект), а в 1932 году при высших штабных структурах режима было зарегистрировано около 60 германских военных советников.

Состоял военным советником Чан Кай-ши и майор японской разведки из «исследовательской группы по Китаю» Еремити Судзуки, через которого Чан в 1927 году в Токио установил связи и с самим шефом Судзуки — начальником военной разведки генералом Иванэ Мацуи.

Не помешает со слов кадрового сотрудника Разведывательного управления Генерального штаба РККА болгарина Ивана Винарова узнать и мнение Блюхера, относящееся к 1926 году: «Даже в военном совете в Кантоне до недавнего времени отвергали любую идею о военной разведке... Я не верю в то, что генералы... настолько профессионально неграмотны. Большинство из них окончили военные академии за границей... Наверно, они отвергают необходимость в китайской разведке, чтобы предоставить поле деятельности западным центрам разведки».

К этому можно лишь прибавить, что *советской* разведке приходилось действовать в Китае (в том числе с позиций противодействия Японии) чаще всего нелегально.

Мы, так или иначе, все 20-е и 30-е годы присутствовали в Китае, но печальный «китайский синдром» двурушничества сопровождал русских в Китае слишком часто...

Увы!

Вот что рассказывал во второй половине 30-х годов по возвращении из Китая наш авиатор полковник Д.А. Кудымов: «Советские добровольцы первыми поднимались в воздух, первыми бросались в атаку, в то время как другие летчики — иностранные волонтеры (собственно, это «волонтеры» были хорошо оплачиваемыми наемниками. — С.К.) — всегда приходили к «шапочному разбору». Однако китайское командование... проявляло повышенную заботу об американских и английских летчиках. В бой они вводились последними, их машины в отличие от наших (хотя тактико-технические характеристики советских истребителей были намного лучше устаревших западных. — С.К.) и китайских укрывались в специальных капонирах. Лучшим было питание западных волонтеров».

ПОЛКОВНИК Кудымов и его товарищи оказались в Китае потому, что в 1931 году Япония предприняла прямую агрессию против Китая, начав с оккупации Маньчжурии...

В январе 1932 года пришла очередь Шанхая, хотя к лету того же года японцам пришлось из района Шанхая отступить. Но вообще-то им в Китае тогда сопутствовали скорее успехи, чем поражения.

И в том была, пожалуй, своя логика, определяемая разницей в национальных характерах географически близких, а цивилизационно — очень, пожалуй, разных народов.

Китай соприкасался с европейцами несколько веков, в течение которых Япония с европейцами сознательно не контактировала.

В середине XIX века Японию, угрожая ей силой, из состояния самоизоляции выводят. В 80-х годах XIX века начинаются буржуазные реформы «революции Мэйдзи» (мы им попозже уделим, уважаемый читатель, немало внимания). И они дают толчок почти мгновенному преобразованию Японии в весьма динамичное государство, быстро становящееся субъектом мировой политики первого ряда.

Китай же — даже после его окончательного «вскрытия» Западом — не прогрессирует по «японскому» типу, а все более превращается в полуколонию и объект империалистической эксплуатации.

Конечно, Япония по сравнению с Китаем была менее привлекательна для Запада. Очень уж она бедна сырьевыми ресурсами. (Даже в 80-е годы XX века Япония импортировала 99,7 процента требующейся ей нефти, 100 процентов алюминия, железной руды и никеля, 95 процентов меди и 92 процента газа.)

Япония была «вскрыта» намного позднее Китая и не казалась по сравнению с Китаем особо привлекательным и быстро окупаемым местом приложения грабительских усилий. То ли дело Китай... Он ведь уже был крепко прижат Западом серией «опиумных» войн.

И уже поэтому Западу было выгоднее поощрять развитие Японии, чтобы держать ее «у ноги» и при необходимости науськать на Россию и (или) Китай. Что Запад потом с успехом и проделывал.

Но, с другой стороны, сырьевое богатство Китая объективно было мощным потенциальным фактором его быстрого национального прогресса..

Почему же не состоялся — параллельно японскому — китайский «рывок» на рубеже XIX—XX веков?

Этим интересным и важным вопросом я буду задаваться еще не раз и постепенно — не враз — постараюсь дать на него хотя бы частичный ответ.

Причем, говоря о китайском характере, надо иметь в виду, пожалуй, тот факт, что разница в психологии относительно немногочисленного образованного слоя китайцев и уже давно необъятной китайской крестьянской массы (так и хочется сказать — биомассы), скорее всего, была большей в XIX веке и остается большой в веке XXI. И поэтому, говоря о китайском национальном характере, я тут имею в виду тот его вариант, который свойствен верхней части китайского общества.

Конечно, и терпеливые кули XIX века, и почти бесправные и почти невежественные крестьяне XXI века. безучастно стоящие у подножия сверкающих пекинских небоскребов со своими старенькими грузовыми велосипедами, нагруженными зеленоватыми китайскими мандаринами, о чем-то думали и думают...

Они безучастны лишь внешне — человек не корова... Но они вмешиваются в ход истории редко — когда уже невтерпеж и когда терять нечего или почти нечего... А текущую ситуацию определяют, увы, образованные и поддерживаемые ими власти предержавшие.

Так вот — некоторая информация к размышлению об образе мыслей «мандариновой» части тогдашнего китайского общества...

В начале 60-х годов XIX века феодальная Япония была уже Западом «вскрыта», но еще пребывала в почти абсолютной слабости и растерянности. И правительство Измоти — предпоследнего сегуна из дома Токугава (об этом доме и еще много о чем я начну рассказ через десяток абзацев) — обратилось к Китаю с предложением об установлении официальных дипломатических отношений...

Но что было «великой» Небесной империи до веками презираемых *дун ян сяо гуйцзы* — «карликовых чертей из-за Восточного моря»?

«Чертям» отказали...

А в 1871 году предложение Небесной о союзе против вторжения западных держав отклонили уже «черти», начавшие эру «реформ Мэйдзи».

А еще позднее Муцу Мунэмицу, министр иностранных дел Японии в период японо-китайской войны 1894—1895 годов, напишет: *«Мы столкнулись с удивительным зрелищем, которое являли две страны, разделенные лишь узкой полосой воды: одна демонстрировала результаты восприятия западной цивилизации, другая оставалась защитником устаревшей практики в восточной Азии. В свое время японцы имели обыкновение относиться к Китаю с великим почтением. Они называли его «Небесной империей» и «Великой империей»... Теперь же мы презираем Китай как фанатичный и невежественный колосс консерватизма».*

Резко?

Да.

Справедливо?

Увы, тоже — да...

Пожалуй, часть ответа отыскивается и в показательной оценке психологии китайских компраторов (национальной буржуазии, обслуживающей интересы иностранного капитала) 30-х годов XX века и их взглядов на иностранцев, сделанной известным советским знатоком Китая Михаилом Иосифовичем Сладковским:

«При всей своей изощренности и изворотливости в отношениях с иностранцами... нельзя не отметить и их слабость. Торговцы фанатически верили в свое «превосходство» и «непогрешимость», они недооценивали своих контрагентов. Доктор Сунь Ят-сен в связи с этим отмечал: «Сам Китай очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства. Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным»...

Таковыми вот национальными свойствами обзавелся за тысячелетия своей истории Китай.

Еще бы! Ведь этих тысячелетий насчитывалось минимум четыре!

И это не считая того, что история вообще Homo sapiens ведет свой отсчет в том числе и от ископаемого «пракитайца» — синантропа.

А Япония...

Ну, о ней-то мы сейчас и поговорим.

Глава 3 «Раса Ямато» и коммодор Перри

ИСТОРИЯ древней Японии далеко не так уходит в глубь тысячелетий, как история Китая. Впрочем, забираться в самую глубь здесь нужды и нет.

Однако для того чтобы лучше понимать ход событий более-менее современных, нам, уважаемый читатель, полезно будет хотя бы кратко узнать ход событий достаточно давних...

Да и, смею уверить тебя, знать о них не только полезно, но и — интересно!

Аборигены Японских островов жили морем: ловлей рыбы, моллюсков, крабов. Благо этого добра в прибрежных водах хватало, а до моря от любой точки Японии не насчитаешь и полутора сотен, а то и сотни километров.

На полуострове острова приходили более цивилизованные переселенцы-колонисты с «китайского» материка, смешивались с аборигенами, оттесняли их к северу, но в конце концов тоже участвовали в формировании того народа, который потом назовет себя «расой Ямато» и станет известен во внешнем мире как японский.

Особенно активно шел этот процесс в IV и V веках, а каналом проникновения китайских родов и китайской культуры на Японские острова была тогда Корея, уже познакомившаяся с китайской цивилизацией.

Как я понимаю, аборигены Японских островов были людьми мужественными и привычными к стихиям. Япония — страна вулканов, цунами, землетрясений...

Япония — это и океан, огромные волны, морские просторы и в то же время множество небольших и недалеко находящихся друг от

друга островов с изрезанной береговой линией, с удобными бухтами. То есть сама природа воспитывала в островитянах и необходимую для выживания смелость, и легко удовлетворяемую любознательность.

Что же до пришельцев с континента, то они, надо полагать, были менее закаленными, но зато — более образованными, более утонченными. Как говорится — в бурях рождается характер, в тиши зреет интеллект.

Сплав стойкого характера аборигенов и континентальной культуры в едином народе, формирующемся, к тому же, в весьма своеобразной и богатой природной среде, обещал стать тоже весьма своеобразным и перспективным...

И уже тогда в Японии, похоже, очень высоко ставилось значение знания. Сам термин «сиру», применявшийся к древним родовым старейшинам и выражающий понятие «управлять», буквально означает «знать». Как писал в своей «Истории Японии» 1939 года профессор Е. Жуков, «власть родового старейшины первоначально основывалась на том, что он был более сведущим, «знающим», чем остальные члены рода».

Для древних народов это был подход далеко не повсеместный, ибо чаще ценилась у них сила не разума, а кулака. Впрочем, ценить во власти разум не очень — то умеет и большинство современных народов — начиная с народа русского. Но это так, к слову.

В начале VIII века в Японии был принят первый законодательный акт по образованию. В столице и провинции началось создание системы государственных школ.

Государственных, читатель! В начале VIII века...

В Европе и через полтысячи лет после этого японского государственного акта отношение к образованию было несколько иным. И немало даже владетельных особ принципиально *гордилось* своей неграмотностью.

В Японии таких не то чтобы презирали... Таких там в правящем слое просто не было!

И это, нетрадиционное для феодальных обществ мира, обстоятельство я прошу читателя запомнить. Мы к нему еще вернемся.

Средневековое японское общество было строго структурировано. Однако такой выдающийся лидер в деле объединения Японии, как Ода Набунага, родившийся в 1534 году, был в юности всего лишь мелким феодалом. То есть принцип «каждый сверчок знай свой шесток» жестко не выдерживался — незаурядность «снизу» далеко не всегда встречала неприятие «сверху».

Через восемь лет после появления на свет будущего грозного полководца и администратора — в 1542 году у южного побережья острова Кюсю впервые появился европейский корабль.

Португальский...

А через шестнадцать лет после этого первого «открытия» Японию двадцатичетырехлетний Ода при помощи своего сподвижника Тойотомы Хидэйоси и завезенного португальцами огнестрельного оружия начал серию своих славных походов по Японии.

Ода и его преемник Хидэйоси были натурами незаурядными и жесткими. Хидэйоси, к слову, тоже происходил не из вельмож, а вообще из простого народа. Начинал он у Оды простым дружинником — асигару (так назывались пехотинцы из числа крестьян).

Однако диктатура Ода Набунага существовала достаточно недолго — 14 лет. В 1582 году произошли события, которые вполне могли бы стать основой сюжета захватывающего голливудского боевика.

В том году Ода готовился к решительной схватке с крупнейшим феодальным князем Мори. Для разгрома одного из союзников Мори — князя Тесю — он и отправил в провинцию Биттю экспедиционный корпус испытанного Хидэйоси.

Чуть позднее Ода послал вдогонку Хидэйоси — на подмогу — другого своего ближайшего сотрудника и полководца — Акети Мицухидэ.

Вначале рядовой самурай, Акети пользовался абсолютным доверием Ода, благодаря чему и выдвинулся в военачальники.

И тут...

И тут Акети, вместо того чтобы идти к своему другу Хидэйоси, вдруг повернул обратно и вошел во временную резиденцию Ода — храм Хоннодзи в Киото.

Конечно, Ода удивился. Но мог ли он подумать, что долго удивляться ему не придется. Акети жестоко вырезал охрану Ода, а с ней — самого Ода и его старшего сына.

Объяснения этой подлости историки так и не нашли. Но вот то, что спешно вернувшийся Хидэйоси временно помирился с Мори, бросился в погоню за Акети, настиг его и уничтожил вместе со всем отрядом — это историки нам сообщают.

Приятно все же узнать, что негодьям порой быстро воздавалось по делам их. Хотя бы и века назад...

Достаточно скоро Хидэйоси стал окончательным хозяином Ягони и уже почти окончательным ее объединителем.

Он же окончательно закрепостил крестьян и ввел трехсословную систему: дворянство (самураи), крестьяне (хякусе) и горожане (темин).

Заметим, что тут отсутствует духовенство. Деталь, для многих народов в то время тоже не очень-то характерная.

Ода держал буддистских монахов и монастыри за смертельных врагов. Хидэйоси был в этом вопросе умереннее, подходя к проблеме чисто утилитарно: пока монахи в дела государства не суются — пусть молятся, а сунутся — тогда можно и нужно дать им по шапке...

Что же до материальных привилегий... А зачем они «божьим людям»?

Имя Хидэйоси легендарно в Японии и потому, что он предпринял ряд масштабных экспедиций — в том числе в Корею... Он хотел завоевать Корею, Формозу-Тайвань, Филиппины и Китай, перенеся столицу в китайский город Нинбо.

Реально же удалось на какое-то время покорить лишь Корею, но уже на этом деле истощился почти весь запас ресурсов и средств, накопленных Японией того времени. Пыл внешнеполитических авантюр угас.

Хотя, как показала уже новейшая история Японии, не навсегда.

После смерти Хидэйоси в 1598 году начинается «эра Токугавы», названная по имени первого из сегунов Токугав — Изясу.

Закончилась она лишь в 1867 году в ходе «революции Мэйдзи», когда пятнадцатый и последний сегун из рода Токугав, Токугава

Кэйки вынужден был заявить об отречении и о возвращении власти императору.

А основатель сегуната, Токугава Иэясу, стал сегуном, то есть военно-феодальным правителем Японии (дословно — «великий полководец, победитель варваров») в 1603 году, заставив императора Японии присвоить ему этот титул, известный в Японии с XII века.

По смыслу токугавского законодательства император не должен был «снисходить» до какого-либо общения с подданными. И он — под бдительным оком сегунов — «не снисходил». Разнообразила жизнь «киотского затворника» лишь «придворная знать», жалованье которой платил тот же сегун.

Такой вот своеобразной издавна была у японцев императорская «власть», уважаемый мой читатель.

Богатейший феодальный владетель Японии — первый Токугава — тоже был выдающимся соратником Оды. Токугава контролировал четверть всего рисового дохода страны. И власть Хидэйоси признавал постольку, поскольку тот его не трогал.

С 1598 по 1603 год Токугава официально считался опекуном законного наследника Хидэйоси — Хидэйори.

Потом это ему надоело, и он (ах, пардон — не он, а император) провозгласил себя (то есть я имею в виду, что его провозгласил император) сегуном.

Да, император в Японии уже тогда лишь царствовал, но не правил.

Токугава разделил все население не на три, а на четыре сословия: самураев, крестьян, ремесленников и купцов.

Заметим, что и тут духовенства как отдельного сословия нет. Видно, у соратников Оды, оставшихся ему верными, были не только горячие сердца в груди, но и неглупые головы на плечах.

И эту последнюю (тоже не частую для «верхов») особенность правящие слои Японии пронесли через века — что сослужило и им, и японскому народу службу впоследствии немалую.

К 1600 году японцы уже более полувека знали из европейцев лишь португальцев и испанцев, но накануне нового, XVII века на

голландском торговом судне в Японию прибывает англичанин Адамс, и в Японии начинается период англо-голландской торговли.

Взбешенные испанцы-католики начали интриги. А закончились они тем, что в 1614 году был обнародован указ о полном и безоговорочном запрещении христианства, потому что католицизм уже пустил в Стране восходящего солнца корни достаточно глубокие. Причем иезуиты — это тебе не буддийские монахи... Первые сегуны — правители Японии, надо отдать им должное, поняли это вовремя.

Страсти религиозные смешивались со страстями социальными. В 1637 году на полуострове Симабара началось то Симабарское восстание, после которого сын Изясу Токугава — Измицу решил закрыть Японию для иностранцев (кроме китайцев и корейцев) и запретить выезд японцев из Японии.

Другими словами, он решил полностью изолировать страну от всякого иностранного влияния.

И — изолировал!

В «императорском» указе говорилось:

«На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы даже он был и посланником, и этот закон никогда не может быть никем отменен под страхом смерти».

Одной из побудительных причин здесь выступала решимость сегуна пресечь распространение христианства, подрывающего основы государственного строя в интересах чуждых японцам сил.

В 1640 году из Макао к сегуну была послана с подарками специальная португальская миссия. Ехала она для того, чтобы Измицу пересмотрел запрет. Однако результат оказался неожиданным — почти весь состав миссии был казнен. Лишь нескольких человек из посольской свиты оставили в живых и отправили восвояси в Макао для передачи документа, где было сказано, что «португальцы не должны больше думать о нас, как будто бы нас нет больше на свете».

Так что, уважаемый читатель, далеко не в XX веке был изобретен пресловутый «железный занавес»...

Всякий португальский или испанский корабль, приходящий к японским берегам, подлежал немедленному уничтожению, а его

экипаж — смертной казни. Японец, заброшенный в чужие земли кораблекрушением, навсегда лишился права вернуться на родину.

Из европейцев частичное исключение было сделано лишь для голландцев. Они могли торговать на небольшом островке Дэсима близ порта Нагасаки. Но и там они были на положении заключенных. Голландцев это, впрочем, не очень-то смущало — они вывозили из Японии золото и серебро.

Вообще-то, особого избытка этих двух вечных «эквивалентов счастья» в Японии не было. Да и существует ли где-либо лишний драгметалл? Однако расставаться с ним японцев вынуждала необходимость — взамен золота и серебра они получали огнестрельное оружие. А платить за него ничем иным, кроме презренного, но отнюдь не презираемого металла, Япония не могла.

Впрочем, по мере того как арсеналы заполнялись, а японские мастера сами осваивали оружейное производство, сворачивалась торговля и с Голландией. Вначале был ограничен, а потом запрещен вывоз золота. В 1685 году до 130 тонн была снижена норма вывоза серебра и ограничен вывоз меди.

В Нагасаки приходило два-три голландских корабля в год, с 1715 года разрешалось приходить двум, а с 1790-го — лишь одному.

В 1790 году вывоз серебра японцы ограничили вообще 30 тоннами.

С началом XIX века ситуация не изменилась. В мире, в котором сильные державы начали усиленную колонизацию всего, что плохо лежало (точнее — было плохо защищено!), Япония была по-прежнему предоставлена самой себе.

Ситуация, читатель, просто-таки невероятная и уж точно в мировой истории уникальная. И лично я такое благодушное отношение алчного и далеко технологически обогнавшего Японию Запада к японским претензиям на «закрытость» могу объяснить лишь крайней сырьевой бедностью Японии. Япония во внешний мир не шла, но и ее не трогали.

С воцарением первых сегунов Токугава и изгнанием европейцев на Японских островах наступил Великий мир, благодетельствовавший их более двухсот пятидесяти лет.

Многие самураи, носившие на поясе традиционные мечи, не знали даже, как ими пользоваться! Японское общество как бы за-капсулировалось. Жизнь в нем текла не то чтобы вяло, но без того, что спортсмены называют «алертностью» («подтянутостью»).

О тогдашнем своеобразном социальном тоне японцев говорит уже то, что полтора века — почти до самой «революции Мэйдзи» — население Японии *не росло* (случай, очевидно, тоже уникаль-ный).

По данным правительственных переписей, в 1726 году население страны исчислялось в 26,5 миллиона человек, в 1750-м — в 26 миллионов, в 1804-м — в 25,5 миллиона и в 1846-м — в 27 миллионов.

Не исключаю, что у читателя возникнет вопрос: а может, японцы в своем стремлении быть самобытными зашли так далеко, что просто не проявляли к процессам, обуславливающим прирост народо-населения, никакой склонности?

Да нет, пожалуй — нет. Не говоря уже о блестящих эротических гравюрах Хокусаи, об обратном свидетельствует и статистика. Когда жизнь веселела, японцев прибавлялось сразу заметно.

Скажем, во время «революции Мэйдзи» в 1868 году в Японии было 30 миллионов человек (за двадцать лет прирост — три миллиона). А вскоре после «революции», в 1883 году, — уже 37,5 миллиона человек (семь с половиной миллионов за пятнадцать лет).

Дальше — больше! В 1925 году японцев насчитывалось 59,7 миллиона, в 1935-м — 69 миллионов, а в 1940-м — 73. Но тогда это была уже совсем другая Япония.

Где-то гремели громы Полтавы и войн Фридриха Великого, Великой Французской революции и Маренго, Трафальгарского сражения и Аустерлица, Бородина и лейпцигской «Битвы народов»...

Волей европейских масонов рождались Североамериканские Соединенные Штаты, а трудом народов рождался новый промышленный век.

Жан-Жак Руссо, Фурье и Маркс задумывались о строении общества, а Пьер Симон Лаплас — о строении Вселенной.

Где-то бурлили великие события, делались великие открытия, а Япония все подглядывала за ними через узкую «голландскую» щелку да за счет периодической посылки секретных эмиссаров в Китай и Европу...

В мире рождалась новая жизнь. А в Японии не рождались даже дети.

Вообще-то я не хочу сказать, что Япония пребывала в некоей тотальной цивилизационной спячке... Скажем, искусство... Оно ведь — если оно, конечно, искусство — отражает психологическое состояние общества получше любых социологических опросов. И даже антиискусство (тот же поп-модерн или квази-реализм Ильи Глазунова) говорит о состоянии умов и душ в обществе также немало.

Так вот, я смотрю на гравюру Хиросиге Андо из серии «53 вида Токайдо»... Это Япония 1834 года. Но ощущение такое, будто наш современник привел нас на уютную улицу современного небольшого городка, полного воздуха и света...

Годы жизни великого Утамаро — с 1753 по 1806-й.

Годы жизни великого Хокусаи — с 1760 по 1849-й...

В искусстве Европы того и более позднего времени — сплошь и рядом академизм или разного рода *выпендрож*. И гораздо реже — естественность.

А гравюры японских мастеров естественны, как небо и море, как птицы и травы, как простые человеческие чувства и как сама быстрая речная жизнь...

Нет, Япония не хлебала лаптем щи не только потому, что японцы не носили лаптей и щей не варили... И даже в состоянии самоизоляции Япония была, в общем-то, цивилизационно состоятельным обществом.

Однако психологически Япония первой половины XIX века была по отношению к внешнему миру чем-то вроде дремлющего зимой дерева. Соки в нем есть, и есть воля к жизни... Но при взгляде на него извне дерево выглядит чуть ли не мертвым. Хотя на самом деле просто не пришла еще для него пора бурления накопленных соков.

Проходили годы...

Сама по себе Япония интересовала внешний мир по-прежнему не очень-то. Однако была удобна как база для Америки на пути к Китаю, к России.

Америка за Японию и принялась...

В 1837 году американский корабль «Моррисон» приблизился к японским берегам, был обстрелян береговыми батареями в районе бухты Урага и поспешно удалился.

Через восемь лет к той же бухте Урага подошла экспедиция коммодора Бидля из двух кораблей и с полномочиями конгресса США на переговоры.

Простояв в бухте 10 дней, Бидль (на этот раз не обстрелянный) удалился восвояси. Но «вскрытие» Японии становилось делом считанных лет.

8 июля 1853 года уже в бухту Эдо прибывает «с визитом» коммодор Перри — во главе эскадры из 4 военных кораблей с экипажем в 560 человек и при пушках, многозначительно направленных на берег.

Ошеломленным чиновникам сегуна Перри привез:

а) письмо президента Фильмора;

б) модели машин;

в) кучу мелких механизмов;

г) предложение с ответом не торопиться;

д) сообщение о том, что снимается с якоря и уходит в Китай, и...

е) второе сообщение о том, что к весне он вернется в Эдо за ответом.

Вернулся коммодор даже раньше, чем растаял снег, — в феврале 1854 года.

Десять кораблей.

Две тысячи человек экипажа.

И звездно-полосатый флаг над каждым из кораблей и над каждым из бравых янки на их палубах...

Вот это «посольство»!

Результат сказаться не замедлил: через шесть недель был подписан первый японо-американский договор. Америка получала в Японии свои первые топливные и продовольственные «станции».

Есть японская гравюра тех времен, где корабль Перри в водах Токийского залива, заслоняющий полгоризонта, и подплывающие к нему японцы в ярких разноцветных лодках под японскими флагами великолепно иллюстрируют вызревающую в Штатах политику канонерок.

Нет, было, было все же у японцев и чувство жизни, и чувство историзма.

Приезд в страну первого консула США Таунсенда Гарриса практически совпал с англо-французской «опиумной» интервенцией в Китае. И в качестве первого «доброего совета» Гаррис порекомендовал японцам в отношениях с «цивилизацией» не артачиться. Мол, видите, как приходится нам обращаться у вас под боком с вашим несговорчивым континентальным соседом.

Возможно, что это был единственный в истории США случай, когда янки постарались в тот момент не только для себя, но и для Европы. Ведь японцы «совету» Гарриса вняли и быстренько подписали серию абсолютно неравноправных торговых договоров со Штатами, Голландией, Англией, Францией и даже с Россией. Иностранцы в Японии приобретали права экстерриториальности и супервыгодные таможенные льготы.

Но тогда воспользоваться плодами усилий решительных Перри и Гарриса в полной мере Америка не смогла — помешала начавшаяся в Штатах Гражданская война Севера и Юга 1861—1865 годов.

И на первое место в «разработке» японских рынков выдвигается Англия. Впрочем, в деле подавления антизападных настроений в Японии Англия и ее конкуренты действуют согласно — в 1864 году объединенная англо-франко-американо-голландская эскадра бомбардирует японские батареи в проливе Симоносеки, обстрелявшие иностранные суда.

Соответственно, и токугавский сегунат, уже юлящий перед внешней силой, и сторонники нового «закрытия» Японии были обречены.

Краткий очерк истории Японии, вышедший в 1939 году из-под пера профессора Жукова, описывает ситуацию так: «Японская интеллигенция — «разночинцы» самурайско-буржуазного происхождения — со времени прихода в Японию европейцев впервые в широких масштабах столкнулись с буржуазной культурой Запада... Токугавская узость мысли, полицейская регламентация, феодальный произвол казались особенно нетерпимыми передовым людям из среды молодой японской интеллигенции. По существу эта интеллигенция в острой форме выражала чаяния и политические притязания буржуазного класса, находившегося в Японии еще в периоде первоначального становления и самоутверждения».

Тут хорошо уловлено то основное, что обеспечило перелом ситуации, — напор молодых, подлинно национальных сил, не желающих, чтобы их Родина стала задворками мира.

Слышите, молодые русские ребята? Да и не очень уже молодые их матери и отцы?

В 1866 году умер сегун Измоти Токугава. Новым сегуном (как оказалось — и последним) стал Кэйки, до этого бывший четыре года регентом при Измоти.

В 1867 году в древней столице Японии Киото умер и император Комэй. Его сыну Муцухито было тогда 15 лет, и новый император-подросток становится знаменем (не более того, но...) обновления Японии.

Да, феодальный сегунат был обречен...

Обречен и потому, что по стране начались крестьянские восстания.

И потому, что подчиняться токугавской администрации отказывались города. Поддерживала ее лишь токугавская столица Иеддо-Эдо (будущий Токио), где располагалась «бакуфу» — ставка сегуна.

Против сегуната выступал и блок феодальных князей-даймьо при финансовой поддержке богатейшего банкирского дома Мицуи. Деталь, безусловно, важная!

Сегунат мешал и Англии, которая обещала моральную поддержку походу антисегунских сил на Эдо.

Промежуточный финиш наступил в ноябре 1867 года, когда Кэйки пригласил всех виднейших даймё на совещание в Киото, где в присутствии Муцухито заявил о своем намерении сложить власть. Однако на самом деле крупнейший феодал Кэйки, контролировавший более половины Японии, был склонен еще побороться. Поэтому окончательно сегунат «финишировал» в 1868 году, после поражения войск Кэйки при Фусими.

Самого экс-сегуна спасли военные французские моряки (Франция в противовес Англии поддерживала Кэйки). Французы высадились в Йокосуке и пригрозили, что если Кэйки будет убит, то они начнут интервенцию.

События двух бурных лет — борьба кланов князей с сегуном, крестьянские волнения и волнения в городах, сражения, победы одних и поражения других в гражданской, по сути, войне — положили начало смуте до второй половины 70-х годов.

Кульминацией феодально-самурайского сопротивления стало противоправительственное восстание самураев из клана Сацума в 1877 году.

Главой и сердцем восстания был военный министр Сайго Такамори. Он открыто призывал повторить давний поход Хидейоси на Корею (даром что те давние походы кончились ничем) и собирал вокруг себя молодых безработных самураев, лишенных правительством Мэйдзи «рисовой стипендии» и старинного права носить два меча.

Штабом Сайго была военная школа в вотчине клана Сацума — городе Кагосима. Семь тысяч курсантов изучали там кроме европейской военной науки также и основы «самурайского мировоззрения».

В 1877 году Сайго выступил. И сразу же совершил стратегическую ошибку. Он осадил крупный административный центр Юга — Кумамото. А там располагался многочисленный гарнизон правительственных войск, состоявший не из самураев, а из призывных солдат, набранных в армию по новому закону 1872 года о всеобщей воинской повинности. И эта осада связала все действия Сайго.

Залогом успеха полководца Наполеон считал умение быть в нужное время в нужном месте. Однако место Сайго выбрал явно неудачно. Да и время работало не на него — как в прямом, так и в переносном смысле слова.

У Сайго было 40 тысяч человек. Общее количество правительственных войск составляло через три месяца после начала мятежа 60 тысяч плюс добровольцы. Поэтому столкновение двух сил оказалось исключительно ожесточенным и кровавым (с обеих сторон было убито 60 тысяч и ранено 10 тысяч).

Но поражение войскам Сайго правительство Мэйдзи нанесло, а мятеж был обезглавлен. Причем обезглавлен — в буквальном смысле!

После краха под Кумамото Сайго бежал в Кагосиму. Теперь уже был осажден он, и правительство начало бомбардировку Кагосима. Сайго был ранен и, не желая сдаваться в плен, «попросил — как сообщает профессор Жуков, — одного из своих вассалов отрубить ему голову, что тот и исполнил».

То есть нечто вроде гражданской войны длилось на Японских островах почти 10 лет.

Но именно период 1867—1868 годов был назван «Мэйдзи исин» («реставрация Мэйдзи»), или «революция Мэйдзи». Эпоха каждого японского императора получает свое наименование, и годы правления Муцухито были заранее определены как «просвещенное правление» — «Мэйдзи».

Так оно, в общем-то, и вышло.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ старт Японии был более чем впечатляющим. Конечно, на волне смут и реформ наверх выплывало всякое и всякие... Вот одна из примет эпохи.

Уже после разгрома Сайго группой участников мятежа был послан в Токио (бывший Эдо) самурай Иокояма — с петицией к правительству.

Иокояма, сам написавший эту петицию-памфлет, вручил ее чиновникам и тут же сделал себе харакири.

«Те, кто призван помогать императору в качестве его министров, — писал Иокояма, — в верхах — вводят в заблуждение императорский двор, в низах — не обращают внимания на голод... Крупные и мелкие чиновники заботятся о почестях и наживе... Ищут не людей для чинов, а чинов для людей... Ценится связь лишь на почве выпивки... Государство в опасности...»

Все эти обвинения были высказаны, в общем-то, по адресу. Но если бы все обстояло только так и простой народ (а не лишившиеся казенных «пенсий» и риса самураи) голодал, то ни о каком росте, скажем, населения, и речи быть не могло.

А в стране массово начали появляться новые маленькие японцы.

И не только они, но и много еще чего другого — нового и непривычного, но полезного и нужного. Так что сентенции Иокоямы в чем-то напоминали критику новаторов-большевиков провалившимися белыми-дворянами. Белые не во всем были не правы, но будущее объективно было не за ними, так же как и в Японии будущее было не за консервативной частью самурайства.

В 1872 году первая японская железная дорога соединила Эдо, переименованный в Токио, с портом Иокагама.

В 1873 году было положено начало современной японской металлургии. Но тут первый опыт был неудачным — через 10 лет завод вблизи железных рудников Камаиси в префектуре Ивате закрылся. И лишь в 1901 году начал успешно работать крупнейший государственный металлургический завод Явата.

Началось же все в 1868 году... Тогда 3 января был издан императорский манифест с решением «утвердить отставку правительства Токугава... упразднить власть сегуна. . восстановить императорскую власть».

Итак, формально все проходило под лозунгом «восстановления власти императора», откуда потом и пошел термин «реставрация» (что и означает, собственно, «восстановление»).

6 апреля 1868 года император (к слову, японцы именуют его не «микадо», а «тенно») Мэйдзи в торжественной обстановке принес клятву, состоявшую из пяти пунктов.

Провозглашалось вот что:

«1. Будет создано широкое совещательное собрание, и все дела управления будут решаться согласно с общественным мнением.

2. Все люди — и правители, и управляемые — должны единодушно посвятить себя целиком процветанию нации.

3. Всем военным и гражданским чинам и всему народу будет позволено осуществлять свои стремления, согласно способностям каждого.

4. Все отжившие обычаи прошлого должны быть отброшены, и право и справедливость, как они признаются, будут утверждены повсюду.

5. Для прочного возведения основ империи будут повсюду в мире заимствоваться знания».

Это была, конечно, декларация, но ее дух был не **дан** властью, а **уловлен** ею в потребностях эпохи! И потому эти 5 пунктов не повисли в воздухе и не рухнули — как мечтания философов-«реформаторов» в Китае. В чем-то — непоследовательно, в чем-то — решительно, но эти принципы облекались в плоть реальных дел и результатов именно потому, что эти принципы уже существовали в умах и сердцах всей активной части японского общества.

Что интересно, уважаемый читатель! В ту действительно бурную и незаурядную эпоху в Японии не выдвинулся какой-то конкретный мощный национальный лидер. Были, конечно, в «революции Мэйдзи» фигуры яркие и деятельные — иначе и быть не могло в любом успешном политическом предприятии. Но это была группа.

Однако группа была и мощной, и динамичной. И вот у этой группы пидеры были. Именно — пидеры, а не лидер... Лишний раз в этом можно убедиться, ознакомившись с оценкой видного китайского просветителя конца XIX — начала XX века Хуан Цзунсяня...

Он (как и неудачливые китайские реформаторы Кан Ювэй, Лян Цичао, Тан Цайчан) с явной восхищенной завистью к Японии и с надеждой на то, что такие люди появятся и в Китае, то и дело говорил

и писал об огромной роли «двух–трех великих героев, которые возглавили движение и заложили фундамент для обновления нации».

Лян Цицао писал о «группе просвещенных, передовых мыслителей, смело действующих в духе времени».

Подлинным вдохновителем японских реформ стала сама Историческая Необходимость. Однако счастье Японии (а может, и ее особенность) было в том, что за этим «лидером» пошли уже конкретные люди... И, пожалуй, мало кто до этого из руководителей государств мира мыслил и действовал так рационально, как это было с руководителями «реставрации–революции Мэйдзи».

И я сейчас кое о ком из них немного расскажу.

Тосимити Окубо в 1867 году было 35 лет. Такамаса Кидо — 34. Оба — самураи. И оба играли в «реставрации Мэйдзи» роль видную и завидную.

Окуба прожил 46 лет (в 1878 году его убил самурай–реакционер), Кидо — и того меньше — 44 года.

В первом правительстве Мэйдзи Окуба был министром финансов, а через десять лет, будучи уже министром внутренних дел, именно он вместе с другим участником «революции Мэйдзи» 39-летним военным министром генералом Ямагатой подавлял мятеж Сайго (за что и заплатил жизнью).

Вместе с Кидо Окуба подготовил и провел административную реформу в Японии.

Сторонник централизации власти, Кидо усреднял чисто самурайские амбиции феодалов и нетерпеливой молодой японской буржуазии. В 1871 году он входил в состав посольств, посланных в США и Европу с целью добиться пересмотра неравноправных для Японии Ансэйских договоров.

Договоры были так названы по официальному именованию времени царствования императора Комэй — эпоха Ансэй («спокойствие»). Ирония истории — как раз в годы Ансэй (1854—1860) Япония спокойствия и лишилась.

Что же касается договоров, то это была, уважаемый читатель, целая куча бумаг: американо–японский договор 1854 года (подпи-

сан в Иокогаме, а дополнительные статьи — в Симодэ), американо-японская конвенция 1857 года, американо-японский торговый договор 1858 года, англо-японский договор 1855 года, англо-японский торговый договор 1858 года, голландско-японские договоры 1856 и 1858 годов, франко-японский и русско-японский торговые договоры 1858 года...

Так что Кидо с коллегами работы хватало, и не их вина, что тогда из посольств ничего не вышло — только в период с 1894 по 1911 год унижительные и невыгодные для Японии договоры были заменены равноправными.

Руководителю конституционной комиссии Хиробуми Ито (тоже самураю) к началу «революции Мэйдзи» было 26 лет (когда он возглавил первый японский кабинет министров европейского образца в 1885 году, ему было 44 года, а когда его конституция увидела свет — уже 47).

За четыре года до событий Мэйдзи двадцатидвухлетний Ито под видом матроса отправился в Англию учиться. Добрался он до Лондона вместе с двадцативосьмилетним Иноуз Каору (потом занимал многие министерские посты, в том числе и министра иностранных дел).

Тогда за это в Японии грозила смертная казнь.

Много позже Ито сыграл большую роль в заключении англо-японского союзного договора, но прославился он как «японский Бисмарк». Такое свое прозвище он заслужил вдвойне — и потому, что старался иметь «железного канцлера» за политический образец, и потому, что был сторонником дружественных, а не враждебных отношений Японии с Россией.

Ито восторгался Бисмарком и — как написал о нем профессор Жуков — «сам признавал, что из своих заграничных странствий наибольший опыт для заимствования он приобрел в Германии».

А что? Ведь и объединенная Германия Бисмарка тогда поднималась мощно и быстро. Японские ученики явно умели выбирать себе подходящих учителей! Это поколение политиков оказалось при деле действительно в нужное время и в нужном месте. Потому-то они и обретали успех.

Ито, между прочим, создал в Японии новое титулование знати — взамен титулов сегуната. Особая квалификационная комиссия разделила 500 вновь вводимых наследственных титулов так: 12 князей, 24 маркиза, 74 графа, 321 виконт и 69 баронов.

Сам Ито стал графом (потом — маркизом) и в разное время лично «снял пробу» почти со всех высших постов, последовательно возглавляя те государственные учреждения, которые сам же и создавал.

Ито принадлежат комментарии к конституции, и один государственный тезис Ито заслуживает особого внимания.

Статья 27 главы II конституции гласила: «Собственность каждого японского подданного неприкосновенна. Изъятия, необходимые в интересах общественной пользы, определяются законом».

Ито истолковывал эту статью так:

«Право собственности находится под властью государства. Поэтому оно должно подчиняться законным ограничениям. Оно неприкосновенно, правда, однако и не безгранично. Например, некоторые здания воспрещается строить на известном расстоянии от пограничной черты... и такое запрещение не подлежит обжалованию; добыча земных минералов подлежит контролю горных законов; эксплуатация лесов подчиняется особым узаконениям, основанным на началах рационального хозяйства; ...это в достаточной мере показывает, что собственность частных лиц, как и они сами, находится в подчинении у государства...»

То есть крупнейший буржуазный реформатор Японии с самого начала реформ не рассматривал частную собственность как священную и ясно давал понять всем, что при государственной необходимости новая Япония будет эту «священную корову» доить в той мере, в какой будет сочтено необходимым.

И этот принцип (который, как любой принцип, далеко не всегда соблюдался, но все же и не остался только на бумаге) отнюдь не сковал частной инициативы — развивалась Япония бурно и смело!

Позднее Ито в качестве генерального резидента в Корее много сделал для японской аннексии Кореи. Назначенный в 1909 году

председателем Тайного совета, он был убит в Харбине корейским националистом.

Пули, убившие Ито, просвистели рядом с головой Владимира Николаевича Коковцова, который приехал в Харбин специально на встречу с японцем.

Ито приезжал в Петербург в ноябре 1901 года. Для самого Ито это была скорее искренняя попытка установить с Россией доверительные отношения. Увы, для многих в Японии это был скорее маневр в интересах быстрейшего заключения англо-японского союзного договора.

Однако Ито принадлежал к тем влиятельным фигурам, о которых младший коллега Ито — Кикудзиро Иссии писал позднее в своих «Дипломатических комментариях» так: «В Японии была небольшая группа лиц, в том числе некоторые влиятельные фигуры, которые считали, что дальневосточные вопросы желательнее решать в согласии с Россией».

ВО ВРЕМЕНА «вскрытия» Японии, в 1853—1854 годах, всем этим людям было немногим более двадцати лет. На их глазах Япония менялась, и на их глазах Родину начали унижать. Причем отпор силой был невозможен. Невозможен потому, что у Японии не было силы и близко равной силе чужой, внешней, пришедшей...

Сердце призывало — надо бороться за новую Японию с полной самоотдачей, самоотверженно.

Ум подсказывал метод — освоить знание и умение пришельцев и сравняться с ними в силе.

Когда будущие реформаторы возмужали и когда условия для реформ созрели, они начали действовать. И победили!

Сердце и ум властвующих! Как важно, чтобы сердце облагораживало ум, а ум мыслил верно и рационально...

Японские политики-реформаторы мыслили рационально, однако ходили, собственно, по лезвию самурайского меча. В 1889 году — году принятия японской конституции — за чрезмерное пристрастие к европейской культуре был убит министр Мори, а в ок-

тябре этого же года министр иностранных дел Окума лишился ноги после взрыва брошенной в него бомбы.

Тесно связанный с обретающей могущество фирмой «Мицубиси», Окума и после этого играл в жизни Японии первые роли — был «премьером войны» в 1914 году, в 1915 году предъявил Китаю знаменитые «Двадцать одно требование».

А вот князь Ивакура Томоми — министр юстиции Мэйдзи — после неудачного покушения на него от политической деятельности отошел.

Мацуката Масайоси из клана Сацума тоже имел дела с «Мицубиси». Родился чуть позже своих старших товарищей — в 1840 году. Начало эпохи Мэйдзи он встретил двадцатисемилетним. Когда Масайоси исполнилось тридцать четыре, возникла мелкая пароводная компания «Мицубиси». Но в Японии тогда выходцы из мелких самураев вершили большие дела, а мелкие фирмы, руководимые энергичными людьми, быстро вырастали в могучие промышленные концерны.

В новой Японии Масайоси пришлось побывать и министром финансов, и премьером, и хранителем имперской печати. Он оказался предпоследним из «генро», а последним был Киммоти Сайондзи.

Сайондзи был моложе Масайоси на девять лет. В число «генро» он вошел в 1912 году, когда этот специфически японский орган высшего управления разменял уже пятый десяток.

«Генро» буквально значит «старейшины государства». Титул и государственная роль «генро» не были предусмотрены никакими законодательными актами. Создавался институт «генро» в ходе рестройки Мэйдзи, а по своему составу и смыслу был институтом предельно олигархическим. Собственно, «генро», формально считавшиеся советниками императора, — это вожди и доверенные лица четырех ведущих феодальных кланов: Сацума, Тесю, Тоса и Хидзен.

Именно эти вожди инициировали свержение сегуна (или, во всяком случае, согласились с этой идеей). Первые тридцать лет по-

реформенного режима эта узкая группа была — по определению первого издания БСЭ — «абсолютным хозяином государства».

Вряд ли это было так на самом деле... У государства, созданию которого отдало силы, ум, душу, кровь, а то и жизнь целое поколение японцев из самурайской среды, была намного более широкая общественная база, чем это могли обеспечить любые олигархи.

Но к концу XIX века и позднее состав «генро» выглядел как список высших и отнюдь не свадебных государственных фигур.

Ямагата... Ито... Иноуэ... Ояма... Мацуката... Кацура... Сайондзи... Окума...

Ито пробирался в Европу учиться, рискуя жизнью. Генерал Тауро Кацура в 70-е годы учился в Германии на государственные деньги.

В 1898 году в возрасте сорока одного года он стал военным министром и был им до 1901 года. А потом, назначенный уже премьером, он оказался вдохновителем и организатором англо-японского союза.

(Впрочем, замечу я в скобках, если бы не желание «англичанки» подгадать по мере сил, и желательность чужими руками, русским дальневосточным делам, то ничего у Кацуры не вышло бы... Япония не столько стремилась к союзу с Англией, сколько Англия ее в такой союз втягивала, опасаясь, как бы на союз с Японией не пошла Россия. А дальневосточная активность России пугала не одних лишь бриттов. Ведь такая активность осложняла втягивание России в планируемую Золотой Элитой европейскую войну.)

Кацура же привел Японию к войне с Россией. Хотя и тут было бы вернее сказать, что к войне с Японией Россию привела сама Россия Романовых, поддававшихся на провокации всяких там витте, безобразовых, абаз, вогаков и прочих (с этими «героями эпохи» мы позднее познакомимся).

Аритомо Ямагата был старше Кацуры почти на десять лет и был премьером в самом конце «века реформ». Его сменил Ито, а Ито сменил Кацура.

В Русско-японскую войну Ямагата был начальником Генерального штаба.

Все это были деятельные и смелые люди. И они не очень-то высоко ценили Россию того Романова, который называл их «макашками» и который еще наследником, во время своего визита в Японию, получил от «макашки» саблей по голове.

Они поглядывали на Россию с пренебрежением. Но разве не заслуживали его, уважаемый мой читатель, горе-управленцы типа Муравьева (не-Амурского), Витте, Родзянки, Бирюлева, Сухомлинова?

И заслуживала ли инोगо свора великих князей? Сам глава августейшей фамилии?

Задумаемся, дорогой мой читатель! Ведь и деятели клана «генро», и элита романовской России вели свои государства и народы к Мукдену и Цусиме — двум ключевым битвам Русско-японской войны на суше и на море.

Однако вели-то они их к разному и по-разному!

Великородные великосветские паразиты вели нас к позору поражений.

А деятели эпохи Мэйдзи вели японцев к победам и державной мощи.

Так можем ли мы осуждать их за это? Я не испытываю к ним любви, да и чувств особо добрых не испытываю. Ведь как ни крути, а почти все они оказались врагами не только и не столько Романовых, сколько России.

Но уважать я их уважаю уже потому, что при всей своей спеси и всем политиканстве (под конец «века реформ» некоторые кабинеты не держались и полугодом) эти лидеры Японии были действительно ее лидерами.

Япония менялась стремительно, осмысленно. И уже было ясно, что в новом, XX веке у нее будет бурное и большое будущее.

Однако ясности в том, каким оно будет в отношениях с внешним миром, не наблюдалось...

Да, будущее Японии было в этом отношении неопределенным уже потому, что все более и более портились ее отношения с той единственной мировой державой, которая могла бы к своей выгоде

дополнять Японию на Дальнем Востоке так, как она же могла бы дополнять к своей выгоде Германию на Западе.

Я имею в виду, конечно же, нашу Россию.

В Японии были влиятельные фигуры, которые считали, что дальневосточные вопросы желательнее решать в согласии с ней. Да вот только вне Японии было много еще более влиятельных фигур, для которых русско-японское партнерство было таким же неприемлемым и гибельным, как партнерство русско-германское.

Хватало таких и в самой Японии. Слава Хидейоси, ходившего походами на Корею, не давала таким покоя...

Впрочем, пока что и Япония, и Россия, и мы с тобой, уважаемый мой читатель, все еще не вышли за пределы японского «века реформ»...

ПЕРВАЯ конституция Японии была опубликована 11 февраля 1889 года, и вскоре были назначены парламентские выборы.

Среди возникающих партий сами названия отражали процессы эпохи: Партия нуждающихся (Комминто), Конституционно-либеральная партия, Партия реформ и прогресса, Императорская партия...

Политические партии в Японии тогда только-только сформировались, но политиканство уже набрало там полную силу. Так, лидер организации «дайдо данкецу» Гото Сиодзиро, боровшийся против клановых правительств, накануне выборов вышел из руководства оппозиции и сам стал членом правительства. Становилась популярной министерская чехарда и смена недолговечных кабинетов.

Избирательный закон устанавливал имущественный ценз в виде требования уплаты прямых налогов не менее 15 иен в год. В результате в первых выборах 1 июля 1890 года участвовало всего около 1 процента населения страны.

130 из 300 мест в парламенте получила Либеральная партия, а Партия реформ — 41 место. Председателем парламента стал Ито, а генерал (впоследствии — маршал и председатель Тайного совета) Аримото Ямагата сформировал правительство меньшинства.

Япония строила себя сразу по всем направлениям, но важнейшим была, конечно, экономика. За один только 1889 год новые капиталовложения в Японии составляли 72 миллиона иен, причем 60 миллионов приходилось на промышленность. Это было в 10 раз больше, чем в 1886 году.

Для Японии не существовало серьезной внешней угрозы, и она начинала не с тяжелой, а с легкой промышленности, дающей быстрый оборот и хорошую прибыль. Развивалось текстильное производство. Поэтому структура японского «пролетариата» в первый период оказалась своеобразной. В 1882 году из 50 тысяч промышленных рабочих 69% составляли... женщины. Если учесть, что широко использовался и детский труд, то картина получается впечатляющая.

И даже в 1895 году из общего количества рабочих в 425 тысяч человек женщин было около 250 тысяч.

Сложно было с сельским хозяйством. В том же 1889 году из-за неурожая половину потребляемого японцами риса пришлось ввезти из-за границы. На производство риса на одном акре в Японии расходовалось 110 человекодней. В Техасе и Луизиане для производства того же количества риса затрачивалось 2 человекодня и одна упряжка на полтора дня.

Честная статистика, уважаемый мой читатель, иногда увлекает больше, чем авантюрный роман... Ну разве не впечатляет тот факт, что Англия увеличила тоннаж своего торгового флота с 1891 по 1907 год на 91 процент, Франция — на 49 и даже Германия и США — на 222 и 217, а вот Япония — на 704 (семьсот четыре)!

Конечно, в абсолютных цифрах (611 тысяч регистровых тонн к 1907 году) Япония уступала Англии в 16 раз, Германии — в 3,5 раза, а США — в 2 раза. Но Япония уже почти догнала Францию и обогнала Италию!

А телеграфная сеть! Начав в конце 80-х годов XIX века с нуля, Япония имела через десять лет уже почти 3 тысячи километров телеграфных линий, а к 1908 году — более 8 тысяч.

Да, Германия имела тогда уже 30 тысяч километров, Франция — 43 тысячи, а Америка — целых 93!

Но та же Италия протянула по своей территории всего 2 тысячи километров телеграфа. В Европе!

В 1892 году Япония впервые начинает выплавлять высококачественную сталь по методу Бессемера, а в 1893 году производит первый отечественный паровоз.

В 1909 году сберегательные кассы Японии имели 8 миллионов вкладчиков, а английские — 11 миллионов. При этом на одного среднего японского вкладчика приходился вклад в 1 фунт 5 шиллингов и 1 пенс, а на английского — почти 15 фунтов.

Конечно, достаток среднего японца и среднего англичанина были несравнимы. Несравнимы были уровни механизации труда да и почти все абсолютные показатели. Но такими же несравнимыми — но уже в пользу Японии — были и темпы прогресса Британии и Японии.

И не только Британии...

До этого в истории мира был лишь один пример быстрого и тотального броска большой страны к качественно новой жизни и новому уровню государственной мощи... Так споро прорубала свое «окно в Европу» петровская Россия. Но и она не шагала так стремительно, как хотел бы этого великий наш царь-реформатор.

А вот Япония шагала. И лишь опять-таки Россия, но уже Россия социалистическая, позднее оспорила у Японии первенство в темпах роста...

Глава 4 Японский пролог и «дальневосточный вопрос»...

БУДУЧИ «вскрытой» насильно, Япония очень умело и быстро научилась сама выходить во внешний мир как сила, охотно прибегающая к насилию в целях чисто империалистических.

При этом Япония в полной мере воспользовалась своей расовой и географической близостью к таким объектам мировой империалистической эксплуатации, как Китай и Корея.

Причем по отношению к Корее она вела себя почти в точности так, как вел себя по отношению к Японии незабвенный коммодор Перри.

Японию принуждали к неравноправным договорам державы, более сильные, чем она. А вот Корее их навязывала уже Япония (в дополнение к тем западным державам, которые, навязывая диктат Японии, не забывали и Корею).

Феодальная и прочно отставшая даже от Китая, Корея жила — как мы знаем — в условиях формальной вассальной зависимости корейского короля от китайского императора. Но в 1876 году Япония добилась от Кореи открытия для своей торговли важного порта Фузан, а в 1880 году — еще и Гензана и Чемульпо (памятного русским людям по подвигу «Варяга»).

О том, как развивались японо-корейские отношения далее, мы тоже знаем. Но будет полезным и уместным привести тут следующие слова из «Истории Японии» профессора Жукова: «Наглое поведение Японии, которая бесцеремонно нарушала всякие соглашения, наводняла Корею алчными торговцами, грубыми офицерами и

всякого рода авантюристами, грабившими народ и принимавшими участие во всевозможных внутренних интригах при корейском дворе, добываясь преобладающего влияния на безвольных и продажных корейских феодалов, — дважды приводило к открытому возмущению. В 1882 и 1884 гг. помещения японской дипломатической миссии в Сеуле подвергались сожжению».

Запад вводил войска в Китай, Япония — пока лишь в Корею, действуя при этом и силой, и хитростью.

Вот вам и пример... Я уже писал, что «под занавес» уходящего XIX века в Корее началось восстание тонхаков против корейских феодалов. Так вот, среди вождей восстания были прямые... агенты японского Генерального штаба. Японские офицеры изучали обстановку, а при необходимости выполняли роль инструкторов.

Внутренняя смута — лучшее время для внешних империалистов. Так что посмотрим на предысторию японо-китайской войны еще и с этой стороны...

Итак, 4 июня 1894 года «генро» и правительство решили отправить в Корею войска.

А 16 июля 1894 года Япония и Англия подписали новый торговый договор на более-менее справедливой основе (это был прецедент отказа западной державы от Ансэйского договора).

И это дополнительно провоцировало уже в ближней перспективе японо-китайский конфликт. Ведь не за красивые глаза гейш Англия отказывалась от своих преимущественных прав в Японии! Это была плата за готовность Японии к силовой внешней политике, за готовность жить не идеями регионального мира и стабильности, а идеями агрессии и аннексии.

Англия и в Китае пользовалась в то время почти подавляющим влиянием. Однако политика Золотого Капитала всегда многослойна, и столкнуть Японию с Китаем англичане сочли для себя небесполезным. Причем технологию провоцирования Японии на внешнюю агрессию Англия тогда опробовала — и с успехом — в первый, но, увы, не в последний раз! Впереди было англосаксонское стравливание Японии и России...

Японию, впрочем, особо подталкивать в Корею и не приходилось. Осенней тенью Хидэйоси двенадцатитысячный экспедиционный японский корпус вскоре оккупирует Сеул и важнейшие корейские порты.

А японское правительство предъявляет Китаю ультиматум, требуя отказаться от всех прав на Корею (о праве на Корею корейского народа и речи не было).

1 августа 1894 года Япония объявляет Китаю войну и 1 сентября главная квартира (военная ставка) императора переносится в Хиросиму.

Китай в свою очередь подзуживала Россия, да и Америка была более чем недовольна так явно обнаружившейся прытью японцев и их аппетитами (право есть вкусные чужие пироги за чужой же счет Америка признавала лишь за собой).

Но реально тогда Японии помешать никто не мог, и Китай потерпел поражение если не в два счета, то в восемь месяцев. Даром что в сражении на реке Ялу 17 сентября китайские мусульманские полки (в Китае, как и в чеховской «Греции», хватало всего и всех) легли до последнего солдата.

Позиций своих мусульмане с раскосыми глазами не сдали, однако японцы их все равно заняли. После гибели защитников этих позиций...

Коррупция в китайском руководстве времен регентши Цы Си не то чтобы процветала, а была его неотъемлемой родовой чертой. После первых поражений китайских армии и флота непотопляемый сановник Ли Хун-чжан был отстранен, хотя «мирный договор» с Японией позже было поручено подписать ему же.

Между прочим, во время переговоров в Ли стреляли, и пуля, застрявшая под правым глазом, так и не была извлечена.

Через семь месяцев после битвы на Ялу, 17 апреля 1895 года, прелиминарный (предварительный) «мирный договор» был подписан в японском городе Симоносеки.

Кроме разных там уступок и контрибуции в 200 миллионов купинских лян (таэлей), то есть примерно в 300 миллионов рублей, наиболее существенным в этом «договоре» был отказ Китая от ост-

рова Формозы (Тайваня) и Пескадорского архипелага, а также от южной части провинции Фынтянь (Мукденская провинция) — Ляодунского полуострова (он также известен под японским названием «Квантунский», и это название русским не так уж и незнакомо).

«Соглашался» Китай и на «временное занятие» Японией Вэйхайвэя (на самом кончике Шаньдунского полуострова).

И вот тут, уважаемый читатель, все получилось в стиле лучших классических басен... Вообще — то о том, что получилось вскоре после Симоносекского «мира» и вследствие его, ты уже как-то осведомлен.

Но здесь мы ситуацию рассмотрим еще раз. Однако вначале — один совет.

Я очень рекомендую внимательно всмотреться в карту Северо-Восточного Китая, чтобы дальнейшее стало более наглядным.

А если желания «ползать» по карте нет, то читай внимательнее и разбирайся... Вот — Корейский полуостров. Он отделяет глубоко вдающееся в сушу Желтое море от моря Японского.

Материковые берега Желтого моря — китайские.

И у самого Китая Желтое море образует обширный «карман» Чжилийского залива и Ляодунского залива, ограниченный «снизу» (с юга) Шаньдунским полуостровом, а «сверху» (с севера) — полуостровом Ляодунским, *границащим с Кореей*.

Чжилийский залив (Бохайвань) соединяется с Желтым морем Чжилийским проливом (Бохайхайся).

Места это стратегически лакомые (там от побережья и до Пекина недалеко).

Так вот, Формоза и Пескадоры за Японией в конце концов и остались.

Но не прошло и недели (точнее — прошло шесть дней) с момента подписания Симоносекского договора, как 23 апреля официальные представители России, Германии и Франции в Токио вручили японскому правительству «дружественную» ноту с «дружественным советом» — «во избежание международных осложнений» — не занимать Ляодунского полуострова.

И смех и грех... Тень Хидэйоси над Японией—то витала, да вот как быть с коллективной «рекомендацией» троих таких вот «друзей»? Тем более что она была подкреплена военно-морской демонстрацией соединенной франко-германо-русской эскадры в Чифу, где происходила ратификация мирного договора.

Обычно пишут, что затеяла все это Россия, но вряд ли Россия была подлинным автором идеи, особенно если учесть, кто был пружиной этой совместной акции со стороны России (об этом читатель узнает позже).

При чем тут была Россия? Франция и Германия сами не были заинтересованы в резком усилении Японии, потому что это мешало их собственной активности в Китае.

Но формально всем было выгодно вытолкнуть вперед Россию — чтобы обеспечить недовольство ее поведением как со стороны японских «верхов», так и со стороны весьма националистических к тому времени японских масс...

Японцы в той ситуации поступили единственно верно, то есть — уступили... 10 мая император Страны восходящего солнца опубликовал рескрипт. Тенно-микадо выражал благодарность трем «дружественным державам» за их «полезный и дружественный совет» и выражал согласие им воспользоваться.

В качестве компенсации Япония затребовала и получила дополнительно 30 миллионов тазелей. А вот что вскоре получили советчики за свое «заступничество» «в пользу» Китая...

Россия — право на постройку железной дороги через Северную Маньчжурию и аренду кончика Ляодунского полуострова. Полуострова, напомню, на границе с той Кореей, в которой уже всю разворачивалась Япония.

Ляодун...

Немного говорит это название русскому уму и для русского уха непривычно... А ведь на Ляодунском полуострове Россия арендовала Порт-Артур.

И вот этого названия нам уже не забыть...

Франция получила право на постройку дороги из Тонкина в Гуаньси.

Германия вскоре «на правах аренды» аннексировала, как мы знаем, район бухты Цзяочжоу с Циндао на Шаньдунском полуострове.

А район Вэйхайвзя на кончике Шаньдунского полуострова вместо Японии «временно» (и очень надолго) заняла в конце концов неугомонная и неперемнная Британия.

И тоже — на правах «аренды».

Японо-китайская война оказалась для Дальнего Востока рубежной. Во-первых, как станет ясно из дальнейшего, она создала будущие предпосылки для русско-японских трений и самой Русско-японской войны. Я тут имею в виду прежде всего аренду Россией земель на Ляодуне...

Во вторых, после победы над Китаем Япония из потенциальной полукolonии Запада превращалась в потенциального соперника тех держав, которые намеревались держать Японию «у ноги». Впрочем, подлинный хозяин западных держав — Золотой Интернационал — все-таки сумел в немалой мере использовать Японию для своих целей.

Цель же была все той же, что и в остальных местах планеты — вначале усиление, а затем и господство Америки как будущей резиденции этого хитрого и коварного Интернационала.

Был неизменным и метод — раздор между теми, кто мог планируемому господству Америки и Золотого Интернационала помешать.

Сильная националистическая Япония была для таких целей помехой, а умная националистическая Япония могла увидеть свое будущее в партнерстве с Россией.

В Европе Антанта и США усиленно рассоривали и стравливали Россию и Германию (об этом много говорилось в моей книге «Россия и Германия: стравить!»).

В Азии надо было стравить Россию и Японию.

Ведь кошмар «континентального блока» с участием Германии, России и стран Дальнего Востока мучил уже такого выдающегося англичанина, как лорд Пальмерстон, уже в середине позапрошлого века! А позднее — в эпоху расцвета викторианской Англии —

вышла книга англичанина Гомера Ли, о сути которой Карл Хаусхофер писал позднее так: «В этой книге относительно мнимого расцвета Британской мировой империи можно прочесть, что тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, будет днем, определяющим судьбу англоязычной мировой державы, гибелью богов».

А хочется ли «богам» гибнуть?

В ПЕРВОЙ Большой Советской энциклопедии есть обширная статья «Дальневосточный вопрос», принадлежащая перу члена главной редакции БСЭ, члена коллегии НКВД СССР, дипломата и историка Федора Ароновича Ротштейна.

Относящаяся к концу 20-х годов, она написана живо и с литературным блеском. Скажем, историю с «арендами» портов в Китае Ротштейн описывает так: *«В результате всей этой политической кадрили на территории Китая, вокруг одного и того же Чжилийского залива, очутились три хищника, еще недавно свидетельствовавшие свою дружбу Китаю, а ныне сидевшие друг против друга наподобие пантер, ежеминутно готовых к прыжку».*

Правда, не говоря уже о том, что вряд ли было зоологически корректным именовать британского льва пантерой, более точной мне представляется оценка кайзера Вильгельма, считавшего, что Россия и Германия стали «хорошими стражами при входе в Чжилийский залив».

Кайзер, впрочем, тоже заблуждался: русского «стража» вышибли с его «поста» в 1904 году, а германского — через десять лет, в 1914-м...

Но вообще-то Ротштейн написал (я говорю это уже без иронии) очень интересную энциклопедическую статью, хотя далеко не все там верно по существу.

Так, «маньчжурский» план России (КВЖД, Порт-Артур и т. п.) Федор Аронович явно зря аттестует как «гораздо более грандиозный, чем проникновение в Корею». Именно в Корею Россия закладывала базу своего уже близкого грандиозного краха на Дальнем Востоке.

Вряд ли он прав и в утверждении насчет того, что: «Первая стадия в развитии дальневосточного вопроса была закончена в общем к выгоде России, которая, не в пример своим соперницам, могла связать свои новые приобретения со своей громадной империей территориально и таким образом оказывать на Китай чудовищное давление».

Какое там «давление»! Тем более — «чудовищное»... За аренду Порт-Артура и то пришлось выложить миллионную взятку Ли Хунчжану и еще одному его коллеге!

Но вот с чем спорить не приходится, так это с вводным тезисом статьи, и он так хорош, что я его прямо приведу:

«Дальневосточный вопрос есть по существу вопрос об экономическом и политическом захвате Китая империалистическими державами в условиях их взаимного соперничества. Как таковой он является одним из узловых вопросов мировой эпохи империализма. Индустриализация зап. штатов Америки; вступление на путь индустриализации Японии, крайне бедной собственными ресурсами; взятый царской Россией в начале 90-х гг., после крушения балканских надежд, курс на дальневосточную экспансию (какой такой «курс» при неосвоенном и необжитом русском Дальнем Востоке! Не «курс», а дурь! — С.К.); колониальные стремления молодой империалистической Германии, игравшей в Китае уже с середины 90-х гг. торгово-финансовую роль, уступавшую по значению лишь роли Англии, и наконец огромные экономические интересы последней — все эти международные факторы создали вокруг Китая крайне сложный и противоречивый переплет интересов и вождедений, из к-рых в 1895 родился Д.В.»

Тут все определено верно и — без «чудовищных» «пантер». То есть так, как оно и было... Хотя надо уточнить, что не только Китая, не только его одного касался дальневосточный вопрос. России и Германии он, может быть, касался еще более, чем Китая, потому что бил по их стратегическим интересам и перспективам даже больше, чем по перспективам китайским.

При этом я бы сказал, что не очень-то этот вопрос был и запутан! Как раз на Дальнем Востоке все было достаточно очевидно —

очень уж прозрачны были здесь и цели, и средства, и методы, и субъекты, и объекты усилий.

И еще одно плохо — Ротштейном не были указаны «удельные веса», или, если уж вспоминать о давлении и говорить языком химии, «парциальные давления» разных держав в дальневосточном вопросе.

А вот уж действительно чудовищное давление в Азиатско-Тихоокеанском регионе все более оказывали Соединенные Штаты...

ЧТОБЫ верно понять происходившее в мире Капитала в начале XX века — на всей планете вообще и на Дальнем Востоке в частности — надо отдавать себе отчет в том, что могучая, скажем, Британская империя, над которой к тому времени «никогда не заходило солнце», лишь на первый взгляд поступала так, как это было необходимо ей. В действительности же все существенное, что она в то время делала, обеспечивало в конечном счете усиление не Англии, а Америки.

А усиление Америки было возможно лишь при умалении Германии и России и при нейтрализации Японии.

Ведь день, когда Германия, Россия и Япония объединились бы, стал бы днем, определяющим судьбу не только (и не столько) Британии, сколько другой англоязычной державы — по ту сторону Атлантического океана...

В Европе, стравливая Россию и Германию, Англия, казалось бы, программировала будущее поражение своей конкурентки — Германии.

На деле Англия (не она одна, конечно, а и почти вся Европа вместе с ней) позднее таскала каштаны из огня Первой мировой войны для Америки. Один тот факт, что Англия из мирового кредитора превратилась в должницу США, доказывает это со всей очевидностью.

В желтой Азии Англия мутила воду в расчете на то, что мутная водица будет литься на колесо британской политической мельницы... Но английская линия устраивала и США.

Америка уже тогда посматривала на Японию косо. Американская федерация труда (АФТ) требовала полного изгнания японцев из Штатов, хотя их там было не так уж и много.

Расчет тут у дяди Сэма был явно следующий...

Относительно Японии: если японцы конфликтуют с Россией, то будут искать поддержки у Штатов и не будут конфликтовать со Штатами.

Относительно России: отвлекаем силы русских на Дальний Восток, и тогда русские будут нуждаться в европейских союзниках против Германии, а иными словами — во Франции и в Англии.

То есть сравливая Россию с Японией, можно было откалывать ее и от идей союза с Германией.

При этом важно было выдержать последовательность. Вначале надо было втянуть Россию в дальневосточные дела, уверить ее, что в Европе единственный выход для нее — это союз с Францией против Германии, а потом, рассорив Россию с Японией, надо было совершить обратный маневр и переориентировать Россию на Европу.

Что занятно, уважаемый мой читатель! Кайзер Вильгельм тоже подталкивал Николая Второго на Дальний Восток. Это ведь он давал знаменитый приказ семафорить Николаю с мостика своего «Гогенцоллерна» на русский «Штандарт»: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

И, в отличие от англосаксов, он рассчитывал, что отвлеченная на Дальний Восток Россия не пойдет на войну с Германией в Европе. Он ведь исходил из явной слабости Японии по сравнению с Россией и не учитывал коварства Золотой Элиты, уже решившей мощно поддержать Японию против России и дать ей военную силу, достаточную для такого противостояния.

Вильгельм писал Николаю: *«У нас всякий понимает, что Россия, подчиняясь законам экспансии, должна стремиться выйти к морю и иметь незамерзающую гавань для своей торговли. В силу этого закона она вправе претендовать на полосу земли, где находятся такие гавани (Владивосток, Порт-Артур)... Между двумя портами есть полоса земли, которая, попади она в руки противника, может сделаться чем-то вроде новых Дарданелл. Этого ты не должен допус-*

тить. Эти «Дарданеллы» (Корея) не должны быть угрозой для твоих сообщений и помехой твоей торговле... Поэтому для каждого непредубежденного человека ясно, что Корея должна быть и будет русской».

Обычно считается, что Вильгельм всего лишь провоцировал Николая, но вряд ли это стопроцентно верно. Он — то лукавил — хотя бы потому, что не упоминал в письме такой в некоторых отношениях удобный для России вариант базирования флота, как китайская бухта Цзяочжоу.

Эту бухту кайзер присматривал для себя, и он ее получил. Но, повторяю, и простой провокацией его письмо не назовешь.

Во-первых, там было слово «Владивосток», а уж этот — то порт был на неотъемлемо русской земле, и уж его — то укреплять надо было и впрямь, не залезая в те корейско-маньчжурские авантюры, о которых мы еще поговорим.

Во-вторых, расчетливо, по-хозяйски проводимая дальневосточная линия русской политики действительно могла бы обеспечить России устойчивое положение великой тихоокеанской державы. Это было вполне реальным и полезным для России вариантом развития общей дальневосточной ситуации. И не мог ведь Вильгельм заранее предполагать «цусимский» ее вариант.

Насчет Кореи тоже все было сказано верно. Да вот, увы, — поздно!

И забавно, и печально то, что резон был как в рассуждениях Антанты, так и Вильгельма.

Для России активная и жесткая дальневосточная политика была вполне разумной. А при этом она должна была быть прежде всего охранительной. Корея могла стать «русской», но время для этого было упущено. Жаль, конечно, но надо было смотреть правде в глаза.

И если уж и стоило конфликтовать с Японией, то, скажем, беря курс на вариант Кореи как прямого, юридического российского протектората при готовности его защищать всеми средствами. При этом можно было предъявить претензии и по поводу Курил — естественного, выдвинутого в океан форпоста России.

Вот уж тут можно было и повоевать при необходимости.

Вылезать же за пределы уже приобретенного на Дальнем Востоке (то есть идти на китайский берег Амура и южнее) нам было более чем преждевременно. Да не то что преждевременно — просто нецелесообразно.

Идти же в Южную Маньчжурию, в Порт-Артур, было глупо и преступно. Лучше уж было просто уступить ее Японии в обмен на мирное развитие нашего Приморья.

Но если уж претендовать на влияние вне границ России, то не далее чем в пределах приграничной маньчжурской зоны — по линии Китайско-Восточной железной дороги, «срезающей» пограничную с Китаем «амурскую» дугу.

А романовскую Россию черт, да плюс британский лев, да плюс — закулисно — американо-еврейские Куны, Лебы и дядя Сэм понесли аж на Желтое море, в Порт-Артур.

Как раз под бок к японизируемой Корее.

Уважаемый читатель! Я уже говорил и не в последний раз повторю: для того чтобы в той ситуации столкнуть законные (с империалистической точки зрения) интересы Японии и безнадежно химерические (с империалистической же точки зрения) интересы России, Корея была местом почти идеальным.

Увы, интернациональное, все усиливающееся крыло британского и американского Капитала мало сомневалось в том, что *эта* — романовско-виттевская — Россия в Азии будет вести себя так же глупо и антинационально, как и в Европе.

Ведь эта Россия была уже очень прочно опутана как интернациональными займами, так и, говоря языком современным, внутренними агентами влияния.

А чего стоил, скажем, такой августейший «фрукт», как генерал-адмирал великий князь Алексей! Эта туша, метко прозванная «семь пудов августейшего мяса», пыхтя изрекала: «Мне на все наплевать!» — и была склонна обсуждать новый способ приготовления ее поваром стерляди намного более охотно, чем варианты большой политики. Пребывая при этом в уверенности, что япошки — это не проблема.

Поэтому Золотой Элите можно было не бояться того, что, столкнувшись с трудностями на Востоке, Россия блокируется с Германией на Западе.

Англия *знала*, что, пока Россией будут управлять якобы русская петербургская биржа, якобы русский Витте и русские коронованные придурки, этого *не будет!*

В ноябре 1901 года официальный Петербург пышно встречал уже известного нам Ито, который приехал на переговоры о... русско-японском соглашении.

Перед одним из приемов в честь Ито министр иностранных дел граф Ламздорф обратился к графу Игнатьеву (не bravому молодому генштабисту и будущему генералу Красной Армии, а его родственнику, семидесятилетнему ветерану дипломатической службы) с просьбой:

— Голубчик граф Николай Павлович! Вы не будете возражать, если вас посадят рядом с Ито?

— Да почему бы и нет, но с чего такая честь?

— Голубчик, ведь вашему знакомству с Дальним Востоком уже сорок лет, если считать со времени вашей первой миссии в Китай!

— Да-а, — размяк Игнатьев, — было время... Это ведь я посредничал тогда между китайцами и французами и подписал Пекинский договор...

— Помню, помню... Так вот, кому же как не вам, знатоку дальневосточных проблем, попытаться выведать у Ито, с чем он к нам приехал на самом деле?

После приема один граф осведомился у другого:

— Так в чем же тут дело?

— А в том, милейший Владимир Николаич, чтобы нам избежать столкновения с Японией и постараться прийти к соглашению, возможному для обеих сторон, — задумчиво ответил Игнатьев.

— Ито действительно так думает?

— Головой не поручусь, но, похоже, он в своем желании мира с нами искренен, Владимир Николаич...

Вообще-то поездка Ито была для части японских «верхов» прежде всего тактическим ходом в игре с Англией. Обожающему напускать политического тумана Альбиону хитрецы-японцы намекали: мол, или вы, господа бритты, договариваетесь с нами, или мы договоримся с русскими.

Тактика тактикой, но все могло сложиться для России и Японии иначе...

Раз за разом японцы требовали от нас полной для себя свободы в Корее. Ну а нам-то что? У нас с Кореей и границы-то общей, собственно, было с заячий скок. А удобное время для мощного нашего вхождения в Корею как в законный протекторат, на основании приглашения самих корейцев, было упущено.

Зато, идя на соглашение с японцами, Россия могла бы сорвать все дальневосточные антирусские планы, то есть планы англосаксов столкнуться с Японией за счет интересов России. Позже ведь всеми было признано, что англо-японский договор на долгие годы предопределил соотношение сил на Дальнем Востоке.

Так неужели не стоило сделать все для того, чтобы соотношение сил предопределило *русско*-японское соглашение?!

Но нет! Петербург упирался, упускал время и инициативу. Да и могло ли быть иначе в Петербурге-«Нью-Бердичеве»?

Могло ли быть иначе, если в январе 1898 года в этом «Нью-Бердичеве» состоялась такая вот беседа...

Вездесущего «гения» русской государственной машины Сергея Юльевича Витте посетил новый английский посол сэръ Николас О'Коннор, недавно переведенный в Петербург из Пекина.

— Ваше высокопревосходительство, по просьбе лорда Солсбери я хотел бы задать вам прямой вопрос: «Возможна ли совместная деятельность России и Англии в Китае»?

И Витте тут же ничтоже сумняшеся ответил:

— Конечно!

— О-о! — оживился посол.

А Витте успужливо продолжал:

— Если Англия и Россия смогут договориться, их слово будет законом для Дальнего Востока...

— Конечно! Конечно! — согласно откликнулся теперь уже посол...

А почему бы ему и не соглашаться? Для Англии такая позиция России отзванивала не то что фунтами, а просто—таки *тоннами* стерлингов.

Англия была от Дальнего Востока черт—те знает где... Россия же имела *свой* Дальний Восток! И под боком у этого русского Дальнего Востока была расположена динамично развивающаяся Япония.

И если бы Россия смогла договориться с ней, то русско—японское слово действительно могло бы стать для Дальнего Востока законом...

Не потому ли виттевский Петербург и был так инертен в делах с японцами?

Романовская Россия теряла и время, и лицо, и инициативу, и разумные перспективы.

И 30 января 1902 года в Лондоне был заключен на 5 лет (заметь себе эту цифру) первый *англо—японский* союзный договор.

Союзный, читатель!

«Союзники» обязывались соблюдать нейтралитет, если одна из сторон ввяжется с кем—то в войну один на один, и оказывать друг другу военную помощь, если к противнику ведущей войну стороны присоединится хотя бы еще одно государство.

Что это значило реально?

А вот что...

Если Япония начинала войну с Россией, то Англия «нейтрально» помалкивала.

Если к России присоединился бы (случаются же на свете чудеса) Китай, то Англия его приструнила бы (то есть просто еще больше влезла бы в него всеми четырьмя загнувшими лапами).

Ну а если бы *кто—то* вел войну с Англией (хотя кто с ней мог тогда вести войну?), то какую реальную помощь могла бы в то время оказать ей Япония?

Так что советский «Дипломатический словарь» был совершенно прав, когда писал об этом «союзном договоре», что он «явился дипломатической подготовкой к войне Японии против России».

И в целях быстреего начала такой войны Японии выдавался Англией «карт—бланш» на срок всего—то 5 лет... То есть господ

самураев потораппивапи, выдавая им при этом щедрые англосаксонские (вкуне с США) займы. Причем займы целевые, на строительство новейших броненосцев в той же Англии.

С уже прочно «завиттченными» в нужном Золотому Интернационалу направлении мозгами Россия повела себя — как и планировалось — по-идиотски.

Что было бы для России погичным?

Конечно же, возмутиться двурушничеством Англии, обхаживающей Россию в Европе и гадящей России в Азии, а также и двуличием Франции, бпокирующей с этой Англией и одновременно уверяющей в вечной дружбе Россию.

Потом не мешало бы продемонстрировать готовность к бпоку с кайзером в случае, если англичане не денонсируют свою свеженькую антирусскую дальневосточную провокацию.

Ну и дать реальные авансы японцам в Корею...

Возможно, одного этого хватило бы для того, чтобы страсти быстро поутихли. Особенно — если Россия не лезла бы на Дальнем Востоке в авантюры.

А Россия не придумала ничего более умного, как продемонстрировать прочность своих союзных отношений с.. Францией!

16 марта 1902 года была обнародована русско-французская декларация. Она гласила, что (читатель, прошу со ступа не падать) *«союзные правительства России и Франции усматривают в англо-японском договоре стремление обеспечить статус-кво. общий мир на Дальнем Востоке и независимость Китая и Кореи (замечу, что бритты и японцы сразу договорились о своих «специальных интересах» и там. — С.К.), открытых для торговли и промышленности всех наций, что соответствует интересам России и Франции»*.

Это, читатель, даже не хорошая мина при плохой игре. Это — мина просто дурацкая. Однако романовская Россия на большее и не тянула.

Эх!

Следующим «мудрым» шагом стало подписание 8 апреля 1902 года русско-китайской конвенции о Маньчжурии. И крутилось там все вокруг КВЖД...

Глава 5 **Министр Витте, бритты и хитрые профиты**

КАК МЫ ЗНАЕМ, КВЖД — это Китайско-Восточная железная дорога. Начали ее строить в 1898 году, а в 1903 году она была открыта для движения.

Обратимся опять к карте. По Амурской дуге китайская Маньчжурия вдается в Россию. Чтобы кратчайшим образом соединить русскую Восточную Сибирь с русским же Дальневосточным краем железной дорогой, надо провести ее на две с половиной тысячи километров по огромной полупустынной и малозаселенной местности Маньчжурии.

Пустыня, а чужая! Заманчиво срезать Амурскую дугу по прямой, да прямая—то идет по территории иностранного государства.

Какой же идиот будет прокладывать таким образом стратегически важную дорогу? Да еще и при условии, что эксплуатировать ее на чужой территории позволяется не вечно, а только 80 лет! Да и не 80, а 36 (потому что чужому правительству позволяется через 36 лет дорогу выкупить!).

Ну можно ли найти на такие условия охотников?

Э-э-э! А петербургское правительство на что? А министр финансов Витте? Сергей Юльевич — это не идиот, а *государственная* голова!

Были, правда, в России головы и не очень, с точки зрения Витте, государственные. Они хотели провести дорогу на Дальний Восток внутри России по Амурской дуге, как потом и прошла часть Транс-

сиба — Забайкальская железная дорога со станцией Ерофей Павлович на ней.

Вот, скажем, командующий войсками и генерал-губернатор Приамурского края генерал Духовский... Боролся против «маньчжурского» проекта, сколько мог. Не понимал человек выгоды...

Генерал Духовский считал проект Витте для России просто опасным и доказывал, что, проходя по пределам Китая, эта линия не будет прочно связывать Приамурский край с Россией, что дорога, проведенная по Маньчжурии, будет выгодна китайскому, а не русскому населению.

Однако Сергей Юльевич мыслил широко (он не только министром финансов был, но одно время и путями сообщения заправлял).

Он считал, что если построить через Маньчжурию дорогу, то по ней не только можно будет быстро перебрасывать русские войска (по чужой территории — замысел-то каков!), но еще и взять в свои руки железнодорожное строительство во всем Северном Китае. А там смотришь — и южнее...

Более того!

Витте считал (загибай-ка пальцы, читатель!), что КВЖД должна была:

— вызвать полный переворот в сообщениях между Европой и Тихим океаном;

— отвлечь на себя грузы, идущие с Запада на Дальний Восток через Суэц;

— открыть для торговли Внутренний Китай посредством соединения его железных дорог с КВЖД;

— дать поддержку русской чайной промышленности и расширить ввоз в Китай русских металлических и текстильных изделий (даром что под боком у Китая был дешевый японский текстиль);

— притянуть к себе свыше половины китайского вывоза и, наконец,

— обеспечить России ни более ни менее как «господство над всем коммерческим движением в тихоокеанских водах»...

КВЖД, к слову, была в основном однокорейной и сложно эксплуатируемой дорогой. Так что «грандиозность» планов Витте просто-таки предвосхищала идеи ильфо-петровского Остапа Бендера относительно превращения Васюков в Нью-Москву, а Москвы — в Старые Васюки.

Но в бессмертном романе Великого комбинатора с увлечением слушали простодушные провинциальные шахматисты, а в Петербурге-«Нью-Бердичеве» Витте всерьез очаровал сановных государственных мужей.

Вот только государственных ли?

Отбрасывая иронию, напомним читателю, что этот ловкий стервец был полностью создан еврейскими «русско-подданными» железнодорожными магнатами и петербургскими банкирами. Так что старался он не для русской армии, не для России, а для предположительных профитов-гешефтов своих «неформальных» шефов.

Гешефты не выгорели — подряды в Китае перехватили англичане, немцы, французы. А вот КВЖД — эту вечную нашу боль на протяжении десятилетий — Россия получила.

Дорогу строили по секретному русско-китайскому договору 1896 года о союзе и постройке КВЖД. Читатель помнит, что подписывали его в Москве престарелый министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский (он через несколько дней после этого и умер — в царском поезде, по дороге в Киев), непременный Витте, а с китайской стороны — чрезвычайный посол Ли Хун-чжан, приехавший на коронацию Николая Второго.

Между прочим, секрет этого договора быстро стал секретом Полишинеля (так во Франции прозвали Пульчинеллу, одного из персонажей итальянской комедии масок дель арте, который выбалтывал все, что знал и не знал), а точнее — секретом французского посла в Пекине Жерара...

Жерару текст договора стал известен из записной книжки Ли Хун-чжана, «забытой» последним на столе при «случайной» отлучке из комнаты, где он принимал француза.

Лишь после того как гость списал текст в *свою* записную книжку, вежливый хозяин вернулся в комнату.

И договор этот (опять-таки не падай со стула, читатель) предусматривал также военный русско-китайский союз. То есть, через два года после разгрома Китая еще весьма слабой Японией чиновный Петербург всерьез брал в расчет Китай как реальную силу.

Н-да...

Или он всерьез рассчитывал на то, что Китай в случае военной нужды обратится именно к России?

КВЖД не успели построить, как в Китае началось восстание ихэтуаней (по западной терминологии — «боксерское»).

Повстанцы напали на русских строителей и разрушили значительную часть дороги (они вообще-то все железные дороги громили, не только КВЖД).

Убытки составили 71 745 878 рублей из общей суммы стоимости дороги в 374 955 598 рублей.

Сумма немалая, так что шефы Витте поживились на КВЖД неплохо и не один раз (за убытки-то платили не ихэтуани, а тоже русская казна).

После разгрома ихэтуаней силами всего империалистического мира царское правительство ввело в Северо-Восточный Китай войска. А вскоре была подписана русско-китайская конвенция 1902 года. Подписана в Пекине — посланником России в Китае Лессаром и представителями МИД Китая князем Цином и Ван Вэньшао.

То есть со стороны Китая ее подписали два средней руки сановника. Всего-то!

По этому более чем странному соглашению низкого уровня Россия обязывалась вывести ранее введенные войска, а Китай...

Китай четырьмя статьями этой конвенции не обязывался, по сути, ни к чему.

Что же до КВЖД, то ее вскоре достроили. Основная магистраль шла от сибирской станции Маньчжурия до дальневосточной станции Пограничная, а южная часть дороги почти перпендикулярно ответвлялась от основной прямой у Харбина через Мукден до Дальнего и Порт-Артура.

Вот оценка Порт-Артура как военно-морской базы в военно-морской литературе: «Порт-Артур был плохо оборудован как пункт

базирования основных сил флота на Дальнем Востоке. Внутренний рейд был тесным и мелководным. Узкий выход в море позволял большим кораблям выходить в море лишь во время приливов. Дюков для ремонта кораблей не было».

Но зато он был под боком у Кореи, прочно включенной Японией в сферу своих интересов. Выбрал Витте для русского флота «удобное» местечко!

И ведь какая наглость! Граф Сергей Дмитриевич Шереметев относился к Витте весьма критически, а фигурой был влиятельной как формально (в 1900 году Николай назначил его членом Государственного Совета), так и неформально. И вот 26 июня 1900 года Витте пишет ему в тонах откровенного подлизывания письмо, где одновременно наводит тень на плетень.

«В смерти графа Муравьева (того самого прощельги Михаила Александровича, министра иностранных дел в 1897—1900 годах. — С.К.) было просто что-то роковое. Четыре года тому назад по его совету, поддержанному генералом Ванновским (военный министр в 1882—1897 годах. — С.К.), мы коварно захватили Порт-Артур и Данлаван (Дальний. — С.К.), вопреки моим настоятельным советам не делать этого шага. Правда, пример (впрочем, с нашего ведома) дала нам Германия. С тех пор пошла в Китае каша...»

Четыре фразы. Но это — маленький шедевр провокации!

Витте сумел и свалить свои порт-артурские «заслуги» на других, и обелить себя, и очернить Россию и Германию, и начать отсчет «китайской каши» с момента неумных русских действий там, хотя кашу в Китае, сдобренную опиумом, давно заваривала Британия.

И не она одна...

И ПОЭТОМУ вернемся-ка мы еще раз во времена «до КВЖД», чтобы лучше понять времена «после КВЖД».

Я уже говорил, что для России был бы оправдан вариант аренды у Кореи порта по тому варианту, который видел даже Николай Второй. Или же — аренды у Китая района бухты Цзяочжоу для организации все той же зимней стоянки тихоокеанской эскадры. Цзяоч-

жоу–Циндао был от Кореи далеко и объективно Японии не касался. А стоянка требовалась, потому что русский флот зимой отставался в... Японии.

А как писал позднее Юрий Яковлевич Соловьев, бывший в конце 90–х годов позапрошлого века вторым секретарем русского посольства в Пекине: «Обыкновение зимовать в Нагасаки по многим причинам становилось неудобным».

Но был, оказывается, момент, когда наш военно–морской флот базировался на Японию!

На Японию!

Деревню Иноса на северо–западной стороне Нагасакской бухты наши морские офицеры так и называли «русской деревней»... Это было место их традиционного отдыха и развлечений. Именно там великий князь Александр Михайлович, пардон, невинность потерял.

Но Нагасаки — это был действительно «неудобный» для военных сил России порт. И, как сообщает тот же Соловьев, Россия несколько лет присматривала для себя удобный порт на китайском побережье для зимовки флота и вела по этому вопросу переговоры в Пекине. И именно в Цзяочжоу с согласия китайцев пробыла несколько недель русская эскадра под флагом адмирала Тыртова.

Есть все основания полагать, что если хотя бы половину тех усилий, которые Россия потратила в Китае на то, чтобы получить «южно–маньчжурский», порт–артурский вариант, она потратила бы на вариант «цзяочжоуский», мы нужную и политически безопасную для нас стоянку в Цзяочжоу получили бы.

Однако пока Петербург «присматривал», Берлин взял да и оттяпал.

Собственно, даже после этого имело смысл предложить Германии арендовать Цзяочжоу совместно... Это, между прочим, было бы и хорошей проверкой искренности пожеланий «адмирала Атлантического океана» «адмиралу Тихого океана».

Россия же ни о чем Германию не попросила, а полезла в ловушку Порт–Артура...

В свое время я приведу мнение президента США Теодора Рузвельта, высказанное им германскому послу в Америке Штернбургу. И тогда читатель увидит, что точка приложения усилий России в Желтом море была выбрана в Петербурге точно так, как если бы ее выбирали для нас злейшие наши враги.

Но программировал-то этот вариант развития событий план Витте по «проникновению» России в Маньчжурию после постройки КВЖД.

Впрочем, был ли Витте другом и сыном России?

Работая над этой главой и распутывая давние и хитро завязанные кем-то «узлы» истории, уважаемый мой читатель, я удивлялся не раз...

И в очередной раз удивился, когда прочел просто-таки апологетические оценки поведения Витте Евгением Викторовичем Тарле. Мэтр нашей исторической науки посвятил ему целую книгу «Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики».

И там он в подробностях расписывает, как после провала миссии Ито бедный-де Сергей Юльевич «посетил Маньчжурию и Квантун (то есть — Ляодунский полуостров. — С.К.)» и потом изо всех сил пытался убедить царя Николая в том, что надо, мол, «немедленно эвакуировать Маньчжурию, а иначе России грозят большие бедствия».

Бедствия-то нам действительно грозили, но эвакуировать Маньчжурию — значило отказаться от Порт-Артура и коммерческого порта Дальний.

Но ведь Дальний — это детище... Витте!

Витте в своих мемуарах бесстыже обвинял правительство в том, что оно не приняло ни предложений Ито, ни непосредственно предвоенных предложений японского посла Курино... Мол, были бы приняты эти предложения, и «войны не было бы».

Ну, ладно, Витте этим ставил очередную словесную завесу над своей политикой и прошлое перевирал. Но от Тарле-то можно было ожидать меньшего легковерия и большего здравомыслия.

Безусловно, царизм был виновен по всем статьям, а сама августейшая фамилия вела себя до преступного легкомысленно. Нака-

нуне войны великий князь Николай Николаевич в ответ на льстивое пожелание, чтобы он был назначен главнокомандующим против японцев, пренебрежительно (выражение очевидца генерала Епанчина) заявил, что у него нет охоты сражаться с «этими япошками».

Тем не менее ответственность Витте и его роль особенно велики. Именно Витте своими практическими провокационными действиями, а не блудливыми «миролюбивыми» речами подло подводил к японской войне этих великих титулами и мелких умом и душой князей. Ведь все серьезные дальневосточные «боли» России начались после аренды у Китая Порт-Артура в Южной Маньчжурии.

Как мы знаем, аренда Порт-Артура стала возможной в результате объединенного заступничества за Китай России, Германии и Франции после подписания прелиминарных (предварительных) условий Симоносекского договора по окончании китайско-японской войны.

Но какая из трех держав выступила инициатором этого заступничества?

Обычно считается, что это была Россия. И действительно, роль России была тут внешне ведущей — демонстрация силы в Чифу была проведена преимущественно русской тихоокеанской эскадрой, к которой присоединилось несколько французских и германских судов.

А кто был инициатором организации давления на Японию персонально?

Почти все — даже академические — источники указывают на министра иностранных дел России князя Лобанова-Ростовского. Но он лишь председательствовал на определившем линию России «особом совещании» с участием морского министра Чихачева, военного министра Ванновского и...

И еще одного министра, о котором я пока умолчу.

После победы Японии над Китаем дальневосточный вопрос занимал тогда многих в мире, и в России в том числе. Но сути его в России не понимали как раз те, кто понимать ее был просто обязан. 15 февраля 1895 года — еще до подписания Симоносекских прелиминариев — посланник в Японии гофмейстер Михаил Александр-

рович Хитрово телеграфировал из Токио: *«Имел долгий интересный разговор с министром иностранных дел... Муцу вновь подтвердил мне... что Япония отнюдь не желает требовать чего-либо, что могло бы быть противным интересам или видам России, и с этой целью он не замедлит вступить с нами в откровенный обмен мыслями для предупреждения всяких недоразумений».*

Конечно, искусство дипломатии — это в немалой мере искусство искренне лгать. И излияния Муцу надо было анализировать с учетом этой особенности самых «доверительных» дипломатических бесед... Тем не менее телеграмма Хитрово стоила того, чтобы над ней в российском МИДе задумались всерьез.

Но — не задумались...

Князь Лобанов-Ростовский был в 1895 году человеком весьма престарелым, зато министром — молодым... И хотя волосы его поседели как раз на дипломатической службе, не был князь державной головой, хотя и слепо веровал в свою непогрешимость (как раз такими «деятелями» манипулировать проще всего).

В Симоносеки шли переговоры, время сжималось, но по поведению МИДа России, его главы и шефа сей главы (то есть — царя) это не чувствовалось.

Лишь через два месяца после токийской беседы Хитрово и Муцу Владимир Николаевич Ламздорф (тогда — директор канцелярии МИДа) меланхолически отметил в дневнике: *«Я не думаю, что нам было выгодно чересчур поддерживать Японию, однако и навязывать ей сейчас свою волю — дело очень деликатное. Было бы правильно высказать ясно и четко свое мнение в Токио еще до заключения мира и до нашего обращения к Франции и Германии. В конечном счете телеграмма Хитрово... нам давала прекрасную возможность сделать это, не нарушая наилучших отношений с Японией».*

В действительности Россия не стала убеждать Японию «деликатно», с глазу на глаз. А начала вырывать из горла Японии уже почти заглотанную ею добычу. Могло ли это не нарушить наших «наилучших отношений с Японией», если такие возможные отношения такой русской инициативой просто-таки торпедировались?

В Японии были озлоблены и «верхи», и народ...

Ламздорф 1 мая помечал в дневнике: *«В телеграмме из Йокога-мы Хитрово излагает деликатное положение японского правительства по отношению к японскому народу, сильно возбужденному из-за уступок, сделанных Японией трем державам».*

А кто же подталкивал Россию на такие опрометчивые стратегические (именно так!) решения?

Что же, вот тут я вернусь к апрельскому «особому совещанию» по Китаю и назову последнего его деятельного участника — министра финансов Витте.

Все того же Витте...

Капитальный академический труд под редакцией члена-корреспондента АН СССР Е.М. Жукова «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)» сообщает: «Витте особенно энергично отстаивал необходимость не допускать Японию в Маньчжурию и рекомендовал действовать в этом направлении вплоть до объявления войны».

Вплоть **до войны**, читатель!

Еще бы!

А вот что пишет академик Тарле: «Именно Витте настоял тогда (в 1895 г.), чтобы Россия поддержала «принцип целостности Китайской империи» и ультимативно (вот даже как, уважаемый мой читатель! — С.К.) потребовала от Японии отказа от Ляодунского полуострова. Витте настаивал на немедленных действиях. Тогда министр иностранных дел Лобанов-Ростовский привлек к делу Германию и Францию, и когда все три державы обратились к Японии с требованием, составленным в весьма категорических (то бишь, в «дружественных». — С.К.) тонах, то Япония уступила...»

Ну, вот!

Теперь можно и окончательно понять, что Россию спровоцировал на idiotский разворот ее дальневосточной политики Витте, а старик Лобанов-Ростовский послужил ему лишь фигурой прикрытия.

Как фигурой же прикрытия для «темных сил» интернациональной Золотой Элиты служил сам Сергей Юльевич.

Так что в системном смысле не Россия инициировала тройственный «совет» Японии не требовать многого от потерпевшего поражение Китая. Инициатива исходила от наднациональных сил — в видах закладки базы для будущего русско-японского конфликта.

Техническую же часть задачи взял на себя Витте.

Где-то и кем-то — далеко не в Москве и не в Питере (да и не в Берлине, не в Токио) — уже планировался и русско-германский, и русско-японский кровавый раздор во славу Золотого Интернационала. И неверный сын России (чего уж там, родился-то в российском Тифлисе), но верный слуга этого Интернационала Витте начал многоходовые, подлые и прибыльные для алчной интернациональной сволочи комбинации...

Вырвав у Японии Ляодун и Порт-Артур под флагом «жесткой» линии России в защиту якобы Китая, Витте затем «прожал» идею КВЖД и все остальные вытекающие из нее «идеи». И все эти «идеи» — все как одна — вымощивали дорогу к войне.

Очень часто и очень многими утверждалось и утверждается обратное, но я уверен, что подсудобил нам войну с Японией прежде всего Сергей Юльевич Витте!

Хотя и далеко не он один.

Витте пытался изобразить себя (после того как стравил Россию и Японию) поборником русско-японской дружбы. Но вспомним, что отвечал он лорду Солсбери через английского посла О'Коннора в 1898 году на вопрос Солсбери о том, возможна ли совместная деятельность России и Англии в Китае?

(В скобках напомним, что Маньчжурия и «Квантун» — это тоже Китай.)

Ведь Витте тогда ответил: «Если Англия и Россия смогут договориться, их слово будет законом для Дальнего Востока»...

Не Япония и Россия, а почему-то — Англия и Россия... И где же, в таком случае, место Японии?

А в 1901 году тот же Витте упрекал царизм в игнорировании Японии.

ТЬФУ!

Я просто смеялся, когда читал и такие вот пассажи в книге почтенного Евгения Викторовича Тарле о Витте:

«Витте всецело повторяет традиционный шаблон: «явился некий отставной ротмистр кавалергардского полка Безобразов» (текст в кавычках в этой цитате — это текст самого Витте. — С.К.), человек «честный по натуре», но согласно отзыву собственной супруги «полупомешанный» (интересно бы знать, не после отказа ли купить очередное норковое манти так аттестовала своего благоверного раздраженная супруга? — С.К.), был представлен царю, затем «получил влияние у его величества» и, наконец, «начал действовать на свой, так сказать, счет и страх»...»

Безобразов — это одна из фигур корейских концессионных авантюр, о которых читатель скоро узнает подробнее... А Тарле продолжает:

«Все это — тот прочно утвердившийся исторический лубок, который не в состоянии выдержать даже первого прикосновения критического анализа. Почему на императора Николая *всегда* «имели влияние» только такие ротмистры и гадалки или тибетские врачи (тут, читатель, прошу сделать маленькую зарубку на памяти относительно «тибетских врачей», она нам скоро пригодится. — С.К.)... Каким образом «некий отставной ротмистр» мог без малейшего труда побороть Витте, не представляя собой... никакого значения, — все эти вопросы ничуть Витте не беспокоят».

А с чего они должны были его беспокоить, если Витте сам таких безобразовых и «тибетских врачей» Николаю и подсовывал?

Угу, уважаемый читатель, именно так! Зарубочка на памяти на счет «тибетских врачей» сделана?

Очень хорошо, она, повторяю, нам скоро пригодится...

ПОРТ Дальний (по-китайски — Далянь, Далян) мы построили на кончике Ляодунского полуострова.

Кончик этот был арендован Россией у Китая в 1898 году сроком на 25 лет (всего-то!) под плату за коллективный «дружественный совет» Японии пересмотреть Симоносекский договор с Китаем.

Обошелся нам этот Дальний–Далянь в 30 миллионов рублей, но строили мы его «для дяди», а точнее — для японцев. После поражения в Русско–японской войне Дальний надолго стал японским Дайреном.

Уважаемый читатель! В 1896 году будущий выдающийся исследователь Приморья Владимир Клавдиевич Арсеньев окончил Петербургское юнкерское училище и вскоре был назначен в 3–й Западно–Сибирский батальон, расквартированный в Красноярске.

До Красноярска путь неблизкий, но проблем с тем, чтобы добраться до места службы, Арсеньев не видел, потому что как раз до Красноярска и шла тогда железная дорога.

Приехав, Арсеньев явился к начальнику гарнизона:

— Ваше высокопревосходительство! Поручик Арсеньев! Представляюсь по случаю прибытия на место службы в 3–й Западно–Сибирский батальон!

— Голубчик! Да мы ведь его уже три года как перевели во Владивосток!

— ?

— А что же это? Неужели об этом не знали в Петербурге...

— Как видите, ваше высокопревосходительство!

— Вот так–так... Ни в военном министерстве?

— ??

— Ни в Главном управлении Генерального штаба?

— ???

И отправился поручик Арсеньев в долгий путь на перекладных...

Долго ли, коротко, но пролетели тысячи верст сибирских то ли дорог, то ли бездорожья. На пути попался ему солдатский бивак. На погонах солдат шифр «8 В. — С. Б.».

— Братцы! А третьего Западного батальона не встречали?

— Мы самые он и есть, ваше благородие...

— ?

— Так что переименовали...

Арсеньев чуть не вывалился из возка — не поверил. Потом все же вывалился и пошел к командиру части.

Как оказалось — части своей собственной, обретенной за триста верст от... Владивостока.

Батальон топал пешим ходом все три года. Частично сменился личный состав — уходили в запас солдаты, менялись офицеры. Бывало, «полку» (в смысле — батальона) убывало за счет смертей служивых. Бывало, «полку» прибывало за счет того, что рожали новых будущих воинов офицерские жены.

Зимовали по деревням, в хорошую погоду путешествовали...

Пешком.

Три года...

Читатель мой! Уважаемый, дорогой мой читатель! От русского Красноярска через всю русскую Сибирь и русский же Хабаровский край до русского Владивостока не было железной дороги по русской территории.

В преддверии XX века...

А всякие там витте и романовы отваливали огромные народные средства на постройку якобы русских дорог у черта на куличках за границей.

И проворачивали все эти аферы якобы русские «радетели за Отечество» в полном согласии друг с другом.

Вот к этому утверждению и небезыntересная иллюстрация...

Но вначале спрошу: зарубочка на памяти о «тибетских врачах» сохранилась?

Очень хорошо. Здесь—то она нам и понадобится.

Итак...

В 1893 году 42-летний крещеный бурят, знаток тибетской медицины, литомец восточного факультета Петербургского университета и одновременно Медико-хирургической академии, будущий приятель Гришки Распутина Жамсаран Бадмаев (фигура, надо сказать, более чем темная) после восемнадцати лет службы в Азиатском департаменте МИДа вдруг вышел в отставку.

Чин он имел действительного статского советника — чин немалый, генерал-майорский. А вот же...

Поговаривали, что крестным отцом у нашего ученого бурят-генерала был сам всероссийский самодержец Александр Третий. Так ли, не так, но по выходе в отставку Бадмаев вознамерился представить императору свою «Записку о задачах русской политики на азиатском Востоке».

Но вначале представил он отдельную записку министру финансов Витте. Помечена она была, между прочим, почему-то не 12, и не 14, а именно 13 февраля 1893 года.

Признак — как приговаривает знаток масонской чертовщины (да и сам не без служения рогатому отцу лжи) писатель-перебежчик Григорий Петрович Климов — нехороший.

В бадмаевских записках царю и царедворцу было много «высокоумной» болтовни типа: *«Монголия, Тибет и Китай составляют будущность России во всех отношениях»*.

Глуп, выходит, был наш великий помор Михайло Ломоносов, когда утверждал, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

Глупы были и Шелихов с Резановым, хлопоча о Русской Америке...

А тут дважды «вузовец» Жамсаран все переворачивал на Монголию и Тибет.

Тибет, конечно, штука непростая. Очень уважаемый мной человек, побывав в Лхасе, сказал: «В синих глазенках тибетских детей я увидел древние истоки человеческой цивилизации, покрытые сегодня нищетой и грязью»...

Но русским-то людям того времени с Сибирью вначале надо было разобраться — чтобы не шагали по ней годами русские пехотные батальоны черт знает зачем и почему, а катили к месту назначения по «железке».

Бадмаевы же и «витти» выпихивали Россию из пределов ее законного, но все еще мало-мальски ею не освоенного геополитического пространства туда, где ни на что, кроме гешефтов *кучки* и потерь державы, Россия рассчитывать не могла.

Собственно, записка Бадмаева и попала-то к царю через Витте. И Витте расхвалил ее — дальше некуда.

Еще бы! В записке расписывалось, какая разлюли-малина ожидает русских в случае постройки железной дороги через китайскую Маньчжурию. То есть в случае чего всегда можно было указать как на инициатора движения в Китай на Бадмаева.

На «сопроводилровке» Витте Александр написал: *«Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха»*.

Написал верно, поступил худо. Потому что отвалил бешеную сумму в два миллиона рублей золотом под наглые и бесперспективные (для России, а не для бадмаевских и виттевских шефов) авантюры в Монголии и Пекине.

Бадмаев уехал и вернулся в Питер через три года. В Москве уже короновался Николай, и — тут надо отдать ему должное — в новых субсидиях отказал. Но дело, как мы уже знаем, было сделано. А точнее — *обделано*.

Строительство КВЖД было решено.

Уже после того, как японские миноносцы внезапно напали на русскую эскадру в Порт-Артуре и вывели из строя броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» с крейсером «Паллада», после того, как война уже началась, отец графа Алексея Алексеевича Игнатьева (будущего военного дипломата и будущего генерала Красной Армии) сказал сыну: «Больно отпускать тебя на такую войну».

Уважаемый читатель! Когда я разбирался (вначале — сам для себя) во всех этих дальневосточных и хитро-восточных «узелках», я порой ловил себя на мысли: а верно ли я ту эпоху и ее основные черты реконструирую?

Но после того как проверил себя, уже в который раз обратившись к такому безупречно честному свидетелю, как генерал Игнатьев, я уверился, что ни в чем не ошибся.

А в подтверждение просто приведу слова самого Алексея Алексеевича: «Отец, возмущаясь, говорил, что у нас и в России хватает дела, чтобы не лезть в авантюры на чужой земле. Он негодовал на Витте, который ухлопал миллионы (точнее, как мы знаем, тридцать

миллионов. — С.К.) на постройку города Дальнего и создал на казенные деньги Русско-китайский банк (была и такая тогда кормушка. — С.К.), финансирующий дальневосточные аферы таких дельцов, как адмирал Абаза, сумасшедший Безобразов и их дружок Вонляр-Лярский. Не раз говаривал отец еще до войны, что не доведут Россию до добра затеи этой компании и что когда-нибудь за их жажду наживы, за их лесные концессии, которые они взяли на Ялу, под самым носом у японцев, привыкших уже считать себя здесь хозяевами, придется расплачиваться всему государству».

Все верно! И насчет Витте, и насчет Ялу... И насчет поворота наших отношений с японцами.

Черта ли нам было в той реке Ялу и лесных концессиях на ней! Леса своего было, что ли, мало?

А впрочем...

Впрочем, все становится на свои места, если за этим «лесом» мы рассмотрим те «деревья империализма», которые тогда с увлечением начинали сажать по всему миру «садовники» типа Теодора Рузвельта (карикатуры того времени его в таком виде и изображали).

Нет, не в одних гешефтмахерах двоюродных братьях Абазе и Безобразове с «виттями» было дело. Об этих двух выдающихся поджигателях Русско-японской войны я еще скажу, но сразу можно констатировать, что кроме их жадности дело было в планах Золотого Интернационала по стратегическому ослаблению России.

И если понимать это, то Русско-японская война предстает в своем истинном свете — как всего лишь деталь в глобальных планах «маммоно-масонов», видевших всю опасность для себя перспектив германо-русско-японского союза еще со времен Гомера Ли. Надеюсь, читатель не забыл изложения его идей Карлом Хаусхофером?

Война была деталью, но деталью очень важной, принципиальной... Лишний раз это подтвердил уже в своем анализе Русско-японской войны бывший военный министр России и бывший главнокомандующий на Дальнем Востоке генерал-адъютант Куропаткин.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ был человеком далеко не всегда про- ницательным и решительным. Был он, по свидетельствам, явно достоверным, нередко и избыточно мелочным. Но он же был и честным человеком — лучшим подтверждением того является его биография после 1917 года. Она так показательна и так по-челове- чески благородна, что я, с позволения читателя и без всякой связи с основной темой моего повествования, расскажу об этом глубоко русском человеке подробнее.

И сам он заслуживает того, чтобы мы его знали получше, да и просто мне хочется хотя бы коротко познакомить читателя с его судьбой.

Хотя... Хотя, можно ли утверждать, что рассказ о таких русских людях, как Алексей Николаевич будет сегодня излишним в повест- вании-размышлении о судьбах России?

Итак, генерал от инфантерии, генерал-адъютант Куропаткин...

Братся за верховные военные роли ему, вообще-то, не стоило. Но он за них и не брался. Получалось так, что ему их навязывали, а у него не хватало решимости отказаться.

Грехи проигранной Русско-японской войны списали на него почти полностью. Обвиняли его почти все, причем даже его окру- жение. Но лично для меня Куропаткин оказался во многом оправ- данным сразу после того, как я прочел одно место в воспоминаниях генерала (тогда, впрочем, капитана) Игнатьева. В Русско-японскую он был одно время адъютантом Куропаткина, потом отпросился в строй.

Война закончилась.

Аристократ граф Игнатьев отправлялся в Петербург (приехав во фронтовой штаб первым, он имел право первым и уехать).

Узнав о его отъезде, Куропаткин пригласил капитана к обеду, а потом они перешли в салон-вагон, где состоялся разговор, кото- рый я со слов Игнатьева привожу полностью...

— Ну, милый Игнатьев, кто же, по-вашему, более всех виноват?

— Что ж, ваше высокопревосходительство, вы нами командо- вали, вы, конечно, и останетесь виноватым.

— А чем же я, по-вашему, особенно виноват?

— Да прежде всего, что мало кого гнали...

— На кого вы намекаете? Назовите фамилии.

— Да на тех высших генералов, которым вы сами не доверяли. Ну, например, на командира семнадцатого корпуса барона Бильдерлинга, на командира первого армейского корпуса барона Мейендорфа и других.

И тут, читатель, начальник Игнатьева встал, спокойно открыл сейф и дал капитану на прочтение следующую телеграмму:

«Ваши предложения об обновлении высшего командного состава, и в частности о замене барона Бильдерлинга генералом таким-то, барона Мейендорфа генералом таким-то и т. д. и т. д. государь-император находит чрезмерными.

Министр двора

барон Фредерикс».

И в салоне-вагоне повисла минута тяжелого молчания...

В таких условиях были обречены на поражение и Куропаткин, и Россия.

Россия восстала, Куропаткин же смолчал. Что ж, революционером генерал, носивший не только 16 боевых орденов на груди, но и свитский шифр на погонах, не был.

В Первую мировую войну он сформировал резервный гренадерский корпус. Позднее, не успев вступить в командование 5-й армией, был назначен командующим Северным фронтом, а еще потом — генерал-губернатором Туркестана.

В апреле 1917 года по требованию Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов был арестован и направлен в Петроград. В мае освобожден и выехал в родовое имение Шешурино Холмского уезда Псковской губернии (ныне Торопецкий район Тверской области).

Посланцу белого движения, звавшему под белые знамена, по-

советовал прекратить бесперспективную войну против своего народа.

Французскому послу, предлагавшему ему, кавалеру ордена Почетного легиона за участие во французской экспедиции в Сахару, выехать во Францию, тоже ответил отказом.

Писал воспоминания, опубликованные позднее в «Красном архиве», преподавал в открытой Советской властью средней школе в селе Лебедеве и в основанной им Наговской сельскохозяйственной школе. В 1918 году организовал в Холме народный музей и стал его научным консультантом.

Советское правительство сохранило за ним пожизненно дом и богатую библиотеку. Не всех, выходит, бывших генерал-адъютантов императора ЧК ставила «к стенке».

Умер Алексей Николаевич в ночь на 16 января 1925 года, немало не дожив до 77 лет.

Светлая ему память и наше уважение...

ТАК ВОТ, Куропаткин писал: «Существует мнение, что ограничься мы на Дальнем Востоке только проведением через Маньчжурию северной магистрали — и войны с Японией не было бы. Что лишь занятие Порт-Артура, Мукдена и особенно деятельность в Корее послужили поводом к войне... При этом высказывается мнение, что проведи мы железную дорогу в своих владениях по р. Амур, не возникло бы даже мысли занимать южную часть Мукдена и Квантун (то есть — Ляодун. — С.К.)».

Куропаткин же был убежден, что, «ограничься мы только этим предприятием (КВЖД. — С.К.), Япония из-за Северной Маньчжурии не начала бы войну с Россией».

То есть прокладка КВЖД по Маньчжурии была как минимум преступной глупостью.

Но ее южно-маньчжурская ветка Харбин — Порт-Артур и все ляодунско-корейские аферы Витте и Абазы были уж точно прямым государственным преступлением. Граф Игнатъев, в Русско-японскую войну проехавший по КВЖД от Харбина до фронта, писал о

ветке Харбин — Порт-Артур так: *«Эта магистраль сыграла решающую роль во всей несчастной войне».*

Да уж...

Только вот несчастной война была не для всех.

Вот еще одна, пожалуй, последняя в этом повествовании деталь из истории с КВЖД.

Как сообщает нам все тот же А.Н. Куропаткин, предположения министра финансов (то есть — Витте), что постройка дороги через Маньчжурию будет стоить на 15 миллионов рублей дешевле, чем по русским владениям, не оправдалась.

Куропаткин констатировал: *«По стоимости постройки Маньчжурская дорога — наиболее дорогое из всех железнодорожных предприятий России».*

Но можно ли было сомневаться в ином итоге, если к КВЖД приложил свои чистейшие (в белых перчатках) руки Сергей Юльевич Витте?

А ведь и путь-то за счет КВЖД сокращался всего-то на каких-то (по тем пространствам) 500 верст!

На этом рассказ о «великом проекте» можно бы, уважаемый читатель, и закончить. Но забыл я еще сказать, что за право на эту злосчастную, вредоносную для России концессию Витте отвалили уже известному нам Ли Хунчжану миллионную взятку.

Велик русский язык... Однако оценить такие вот деяния по достоинству можно лишь, далеко выходя за пределы русской (не «новорусской») лексической нормы

ПОЧТИ накануне войны, в августе 1903 года, в Японию через Владивосток отправился Василий Васильевич Верещагин. Блестящего нашего художника тянуло в Страну восходящего солнца давно... Сам человек огромной энергии, он хотел понять, чем объясняется такой мощный скачок — всего за три десятилетия — недавно феодальной страны к современному капитализму.

До Владивостока поезд шел неделю... Самара, Уфа. Екатеринбург, Тюмень, Омск, Иркутск и за Читой — вниз, к КВЖД.

Вот и Владивосток — конец пути на русской земле. Хлопоты перед Японией, обед в честь художника на флагманском крайсере «Россия»...

И — тревожные разговоры...

Двухсуточный переход на суденышке «Айкоку-мару», и Верещагин — в японской Цуруге, откуда опять поездом через Киото он едет в Токио.

Чужая страна, непривычные обычаи...

Небольшие (тем более — для медведистого Василия Васильевича) вагоны, миниатюрные умывальные отделения, первый класс — всего-то крытые коврами лавки.

За окном — желтеющие рисовые поля, похожие на быстром ходу на восточный ковер...

В вагонах накурено, валяются окурки.

Один из пассажиров в европейском платье при всех разделся до набедренной повязки, вытерся полотенцем и сел читать газету. Женщины в серых шелковых кимоно с яркими поясами подобной непосредственностью, увы, не отличались.

На улицах городов — бесчисленные копии немецкого художника Ленбаха — портрет Бисмарка. В отличие от оригинала — с сигарой во рту. Реклама табачной фабрики.

В прессе — угрозы в адрес России...

Верещагин находился в Японии уже три месяца, но пароходная компания вдруг объявила на Владивосток последний рейс, и пришлось срочно уезжать.

Шел ноябрь 1903 года.

После начала войны Верещагин, вспоминая газетные антирусские угрозы, писал: *«Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, потому что Япония — прекрасная страна с талантливым, трудолюбивым, полным художественного таланта и понимания народом. Япония может считаться государством благоустроенным: у нее хорошие пути сообщения. Высокая сельская культура, поголовная грамотность, масса вкуса и изящества в ремесленном производстве».*

И ВОТ ТЕПЕРЬ эта страна начала с Россией войну...

Генерал Куропаткин позднее заявлял, что война с Японией возникла «неожиданно для России, противно намерениям русского государя, противно интересам нашей Родины».

Надеюсь, уважаемый читатель, мы знаем уже достаточно, чтобы понимать, что если она и была неожиданной, то только для царя и тех его генералов, кто был не очень умен, зато относительно честен.

Разнобой в предвоенных оценках был велик... Военный агент (так тогда назывались русские военные атташе) в Японии полковник Ванновский был на удивление пассивен, за что его летом 1902 года сместили.

По возвращении в Россию он написал в отчете: *«Пройдут десятки, может быть, сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав»*.

Когда же Ванновский был еще в Японии, в его донесениях и телеграммах российского посланника в Токио Извольского о готовности Японии к войне сообщались «диаметрально противоположные сведения». И этим — по воспоминаниям графа Игнатьева — громко возмущался полковник (впоследствии — генерал от кавалерии) Гурко-Ромейко из Главного штаба.

Получалось, что Россия толком не знала: готовится ли к войне Япония? Но готовилась ли к войне сама Россия, или — нет?

Лично я мало сомневаюсь, что царизм — как нечто целостное, пусть и бестолковое, но национально окрашенное — к агрессивной войне действительно не готовился. Она могла принести России только вред.

А вот враги России эту нужную им войну готовили не один год и неплохо подготовили. Собственно, даже разнобой в донесениях был, возможно, не так уж и случаен.

Инертный полковник Ванновский был военным агентом с весны 1900 года по лето 1902-го. Затем его заменил Генерального штаба подполковник Владимир Константинович Самойлов. И вот донесения Самойлова были реалистичными, то есть — тревожными.

Впрочем, если Ванновский беспечно недооценивал японскую силу, то Самойлов ее серьезно переоценивал (это сказалоcь позднее, когда он в составе русской делегации на мирных переговорах поддерживал даже выплату контрибуции, потому что смотрел на наши перспективы слишком уж панически).

Русским посланником в Токио до начала 1903 года был Александр Петрович Извольский. За год до войны его сменил барон Розен, которого в 1899 году сменял тот же Извольский.

Год до войны — это год до войны. Как правило, страна, решившая начать войну, уже знает, что для нее этот год будет *предвоенным*. И роль дипломатического представителя страны — будущей жертвы агрессии — в предотвращении агрессии, в устранении политических условий для нее вряд ли может быть значительной.

Иначе обстоит дело в те годы, когда агрессия лишь замышляется, обдумывается, но еще не решена.

И как раз Извольский представлял Россию в Японии в самые решающие годы российско-японских отношений.

Как он мыслил и действовал тогда?

Сам он отвечал на этот вопрос так: *«Я являлся решительным противником той «твердой» политики, которая была принята Россией по отношению к Японии и инспирировалась безответственной камарильей, имевшей большое влияние на императора... Я настойчиво рекомендовал принять примирительную позицию по отношению к Японии и заключить соглашение с этой страной по вопросам, касающимся Маньчжурии и Кореи. Мои усилия в этом направлении имели своим последствием приезд в Европу такого достойного государственного деятеля, как маркиз Ито, с целью способствовать сближению между Россией и Японией. Эта миссия, если бы она увенчалась успехом, была способна изменить весь ход событий и исключила бы возможность войны, но холодный прием, оказанный японским представителям в Петербурге, и медлительные ответы, которые давались им русским правительством, к несчастью, определили полный неуспех этого предприятия. Дальновидный представитель Японии счел необходимым поспешить с заключением англо-японского союза».*

Что ж, возможно, Извольский и действительно ратовал за русско-японское сближение, но был он фигурой о-очень двойственной.

И даже в приведенном выше отрывке он кое-что переврал. Ито внешне встречали как раз горячо, другое дело, что с ответами действительно медлили... Да и не из-за одной медлительности русских сорвалось наше сближение с Японией.

Извольский подает себя, конечно, как горячего русского патриота и пишет: *«Уверенный, что политика, принятая императором под влиянием Безобразова, адмирала Абазы и Алексеева, неизбежно должна была привести к войне, и, не желая быть простой игрой — кой в этом деле, я попросил разрешения вернуться в Европу (по-слов в Копенгаген. — С.К.)»*.

Ну, во-первых, взялся за гуж непростого посланничества, так уж тяни до последнего, используй все возможности не допустить до войны, вредной для Отечества, а не сбегай со своего поста.

Патриоты так не поступают.

Во-вторых, что-то долго собирался уходить Александр Петрович... Хотел бы подчеркнуть свое отличное от «руководящего» мнение, так и ушел бы сразу после «холодного приема» Ито.

А так...

Да и причины перемещения Извольского из Токио в Копенгаген были, весьма возможно, иными, чем те, о которых поведал нам Александр Петрович.

И вот почему...

Весной 1902 года в Афинах, где Розен после Токио был посланником, с Романом Романовичем без его вины (но по легкомыслию греческой королевы) произошел неприятный чисто протокольный казус, и он в знак недовольства покинул Грецию, передав управление русской миссией поверенному в делах.

Николай тогда на объяснительной Розена пометил: *«Надо успокоить Розена»*. И наилучшим выходом было сочтено его возвращение в Токио.

А Извольский поехал в Копенгаген — хлопотать о будущей европейской антигерманской войне... А поспособствовала этому на-

значению мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна — урожденная принцесса Мария-Дагмара Датская, дочь короля Христиана IX.

Она Германию терпеть не могла, зато «с большой благожелательностью» относилась к Извольскому и его жене (урожденной Толь, дочери российского посланника в Копенгагене), выросшей на глазах у будущей императрицы.

К слову, Роман Романович Розен оказался в Токио на высоте в том смысле, что относительно сути происходившего не заблуждался.

Я приведу мнение о нем такого интересного мемуариста, как Юрий Яковлевич Соловьев, который оценивал Розена как одного из выдающихся, но непонятых при царском режиме дипломатов: «При его ясном и вполне реальном отношении к вопросам нашей внешней политики он неизменно видел дальше, чем ее петербургские руководители. Но, вероятно, именно поэтому с ним никогда не соглашались, а отдавали ему должное лишь тогда, когда было слишком поздно... Так, например, перед самой Русско-японской войной Розен телеграфировал из Токио, что, по его мнению, тот образ действий, который был принят Петербургом по отношению к Японии, неизбежно приведет к войне, а если так, то необходимо поспешно закончить укрепления Порт-Артура и увеличить наши военные силы в Маньчжурии».

Это — Розен...

А вот ответ ему, принадлежащий перу правой руки министра иностранных дел Ламздорфа — директора Азиатского департамента Гартвига: *«Не теряйте из виду, что Маньчжурия не входит в сферу Вашей компетенции»*.

Запомни, читатель, это имя — Гартвиг...

Мы к нему еще вернемся.

Розен был точен и патриотичен и в другом случае — перед Первой мировой войной. Будучи тогда членом Государственного совета, он в особой записке дальновидно предупреждал об опасностях нашего разрыва с Германией.

Выставлявший же себя в вопросе о русско-японском конфликте

чуть ли не пацифистом, Извольский после Русско-японской войны сумел стать (точнее, его «сумели стать») во главе российского МИДа.

Академик Михаил Николаевич Покровский написал о нем так: «В мае 1906 года после отставки Ламздорфа, прямо с незначительного поста в Копенгагене, был назначен министром иностранных дел... Сдал Англии ряд существенных позиций русского империализма, не получив взамен ничего, кроме привилегии бороться вместе с нею против Германии».

Извольский действительно много поработал для втягивания России после «маньчжурской катастрофы» уже в авантюру Первой мировой войны на стороне Антанты. Еще в 1904 году он обсуждал перспективы этого «сердечного согласия» с английским королем Эдуардом VII, и именно он 31 августа 1907 года заключил то русско-английское соглашение, которое через англо-французское «сердечное» соглашение Россию к Антанте и привязало.

Закрепил он эти свои усилия позднее, уже на посту посла России в Париже... Недаром Жану Жоресу, убитому накануне Первой мировой войны французским шовинистом, приписывают показательные слова «Enfin cette canaille d'Isvolsky a sa guerre» («Наконец, этот негодяй Извольский добился—таки своей войны!»).

Говорили и так, что, когда война разразилась, сам Извольский громко возглашал: «Это — моя война!»

Войну в Европе подготовил, конечно, не Александр Петрович, но и его роль была вполне определенной.

То есть в Европе Извольский войны, опасной для России, не боялся. А вот на Дальнем Востоке якобы изо всех сил ратовал за мир.

Странно, не так ли?

И не был ли этот «половинный» «пацифист» на самом деле среди тех, кто готовил не только Первую мировую войну, но и первую крупную региональную войну XX века — войну России в Азии?

Ответить утвердительно не берусь, но приведу слова Юрия Яковлевича Соловьева, знавшего Извольского неплохо: «Беспор-

но, что Извольский, ходивший всю жизнь в долгу, как в шелку, бывал порой в большой зависимости от неизвестных международных сил».

Всю жизнь Извольский осенял себя православным крестом, а после смерти его выяснилось, что он неизвестно когда стал тайным лютеранином и тщательно скрывал это...

Вряд ли это было все, что скрывал Александр Петрович при жизни.

Интересный штрих к его портрету добавляет свидетельство Великого князя Александра Михайловича, который летом 1914 года проезжал Париж уже после австрийского ультиматума Сербии.

Весь Париж тогда был взбудоражен процессом мадам Кайо, жены известного французского политика, застрелившей главного редактора «Фигаро» Гастона Кальметта за публикацию компрометирующих ее мужа материалов. И великий князь не верил своим ушам, слыша, как «почтенные государственные мужи и ответственные дипломаты, образуя оживленные группы, с жаром спорили» о том, будет ли оправдана «она».

— Кто это «она»? — спрашивал великий князь, — вы имеете в виду, вероятно, Австрию, которая, надо надеяться, согласится передать свое недоразумение с Сербией на рассмотрение Гаагского третейского трибунала?

Все думали, что он шутит, потому что «она», бывшая у всех на языке, была Генриеттой Кайо.

Так вот, когда Александр Михайлович зашел в посольство к Извольскому, тот удивился:

— Отчего, ваше императорское высочество, так спешите вернуться в Петербург? Там же мертвый сезон...

— Но ведь нельзя исключить возможность войны?

— Война? — махнул рукой посол. — Нет, никакой войны не будет. Это только слухи, которые время от времени будоражат Европу. Австрия позволит себе еще несколько угроз. Петербург поволнует. Вильгельм произнесет воинственную речь. И все это будет через две недели забыто...

Вот такая деталь к и так странному портрету Извольского.

Да и Николай Генрихович Гартвиг был фигурой не очень-то ясной. Накануне Русско-японской войны он фактически саботировал попытки как-то выправить положение России на Дальнем Востоке то ли предупредительными военными, то ли политическими мерами.

Зато на посту российского посланника в Сербии накануне Первой мировой войны барон Гартвиг фактически активно готовил «балканский» запал мировой войны... Он, в частности, был горячим сторонником общего союза балканских стран — якобы против Турции... Но что такое была тогда Турция даже по сравнению с этими балканскими «державами»?

Нет, объективно такие инициативы России выглядели как недружественные Австро-Венгрии, а значит — и Германии (о том, насколько для нас это было глупо и невыгодно, я писал в своей книге «Россия и Германия: сравнить!»).

Академик Тарле, правда, считал, что в делах балканского союза Гартвиг был «лишь орудием» — теперь уже в руках министра иностранных дел Сазонова (фигуры, политически тоже не то что бы прозрачной).

Итак, всю жизнь был, выходит, Николай Генрихович чьим-то орудием...

Вот только — чьим?

Закончил он странно... Уже после убийства в боснийском Сараево летом 1914 года австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда почему-то оказался на обеде у австрийского посланника в Белграде барона Владимира Гизля и, отобедав, в тот же вечер скончался. Якобы — от сердечной недостаточности, которой действительно страдал. Хотя дочь его тут же заявила, что ее отца просто напороли.

Гартвига похоронили в Белграде с величайшими почестями, в его честь назвали улицу... А возведение его в символ русско-сербской дружбы автоматически делало его в той обстановке и знаменем антиавстрийских настроений.

И ведь согласился Петербург почему-то на скандальные (а как тут иначе скажешь?) похороны русского дипломата в чужой столи-

це... Хотя объективно такая акция накаляла политическую атмосферу и этим тоже вела к войне...

Гартвиг был как-то связан и с Витте. И сам Витте не постеснялся публично признать, что после аннексии Австрией Боснии и Герцеговины в 1909 году он рекомендовал Извольскому именно Гартвига в качестве замены Извольскому на посту министра иностранных дел (Извольский якобы намеревался тогда из министров уйти).

Не совсем понятно и с «разнобоем» в донесениях Извольского и Ванновского из столицы Японии...

Если Ванновский сообщал о слабости японской армии, то «диаметрально противоположно» — по словам Гурко — мысливший Извольский должен был сообщать о японской военной мощи.

Однако сам он этого себе в заслугу не ставит. Да и откуда у него были бы такие сведения? И если в МИДе Розену советовали не совать нос в соседнюю Корею, то вряд ли там поощряли бы попытки Извольского совать нос в чужую «епархию» военного ведомства.

Чьей же позицией публично возмущался Гурко — Извольского или Ванновского? И зачем?

И кем был сам Василий Иосифович Гурко-Ромейко? Сын фельдмаршала и сам достаточно типичный генерал, он имел ту особенность, что состоял еще и в масонах (как и Извольский, как сын Извольского). Так что неизвестно: может быть, Гурко-Ромейко возмущался и искренне, а может, прикрывал «брата» Извольского.

И подобных «братцев-кроликов» в Питере тогда уже хватало.

Скажем, в 1903 году в Японии побывал полковник (с 1912 года — генерал-майор) Генерального штаба Михаил Алексеевич Адабаш и привез важные данные о резервах японской армии, о которых Ванновский даже не упоминал. Но рапорт Адабаша (он, к слову, после Великой Октябрьской революции состоял в корпусе Генерального штаба РККА) генералы Жилинский и Сахаров (фигуры опять-таки небезупречные) почему-то положили «под сукно»...

Полковник Самойлов о резервных войсках тоже, кстати, не сообщал. А они увеличивали численность японской армии в три раза!

Нет, уважаемый читатель! Не случайно «случилась» та Русско-японская война, в которой были так заинтересованы «неизвестные международные силы».

Очень не случайно.

Сказав насчет этого уже немало, я еще об этом скажу и дальше...

Глава 6 Сопки Маньчжурии и топи концессии

ВОЙНА началась нападением японцев на порт-артурскую эскадру. Даже академические источники обычно подчеркивают — «без объявления войны». Но это не совсем так...

Во-первых, уже в декабре 1903 года Япония предъявила России ультимативную ноту. Суть ее сводилась, по сути, к тому, что Япония добивалась от России признания таких своих прав в Корее, которые сделали бы Японию полной хозяйкой в этом регионе.

Был ли этот ультиматум хоть в какой-то мере объективно обоснован, станет нам яснее после того, как мы — чуть позже — ознакомимся с запиской по маньчжурскому вопросу генерала Куропаткина. Он представил ее царю в октябре 1903 года.

Не получив ответа на свою ноту, Япония 6 февраля 1904 года разрывает с нами дипломатические отношения, и в тот же день японский флот уходит на боевые позиции в Желтое море.

Собственно, после ультиматума у всех, имеющих отношение к обороне и внешней политике России, должны были быть «ушки на макушке».

Тем более — в Порт-Артуре!

Тем более — у флотских в Порт-Артуре...

Разрыв (!) отношений и выход японской эскадры адмирала Того в океан там должны были бы сразу расценить как сигнал боевой тревоги. Так что какое уж там «объявление войны»... Ведь японцы напали на Порт-Артур лишь через два дня после разрыва отношений!

А формально война была объявлена 10 февраля.

Относительно «неожиданной внезапности» есть и еще одно пикантное обстоятельство... За четыре года до Порт–Артура, в январе 1900 года, именно в стиле японцев начал военно–морскую игру в Морской академии адмирал Вирениус.

С тем же, в общем–то, результатом, который был достигнут японцами реально, Вирениус игру и закончил. Позднее даже высказывались предположения, что секретные планы этой игры попали к японцам, которые ими и воспользовались.

Н–да...

Уже в послереволюционной эмиграции высокопоставленный и близкий ко двору генерал Николай Алексеевич Епанчин вспоминал: *«Началась война, которой в России никто не сочувствовал, которую народная масса совсем не понимала, а еще менее понимала эту войну наша армия».*

Так ведь, надо заметить, и умные, образованные слои русского общества тут тоже ничего понять не могли, а точнее не могли тут увидеть что–то, для России рациональное.

Интересно, что оценка генерала–монархиста поразительно совпадает с оценками большевика Ленина, и ее можно прямо вставлять в текст ленинских статей того периода.

А вот что писала видный член кадетской партии Ариадна Тыркова–Вильямс: *«Общественное мнение было против японской войны. Войну приписывали махинациям маленькой шайки придворных, заинтересованных лесными концессиями на Ялу... Главными виновниками всей авантюры считали близкого Николаю II адмирала Абазу и еще нескольких придворных».*

Осада Порт–Артура, при которой погибло 112 тысяч японцев и 27 тысяч русских... Геройская смерть при обороне второго форта генерала Кондратенко — любимца солдат и души обороны на суше... Бездарная сдача этой морской крепости бездарным Стесселем...

Гибель адмирала Макарова и Василия Верецагина на броненосце «Петропавловск»... Подвиг «Варяга» и «Корейца» при Чемульпо и поход 2–й Порт–Артурской эскадры адмирала Зиновия Рождественского, окончившийся в Цусимском проливе...

Бои под Мукденом, отступление с Ляодунского (уже готовящегося стать Квантунским) полуострова и вальс «На сопках Маньчжурии»...

Все это было в той войне.

Однако я не пишу ее историю и просто напоминаю читателю о том, о чем он и сам вряд ли забывал, но о чем хотя бы в двух словах не напомнить нельзя.

В самом начале войны, в феврале 1904 года, в листке ЦК РСДРП «К русскому пролетариату» Ленин писал: *«Все силы народа подвергаются величайшему напряжению, ибо борьба начата нешуточная. Борьба с 50-миллионным народом, который превосходно вооружен, превосходно подготовлен к войне, который борется за настоятельно необходимые, в его глазах, условия свободного национального развития. Это будет борьба деспотического и отсталого правительства с политически свободным и культурно быстро прогрессирующим народом».*

Обращаю внимание на оценку Лениным целей Японии — борьба за «настоятельно необходимые... условия свободного национального развития». Понимание ситуации сказалось и в оговорке — «в его (то есть японского народа. — С.К.) глазах».

В своей активной фазе эта борьба продолжалась год.

25 февраля 1905 года японцы нанесли нам решающее поражение на суше — в Южной Маньчжурии под Мукденом. Армия отошла на позиции в районе Сыпина (Сыпингая), и началось «сыпингайское» сидение.

На этом период активных действий на суше закончился, потому что русские войска хорошо окопались, а японские не имели сил на решительное наступление.

28 мая 1905 года теоретическая возможность победы России на море затонула в волнах Цусимского пролива вместе с эскадрой Рожественского.

После этого оставалось зализывать раны и искать пути к миру. Причем — обеим сторонам.

Война обошлась Японии в 2 миллиарда иен. России — в 4,5 миллиарда рублей.

Для России эти финансовые потери составляли половину тогдашнего государственного долга. Был потерян и почти весь Балтийский флот — наиболее мощный и современный.

А что значили 2 миллиарда иен для Японии?

Накануне войны общие бюджетные расходы Японии составили 250 миллионов иен. Государственный долг равнялся 540 миллионам иен. Вот и считайте!

Относительно же людских потерь, уважаемый мой читатель, данные расходятся серьезно, и я приведу их из разных источников, чтобы показать тебе, как опасно слепо доверять какому-то одному из них без утомительных перепроверок.

По данным «Истории Японии» Е. Жукова, потери японцев убитыми и ранеными составили 700 тысяч человек.

Во втором издании БСЭ сказано, что «русская армия и флот терпели поражения, неся огромные потери». И — все.

В новейшей, издания 2004 года, монографии Вячеслава и Ларисы Шацилло «Русско-японская война 1904—1905» сообщается, что Россия потеряла около 270 тысяч человек, в том числе 50 тысяч убитыми, а безвозвратные потери Японии были еще больше — свыше 86 тысяч убитыми.

Более — как мне представляется — можно верить «Истории военных потерь» Бориса Урланиса, который сообщает, что русские потери на суше составили 177 490 человек (25 331 убито и 6127 умерло от ран), а японцев — 232 237 (47 387 убито и 11 425 умерло от ран).

Собственно, относительно японских потерь Урланис, как я понял, руководствовался *официальными* данными главного медицинского инспектора японской армии доктора Кипке. И, скорее всего, японцы потеряли живой силы еще больше! То есть в части японских потерь монография 2004 года, похоже, близка к истине.

Так, по данным генерала Куропаткина, общие потери японцев убитыми, ранеными и больными составили 554 885 человек. Только в Токио на почетном кладбище было похоронено 60 624 человек и, кроме того, 74 545 умерли от ран и болезней.

А вот русские потери, похоже, монография 2004 года преувеличивает — в полном соответствии с общей склонностью «россиянских» историков к изображению русских неумехами.

Море забрало жизни 6299 русских моряков и около 2 тысяч — японских.

Так или иначе, но безвозвратные потери японцев в боях на суше не менее чем вдвое превышали русские.

Если учесть то, что солдаты давались Японии потяжелее, чем нам, и то, что население Японии было раза в три меньше, чем наше, то системные потери японцев в живой силе оказывались по сравнению с нашими чудовищными, непомерными.

И уже поэтому победа Японии могла бы оказаться проблематичной, если бы не подлое «посредничество» Америки (у нас почему-то пишут о якобы «русофильстве» США, убоявшихся—де усиления Японии и ее запросы умеривших—де) и паскудство российской элиты, упрямо упиравшейся перед войной и быстренько согласившейся на все после ее окончания.

Кстати, относительно «русофильства» Штатов... Уже когда война началась, главный официальный «русофил» Америки — президент Теодор Рузвельт доверительно говорил германскому послу в Вашингтоне Штернбургу следующее:

— В наших интересах, чтобы война между Россией и Японией тянулась до тех пор, пока оба государства добьются максимально возможного истощения друг друга, чтобы территории, где сталкиваются их интересы, продолжали и после заключения мира служить тем же целям и чтобы границы их сфер влияния скрещивались таким же образом, как и до войны...

Вот так — просто, внятно, подло.

И как тут не вспомнить еще одного американца (и тоже — президента) Гарри Трумэна, в 1941 году реальной истории советовавшего помогать русским, если побеждают немцы, и помогать немцам, если побеждают русские, и так до тех пор, пока последний немец не убьет последнего русского...

В том же духе высказывался тогда и Черчилль—младший.

Просты мы все же у себя в России, уважаемый мой читатель!

Тем более что война — это плохо не для всех. Ведь кому потери, а кому и прибыли...

Правда, провокации удавались янки не всегда. Так, филладельфийская газета «North American Newspaper» отбила 1 (14) февраля 1904 года телеграмму Льву Толстому: «Сочувствуете ли вы России, Японии или никому?»

Толстой ответил кратким письмом:

«Я ни за русское, ни за японское правительства, но за обману-тый рабочий народ обеих стран, вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии».

На том «свобода слова» и закончилась — такой ответ янки было опубликовать не с руки.

А вот еще кое-что о русских и «любящих» их англосаксах...

Серьезное строительство японского военно-морского флота началось в 1895 году — Япония строила флот на контрибуцию по Симоносекскому договору, которая составила 230 миллионов лян (около 300 миллионов рублей). Всего на армию и флот Япония израсходовала с 1896 по 1903 год 773 миллиона иен, при этом более 30% военного бюджета шло на нужды флота.

Однако резко убыстрили процесс наращивания японской морской мощи огромный заем США и помощь Англии. Большая часть новых японских кораблей была построена на верфях последней. И выгода здесь была двойная и даже тройная.

Вот перечень одних только новых японских броненосцев начала XX века «английского» происхождения:

— эскадренный броненосец «Микаса». Фирма-строитель — «Армстронг» в Элсвике. Заложен 24.01.1899 года, спущен на воду 08.11.1900-го, укомплектован 01.03.1902 года;

— эскадренный броненосец «Асахи». Фирма-строитель — «Дж. Браун» в Клайдбэнке. Заложен 01.08.1898 года, спущен на воду 13.03.1899-го, укомплектован 31.07.1900 года;

— эскадренный броненосец «Сикисима». Фирма-строитель — «Теймз Айрон Уорк» в Блэкулле. Заложен 29.03.1897 года, спущен на воду 01.11.1898-го, укомплектован 26.01.1900 года;

— эскадренный броненосец «Фудзи». Фирма-строитель — «Теймз Айрон Уорк» в Блэкулле. Заложен 01.08.1894 года, спущен на воду 31.03.1896-го, укомплектован 17.08.1897 года.

Англичане же строили броненосные крейсера «Идзумо», «Ивате», «Асама», «Токива», Чиода», бронепалубные крейсера «Нанива», «Такачихо», «Идзуми».

Американцы — бронепалубные крейсера «Касаги» и «Читосе».

Выгода тут была, повторяю, тройная...

Занятые суммы содействовали усилению англосаксонского влияния на Японию.

Они же, превращенные в броневые корабли, ориентировали Японию против России.

И, наконец, они возвращались к англосаксам же, поскольку из этих сумм с ними расплачивались за спущенные на воду корабли.

А ВЕДЬ был еще и чисто геополитический момент! Россию ведь тоже поворачивали лбом в направлении Маньчжурии и Кореи для того, чтобы она потом сталкивалась этим лбом с Японией.

А если бы этого не было? Если бы наша «корейская» и «китайская» политика в конце XIX — начале XX века была реалистичной? К тому времени Россия создала весьма мощный флот. Если бы она переориентировалась с англо-французов на Германию, то почти весь боевой состав флота можно было перебросить на Тихий океан. Собственно, с началом Русско-японской войны это и было сделано, но при союзе с Германией флот можно было перебрасывать на Дальний Восток заблаговременно. И — не для противостояния с японцами, а для весомого предложения японцам вступить с нами в союзные отношения.

Историки, правда, считают (и не без резона), что, напротив, одной из причин ускоренного строительства флота Японией стали планы России увеличить свою эскадру на Тихом океане. Но одно и то же действие может приводить к противоположным результатам в зависимости от того, как оно воспринимается.

И что, если бы Россия вместо линии на раздор с Японией взяла курс на деятельный союз с ней? Что, если бы и в Японии посмотрели на ситуацию трезвыми глазами и поняли желательность мира и союза с Россией? Тем более что многие влиятельные фигуры в Японии так на возможные перспективы и смотрели.

Вместо авантюр вне границ России нам надо было словом и делом доказать Японии, что могучий Тихоокеанский флот — не фактор угрозы Японии, а фактор стабилизации дальневосточной ситуации и гарант мирного развития русского Забайкалья и Приморья. Что России нужен мир, но угроза миру — англосаксы, объективно угрожающие и Японским островам уже в силу нежелания видеть Японию экономически независимой и сильной. Ведь война означала для бурно развивающейся Японии возникновение ряда финансово-экономических больших проблем и объективно вела к новым внешним займам (так оно и вышло на деле). А внешние займы на цели не созидательные, а разрушительные, военные — это внутренние неурядицы, внутренняя нестабильность.

Вывод: России и Японии нужны мир и совместные экономические усилия — в том числе и в Китае. А плюс к этому — и военный союз.

Ведь тогда соединенные флоты двух новых союзников обеспечивали бы такому союзу абсолютное могущество на Тихом океане при прочных круглогодичных базах для русского флота!

Англосаксы готовили флот японцам против России, но могло быть и так, что их творение обернулось бы против них самих!

А мир на Балтике позволял бы и Вильгельму присоединиться к русско-японской тихоокеанской компании третьим! Тем более что у немцев уже образовались немалые тихоокеанские островные владения.

И такое могучее трио могло бы все!

В том числе оно могло потребовать коренного пересмотра тихоокеанской ситуации, которая могла стать ключом к ситуации общемировой!

Россия в новых условиях была бы способна потребовать возврата Аляски и северных тихоокеанских островов. Можно было так-

же потребовать раздела Гавайских островов между США, Россией, Японией и Германией.

Германия и Япония, обретя прочный русский тыл, получили бы возможность беспрепятственной, неограниченной экономической экспансии в Китае и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. И слава богу! Россия ведь при этом тоже имела бы прочный тыл для мирного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока...

И — **ВНОВЬ** нашей Русской Америки!

А там можно было подумать и об усилении русской экономической активности в Тихом океане.

А там можно было бы к общему союзу подключать в качестве младшего партнера и Китай. А там можно было бы и обеспечивать независимость Индии от британской короны

И только ли Индии. .

И только ли от британцев!

Вот каких перспектив боялись рузвельты, черчилли, шиффы с кунами и лебами и весь финансовый Золотой Интернационал с его агентами типа Витте.

Тихоокеанский мир и союз России с Японией был для них так же смертельно недопустим, как и европейский союз России и Германии.

Поэтому реальные события пошли по сценарию прямо противоположному...

ПОСМОТРИМ, уважаемый читатель, на хронологию русско-японских отношений перед войной более внимательно.

Еще во время своего первого визита в Петербург в 1901 году Ито в обмен на уход России из Кореи и предоставление ее Японии предлагал России Северную Маньчжурию (зону КВЖД) и даже полную свободу рук в Китае.

В последнем он, скорее всего, лукавил, хотя... Хотя такой поворот означал бы неизбежный конфликт России с Англией и США, что Японию устроило бы.

В 1901 году такую лояльность японцев можно было отнести на

счет их желания разыграть «русскую карту» в преддверии союза с Англией. Однако в конце июля 1903 года Япония вновь предлагает России обсудить дальневосточные проблемы. Англо-японский союз уже заключен и предполагать в этом предложении просто игру вряд ли было бы верным.

Скорее всего Япония действительно хотела как-то с Россией договориться. Ведь потенциалы России и Японии различались тогда очень сильно в пользу России. Русские броненосцы и крейсера тогда еще не покоились на дне Японского моря, а дымили трубами в Порт-Артуре, в Кронштадте, во Владивостоке.

Конечно, у Японии тогда уже был мощный и современный, построенный на западных верфях, флот (уже ближайшее будущее показало, что он имел подавляющее преимущество над флотом русским, но до Цусимы это было далеко не очевидным).

Конечно, японская армия была тоже к тому времени неплоха. До поражения французов во франко-прусской войне 1870—1871 годов у нее были французские инструкторы, но после поражения Франции под Седаном японцы предпочли инструкторов немецких, и те организовали японскую армию по германскому образцу. А он был действительно хорош!

Да и учениками японцы оказались талантливыми.

Германская армия традиционно сильна резервистами, и эту свою особенность передала армии японской — к началу XX века вполне прилично оснащенной и обученной, хотя и далеко не такой многочисленной, как русская.

И уже одна огромность русской армии по сравнению с японской, конечно же, японцев пугала. Эти опасения были тем более велики, да и обоснованны, что в собственной выучке у японцев полной уверенности быть не могло. Ведь японская армия нового времени никем и ничем серьезно испытана не была.

Да, в активе у Японии тогда имелась победа над Китаем. Однако замахиваться на Россию с таким активом было страшновато.

Поэтому многое зависело от многого..

12 августа 1903 года японский посол передал в русский МИД японский проект соглашения.

Статья 1 содержала обязательства сторон уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китая и Кореи и поддерживать принцип равноправия всех наций в торгово-промышленном отношении.

Статья 2 предусматривала признание Россией преобладания японских интересов в Корее и признание японцами «специальных железнодорожно-строительных» интересов России в Маньчжурии.

Статья 3 давала Японии право продолжать построенные в Корее железные дороги в Южную Маньчжурию до соединения с КВЖД и Шанхайгуань-Инкоуской линией (это было ответвление от южной части КВЖД на Пекин).

Как видим, японский проект не требовал нашего отказа от Порт-Артура, но блокировал нашу активность в Корее и Маньчжурии, широко допуская туда Японию. Но это был лишь проект «для разговора». А «разговор» пошел так, что русский «встречный» проект от 5 октября блокировал активность в Корее и Маньчжурии уже Японии.

Был ли в том резон, уважаемый читатель?

Нам ведь к чужим берегам вообще соваться не стоило — если думать о нуждах России, а не... о выгодах всяких там гинцбургов (почему я их помянул, в свое время станет ясно).

Но коль уж КВЖД и ее ответвление до Порт-Артура существовали, коль уж были построены Порт-Артур и Дальний, то стоило ли рисковать ими, идя на прямой конфликт с Японией?

Мы сунулись туда, куда соваться было глупо. Но — сунулись. Прямо сказав об этом японцам, можно было так же прямо сказать им, что уходить с Ляодуна мы не хотим, но и воевать с Японией не хотим, поэтому за основу готовы принять японский проект.

За основу...

Но — принять!

И все могло бы закончиться иначе, но...

Но, с одной стороны, медлил, не уступал и вел себя, по сути, антинационально Петербург. Вспомним мнение на сей счет графа Игнатьева-старшего...

Был с ним тогда согласен и высокопоставленный генерал Николай Алексеевич Епанчин, заявлявший, что при разрешении наших, по его выражению, «недоразумений» с Японией вопрос стоял далеко не остро, и что «при благоразумном отношении к делу мы, конечно, могли бы избежать надвигавшейся войны».

Увы, Петербург в дальневосточных вопросах вообще и в «корейских» делах в частности никогда себя умно не вел.

Так, в 1897 году по совету царской России (хотелось бы знать, в чьей конкретно голове родилась эта опереточная идея) корейский король объявил себя императором для того, чтобы стать—де «на равную ногу» с императорами Китая и Японии.

По этому поводу вспоминается анекдот о «Запорожце», у которого на заднем стекле была надпись «Я еще расту! А так я — «Мерседес»...

С другой стороны, опасаясь того, что русские и японцы все же договорятся, Японию подзудили Соединенные Штаты. В один и тот же день, 8 октября 1903 года, США и Япония заключают торговые соглашения с Китаем. И в октябре же Англия и США «советуют» Китаю не очень-то дружить с Россией.

В декабре 1903 года Япония, как мы знаем, направляет России жесткую ноту, не предусматривающую определенного срока ответа (симптом нехороший, да...).

И тут же американское правительство официально заверяет Японию, что в случае войны американская политика будет благожелательной к Японии (уже в ходе войны президент Теодор Рузвельт публично заявлял: «Я буду в высшей мере доволен победой Японии, ибо Япония ведет нашу игру»).

9 января 1904 года Вильгельм пишет из Нового Дворца в Царское Село:

«Милейший Ники!... Дай бог, чтобы все прошло гладко и чтобы японцы вняли голосу разума, несмотря на ожесточенные усилия подлой прессы некоей страны. Кажется, она решила (более точно было бы написать «они решили», имея в виду и Англию, и США. — С.К.) без конца валить деньги в бездонный колодезь японской мобилизации».

В тот же день он дает Николаю еще и телеграмму (сигнал «адмиралу Тихого океана»), где предупреждает о провокациях англо-саксов и активности японцев. Телеграмма заканчивалась словами:

«Если тебе удастся заставить Японию не нарушать мира, то этим ты одержишь бескровную, но значительную победу».

Еще до получения этих посланий, 8 января 1904 года, Николай отправляет Вильгельму из Царского Села секретную телеграмму:

«Я очень надеюсь, что буду в состоянии прийти к соглашению с Японией, последние предложения которой сделаны в умеренном и примирительном тоне. Все тревожные известия относительно приготовления к войне на Дальнем Востоке исходят из некоего источника, в интересах которого поддерживать это возбуждение...»

15 января 1904 года на придворном балу в Зимнем дворце присутствовал японский посланник во Франции Итиро Мотоно. И, как вспоминал потом генерал Епанчин, на него смотрели как на шпиона, а то и на предателя.

Та самая придворная шваль, которая порождала абаз и безобразовых, почему-то ожидала от Мотоно, что он будет стоять за интересы России, а не Японии.

По себе, знать, судили... Это «россиянскую» элиту во все времена нужды чужих «дядь» заботили и заботят больше, чем нужды родных осин. А Мотоно представлял в Париже Японию, и заботили его, естественно, только ее интересы.

Можем ли мы осуждать его за это?

В начале 1904 года по специальному приглашению императора в Японии появляется военный министр США Тафт с обещанием Рузвельта оказать Японии помощь, если в русско-японское столкновение на стороне России будут вовлечены Франция и Германия.

И Япония решается.

Хотя русский ответ на декабрьскую ноту уходит в Токио 3 февраля и Япония знает об этом, японский МИД поручает посланнику в Петербурге 6 февраля затребовать свои паспорта и прервать с нами дипломатические отношения

Русский же ответ был задержан на телеграфе в Нагасаки и доставлен русскому посланнику Розену только 7 февраля.

А все уже ехало, катилось, плыло...

И ехало, катилось и плыло к почти начавшейся уже войне.

ПОЛИТИКА Петербурга — как видим — вела к этой войне не менее объективно, чем нарастающие амбиции Японии. Просто Петербург им подыгрывал. Но вот стимулировал их не только японский самурайский шовинизм, но и американский империализм.

Без этих трех составляющих — расейской тупости, японской наглости и американской подлости — вряд ли русско-японская вражда вообще возникла бы.

И лишь при соединенном действии этих составляющих она стала фактом. Однако историки чаще подчеркивают подстрекательскую-де роль «адмирала Атлантического океана» кайзера Вильгельма.

А ведь он-то был скорее лоялен к нам — в отличие от японских экстремистов, штатовских банкиров и «ню-бердичевской» элиты.

Впрочем, надо упомянуть и еще один, вненациональный, а точнее — наднациональный, фактор — жадность и корысть Золотого Интернационала.

Сам того не сознавая, об этом фактически сказал Алексей Николаевич Куропаткин в своей служебной записке царю в октябре 1903 года.

Он блестяще обрисовал ситуацию и проанализировал ее и только не указал на те злые антирусские и антияпонские силы, которые делали невозможным разумное развитие политики России и делали все для того, чтобы эта политика Россию ослабляла.

Куропаткин написал, что может ждать Россию в случае сохранения ее маньчжурской линии, но так и не понял, почему эта гибельная линия так упорно и последовательно выдерживалась долгие годы.

Тем не менее пришла пора, уважаемый читатель, **нам с выдержками** из этой записки ознакомиться...

«Не соприкасаясь с границей Кореи, — писал ее автор, — не занимая нашими гарнизонами местности между железной дорогой и корейской границей, мы действительно убедим японцев, что не имеем намерения, вслед за Маньчжурией, завладеть и Кореей. Тогда и японцы, вероятно, ограничатся развитием своей деятельности в Корее без оккупации страны войсками. Тогда Япония не приступит к значительному увеличению своих сил и не втянет нас в тяжелую необходимость все усиливать свои войска на Дальнем Востоке и даже без войны нести тяжелое бремя вооруженного мира.

С присоединением же к русским владениям и Южной Маньчжурии все вопросы, кои ныне тревожат две нации и заставляют опасаться близкого вооруженного столкновения, получают еще большую остроту. Наше временное занятие гарнизонами... пунктов в полосе между железной дорогой и корейской границей... обратится в постоянное. Наше внимание к... Корее еще возрастет.

Вместе с тем и японцы получают новое подтверждение своих подозрений, что Россия хочет захватить и Корею. Почти несомненно, что занятие нами Южной Маньчжурии поведет к занятию японцами Южной Кореи. Дальнейшее темно».

Темно-то темно, но сам же генерал Куропаткин весьма верно его прояснял: **«Япония вынуждена будет быстро усилить свои вооруженные силы. Мы в ответ будем увеличивать свои войска на Дальнем Востоке. И вот между двумя народами, казалось бы, призванными к мирной жизни, из-за тех или иных участков Кореи, не имеющих для России сколько-нибудь серьезного значения, начнется еще в мирное время борьба в ущерб интересам коренного русского населения (выделение здесь мое, ибо как же эти слова да не выделить! — С.К.). Эта борьба мирного времени... постоянно будет грозить перейти в тяжелую смертоносную борьбу, которая не только надолго может остановить спокойное развитие наших восточных окраин, но может отразиться и на замедлении роста всей России».**

Так мыслил и писал генерал Куропаткин...

Однако нашлось немало охотников доказывать, что он мыслил и действовал прямо противоположно. И поэтому я повторяюсь: очень опасно доверяться в историческом исследовании какой-то одной стороне.

Мы, уважаемый читатель, только что ознакомились с официальной запиской самого Куропаткина. А вот что — наглейшим образом — написал о позиции Алексея Николаевича граф Витте:

«Он был сперва один из главных виновников мер, приведших нас к войне. Вопреки тенденциям министра иностранных дел графа Ламздорфа и моим, он все побуждал государя к политике захвата и пренебрежения интересами Китая и Японии... Все это изложено документально в моей рукописи «О возникновении Японской войны»...»

Витте действительно накопал могучий труд в двух томах в 769 страниц машинописного текста, но — даже не будучи с ним знаком — я выскажу предположение, что вряд ли историки поступят разумно, если будут изучать его не с целью изучения общественной физиономии графа «Полусахалинского», а с намерением выяснить историческую истину.

Но кому же верить?

Куропаткину или Витте?

Что ж, попробуем в этом вопросе разобраться...

Во-первых, надо бы учесть, что перед войной царю была подана записка трех авторов об опасности продолжения принятой Россией дальневосточной политики. Авторами ее были министр финансов Витте (явно готовивший себе загодя политическое «алиби»), министр иностранных деп Ламздорф (явно подвигнутый на это дело хитрецом-мудрецом Витте) и...

И — военный министр Куропаткин.

Алексей Николаевич примкнул к подобному «дуумвирату», конечно, по простоте душевной, болея душой за Россию...

И вряд ли он понимал при этом, что, позволяя Витте сделать себя «соавтором», он автоматически выдает Витте справку о невинов-

ности последнего в российском «дальневосточном» политическом идиотизме конца XIX — начала XX века.

Но и Витте — того, конечно, не желая — сам дал нам основания усомниться в искренности его суждения о Куропаткине. Ведь единство официальных взглядов Куропаткина и Витте в кризисный момент зафиксировано в их совместном и официальном же документе, о чем Витте забыть не мог... А вот же — «забыл».

Во-вторых, чтобы рассудить Витте и Куропаткина, попробуем пригласить *объективного* свидетеля тех событий, участниками которых были два государственных деятеля, то есть свидетеля «со стороны».

И такое интересное свидетельство оставил нам — уже в после-революционной эмиграции — «обратный тезка» Куропаткина, генерал Николай Алексеевич Епанчин, сообщивший вот что: *«Летом 1903 года Японию посетил генерал Куропаткин. И в обществе ходили слухи, будто бы он вынес из Японии впечатление, что нам легко будет разбить японцев.*

3 декабря 1903 года генерал Куропаткин пригласил меня к завтраку... Было приглашено человек двенадцать, и... когда речь зашла о Японии, то Куропаткин начал говорить о тех трудностях, которые мы встретим в случае войны с Японией, что японцы хорошо подготовлены и что нам надо сделать все возможное, чтобы избежать войны.

«Нам выгоднее, — сказал Куропаткин, — отдать японцам Южно-Китайскую железную дорогу и даже Порт-Артур, чем рисковать войной».

Мы все были поражены таким решительным мнением, которое совершенно противоречило тому, о чем тогда говорили в обществе, а именно, что будто бы генерал Куропаткин считал, что нам легко разбить японцев. .»

Так, спрашивается, не с подачи ли всяких там «витть» и их «неформальных» шефов распространялись эти лживые, порочащие Куропаткина слухи?

Во всяком случае, как видим, грязные печатные инсинуации Витте в адрес Куропаткина очень хорошо сочетаются с грязным «ше-

потком» относительно Алексея Николаевича в «петербургско-нюбердичевских» салонах.

И Витте лишний раз выглядит здесь как незаурядный «агент влияния», чернящий истинных патриотов для того, чтобы самому выглядеть истовым патриотом, облаченным в белые ризы.

Можно еще добавить, что воспоминание «по памяти» Епанчина полностью согласуется с текстом записки Куропаткина от 25 ноября 1903 года, где было сказано: *«Не следует ли отдать обратно Китаю Квантун с Порт-Артуром и Дальним, отдать южную ветвь Восточно-Китайской железной дороги, но взамен получить от Китая права на Северную Маньчжурию и, кроме того, до 250 миллионов рублей в возврат произведенных нами расходов на железную дорогу и на Порт-Артур...»*

Мы избавимся от необходимости воевать с Японией из-за Кореи и с Китаем из-за Мукдена.

Мы получим возможность восстановить дружеские отношения как с Китаем, так и с Японией.

Мы внесем спокойствие в дела не только России, но и всего света».

Витте тогда уже устранился от Министерства финансов, подав в якобы «протестную» отставку и получив «представительский» пост председателя комитета министров.

Ознакомившись с запиской Куропаткина, он с ней даже согласился, сказав, что год назад был бы против, а теперь — не видит другого выхода.

Никакого противоречия тут не было!

Год назад такой мощный прорыв в паутине дальневосточных дел мог бы сорвать все планы Золотого Интернационала по стравливанию России и Японии.

Теперь же, накануне войны, можно было — для, повторяю, «алиби» — со здравыми мыслями Куропаткина и согласиться...

Как говаривал один мой товарищ: «Демократия — это когда можно говорить что угодно, потому что ничего уже не изменишь».

Да, что «да», то «да».

НИЖЕ я расскажу еще кое-что о «патриотах», подобных Витте, о содеянном ими в рамках политики Витте и...

И, по сути, вкупе с Витте.

Во включении в сферу русских интересов Северной Маньчжурии Куропаткин особой беды еще не видел. Хотя и сам он, и возглавляемое им военное ведомство на такую активность смотрели без энтузиазма, справедливо полагая, что нам и внутри российских границ есть чем заняться и что защищать.

Но вот относительно Южной Маньчжурии Алексей Николаевич был настроен, как мы уже знаем, более чем скептически.

Еще бы!

Из-за чего ведь, господа присяжные заседатели, разгорался весь сыр-бор?

А вот из-за чего...

В 1896 году корейское правительство выдало владивостокскому купцу Ю.И. Бринеру концессию на право рубки казенных корейских лесов вдоль рек Ялу и Тумынь... Названия этих рек в разных источниках разнятся, но речь везде идет об одном и том же...

Территория концессии в бассейне Ялу (Ялуцзян, Амноккан) и Тумынь (Тумэн-ула, Тумыньцзян, Туманган) занимала 800-километровую пограничную зону вдоль китайско-корейской границы от Западно-Корейского залива Желтого моря до крохотного участка русско-корейской границы на Японском море.

Бринер разрабатывать концессию не стал, а предложил это дело Адольфу Юльевичу Ротштейну — директору Петербургского международного банка, одному из создателей Русско-китайского банка и Общества КВЖД, учредителю Русско-корейского банка, члену правлений Общества КВЖД, Русско-китайского банка, Русско-корейского банка, Российского золотопромышленного общества («Золоторосса»), руководителю Маньчжурского горнопромышленного общества и ко всему этому еще и... зятю Ротшильда.

Вот так-то...

Но и это еще не все! Говоря «Ротштейн», можно было сразу подразумевать, уважаемый читатель, не кого иного, как... Сергея

Юльевича Витте (это — тот самый Витте, который потом клеймил позором «безответственную корейскую концессионную авантюру петербургских придворных кругов»). Ведь Ротштейн был и приятелем, и сотрудником Витте.

Ротштейн якобы хотел реализовать операцию на иностранном рынке и создать специальный синдикат... Но можно полагать, что Золотой Интернационал увидел в этой концессии не столько возможные финансовые, сколько политические стратегические выгоды... Ведь корейскую концессионную спичку можно было использовать для разжигания русско-японских страстей.

И операцию временно перевели в резерв.

Что интересно — многие авторы, писавшие об этой фатальной для России концессии, о «периоде Ротштейна» даже не упоминают, сразу именуя эту концессию «безобразовской»!

Александр Михайлович Безобразов в это дело был втянут, конечно, по уши — как, вначале, и его августейший тезка Великий князь Александр Михайлович, главноуправляющий торговым мореплаванием и портами... Витте даже печатно называл Великого князя большим интриганом и нехорошим человеком. И тому были (для Витте) свои причины.

Однако завидующих и загребущих аристократов в этой политической (точнее, впрочем, сказать — геополитической) антирусской диверсии использовали, скорее всего, втемную... Тот же Александр Михайлович наивно утверждал уже значительно позднее, что в дальневосточных авантюрах повинны русские-де дипломаты. *«Совершенно не отдавая себе отчета о военной силе Империи восходящего солнца, русские дипломаты, — считал он, — восседая за столами своих петербургских кабинетов, мечтали о подвигах Гастингса (бывший служащий Ост-Индской компании и первый генерал-губернатор Индии. — С.К.) и Клайва (завоеватель и первый губернатор Бенгалии в 1757—1760 годах. — С.К.). План их сводился к тому, чтобы сделать Маньчжурию для России тем, чем была Индия для Великобритании. Под давлением этих дипломатов наше правительство... решило... проводить Сибирскую магистраль прямо через Маньчжурию...»*

Но кто же это из дипломатов мог «давить» пусть даже и на неудалого в мыслительных процессах Николая? Кто — бесцветные и безынициативные статс-секретарь Шишкин, граф Муравьев, граф Ламздорф? Полноте! Давить—то давили, но — не они!

Личность Великого князя Александра Михайловича — мемуариста читателю, надеюсь, памятна... Так вот, в своих мемуарах он и о корейской концессии пишет весьма подробно. Еще бы — его роль в этом деле была, в конце концов, не намного более благовидной, чем роль безобразовых и «витть»... И оправдаться ему хотелось. Он, очевидно, и поэтому очернил Куропаткина не хуже Витте и выставил военного министра «слепым человеком», «взбалмошным идиотом», «безумцем», якобы считавшим, что «японская армия не является для нас серьезной угрозой», что она — «продукт пылкого воображения британских агентов».

Но Александр Михайлович представляется мне среди романовской августейшей компании не самым, все же, плохим человеком. Хотя, конечно, и не семи пядей во лбу. И он, описав начало концессионных авантур, которые были представлены ему как «золотое дно», далее сообщает, что начавшаяся возня в Маньчжурии его насторожила. Могу поверить! Тем более, что в 1902 году Великий князь, до этого бывший с Витте «в самых дружественных отношениях» (оценка самого Александра Михайловича), эти отношения полностью прервал.

Одной из причин стало назначение Великого князя начальником Главного управления торгового мореплавания на правах министра. Поскольку ранее в ведении Витте были и торговые порты, столичные остряки тут же заявили, что «Великий князь Александр Михайлович снял с Витте порты»...

И дружба сразу пошла врозь... Но дело было, конечно, не в острогах... Новый августейший министр объективно мешал Витте. В том числе мешал ему проводить политику сраживания России и Японии, внешне ей якобы противясь.

Мешал Великий князь «виттям» и в другом, предложив царю Николаю создать государственное общество для эксплуатации нефтяных промыслов в Баку и справедливо считая, что государст-

венные доходы от нефти дадут средства для широкой программы коммерческого судостроения.

Против идеи поднялось само... правительство. И тон задавал, конечно, бывший «друг» великого князя.

«Меня обвиняли, — вспоминал Александр Михайлович, — в желании втянуть императорское правительство в спекуляцию (н-да! — С.К.). Про меня говорили, что я «социалист», «разрушитель основ», «враг священных (н-да! — С.К.) прерогатив частного предпринимателя» и т. д.».

В этих выражениях очень узнаваем стиль именно Витте.

Кончилось тем, что нефтеносные земли были проданы за бесценок предприимчивым... армянам. *«Тот, кто знает довоенную ценность предприятий «армянского треста» в Баку, — заканчивает свой рассказ Великий князь, — поймет, какие громадные суммы были потеряны для русского Государственного казначейства безвозвратно».*

А авантюра корейской концессии успешно развивалась далее... По инициативе Витте (вновь Витте!) Ротштейном создается Русско-корейский банк. И первой же его крупной акцией предполагается приобретение концессии Бринера.

Но и тут решили, похоже, повременить.

Банк свернули...

Источник, по отношению к Витте апологетический, сообщает нам: *«Между тем концессией заинтересовалась (вот только вестишки были откуда, информировал-то кто? — С.К.) группа дельцов (Н.Г. Матюнин, В.М. Вонлярлярский, А.М. Безобразов и др.). Они маскировали свои истинные цели «патриотическими» мотивами: стремлением восстановить влияние России в Корее и противопоставить виттевскому «интернациональному методу» на Дальнем Востоке «русское начало»...*

Итак, Витте тут был и при чем, и — вроде бы — ни при чем... Это ведь, выходит, не он, а обладатель очень редкого придворного титула «статс-секретаря Его Величества» «полупомешанный» Безобразов с Вонлярлярским через графа Воронцова-Дашкова соблазнили царя своими прожеками.

И соблазнили.

Николай повелел на «кабинетские» (то есть — из «личных» его сумм) деньги втайне от Витте (?!) перекупить «концессию Бринера» на имя состоявшего при министерстве двора Н.И. Непорожнева, отвечавшего за представления к высочайшим наградам.

В то, что «дело» было для Витте тайной, я не верю. Витте тогда в Министерстве финансов сосредоточил чуть ли не все государственное управление, создав там отделы других министерств: путей сообщения, военного, морского, народного просвещения, внутренних дел, земледелия, иностранных дел... Он фактически командовал корпусами пограничной стражи и охранной стражи КВЖД, имел своих коммерческих и дипломатических представителей в разных пунктах Китая и Кореи...

То есть доверие ему оказывалось неограниченное, а тут прятались от него с какой-то там частной концессией. К тому же у Витте и агентура была такая, что не очень-то и спрячешься...

Да, собственно, в 1899 году к нему же «патриотический» Матюнин, «уволенный» из МИДа, и обратился за средствами, чтобы переоформить концессию уже на свое имя (конечно, только формально).

Витте якобы упрявился — но не из-за авантюристичности идеи, а в своем желании вести дела через Русско-китайский банк.

А Безобразов якобы упрявился из-за неприемлемости участия в «деле» «международных банковских элементов».

Вообще-то, русские финансы тогда уже были во многих случаях «русскими» только номинально. Но детище Витте — Русско-китайский банк, хотя и был, как любое детище Витте, затеей с двойным и даже тройным дном, был все же по сути казенным банком, созданным для финансирования постройки КВЖД.

И «патриотические» «протесты» фигляра, не имевшего ни чести, ни совести, ни чувства Родины, выглядели не то шутовски, не то гнусно.

А скорее — гнусно-шутовски...

Тем более что в конце концов денежки пошли-таки именно че-

рез Русско-китайский банк, преобразованный в банк Русско-азиатский.

Тем не менее академик Тарле почему-то утверждал, что «упорная борьба Витте против Безобразова и его друзей длилась в 1899-м, 1900-м, 1901-м, 1902 гг.».

(Вообще-то, замечу я в скобках, Евгений Викторович Тарле хоть и стал советским академиком, в своей приват-доцентской юности был членом конституционно-демократической, «кадетской» партии, то есть, по сути, буржуазным либералом. Первая любовь не забывается, а кадеты Витте если и не любили, то восхищались его «масштабом». Вот это восхищение Тарле, похоже, и пронес через все российские смуты и революции.)

Вернемся, впрочем, к делам концессионным...

В 1899 году концессия теперь уже то ли Непорожнева, то ли Матюнина была переформлена на имя бывшего русского поверенного в делах в Корею и директора Невского судостроительного завода Альберта. Замечу, что и этот тактический поворот в судьбе концессии многими авторами упускается.

А в «депо» влпетается вскоре и контр-адмирал Абаза, а также круги, связанные с кругами как придворными, так и, можно сказать, притворными.

В 1902 году среди учредителей проектируемых безобразовских предприятий в Корею появляется «корейский гений — как именовали его подхалимы — Лесопромышленного товарищества» Габриэль (Гавриил) Гинцбург, сын знаменитого Горация Гинцбурга, владыки золотопромышленной Лены, международного банкира и барона.

Как уж допустили до этого сторонники чисто «русского начала» и противники «международных банковских элементов», история умалчивает.

Наконец, в мае 1903 года образуется «Товарищество на вере» (хотелось бы знать — на какой?) для эксплуатации концессий на реке Ялу.

Между тем, как сообщает том 20-й первой БСЭ: «На самом деле и песов там не было — они давно уже были вырублены японцами».

Оно и неудивительно — со времен «бринеровского» периода концессии прошло как-никак семь лет!

Для точности я не могу умолчать, правда, о восторженной оценке перспектив концессии руководителем целевой экспедиции в Северную Корею инженером Михайловским. Он телеграфировал в Петербург в конце 1898 года: *«В Маньчжурии видел много богатств. Чудные леса лиственницы и кедра, много золота, серебра, красной меди, железа, угля».*

Но для ясности сообщу, что все это в непроходимых девственных (если судить со слов самого Михайловского) лесисто-горных местах бравый инженер обнаружил и рассмотрел за... 94 дня, за которые он якобы «исследовал» всю Северную Корею...

Пожалуй, подобный «отчет» об «экспедиции» можно было писать и не выезжая из Петербурга...

Были там «богатства» или не были, но одно наличествовало несомненно — зона концессии вытягивалась по всей корейско-китайской границе! Она фактически перегораживала Японии дорогу из Кореи в Южную Маньчжурию и обратно, потому что в зоне концессии (то есть по всей границе Кореи и Китая!) Россия имела право держать для охраны концессии войска.

Так что страсти вокруг Ялу окончательно и бесповоротно оформлялись как политический русско-японский (точнее сказать — петербургско-японский) конфликт, так и прямое русско-японское военное столкновение...

В июле 1903 года возникает вопрос о создании наместничества на Дальнем Востоке с пребыванием наместника в Порт-Артуре, за 1200 верст от нашей основной морской базы — Владивостока.

В приятелях (чуть не написал — в «подельниках») у Абазы и Безобразова ходил беспестящий гвардейский улан полковник Вогак, давно отиравшийся на Дальнем Востоке, бывший в конце XIX века военным агентом (атташе) одновременно (!) в Китае и в Японии, но почти все время проводивший не в Пекине или Токио, а в пропитанном авантюрами интернациональном Шанхае.

30 июля 1903 года Вогак имел получасовую (!) аудиенцию у царя. А на следующий день появился указ о назначении опытного мо-

ряка (в сорок лет, командуя крейсером «Африка», совершил кругосветное путешествие), но бездарного и амбициозного адмирала Алексеева, внебрачного сына Александра Второго от армянки, наместником Дальнего Востока.

Правящему из Порт-Артура 60-летнему Алексееву (вся компания ялущанских концессионеров была с ним в наилучших отношениях) подчинялись приамурский генерал-губернатор и военный губернатор Приморской области, посланники в Китае, Японии и Корею. И ему же поручалось объединить дипломатические сношения с «сопредельными областями».

«Возмущенный» Витте подал в отставку. А точнее, выполнив все, ему порученное и положенное, временно отошел в сторону.

А ведь еще в мае 1903 года Витте заявлял Николаю, что с главой «военной» партии Безобразовым он «по существу дела не состоит в разногласии». Последний факт, уважаемый читатель, и тогда был известен считаным лицам, да и позднее не афишировался.

Не сразу я разобрался, уважаемый мой читатель, со всеми этими иезуитскими политическими «минами», подложенными Витте и его закулисными «кукловодами» под всю возможную и реальную будущность мирных отношений России и Японии.

Но — разобрался.

Вот она, эта «лестница эскалации»!

КВЖД...

Ляодун-Квантун...

Порт-Артур...

Ялу...

Все это — ступеньки не просто к региональной войне, а к обеспечению резко отрицательного для России геополитического будущего на Дальнем Востоке и вообще в Тихоокеанской зоне.

Так что суть была, как полагаю, не в лесах как таковых — вырубленных там или не вырубленных... И не зря, очевидно, кем-то была десять раз «выкуплена» и «перекуплена» эта концессия и ловко подсунута под загребущие носы высокородных петербургских прощелыг.

А тем было ли дело до спокойствия на дальних русских рубежах? Их поманили рублем, они за ним и погнались...

И чтобы лучше осознать гнусь и гниль этой якобы российской элиты *тех лет в той России*, попробуем, уважаемый читатель, увидеть за этим «вырубленным лесом» некоторые сановные «деревья», благополучно произраставшие под сенью августейшего благоволения целых трех российских монархов.

Вот государственный контролер, председатель Департамента государственной экономии Государственного совета и министр финансов при Александре Втором и председатель Комитета финансов при Александре Третьем Александр Агеевич Абаза — родной дядя Алексея Михайловича Абазы — того самого, «корейского»...

Дядю благодетельствовали дед и отец Николая Второго, а племянника — уже сам Николай. В 1903—1905 годах младший Абаза был товарищем начальника Главного управления торгового мореплавания и управляющим делами Особого комитета Дальнего Востока (да еще и родственником Безобразова).

И приведу — как я портрет дяди, данный Витте: «Это человек с громадным здравым смыслом, большой игрок (сам Витте пишет, что он не пожертвовал бы ни одним вечером картежной игры для проведения той или другой либеральной меры. — С.К.), весьма ленивый, кончил курс в университете, но затем мало учившийся...»

Впрочем, может быть, Сергей Юльевич просто не любил Александра Агеевича? Не знаю, свечку не держал.

Но вот что сообщает о дяде адмирала Абазы такой захватывающе информативный и одновременно академический источник, как монография Б.В. Ананьича «Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.» («Наука», Ленинградское отделение, 1991 г.).

Абаза-дядя был крупнейшим помещиком юго-западного края, тесно связанным с одесским банкирским домом Рафаловича (он его называл «мой банкир»). Но в 1890 году Абаза, зная — как пишет Ананьич — «о совершенно секретной биржевой операции Министерства финансов (подготовка введения золотого денежного обращения на основе девальвации кредитного рубля. — С.К.), ре-

шил ею воспользоваться для собственного обогащения и... вовлек в эту игру Рафаловича».

Рафалович в секрет посвящен не был. Играя на понижение рубля по шифрованным телеграфным инструкциям Абазы из Петербурга, он понес убытки (пополам с Абазой) на 1 миллион 600 тысяч рублей.

Ввав после этого, естественно, в панику, Рафалович кинулся к Абазе за разъяснениями, но тот просто приказал ему — продолжай продавать (то есть продавать кредитные рубли и покупать золото).

Рафалович же стал для Абазы по-прежнему продавать, а для себя — покупать, играя уже самостоятельно на повышение рубля.

Но курс все падал, и...

И Абаза, отыграв убытки, еще заработал 900 тысяч рублей, а Рафалович разорился.

Лишь сознание того, что я и так уже отклоняюсь от темы (а может, и не очень?), удерживает меня, уважаемый читатель, от подробного рассказа о том, как потом всем финансовым и чиновным миром Петербурга-«Нью-Бердичева» спасали опрометчивого одессита (три всеподданнейших доклада министра финансов Вышнеградского по поводу банкротства дома Рафаловичей на высочайшее имя; образование для помощи ему особого синдиката банков; выделение миллионных сумм и т. п.).

Но каков дядя! Он (по словам, между прочим, Витте) отзывался о Куропаткине так: «Генерал с душою штабного писаря».

Что ж, Куропаткин иногда и впрямь был мелочен до анекдота, но... Но о нем ли, о боевом генерале, было судить Абазе — этому мелкому подлецу с крупными связями и Витте — подлецу крупному?!

Адмирал-племянничек был дяде полностью под стать.

И такая вот чиновно-помещичье-банковская шушера правила тогда бал на русском Дальнем Востоке. Да и если бы только на нем...

И именно в этой грязной среде мог ловить свои политические шансы такой ренегат, как Витте.

НО ЧЕРТ с ними, уважаемый мой читатель!

И не вернуться ли нам в целях прояснения кое-чего к Токийскому протоколу Розена—Ниси 1898 года? Тогда Япония в обмен на свободу рук для себя в Корее предлагала России признание наших интересов в Маньчжурии.

Так вот, российское правительство не пошло на это, поскольку осуществление подобного предложения якобы осложнило бы отношения России с Великобританией и США.

Ну и что?

А отношения Японии с Англией и США это не осложнило бы? Японцы—то Америку тогда очень даже обхаживали!

А ведь это как раз американцы — после того как всякие там, извините, «витти» сделали невозможным русско-японское сближение — дали Японии огромный заем на постройку того флота, который поставил крест на русском флоте в Цусимском проливе.

А англичане этот флот японцам построили!

К началу XX века подлинные интересы России на Дальнем Востоке (как и на Западе, и на Юге) лежали *внутри* ее собственных границ. И все, что нам надо было от соседей, — это мир на границах.

С Англией и США у России континентальной войны быть не могло. Так что чего там было опасаться «осложнений с ними»?

Уважай себя, дружи с Германией и плюй на все «осложнения». Иное дело — Япония...

Ее интересы объективно распространялись вовне в силу сырьевой бедности. И тут она обязательно наталкивалась на внешнюю активность англосаксов. Но вести с ними морскую войну Японии было тогда настолько не под силу, что даже задумываться об этом (не то что строить какие-то конкретные планы в этом направлении) японцы и близко не могли.

Поэтому мощный флот как инструмент реальной войны на рубеже XIX и XX веков Япония могла задумывать лишь против России, у которой на Тихом океане военно-морские условия были тогда заведомо проигрышными. Русской—то Америки у нас уже давно не было...

С другой стороны, при нейтрализации тенденции к ухудшению отношений с Россией новый японский флот, построенный на анг-

лосаксонские деньги, мог быть использован Японией как силовой фактор такой более смелой и широкой внешней экспансии, которая бы шла вразрез с англосаксонскими же интересами, но без непосредственного военного конфликта с Англией и США.

Понимая и умело используя все это, России можно было иметь принципиально иную дальневосточную ситуацию. Вместо того чтобы позволять себя провоцировать на конфликты с Японией в угоду Золотому Интернационалу, Россия могла бы сама ссорить Японию с англосаксами уже самим фактом взаимной и реальной лояльности друг к другу двух наших стран.

Не было бы протокола Розена—Ниси 1898 года (точнее, если бы он был, то — в японской редакции), согласилась бы Россия в 1901 году на предложения Ито — не было бы, смотришь, и англо-японского договора 1902 года, не было бы и американских займов с антирусской направленностью.

Так нет, по протоколу 1898 года Россия заставила Японию подтвердить полную независимость (ха!) Кореи и отказаться (хотя бы на бумаге) от вмешательства в ее внутренние дела.

Хотя сама же Россия перерезала концессией по Ялу все надежды на мир с Японией — даром что по протоколу обязалась «не препятствовать развитию торгово-промышленных связей между Японией и Кореей».

Иностранными делами тогда формально руководили такие фигуры, как «статс-секретарь Его Величества» Николай Шишкин (с августа 1896-го по 1 января 1897-го) и граф Михаил Муравьев из Муравьевых-Виленских (с 1 января 1897-го по 8 июня 1900 года).

Карьерный дипломат Шишкин вообще был фигурой проходной, а немного знакомый нам Муравьев будоражил мир идеями конференции по разоружению и уделял внимание Ближнему и Среднему Востоку, отдав Дальний Восток на откуп Витте и безобразовцам... В целом же о его фигуре сказано уже достаточно.

Фактически все существенное крутилось вокруг Витте. А что такое Витте, я тоже говорил уже не раз и не два, начиная с первой своей книги о Первой мировой войне «Россия и Германия: стра-вить!».

Так что не концессиями на Ялу объясняется тот факт, что Россию так настойчиво толкали в Корею. Ее толкали туда потому, что Корея была не просто удобной, а, пожалуй, единственной значащей зоной рождения конфликта. По тем временам только из-за Кореи можно было столкнуть Россию и Японию кроваво, штык в штык.

А исходные претензии виттевской «России» на Порт-Артур предвещали ялуцзянские «дрова» в костер будущей Русско-японской войны.

И я об этом уже говорил, когда описывал «дружественную» тройственную акцию России, Германии и Франции по нажиму на Японию с целью пересмотра прелиминарных условий Симоносекского договора 1895 года по итогам китайско-японской войны. То есть ту акцию, инициативу которой часто приписывают князю Лобанову-Ростовскому, но на которую подвигнул Россию Витте.

Думаю, теперь для читателя уже не выглядит необъяснимой аренда Россией именно Ляодунского полуострова, в соседстве с Кореей.

Витте ведал, что творил.

ТЕ ДЕНЬГИ, которые были вбуханы в Порт-Артур и Дальний, если бы были вложены в развитие Владивостока и Петропавловска-Камчатского — обеспечивали бы нашу морскую торговлю намного надежнее, чем арендованные китайские порты за тридцать земель от России.

А южную ветку от КВЖД (раз уж мы КВЖД построили!) для первоза к портам в Китае русских товаров можно было провести и, скажем, к уже имеющемуся незамерзающему китайскому порту Циньхуандао на материковом берегу того же Ляодунского залива, но в большем отдалении от Кореи.

Однако *некто* (даже не Витте, конечно, а посредством Витте) выбирал аренду Ляодунского «кончика» для России по «принципу Гаврилы Принципа» (даром, что сам Гаврила, выстрел которого в австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда дал старт Первой мировой войне, в те поры не вышел еще из пеленок).

Министр Витте и генерал-бурят Бадмаев подавали проект КВЖД как стержень будущего влияния России в Маньчжурии, а вот действительно русские капиталисты (были же в России и такие!) опасались, что (цитирую серьезную монографию): «Завершение сооружения КВЖД будет использовано американским капиталом не только для закрепления своих торговых позиций на Дальнем Востоке, но и для проникновения в Сибирь».

И сказанное очень похоже на правду!

Ведь Порт-Артур и особенно торговый порт Дальний в сочетании с веткой Порт-Артур—Харбин и далее от китайского Харбина налево — к русской Сибири и направо — к русскому Дальнему Востоку — это почти идеальный канал в Россию для американских капиталов и товаров.

Так для кого строил Дальний Витте?

И можно лишь удивляться, что в таком солидном труде, как «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», нам сообщается следующее: «Представленный Безобразовым по возвращении с Дальнего Востока доклад («статс-секретарь» был командирован туда в ноябре 1902 года для очередных зондажей. — С.К.) являлся по существу программой агрессивного авантюристического курса. Проведение этого курса и борьба против «триумvirата» министров — иностранных дел, военного и финансов во главе с Витте, которые были склонны тормозить опасное развитие экспансии на Дальнем Востоке — облегчались для «безобразовской шайки» нереальностью...» и т. д.

Воистину, от некоторых умов — только горе!

В действительности же министр Ламздорф был склонен к пассивности (вспомним хотя бы ответы Розену его «правой руки» Гартвига).

Министр Куропаткин был склонен к простодушию.

А вот министр Витте...

Сделать вывод о том, к чему был склонен Витте, я предоставляю самому читателю.

Причем я не исключаю, что он сам же ту совместную докладную, которую вместе с ним подписали Ламздорф и Куропаткин, и

составил (отметили же **ученые умы**, что «триумvirат» возглавлял он).

А почему бы и нет?

Да, Витте накануне войны в августе 1903 года вышел в отставку — якобы протестуя против обострения отношений с Японией. Но это же был классический ход типа «мавр сделал свое дело, мавр хочет уходить».

Витте и в европейских делах поступал так же: вначале изображал из себя чуть ли не германофила, на деле — подготавливал взаимное охлаждение России и Германии, а потом, когда война уже была на носу, призывал к осторожности.

Так что если внимательно знакомиться с его биографией на фоне современной ему эпохи, то подлинный облик «графа Полусахалинского» становится вполне ясным.

Забавляют и выводы автора монографии 1928 года «Россия в Маньчжурии (1892—1906)» Б. Романова относительно «известной самостоятельности Николая Второго в определении курса... внешней политики накануне Русско-японской войны».

Какая там «самостоятельность» при наличии «корейского гения Лесопромышленного товарищества» на Ялу Габриэля-Гавриила Гинцбурга и его папы Горация?

Какая там «самостоятельность», когда те, кто эту войну задумывал, все свои планы блестяще реализовали и Россию в нее втянули!

ВОЙНУ Японии с Россией финансировали многие (и гласно, и негласно). Но чаще всего подчеркивают роль банкирского дома Kuhn, Loeb & Co («Кун, Леб и Ко»).

Тут — все точно, и мы это сейчас увидим...

Немногомудрые русские националисты твердят о том, что эти куны и лебы (вообще-то возглавлял сей банкирский дом Джейкоб Шифф) финансировали русскую революцию 1905 года, которая без них и не началась бы...

А вот это — чепуха!

Вот как Яков Васильевич Глинка, присяжный думец—аппаратчик и отнюдь не революционер, начал свои воспоминания об 11 годах работы в Думе: *«Наше поражение в войне с Японией в 1904 году, гибель эскадры, потеря Порт—Артура, Дальнего, Портсмутский мирный договор выявили всю гниль нашего государственного аппарата. Начался ропот, рабочив отозвались забастовками, крестьяне волнениями, сопровождавшимися пожарами помещичьих усадеб...»*

Так что революцию программировала вся внешняя и внутренняя политика царизма.

Но вот то, что внутреннее брожение в России было Западу выгодно и что определенные революционные силы он мог поддерживать финансово, сомнению не подлежит. Но поддержать не для обеспечения их победы, а для большей смуты.

Финансовую же «помощь» (помощь в кавычках, ибо она пахла в перспективе финансовой кабалой) для обеспечения победы клан шиффов предоставил самодержавию. Ведь как раз в видах подавления революции царь и его окружение пошли на те срочные новые кабальные внешние займы, которые организовывал им Витте. И именно для подавления революции эти займы были срочно даны.

Так что своеобразное частичное совпадение направления действий (но— не мотивов и целей их!) рабоче—крестьянской массы «снизу» и финансовых еврейских кругов «сверху» исключать нельзя... Могли куны—шиффы «под русскую смуту» кое—что троцким—бронштейнам и подбросить... Но чисто национального характера возмущения русской народной массы это не изменяло.

Финансирование же японцев Джейкоб (Яков) Шифф объяснял тем, что он таким образом «борется с политикой антисемитизма в Российской империи»...

И это, конечно, тоже не более чем слова, как и утверждения горе—историков о том, что Шифф—де отказался от выгодного для него участия в англо—французском долларовом займе русскому правительству опять—таки «из—за неприязни к российскому правительству».

Нет, шиффы уходят лишь для того, чтобы остаться.

Первый военный японский заем был открыт в США в апреле 1904 года... Русский посол Артур Павлович Кассини доносил графу Ламздорфу из Вашингтона: *«Как Вашему Сиятельству известно, выпущенный в Нью-Йорке японский заем составляет половину займа, поместить который взял на себя английский синдикат, в состав которого входят Hongkong and Shanghai Banking Corporation и Parr's Bank & Ltd. Из всей суммы в 50 миллионов долларов 25 выпускается в Лондоне, другие же поручено выпустить в Америке... банкирскому дому Kuhn, Loeb & Co, которому, насколько мне удалось узнать, содействует в этом предприятии и другой нью-йоркский дом Шиффа. Оба эти банка находятся в руках евреев и принадлежат к разряду солидных учреждений».*

Кассини справедливо замечал, что сами по себе 25 миллионов долларов «ввиду громадных военных издержек» Японии — сумма «сравнительно ничтожная»...

Но их предоставляла Японии формально нейтральная страна, руководство которой заверяло Россию в «доброжелательном» нейтралитете.

Япония в качестве гарантий представляла свои таможенные доходы и занимала доллары под 6 процентов годовых, на что, как замечал Кассини, «едва ли согласилась бы даже третьестепенная европейская держава». Запомним это обстоятельство и это мнение, читатель!

Зная их, мы будем знать и то, что с определенного момента Япония каждым лишним днем ведения войны все более превращала свою победу в пиррову (был в древности такой Пирр — эллинистический царь Эпира, который еле отдышался после своей победы над римлянами при Аускуле).

В ноябре 1904 года был открыт второй японский заем на 60 миллионов долларов. И это при том, что военные успехи Японии Америке уже начали волновать.

На России в Штатах опасались в стратегическом отношении больше. Поэтому на долю Артура Павловича Кассини приходились золотые речи, а на долю Японии — золотые займы.

И второй заем оказался не последним... А один только Шифф занял Японии в целом 180 миллионов долларов. Это была сумма уже далеко не только символическая.

Америка оставалась Америкой, что русский посланник документально зафиксировал в очередном своем донесении в Петербург: *«Федеральное правительство, хотя и провозглашает всегда громко доктрину Монро (напомню, что декларативную суть этой памятной нам доктрины, провозглашенной президентом Монро в 1823 году, можно было выразить формулой «Европе — Европа, а Америке — Америка». — С.К.), но стремится применять ее принципы только в свою пользу. Не допуская ничего вмешательства во все, что касается Американского материка, оно одновременно с этим... выказывает стремление вмешиваться в вопросы, касающиеся исключительно Европы и Азии».*

В полной мере эти слова подтвердились сразу же по окончании военных действий между Россией и Японией...

ВОЙНА между Россией и Японией завершилась, как известно, Портсмутским мирным договором, подписанным в американском городе Портсмуте со стороны Японии министром иностранных дел Комура Дзетаро, а вот со стороны России — почему-то Сергеем Юльевичем Витте.

Сергей Юльевич был мастером на все (и все — нечистые) руки. Но вот по дипломатическому ведомству он никогда не служил. Так почему же в Портсмут поехал именно он?

Но об этом и еще кое о чем — позже. А сразу хочется обратить внимание читателя на занятную хронологию.

Портсмутский договор был подписан 5 сентября 1905 года. А за полтора месяца до этого, в июле 1905 года, в Японию в очередной раз приехал — как личный представитель президента Рузвельта — военный министр США Тафт.

27 июля он встречался с японским премьером генералом Кацурой. В тот же день они подписали секретный меморандум по итогам беседы, рассекреченный лишь в 1924 году.

Оба собеседника были личностями колоритными, и я, взяв себе в помощь документальные источники, хорошо представляю, как они могли говорить друг с другом политически жарким летом в Токио 1905 года...

Сорокавосьмилетний Уильям Говард Тафт, сын Альфонсо Тафта — посланника США в России времен Александра Третьего, был, как и его отец, юристом-политиком, а отнюдь не военным. Но характер он имел наследственно не мягкий, как и его отец, как прадед Аарон Тафт... Сын Уильяма Говарда, к слову, был не мягче отца и в 1947 году стал соавтором знаменитого антипрофсоюзного закона Тафта—Хартли.

Граф-генерал Кацура был, собственно, ставленником маршала Ямагаты, и в этом качестве — ярким милитаристом. Был он также и сторонником ориентации на англосаксов. С Тафтом они свели знакомство уже достаточно давно, и поэтому генерал особо не церемонился, а сразу заявил:

— Вам не кажется, дорогой наш гость, что пришло время для прямого союза между Японией и ведущей силой мира — англосаксонскими титанами, то есть — вашей страной и Британией?

— Прямого? — испытующе спросил Тафт.

Кацура понял, что «палку» перегнул, и «отработал» назад:

— Ну, если не прямого, не официального, то хотя бы фактического... — японец сделал паузу и повторил уже на английском: — Alliance in practice...

Тафт молчал, и Кацура счел нужным прибавить:

— Это будет полезно для сохранения мира на Дальнем Востоке...

Тафт молчал по-прежнему, и Кацура прибавил еще:

— Смею вас заверить, господин министр, что Япония не будет покушаться на захват Филиппинских островов.

И вот уж тут Тафт отреагировал, шевельнувшись в кресле и коротко бросив:

— А разве об этом когда-либо шла речь?

И тут уже замолчал Кацура.

И было от чего, потому что момент, уважаемый читатель, наступил достаточно деликатный...

Я сейчас это поясню.

10 декабря 1898 года по мирному договору между США и Испанией — после испано-американской войны — Филиппинские острова были переданы Соединенным Штатам. Однако еще в сентябре островной Революционный конгресс провозгласил Филиппинскую республику, с чем «оплот демократии и республиканизма» не согласился и отправил через весь Тихий океан туда войска.

Устанавливали свой «демократический» «протекторат» на Филиппинах янки зверски (так, что против этого протестовали и Марк Твен, и Лев Толстой) и к апрелю 1901 года своего добились, попутно убрав руками местных марионеток популярного в народе генерала Луна. А 1 июля 1902 года конгресс США принял закон о колониальном статусе Филиппин.

Ко всему этому Тафт имел непосредственное отношение, потому что с 1900 года стоял во главе 2-й Филиппинской комиссии, образованной для управления островами, а в июле 1901 года стал первым гражданским губернатором Филиппин.

Кацура это все, конечно, знал... И Тафт знал, что Кацура это знает.

Но знали они оба и географию...

От Японии лакомые, почти экваториальные острова отстояли чуть ли не на две тысячи километров. Расстояние немалое... Но уж от США Филиппины отдалены вообще неимоверно. Океанская линия между филиппинской Манилой и Гонолулу на Гавайях — 9000 километров, да от Гонолулу до Сан-Франциско — еще 3900...

Итого, Филиппины к Японии были ближе в семь раз.

Не знаю, сколько уж там раз — семь или не семь — отмеряли расстояния по картам японские политики, адмиралы и генералы, но на Филиппины они рот разевали широко. Однако по сравнению с лежащей под боком «синицей»-Кореей острова были даже не «журавлем». Не воевать же из-за них с Америкой, тем более — пойдя на конфликт с Россией.

Америка не была, конечно, склонна потакать Японии в ее тихо-

океанской экспансии, но и отталкивать Японию янки не могли. Для США Япония была нужна по причинам, уже не раз мной названным, хотя главной оставалась причина антирусская.

И поэтому беседы Тафта и Кацуря завершились признанием Японией американских прав на Филиппины, а Америкой — японских прав на Корею.

Так 27 июля 1905 года завершился первый антирусский пролог к Портсмутскому миру.

За день до этого русская делегация во главе с Витте отплыла из Шербурга в Нью-Йорк, на мирную конференцию.

А 12 августа 1905 года (уже во время русско-японских переговоров) антирусскую эстафету принял туманный Альбион. В этот день в Лондоне был возобновлен и продлен англо-японский союзный договор. Формально тут Япония поддержала Англию в вопросе об Индии, а Англия подтвердила правомерность претензий Японии на все ту же Корею...

Но что было, уважаемый читатель, Японии еще и до Индии, и могли ли японцы тогда всерьез претендовать на Филиппины?

Нет, и в Токио у Америки, и в Лондоне у Англии главной целью было подбодрить Японию перед ее переговорами о мире с Россией. Тем более что задолго до лета 1905 года, еще в январе, была достигнута англо-американская договоренность о содействии передаче Японии Порт-Артура и Ляодунского полуострова. И Япония об этом, естественно, знала.

По замыслу Золотого Интернационала японцы должны были вести себя с Россией нагло и напористо. И они, поддержанные обеими «атлантическими» державами, вели себя нагло и напористо.

А когда они немного трезвели, их тут же откровенно подзуживали.

Глава 7 Русская смута, позор Портсмута и Сахалин-Карафуто...

ПОРТСМУТ — город и крупная военно-морская база на северо-востоке США в штате Нью-Гемпшир. Вообще-то Портсмуты только в США целых три (кроме нью-гемпширского — еще в штатах Вирджиния и Орегон), не считая Портсмута «первородного» — в Англии.

Как же оказались в этом приморском городишке русские и японские делегаты? И почему именно в городишке американском?

Думаю, читатель и сам может ответить на второй вопрос. Что же до вопроса первого, то на нем и на ситуации вокруг Портсмута нам надо остановиться особо.

Конечно же, Америка была крайне заинтересована в том, чтобы укрепить свой контроль над дальневосточными делами. Япония не только этому не препятствовала, но чего-то такого в тот момент даже хотела. Пусть и скрепя гордое самурайское сердце...

И могло ли быть иначе, если 5 апреля 1905 года Кассини докладывал из Вашингтона в Петербург Ламздорфу об очередном японском займе в США. И телеграмма эта так интересна, что я ее процитирую обширно.

«Милостивый государь граф Владимир Николаевич, — писал Кассини. — Секретною телеграммой от 17 марта я уведомил императорское министерство об огромном успехе последнего японского займа в 150 миллионов долларов, помещенного, как Вашему Сиятельству безызвестно, поровну в Англии и Соединенных Штатах.

Группа нью-йоркских банкиров с еврейским домом Кун, Лоеб и К° во главе, взявших на себя выпуск 75 миллионов, не пожалела никаких усилий, чтобы привлечь здешнюю публику к возможно широкому участию в подписке... Результат превзошел самые смелые ожидания японцев и их друзей, и подписка достигла в одних Соединенных Штатах 500 миллионов долларов, т. е. почти что миллиарда рублей...

Если заграничный кредит государства может служить знаменателем его материального преуспеяния, то нет сомнения, что заключение последнего займа составляет для Японии новый крупный успех... Предсказания некоторых политических кругов, что затеянная Японией война неминуемо приведет в скором времени к ее экономическому истощению и что финансовый вопрос составляет ахиллесову пяту владений микадо, к сожалению, не оправдались на практике».

Вряд ли Артур Павлович под предсказаниями «некоторых политических кругов» имел в виду оценку Ленина, который позднее отмечал, что «Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может». Но в России не одни только большевики видели, что Япония — как крупная самостоятельная величина — дело лишь будущего. И «слева» и «справа» умные люди понимали, что если дело и в силе, то не в силе Японии, а в силе ненависти англосаксов и всяких там кунов и лэбов к России...

Увы, сам Кассини не понял, что в действительности Япония долгого военного напряжения выдержать не могла, а англосаксонско-еврейские займы лишь могли обеспечить ей возможность выгодного для Японии мира.

И как только куновско-шиффовские доллары были Японии даны, ее представители 31 мая 1905 года обратились к Рузвельту с просьбой пригласить обе воюющие стороны на переговоры.

Еще за неделю до этого обращения Рузвельт публично разглагольствовал о «полезном для интересов других держав взаимном истреблении двух наций».

И тут вдруг та нация, на которую Америка сделала все же ставку, конфиденциально сообщает, что мочи воевать у нее уже нет... Займы — то займами, но их же и отдавать надо будет, а государственный долг Японии и так возрастал катастрофически. При этом займы были сделаны Японией под будущие ее государственные доходы.

Мог получиться конфуз, и «Цусима» финансовая (но уже — для Японии) зачеркнула бы тогда все выгоды от Цусимы морской.

Что оставалось Америке? Единственное и для нее полностью свойственное: изображая из себя миротворца, политически активно вмешаться в конфликт.

Так все и произошло — Рузвельт 9 июня официально обратился к Николаю. Его послание передал Ламздорфу посланник США в Петербурге Джордж фон Лангерке Мейер.

Ноту Рузвельта я цитировать не буду — уж очень много в ней подлого ханжества и откровенного лицемерия. Рузвельт, в частности, уверял царя, что если, мол, тот положительно откликнется на «миротворческий» призыв Америки остановить «в интересах всего человечества» «внушающий ужас прискорбный конфликт», то президент обязуется добиться согласия на переговоры японского правительства.

Вот как делалось в Вашингтоне, уважаемый мой читатель! Японцы умоляли похлопотать насчет мира, а янки делали вид, что будут их уламывать...

Артур Павлович Кассини был потомственным дипломатом и происходил из старинного итальянского рода. Дед Кассини начал русскую службу в 1790 году. Так что опыта у внука хватало, а вот желания подсюсюкивать рузвельтам и шиффам не имелось. Он, еще будучи посланником в Китае в 1893—1898 годах, противодействовал железнодорожным планам янки.

Возможно, поэтому Кассини был вскоре отозван, а на его место назначен знакомый нам барон Роман Романович Розен. И на 13

июля (тринадцатое — то ли по случайности, то ли по любви к этому числу президента-масона) Рузвельт назначил Розену аудиенцию для принятия верительных грамот.

Витте, к слову, тоже отплыл из Шербурга 13 июля (но по старому стилю, принятому тогда в России)... Ох уж мне эти забавы с так чтимой *кое-кем* «чертовой дюжиной»!

Жил тогда Рузвельт на летней даче, и принял он нового посла скромно по обстановке приема, зато «с сердечным радушием», как сообщал о том сам Розен.

Все верно! Как говорится, ничто не стоит нам так дешево и ничто не ценится другими так дорого, как наша вежливость.

— Ваше высокопревосходительство, по высочайшему поручению имею честь передать вам поклон государя-императора и вручить вам подтверждение моих полномочий, — произнес Розен первую фразу, протягивая Рузвельту грамоты...

— О да! Я польщен и тронут... И вижу свою роль в одном: мир, мир и мир! Я так искренне сочувствую России...

Розен помалкивал, и Рузвельт со свойственными ему краснобайством и экзальтацией продолжал:

— Я признаюсь вам, барон, честно, что вначале мои симпатии были на стороне Японии. Однако не Россия, а Япония — наш главный соперник в торгово-промышленном отношении, и усиление Японии не в наших интересах... И не в наших интересах допустить полное оттеснение России от Тихого океана...

— Но ведь это просто невозможно для кого-либо, — не выдержал Розен.

— Да? А мне казалось, что при вашем безнадежном положении на театре событий вам грозит утрата не только Сахалина, но и всех тихоокеанских владений, — с видом простака заявил Рузвельт.

О Сахалине даже японцы в тот момент говорили скорее так — «для запросу»... А «дружественный» Рузвельт с первой же встречи с Розеном уже нахраписто и провокационно «давил» на нас и зон-

дировал (в интересах японцев, конечно же) нашу готовность к политическому сопротивлению...

Линию подлой провокации (особенно — в части «сахалинского» вопроса) Рузвельт выдержал, надо сказать, до конца.

У него хватало наглости приводить для примера Прутский мир России с Турцией (это когда Петра в 1711 году плотно окружили янычары и ему реально угрожало пленение) и Парижский мир 1856 года, завершивший Крымскую войну.

Начав с Розена, Рузвельт все время, пока шли переговоры русских и японцев о мире, просто-таки шантажировал Николая. Он писал царю, что «продолжение войны означает потерю не только Сахалина, но и Восточной Сибири».

Хотя какая там Сибирь! Японцы были рады оттяпать хотя бы Порт-Артур с Дальним и удалить нас из Кореи.

Попробовали бы они сунуться на *левый* берег Амура, под Владивосток!

Владивосток, Хабаровск, Байкал — это не чужой и непонятный Мукден или реки Ялу с Тумынью... Тут-то «русский медведь» встал бы на дыбы в полный рост! Под чужим русскому сердцу китайским Порт-Артуром, обороняемым русскими солдатами, японцы потеряли убитыми и ранеными 110 тысяч человек (это при общей-то численности действующей армии к концу войны в 442 тысячи человек).

Скольких же сынов не досчитались бы японские матери под Владивостоком?

Куцая душа Рузвельта понять этого не могла, но царь-то считал себя русским и в качестве такового мог бы и лучше сознавать то, о чем я сказал выше. Увы, Николай прислушивался не к России, а к советчикам типа Рузвельта и Витте...

Что интересно! В уже упоминавшейся выше монографии Вячеслава и Ларисы Шацилло «Русско-японская война 1904—1905», выпущенной к 100-летию со дня начала войны, тоже утверждается, что японцы-де уже «непосредственно угрожали устью реки Амур, Камчатке, Владивостоку, Приморью, острову Сахалин» и вообще всему «огромному русскому побережью морей Японского, Охотского и Берингова»...

Вот это угроза так угроза! Вот это размах так размах...

Авторы монографии констатировали, что «в случае, если бы противник высадил десант на этом побережье с его гигантской протяженностью, то подвести силы, достаточные для отпора, при бездорожье этих мест оказывалось делом почти невозможным».

Непонятно, правда, куда высаженные десанты при упомянутом бездорожье двинулись бы от береговой полосы и на завоевание чего — непроходимой, стеной стоящей тайги или хребта Сихотэ-Алинь?

И откуда у полу... — да куда там «полу...» — у вдрызг истощенной Японии взялись бы на это материальные и людские резервы, не говоря уже о резервах финансовых?

Тем более что самое подавляющее преимущество на море — еще не решающий фактор при сухопутной войне.

Вернемся, впрочем, из начала XXI века в начало века XX...

Розен знал, что в США зачастую открыто обвиняли Рузвельта в нежелательном для Америки и неосторожном вмешательстве в конфликт в интересах исключительно Японии и Англии... Надо полагать, что знал о такой осведомленности Розена и Рузвельт.

И поэтому он раз за разом повторял Розену:

— Я — друг России, но вот Англия... По моим сведениям, Англия весьма заинтересована в том, чтобы предстоящие мирные переговоры не увенчались успехом...

Сведения Розена убеждали его в обратном, и он просто промолчал, а Рузвельт «пересел» уже на другого «конька», которого тоже раз за разом «пришпоривал» в беседе с Розеном:

— Уверяю вас, барон, что Япония весьма неохотно согласилась на мирные переговоры с вами...

Однако Роман Романович недаром долгое время представлял интересы России в Стране восходящего солнца и в ответ на такие речи лишь пожимал плечами.

В своем донесении Ламздорфу он писал: *«Утверждение президента, мне кажется, не может соответствовать действительности по следующей причине.*

Единственная, но зато весьма существенная слабая сторона положения, в котором сейчас находится Япония, заключается в том, что, несмотря на все одержанные над нами победы на море и на суше, Япония не располагает никакими средствами, которые дали бы ей возможность вынудить Россию к заключению мира и к уплате военной контрибуции, если бы Россия предпочла от этого уклониться и решила бы продолжать хотя бы пассивное сопротивление».

Уважаемый читатель! Розен здесь бил, что называется, в точку! Ну что могла бы сделать Япония, если бы мы просто сказали: «Мир без аннексий и контрибуций»?

Что она могла?

Пойти войной на непосредственно наши территории (и даже на зону КВЖД) у Японии уже не было сил.

Высадить десант на Сахалине? Что ж, теоретически это было возможно — наша морская мощь покоилась на дне Цусимского пролива. Бездарный управляющий морским министерством адмирал Бирилев открыто заявлял, что Япония является хозяином вод Дальнего Востока.

Японцы десант на Сахалин (они называли его Карафуту) и высадили. Но внутренне были готовы эвакуировать свои «силы» в любой момент.

Не могла же Япония держать у берегов Сахалина весь флот адмирала Того! Да и первая же суровая зима (а там все зимы — суровые), первый же крепкий лед дали бы нам — при нашей решимости — решающее преимущество и тут... Хозяин вод — это еще не хозяин льда...

Тем более что по результатам войны Япония и так становилась хозяйкой в Корее и на Ляодунском полуострове Китая. А это озна-

чало, что России придется отказаться там и от Порт–Артура, и от Дальнего, и от проложенных нами южных коммуникаций.

Между прочим, Япония попользовалась и еще одной русской добычей, о которой академические источники не сообщают, как правило, так дружно, что я о ней читателю сообщу.

КВЖД еще лишь проектировалась, а в Петербурге шустрые ее «строители–устроители» уже хлопотали насчет того, чтобы «Общество КВЖД» имело право содержать еще и... океанское пароходство. Почерк в этой затее был явно «виттевский», хотя формально он тут был ни при чем.

12 июня 1898 года высочайшим повелением Николая это право Обществу было даровано. КВЖД лишь начинала строиться, а уже в том же 1898 году в Англии были закуплены три первых парохода. А к Русско–японской войне «флот КВЖД» насчитывал 22 больших и малых судна, среди которых были такие, как грузопассажирские «Монголия» и «Маньчжурия», стоившие по миллиону рублей каждое.

И почти все это богатство досталось Японии даром. Что–то было ими просто захвачено, что–то — поднято со дна после затопления нами.

Так что Япония и без Сахалина, без контрибуции с России и прочего получала от войны с нами очень крупную компенсацию — уже за счет отдачи ей Россией портов, городов, коммуникаций и торговых судов.

Да и военных кораблей — тоже.

Прав был Роман Романович Розен, трижды прав, но... Но на предстоящих переговорах с Японией он был лишь вторым делегатом.

А первым же...

О личности первого Розен сообщил Рузвельту в тот же день, 13 июля:

— Рад сообщить вам, господин президент, что накануне вечером получил телеграмму из Петербурга, в которой сообщается, что государь–император назначил первым уполномоченным России для ведения мирных переговоров статс–секретаря Витте...

— О-о-о! — не мог сдержать чувств Рузвельт. — Это действительно радостное известие! В возложении руководства столь важным делом на столь выдающегося государственного деятеля, пользующегося всемирным уважением, я вижу лучший залог успешного исхода предстоящих переговоров!

Рузвельт откровенно потер руки и, перехватив удивленный взгляд Розена, поспешно объяснился:

— Не знаю, как вы, барон, я уже проголодался и жду не дожусь, когда нас пригласят на семейный завтрак...

И тут же в комнату вплыл чернокожий посланец супруги президента, чтобы величественно возгласить: «Кушать подано»...

Итак, Рузвельт, узнав о назначении Витте, потер руки.

И — не он один.

А вот министр финансов, Владимир Николаевич Коковцов, знающий Витте как облупленного, встретил это известие иначе...

Граф Коковцов был патриотом России без кавычек и громких слов, да и человеком был прямым. И своему коллеге, графу Ламздорфу, он высказал свое мнение о миссии Витте, не обинюясь: «Очень жаль, что председатель Комитета министров назначается на это место, ибо это означает, что мир будет заключен, потому что Сергей Юльевич пойдет на всякие условия».

Но не так прост был Сергей Юльевич!

Еще плывя на океанском пароходе «Кайзер Вильгельм Великий» (в издевку он его выбрал, что ли?) Витте дал «ультра-патриотическое» интервью петербургскому корреспонденту лондонской «Дейли телеграф» Э. Диллону. Сей представитель второй древнейшей профессии был явно многостаночником, поскольку ранее подвизался в России как профессор сравнительного языкознания Харьковского университета, а в Англии имел репутацию мастера по части деликатных дипломатических зондажей.

Конечно, этот, скажем прямо, английский согладатай крутился рядом с Витте не зря...

Ступив же на землю Штатов, Сергей Юльевич продолжал усердно валять «патриотического» ваньку и начал с категорических заявлений Рузвельту насчет того, что «великая Россия никогда не согласится на какие бы то ни было условия, задевающие честь».

Затем же, откукарекав положенное для будущих историков, он закончил тем, что в неполный (*неполный*, читатель!) месяц «сдал» не только то, чего отстоять было уже нельзя, но и то, что отдавать было никак невозможно — если помнить о чести и трезво оценивать возможности японцев.

С чем стороны приехали в Портсмут?

Потери России в войне составили четыре с половиной миллиарда рублей — половина государственного долга.

Пятнадцать КВЖД!

Куропаткин сетовал на то, что у России не хватало средств на полноценное освоение Дальнего Востока, и поэтому, мол, он для нас большого значения и не имеет.

Так вот же они, эти средства! Сгорели пороховым дымом, просочились в чужую землю русской кровью...

Но и Япония с каждым днем войны не крепла, а слабела и залезала в долги. Собственно, это было *первое* крупное военное столкновение XX века. Первое в мире! Причем столкновение, имеющее все черты современной войны.

Опыта ведения (в том числе и финансирования!) *такой* войны не имели не только Япония и Россия. Его не имел вообще никто — ни в одной стране и ни в одной финансовой группе. Поэтому затягивание конфликта и нахватанные второпях японцами иностранные займы, второпях же евро-англосаксонскими банкирами выданные, грозили взорвать к чертовой матери всю финансовую мировую систему.

При этом Россию такой кризис затронул бы тогда менее всего (Витте еще не успел заарканить ее внешними займами накрепко).

Мы вполне могли не спешить и завершить войну достойно. А завершили ее виттевским миром.

Что он содержал в себе?

А вот что...

Россия признавала за Японией преобладающие интересы в Корею и обязалась больше не вмешиваться в японо-корейские отношения.

Уступала Японии — «при согласии» Китая (через 4 месяца им данным) — аренду Порт-Артура и Дальнего со всей окружающей территорией, имуществом, с Южно-Маньчжурской железной дорогой от станции Чанчунь (Куаньченцзы) до Порт-Артура, со всеми каменноугольными копями, принадлежащими этой дороге или разрабатываемыми для ее снабжения.

Выплачивала возмещение в 20 миллионов долларов на покрытие расходов по содержанию в Японии русских военнопленных.

Отдавала Японии часть Сахалина южнее 50-й параллели со всеми прилегающими островами.

Обязывалась заключить с Японией конвенцию по рыболовству в русских территориальных водах Японского, Охотского и Берингова морей сроком на 12 лет.

Конвенция, подписанная 28 июля 1907 года в Петербурге, была так выгодна для Японии, что ее называли скрытой контрибуцией.

И за все это Витте получил от царской России не презрение, а прославление.

В свое время Талейран сумел защитить законные интересы Франции в абсолютно проигрышной для Франции ситуации. Витте интересы России не смог (?) отстоять в ситуации, отнюдь не проигрышной. И вряд ли кто-либо иной, кроме Витте, мог бы их «пропортумутить» так бездарно...

Нда-а... Во всем чиновном Петербурге не нашли лучшей кандидатуры первого делегата-уполномоченного, чем Витте. А чем был бы плох тот же второй делегат — барон Розен? Витте аттестовал его так: «Это человек хороший, благородный, с посредственным умом логического балтийского немца, очень отставший от положения дел в России, относительно вопроса о мире колебавшийся, покуда не ознакомился с рассказами полковника Самойлова и капитана Русина».

Надеюсь, читатель не так уж теперь и не знаком с Романом Розеновичем Розеном, чтобы не увидеть, насколько Витте был гнусно лжив в оценке своего коллеги.

Розен — то как раз в положении дел разбирался неплохо. Мысля именно здраво и логически, он потому и колебался в вопросе о том, надо ли спешить и уступать, имея к осторожности и неуступчивости все объективные основания. И лишь паническое, по сути, настроение Самойлова и скептицизм бывшего морского агента в Японии капитана 2 ранга Русина позицию Розена как-то поколебали.

Впрочем, Витте ему на переговорах и рта не давал открыть. Зато сам раздавал налево и направо автографы и интервью. Он зарабатывал дешевый сиюминутный успех у широкой публики и прессы вместо того, чтобы одним сдержанно величественным видом (а габаритами его черт не обидел) показывать, что у России, мол, пороха в пороховницах хватает.

Пожалуй, тут будет уместным привести пару слов о прессе США, взятых из донесения нашего посланника в США А.П. Кассини от 3 июня последнего предвоенного 1903 года: *«Здесь живет около 3 миллионов евреев, и почти вся пресса, подобно как и в Европе, находится в их руках»*. А непосредственно перед войной, 11 января 1904 года, Кассини докладывал: *«Общественное мнение здесь скорее расположено благоприятно к Японии благодаря непрерывающимся инсинуациям англо-еврейской прессы»*.

Витте не мог не понимать, что ни о какой искренней и долговременной благорасположенности американской прессы к России не может быть и речи уже хотя бы потому, что «англо-еврейская» пресса была кровно заинтересована в том, чтобы Япония ободрала Россию как только можно и как нельзя...

Ведь должницей Шиффа и компании, в руках которых была пресса США, являлась Япония! Внешнее дружелюбие к Витте шиффовских писак было точка в точку похоже на похвалы крыловской Вороне крыловской же Лисицы.

Американские газетчики уже заранее разевали рот на гонорары от Шиффа, оплаченные из процентов с японских займов, которые Япония намеревалась отдавать из русской контрибуции. А Витте по-

чему-то из **фрака был готов вылезть**, абы понравиться этой газетной рати.

Тьфу!

Но это ж надо! Даже советская историография Витте не разоблачила и не аттестовала его как действительно выдающегося государственного, но — не деятеля, а **преступника!**

Что уж говорить об историографии «россиянской»... Тот же «юбилейный дуэт» Вячеслава и Ларисы Шацилло считает, что Витте-де удалось в Портсмуте «достичь максимум возможного». И они же восхищаются его «весьма острыми и резкими замечаниями» в ходе переговоров. То есть, например, вот чем...

Комура посоветовал Витте принести жертву контрибуции «для спасения более важных интересов».

— Если бы японские войска пришли в Москву, — идиотски реагировал Витте, — тогда только мы сочли бы естественным возбуждение вопроса о контрибуции...

Высказав дурацкое и унижительное для России предположение, Витте, конечно же, «подставился», и Комура спокойно заметил:

— В этом случае уже не было бы никаких переговоров, а мы просто продиктовали бы условия мира.

Сергей же Юльевич, как красующийся перед горничной гимназист, продолжал вместо разговора по существу витийствовать:

— История говорит иное. Наполеон был в Москве, однако не диктовал нам условия мира ..

А ведь вместо того чтобы провоцировать эти пикировки, Витте надо было просто указать на финансовую невозможность для Японии продолжать войну, на наращивание наших сил в Маньчжурии и на серьезные материальные выгоды, и так получаемые Японией.

Витте — вкуче со всякими там абазами, гинцбургам, бадмаевыми — в интересах прежде всего Золотого Интернационала активно создавал политические и материальные основы будущего русско-японского конфликта.

Витте протаскивал идеи КВЖД, южной ее ветки, «Желтороссии» на Ляодуне и т. д.

Потом, когда эти усилия вот-вот готовы были принести плоды в виде войны, Витте вдруг стал в оппозицию к русской активной политике в Маньчжурии и Корее и даже ушел в отставку.

Якобы — протестуя...

Война проведена, Россия ее проиграла. Наступает пора мирных переговоров.

А кого же на них уполномочить?

А как кого — Сергея Юльевича, конечно! Он как ведь прозорливо удерживал нас от войны... Ему теперь и карты в руки.

И напрочь забывается, что Витте — один из тех, кто России войну и сварганил во славу могущества антироссийских сил.

Кстати, об этих силах...

Витте получил назначение в Портсмут с подачи... Александра Петровича Извольского. Вот как о своей роли в этом пишет сам Извольский: *«Кандидатура Витте была особенно нежелательна для императора, который относился недоброжелательно к этому выдающемуся государственному деятелю (ума у царя было не в избытке, но чутье он порой обнаруживал тонкое. — С.К.)... Тем не менее я был настолько убежден в величайшей важности влияния нашего представителя, что... написал письмо графу Ламздорфу, в котором выразил мое глубокое убеждение со всей энергией, на какую только я был способен, что единственным человеком в России (н-да. — С.К.), который успешно выполнил бы столь сложное дело, является Витте.*

Мое письмо получено было в Петербурге как раз в тот момент, когда граф Ламздорф исчерпал все аргументы в пользу кандидатуры Витте, и, как он сам говорил мне позже, оно помогло рассеять все сомнения императора.

Витте отправился в Америку, и, как всякий знает, с его выдающимся талантом, я бы сказал, с гениальностью, он успешно завершил порученное ему дело».

Да, за что кукушка хвалит петуха...

Александр Петрович был, напомним, фигурой, нередко бывавшей, по свидетельству современников, в «большой зависимости от неизвестных международных сил». И нахваливал он Витте перед Ламздорфом и царем, надо полагать, неспроста.

И Витте поехал в Портсмут. Поехал сдавать Японии пол-Сахалина (хотя Сахалин — не Ляодун), сдавать рыбные богатства Дальнего Востока. Сдавать достоинство России.

Как будто навоевавшаяся до полуиздыхания Япония получала от России и без Сахалина мало. Напомним еще раз: мы уходили из Южной Маньчжурии, соглашались в перспективе на фактическую аннексию Кореи, на унижительную рыбную конвенцию, отдавали на блюдецке с голубой каемочкой мощную морскую крепость Порт-Артур со всеми причиндалами, порт и город Дальний, ветку Чанчунь — Порт-Артур...

Так нет, еще и Сахалин им с каких-то шишей!

А Витте за это — графа... Хорошо хоть нашлись острые на язык русские люди и — в придачу к монаршей милости — выдали Витте прозвище графа «Полусахалинского».

И ведь с Сахалином, уважаемый читатель, получилось вообще преступно до idiotизма... Знают об этом у нас мало, а знать надо.

И знать вот что...

Японцы начали переговоры с очень большого запроса. Все их требования горячо поддерживал — «в целях скорейшего достижения мира» — «горячий друг России» Рузвельт. Он убеждал Николая, что Сахалин уже безвозвратно японский. Российская делегация упиралась. И переговоры шли в основном вокруг проблемы Сахалина и контрибуции (на Корею уже ставили крест).

26 августа первый японский делегат Комура телеграфирует в Токио, что русская делегация категорически отказывается от выплаты контрибуции и угрожает прервать переговоры.

Телеграмма Комуры в Токио была датирована 27 августа — из-за разницы во времени. Тут же было созвано заседание правительства и «генро». Оно затянулось до поздней ночи и решило не настаивать на контрибуции.

28 августа в присутствии императора собирается объединенное совещание «генро», правительства и высшего военного командования. И вот это совещание, уважаемый мой читатель, решило заключить мир, отказавшись от двух требований: уступки Сахалина и контрибуции!

Повторю: Япония от этих требований от-ка-зы-ва-лась!

В том числе — и от Сахалина!

Даром что еще до начала мирных переговоров Япония заняла Южный Сахалин! Но ни о каких значительных силах там речи быть, конечно, не могло...

И вот тут японцы вдруг (эх, вечное это «вдруг»!) узнают, что царь в беседе с американским послом Мейером склонялся к уступке Японии Южного Сахалина, однако резко отверг саму идею контрибуции.

Просветил японцев, конечно же, Рузвельт. И премьер Кацура тут же направил в Портсмут дополнительную инструкцию — требовать уступки Южного Сахалина.

Витте «сдался», не смея-де возражать государю... Но, как мы сейчас увидим, такую реакцию царя в немалой мере запрограммировал он сам.

Конечно, Николай умом не блистал, хотя язык держать за зубами — ума большого вроде бы и не требуется. Но тут есть два момента...

Да, царь сдуру выдал важнейший государственный секрет, но выдал-то он его все же не врагу, а послу «дружественной» державы-посредника.

И тут же этот секрет стал известен японцам. Через этих самых наших «друзей».

А вот и другой момент...

Царя об атмосфере на переговорах осведомлял Витте. И его телеграммы в Петербург были однозначно таковы, что подталкивали Николая к очень широким уступкам. Витте, по сути, провоцировал царя на них.

21 августа 1905 года — как раз накануне злополучной аудиенции Николая Мейеру — Витте телеграфировал в МИД: «Факты

сильнее всяких доводов и соображений, между тем факт то, что Сахалин в руках японцев и мы не имеем средств его отобрать, поэтому если мы хотим, чтобы вина в безрезультатности конференции пала исключительно на Японию, то нельзя отвергать и уступку Сахалина, и возвращение военных расходов».

На пароходе, плывущем в Штаты, Витте в своем интервью Диллону (оно, к слову, впервые в истории мировой прессы было передано в Англию по радиотелеграфу) заявлял, что имеет своей задачей лишь выяснить намерения японцев и строго следовать инструкциям из Петербурга, своей инициативы не проявляя.

Перед отъездом Витте Николай четко сказал ему: «Я желаю, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но не могу допустить ни одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли».

Витте же из Штатов, мотивируя свои рекомендации лучшим знанием текущей ситуации, и на выплату контрибуции царя склонял, и безосновательно нагнетал страсти, сгущая краски так, как это было выгодно США, Японии и антирусскому Золотому Интернационалу.

Вообще-то, прояпонское давление на царя Витте начал еще по пути в Портсмут, когда в Берлине встречался с банкиром Мендельсоном. Немецкий еврей Мендельсон был близок к кайзеру, и Витте передал через банкира просьбу Вильгельму повлиять на царя в пользу расширения возможных уступок.

В Портсмуте он эту линию лишь продолжил.

Выведенный из равновесия телеграммами Витте, царь и сболтнул не вовремя насчет Сахалина, потому что главное, что его заботило, — это настоять на отказе от контрибуции, одна мысль о которой была для него крайне унижительной и невыносимой.

Недаром Рузвельт так радовался назначению Сергея Юльевича, хотя в конце концов остался им доволен не вполне. Уже после заключения мира Рузвельт писал в письме от 9 сентября: «Япония, возвращая России Северный Сахалин, пошла на гораздо большие уступки, чем следовало. Я уверен, что добился бы передачи Северного Сахалина Японии».

Что тут скажешь — стервец, подлец и наглец одновременно!

Уважаемый читатель! Автор не склонен применять нормы обычной морали по отношению к тем общественным фигурам, за которыми стоят их государства. Во внешней политике следует признать примат не честности, а государственной целесообразности.

Но ведь Рузвельт вел себя по отношению к России и бесчестно, и двулично, и недальновидно. Он, собственно, поощрял Японию на перспективный агрессивный курс в отношении самих США.

И было ли это для США политикой целесообразной?

Хотя...

Хотя именно такое развитие будущих мировых событий не только устраивало Золотой Интернационал, но и прямо им планировалось. Для народа Америки будущая война с Японией не требовалась. А для Золотой Элиты, на войнах жиреющей?

Ведь уже другой Рузвельт — Франклин Делано сознательно подставил в 1941 году свою крупнейшую военно-морскую базу на Гавайях Пирл-Харбор под японский удар. Подставил, чтобы втянуть в мировую войну и Америку.

Так что рядовым американцам был нужен мир, а рузвельтам и их собратям по ломам и кланам нужна была война — в том числе и на Тихом океане, то есть — война США с Японией.

А для этого надо было поддержать спесивые японские амбиции, питаемые «победой» над русскими, и обеспечить материальную базу развития таких амбиций в будущем.

Вот подоплека усилий Рузвельта в период заключения Портсмутского договора.

И вот за такое «миротворчество» энергичный янки-подлец в 1906 году получил... Нобелевскую премию мира.

Н-да...

О ПРОИСХОДИВШЕМ в Портсмуте сказано уже немало. Однако автору кажется бесполезным и для себя, и для читателя еще раз окинуть эти события в их хронологической последовательности уже более-менее просвещенным взглядом.

Ведь повторение — мать не только учения и запоминания, но и понимания!

9 августа 1905 года в курортном (было у него и такое «лицо») городке Портсмуте на Атлантическом побережье США открылась мирная русско-японская конференция.

Первый день — процедурный. Официальными языками приняты для русской делегации «нормативно дипломатический» по тем временам французский, для японской делегации — английский.

На второй день японцы вручают нам текст своих условий мира. Вот что они содержали...

Первое: отказ России от активности в Корее и признание прав Японии на Корею.

Второе. полная эвакуация Россией Маньчжурии с обязательством Японии возвратить ее Китаю.

Третье: право вмешательства Японии в дела «возвращаемых» провинций.

Четвертое: взаимный отказ от препон мерам «других наций» (читай — США) по «торговому и промышленному развитию» (то есть — колонизации) Маньчжурии.

Пятое: уступка Японии Сахалина.

Шестое: уступка арендных прав на Порт-Артур и Дальний и вообще всей арендованной территории на Ляодунском полуострове.

Седьмое: отказ России от южной ветки КВЖД от Харбина до Порт-Артура (японцы заняли к тому времени территорию Южной Маньчжурии по Сыпингай, то есть почти по рубеж станции Чанчунь, расположенной примерно посередине южной ветки).

Восьмое: Россия может использовать северную линию КВЖД на Владивосток только для невоенных целей.

Девятое: Россия возмещает Японии издержки войны, то есть выплачивает контрибуцию.

Десятое: Россия отдает Японии все свои корабли, интернированные в нейтральных портах.

Одиннадцатое: Россия ограничивает свои военно-морские силы в водах Дальнего Востока.

Двенадцатое: Россия предоставляет без взаимности японским подданным право рыбной ловли вдоль побережья русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом.

Вначале японцы хотели выдвинуть и **тринадцатое** условие — разоружение Владивостока. Но сразу же от него сами и отказались.

В театрах массовка для того, чтобы изобразить гул общей болтовни, говорит вполголоса: «Что говорить, когда говорить нечего?»

И лично мне по поводу этих условий тоже нечего говорить. Во всяком случае в рамках цензурных лексических норм.

И вот уже 12 августа Витте предварительно принимает пункты 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 12.

Единственное, с чем не соглашалась по этим пунктам русская делегация, это отказ от всей южной ветки КВЖД. Витте был готов отдать ее по фактически занятую японцами часть, то есть — по Чанчунь (так потом и осталось).

Собственно, на третий день переговоров Витте «сдал» уже все, кроме Сахалина.

Не считать же заслугой его несогласие с пунктами 9, 10 и 11!

И это при том, что он сам же сообщал в Петербург 18 августа: *«Япония более всего нуждается в деньгах, и правительство, вероятно, опасается ответственности за сделанные займы под залог различных государственных имуществ».*

Уже из этой констатации следовало, что Япония реально вести войну не в состоянии, хотя верховная власть это от широкой публики скрывает.

Вот бы нам «резину» и потянуть какое-то время. На сыпинских позициях русские солдаты сидели прочно. Однако уже 15 августа Витте подтверждает наше предварительное согласие на пункты 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 12.

Замечу, что, соглашаясь на особые рыболовные права японских подданных, он даже не попытался придать этим правам характер взаимности. Хотя просто обязан был потребовать предоставления русским рыбакам аналогичных возможностей лова в японских водах. Пусть даже просто с целью затягивания переговоров.

18 августа японцы «уступили» по наглейшим 10-му и 11-му пунктам при условии выполнения Россией 5-го и 9-го пунктов — Сахалин и контрибуция.

На деле японцам отчаянно были нужны деньги, и они были готовы от Сахалина отказаться — ведь это означало возобновление активных военных действий.

И вот в такой, собственно выигрышной, ситуации Витте, как мы знаем, 21 августа предлагает царю согласиться и на потерю Сахалина, и на «возвращение военных расходов».

22 августа из Петербурга приходит указание о прекращении переговоров ввиду безнадежности довести их до удовлетворительного состояния.

И 22-го же Рузвельт нажимает на Николая. Это как раз 22-го он написал царю, что «продолжение войны означает потерю не только Сахалина, но и Восточной Сибири»...

24 августа Николай неосторожно откровенничает с послом США Мейером...

А 25 августа...

А 25 августа, уважаемый мой читатель, Яков Шифф направляет японскому послу в Вашингтоне Такахире письмо, в котором писал: *«В случае, если война будет продолжаться, Россия сможет использовать свой огромный золотой запас. С другой стороны, я опасюсь, что денежные рынки Америки, Англии и Германии (вспомнив виттевского берлинского собеседника Мендельсона, я этим «...и Германии» особо умилился. — С.К.) не склонны будут дальше финансировать Японию в сколь-нибудь значительном размере».*

Это был даже не щелчок по носу Японии, это был нокаут. Действительно, зачем шиффам допускать, чтобы Япония содрала с России те деньги, которые с нее собирались содрать сами шиффы, мендельсоны и ротшильды путем уже планируемых займов Витте под «подавление революции»?

Не вернее ли было **не позволить** Японии решить свои долговые проблемы за счет русской контрибуции и подольше держать Японию «на коротком поводке»?

«Умник» Витте должен был это понимать даже во сне. — настолько это было для мало-мальски компетентного финансиста азбучно. А вот же — не «понимал».

Хотя все он понимал, все понимал, стервец!

Зато Япония этот ультиматум (а как еще такое письмо расценивать?) Шиффа, а точнее — всей финансовой элиты мира, поняла.

Вот почему японский делегат Комура 26 августа дал в Токио паническую, по сути, телеграмму о том, что русская делегация угрожает прервать переговоры. И вот почему совещание императора, «генро» и высшего военного командования 27—28 августа санкционировало подписание мира и отказ от требования Сахалина и контрибуции.

Собственно, в инструкциях японским уполномоченным Сахалин и не значился в числе требований, абсолютно обязательных.

Зато идея полностью японского Сахалина была ведущей для Рузвельта. Ведь такой вариант был бы вечным поводом для раздора России и Японии и вечным соблазном для Японии отхватить у России кроме Сахалина и еще что-то...

Однако тут у Рузвельта не «обломилось», и 29 августа все разногласия были закрыты.

К 5 сентября эксперты покончили с редакционными правками текста договора.

НА ВСЕ ушел неполный месяц.

Для сравнения сообщу, что мирные переговоры между Советской Россией, находившейся действительно в отчаянном положении, и Германией в Брест-Литовске начались 22 декабря 1917 года и продолжались до 10 февраля 1918 года (когда их сорвал Троцкий).

Витте же все обделал за двадцать с лишком дней, получив от «американской» прессы звание «короля всех дипломатов».

И очень может быть, что этому «королю» аплодировал из гроба барон Стекль... Он ведь тоже антирусские делишки обстрипывал, особо их не затягивая.

Прошли годы... 1 марта 1919-го бывший командир корпуса на Северном фронте и будущий управляющий военным министерством у Колчака барон Алексей Будберг ехал по Южной Маньчжурии, направляясь в Токио...

Вот что написал он позднее об этой поездке: *«Проехали Антунг, бывшую корейскую деревушку, а теперь солидный город с каменными домами, фабриками и заводами. Грустно думается о том, что и этому начало положено нами; мы первые разбудили пустынную Маньчжурию, внесли в нее культуру, уложили многие миллионы русских денег, потеряли сотни тысяч русских людей и в конце концов сделали ее источником великих благ и доходов, но только не для себя; нажилась Япония, приобрел многое и готовится приобрести еще больше Китай, мы же по исторической привычке добыли себе только горе, убытки и позицию у разбитого корыта...»*

Собственно, это была своего рода эпитафия над той дальневосточной политикой царизма, основы которой заложил Витте и которую он же похоронил в американском курортном городке Портсмуте.

И последний штрих к истории с Портсмутским миром... Он интересен сам по себе, а к тому же несколько лучше освещает вопрос.

Еще до подписания мира член совета масонской ложи «Великий Восток Франции» Ляферр направил Рузвельту телеграмму: *«Великий Восток Франции имеет честь адресовать вам самые горячие поздравления за выдающуюся услугу, только что оказанную человечеству. Масонство счастливо видеть триумф, благодаря одному из самых знаменитых своих сынов, принципов мира и братства».*

И опять-таки до подписания мира — 4 сентября 1905 года — помощник государственного секретаря США Фрэнсис Батлер Лумис по поручению Рузвельта выразил в ответном письме признательность за «любезную телеграмму, направленную от имени масонов Франции в связи с усилиями президента в пользу достижения мира на Дальнем Востоке».

Телеграмма и письмо были опубликованы в декабре 1905 года в закрытом масонском журнале «L'Asasia» (масоны придавали акции мистический смысл как дереву, чудесно выросшему на могиле Хирама — архитектора Соломонова храма в Иерусалиме).

А в 1906 году «брат» Рузвельт получил от комитета из пяти человек, избираемых норвежским стортингом, свою «нобелевку», которая по завещанию Альфреда Бернхарда Нобеля вручалась «тому, кто внесет весомый вклад в сплочение народов, уничтожение рабства, снижение численности существующих армий и содействие мирной договоренности».

А что?

«Мирной» договоренности американский президент действительно поспособствовал, так что чего уж там...

«Королю» же «всех дипломатов» пришлось довольствоваться прозвищем «графа Полусахалинского».

КОНЕЧНО, царской России было в то время не до Сахалина — в стране разрасталось революционное движение, и надо было поскорее отделаться любой ценой (в том числе и ценой новых кабальных займов и пренебрежения национальными интересами) от проблем внешних, чтобы карательными экспедициями задавить проблемы внутренние.

Сахалин одно время вообще хотели сдать в концессию или даже продать шустрым американским дельцам или федеральному правительству США (мало было Аляски!) за копеечную сумму в 90 миллионов рублей...

И это вместо того, чтобы широкими реформами, а не пупями, успокоить Россию и решительно отказать Японии там, где отказать было должно — в вопросе о Сахалине прежде всего.

Мы-то к концу бесславной войны не так-то уж и обессилели. Наоборот — при умной (эх, опять-таки — умной!) линии поведения мы могли бы Японии и пригрозить. Она-то резервы исчерпывала, а мы-то их в Маньчжурию подтянули. Там появились — уже «после

драки» — и пулеметы в траншеях, и шампанское в офицерских фанзах.

Н-да, и еще раз — н-да, уважаемый мой читатель... И как это у них, у теневых «хозяев мира», все так ловко получается! Я уже честно признавался тебе, что начнешь со всем этим разбираться — не сразу и разберешь!

Но когда я понял, что не только Россию и Германию в Европе, но и Россию и Японию в Азии поссорили и сравнили на равном, собственно, месте *по примерно одной технологии*, когда я это понял, я просто тупо посмотрел на себя в зеркало...

И поймал себя на том, что невольно — извечным национальным жестом — чешу затылок, или, как говорят на Украине, «чухаю потылицю»...

Удивительно, но целые академические институты в СССР и «России» за сто лет, прошедших после войны, так этого и не выявили. Я знаю только одного нестандартно мыслящего (собственно, действительно мыслящий человек всегда мыслит нестандартно) историка-профессионала, Василия Элинарховича Молодякова, автора изданной тоже в 2004 году отличной монографии «Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио», который смотрит на проблему здраво и профессионально (в основном, правда, в более поздней ее постановке в 20—30-е годы).

А монографии типа «юбилейной», написанной Шацилло? Что ж, при обилии фактов достаточно не там и не на том поставить акценты, не учесть мелкие, вроде бы, нюансы... И выводы оказываются сомнительными, а оценки — смещенными. Причем иногда — грустно-забавным образом.

Так в книге Вячеслава и Ларисы Шацилло «Русско-японская война. 1904—1905» приведен портрет лощеного капитана 2 ранга в парадной форме. Рядом — пояснение: «Великий князь Кирилл, погибший при взрыве «Петропавловска»...

Но ведь Кирилл — в отличие от адмирала Макарова и художника Верещагина — не погиб (потом на флоте намекали на то, что некое вещество не тонет).

А откуда я об этом знаю? Да хотя бы из книги Вячеслава и Ларисы Шацилло «Русско-японская война. 1904—1905», где на странице 220-й можно прочесть следующее: «Через полторы-две минуты... «Петропавловск» скрылся под водой... Моряки на шлюпках с «Полтавы», «Аскольда», «Гайдамака» и эскадренных миноносцев спасли из воды 80 человек, в том числе командира броненосца капитана 1 ранга Н.М. Яковлева, капитана 2 ранга великого князя Кирилла Владимировича...»

Н-да... Вот уж как хочется авторам добавить к портрету августейшего прохвоста хоть немного «героического» глянца... Хотя бы — на хорошего качества глянцевом бумажном листе фотоиллюстрации.

Однако, так или иначе, война состоялась, и Россия ее проиграла, а Япония выиграла.

Глава 8 Почему победила Япония и еще кое о чем...

ПОЧЕМУ победила Япония?

Мы уже говорили о значении для судьбы страны национального характера ее народа. Так вернемся к вопросу о национальном характере японцев еще раз... И для начала вспомним, как на протяжении веков относились в Японии к образованию.

Уже в середине XVII века в Японии была развита сеть храмовых школ, где обучали грамоте, счету и ручному труду детей ремесленников, богатых крестьян и... бедных самураев. Богатые самураи образовывались тоже, но — за собственный счет.

То есть традиции **массового** образования и вкус к нему возникли в Японии очень давно. Но расцвет начался только после «революции Мэйдзи», когда в 1872 году была проведена школьная реформа и был принят закон об обязательном всеобщем образовании при единой централизованной системе его.

Не просто провозглашался, а широко внедрялся в жизнь японской **массы** принцип «Ни одного человека без образования, ни одной деревни без школы!» И это была не чахлая система церковно-приходских школ России, введенная с 1884 года, — не говоря уже о том, что обязательным всеобщее образование стало в России лишь при Советской власти.

В 1872 году японский школьный устав наметил три типа школ: начальные, средние и высшие (среди них — мужские и женские, общеобразовательные и профессиональные, «тупиковые» и готовые к продолжению образования).

В 80-е годы XX века один из создателей фирмы «Сони» Акио Морита писал, что интерес к образованию возник в эру Токугавы и что даже необразованные родители — крестьяне и торговцы — понимали значение образования для своих детей. Если школа была рядом и ребенок был способным, они посылали его учиться. И тот же Морита сообщает, что плотность школ в Японии конца XX века примерно та же, что и во времена Токугавы и Мэйдзи. Точно не знаю, но думаю, что это — абсолютно беспримечательный факт в истории мира.

И это была, подчеркиваю еще и еще раз, политика государства! Не пролетарского, не народоправного, а феодального, самурайского, буржуазного! Благословенна все же страна, «верхи» которой имеют на плечах не разожравшиеся хари или тупо-пустые физиономии, а неглупые головы.

Итак, говоря о Японии, можно говорить о вековых традициях народного образования. А вот в Китае — по компетентному свидетельству Сунь Ят-сена — даже в конце XIX века «поддержание невежества народных масс составляло постоянную заботу китайского управления». Политика, как говорят математики, «с точностью до наоборот».

Царская Россия тут от цинского Китая если и ушла, то не очень-то далеко.

В пореформенной Японии, не скрываясь, ориентировались на пример Германии. Раздробленная на «королевства» и «курфюршества» Вестфальским миром 1848 года, Германская империя вступила на политическую арену новейшей истории как объединенная держава германского народа под гром победы над французами при Седане. И эта победа — по меткому крылатому выражению — была обеспечена не только немецким унтером, но и немецким сельским учителем...

Теперь история возвышения нации силой умной политики «верхов» по отношению к массовому просвещению «низов» своеобразно преломлялась и повторялась в Японском островном государстве.

Генерал-оружейник Федоров (я на него сошлюсь еще позднее) был удивлен, наблюдая нравы японской армии. Он писал: *«Я с завистью смотрел на ту непринужденность, какая была в отношениях между японским солдатом и офицером в минуты отдыха. Не замечал я ни забитости, ни запуганности, которые всегда проскальзывали в царской армии не только в отношении солдата к офицеру, но даже и низшего командного состава к высшему».*

Из «глухой аграрной изоляции» — по выражению Акио Морита — в последней трети XIX века Япония поднялась до положения крупнейшей военной и индустриальной державы Азии при жизни всего одного поколения.

Почему?

Не потому ли, что будущий рывок Японии был — как это ни странно — заложен в начале эры Токугавы? Тогда, когда сегуны играли в жизни страны роль активную и положительную.

Создавая единую Японию, отшлифовывая свой национальный характер, японский народ (да и отдадим им должное, его феодальные лидеры) обогащал этот характер массовой тягой к знаниям и уважением к знанию. У прекрасного и недооцененного нашего писателя-демократа Глеба Ивановича Успенского в «Нравах Растеряевой улицы» есть четырехстраничный рассказик «Книга» о несчастном мальчике Алифане, который проникся страстью к книге и вместе с героем ее — мореплавателем капитаном Куком — «утонул в трясинах растеряевского невежества», «раскритикованный в пух и прах... даже собаками».

«Что у тебя руки чешутся: все за книгу да за книгу? Она ведь тебя не трогает, — предостерегали и поучали «заблудших» растеряевские обыватели. — Дохватаешься до беды... вон Алифан читал-читал, а глядишь — и околет как собака...»

В Японии этот сюжет вряд ли когда-либо и где-либо был возможен.

Вот еще одна зарисовка с натуры, сделанная рукой большого писателя... Уже не раз поминавшийся мною Чехов писал о японском консуле на Сахалине и его секретаре так: «Вне дома они ходят в европейском платье, говорят по-русски очень хорошо; бывая в

консульстве, я нередко заставал их за русскими или французскими книжками; книг у них полон шкаф. Люди они европейски образованные, изысканные, вежливые, деликатные и радушные. Для здешних чиновников японское консульство — хороший, теплый угол, где можно забыться от тюрьмы, каторги и служебных дрызг и, стало быть, отдохнуть».

Но кой же черт, спрашивается, мешал русским чиновникам, живя на собственной, родной, русской земле, устраивать *свой* теплый угол, с собственными «шкапами» книг, а не пустых бутылок?

Японцев было двое, а у них было полно книг. Русские чиновники в складчину могли бы завести целую библиотеку, вместо того чтобы до одури расписывать «пулю» или наливаться спиртным. Но — увы...

А Китай? Ведь там существовала древняя и непрерывная цивилизация, созданная огромной державой... Что ж, Китай был огромен лишь внешне, но за его историю периоды централизации были намного короче сменявших их то и дело периодов раздробленности. К началу XX века даже китайский язык отражал многовековую феодальную раздробленность Китая на ряд уделов. Как сообщал том 32-й первого издания Большой Советской энциклопедии: «Китайский язык распадается на ряд диалектов... Эти диалекты настолько сильно отличаются друг от друга фонетически, словарно и отчасти грамматически, что не дают возможности взаимного понимания и с этой точки зрения заслуживают скорее названия отдельных языковых групп».

О японском же языке та же энциклопедия в томе 65-м сообщает следующее: «Несмотря на крупные расхождения между отдельными японскими диалектами, доходящие до того, что южанин или даже житель Центральной Японии вовсе не понимает живой речи уроженца японского северо-востока, Япония может считаться объединенной в языковом отношении...», и дальше: «За 11-вековое существование японский письменный язык пережил, конечно, ряд изменений... но все время сохранял все-таки основную свою характеристику: это был язык государственного объединения Японии».

И это — вполне логично. Ведь Япония начала достаточно прочно централизоваться уже при Ода и от этой линии уже не отклонялась.

Китай (вспомним доктора Сунь Ят-сена) «очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства».

А Япония с началом эпохи Мэйдзи устами императора провозгласила (вспомним клятву Мэйдзи из 5 пунктов), что для прочного возведения основ империи будут повсюду в мире заимствоваться знания.

И это были не красивые слова, а долгосрочная программа. Мировые достижения науки и техники изучались досконально, переводились и распространялись книги, имеющие практическое значение. Для работы в Японии приглашались ученые из Америки, Англии, Германии, Голландии, Франции, Швейцарии, России и из любой другой страны, если это было полезно и возможно.

Одновременно много молодых японцев отправились на учебу за границу. В самой Японии открывались университеты (первый — в 1877 году в Токио). В 1879 году в Токио была создана Японская академия наук и вскоре организован ряд научно-исследовательских учреждений. Их далеко не полный список говорит сам за себя: центральная метеорологическая обсерватория, токийская астрономическая обсерватория, военно-топографический отдел, отдел гидрографии военно-морского флота, институт инфекционных заболеваний, геологическое ведомство, электротехническая лаборатория, железнодорожное ведомство, институт рыболовства, агрономическая опытная станция, опытные станции по садоводству и лесоводству

Всего было создано 72 подобных заведения. Да плюс 70 научных объединений по специальностям. И все это — при активной заинтересованности государства.

В России такой подход власти к науке стал возможным лишь в условиях СССР Сталина.

Характерно и то, что деятельность создаваемых институтов была сразу нацелена не только на развитие научного знания, но и на практическое его применение для развития производства.

Я приведу без комментариев впечатления генерала Куропаткина от его предвоенной поездки по Японии: *«Я видел прекрасную страну с многочисленным трудолюбивым населением. Оживленная деятельность царила повсюду. Подкупало жизнерадостное настроение населения, его любовь к родине, вера в будущее... Во всех школах страны военные упражнения занимали видное место, и дети и юноши занимались ими с увлечением...»*

Майор прусской службы Бронсар фон Шеллендорф, прикомандированный в качестве наблюдателя к японской армии во время Русско-японской войны, написал, что дисциплина и нервы японцев железные.

А Куропаткин заключал: *«Но главное, что послужило к успеху японских войск, — это их высокий нравственный дух, готовность на все жертвы для достижения победы и упорство, с которым все чины армии, от солдата до главнокомандующего, добивались победы... Не будь вся армия патриотически настроена, не чувствуя армия дружную поддержку всей нации, не сознавая армия во всех ее чинах огромную важность борьбы, усилия не оказались бы результативны...»*

БЫЛИ, КОНЕЧНО, у Японии и другие особенности, позволявшие ей и побеждать в войнах, и прогрессировать не просто быстро, а невиданно быстро и впечатляюще.

Например, там с самого начала больше, чем в любой другой стране, было развито государственное предпринимательство. А государство было предельно лояльно к промышленному и финансовому частному капиталу. А капитал мыслил национально, потому что имел, собственно, то же феодально-самурайское происхождение, что и само государство. Та вакханалия сдачи национальных интересов и перспектив, которая началась при Горбачеве, развилась при Ельцине и бушует при Путине, в Японии была не то что невозможна, а абсолютно немислима. Самый предательски и шкурно настроенный политикан о таком даже задуматься не посмел бы!

Государство насаждало промышленность и создавало казенные «образцовые предприятия», а потом нередко передавало их новым капиталистам (сплошь и рядом — бывшим феодалам). Так возникла, к слову, мощь домов Мицуи и Мицубиси. И эти крупные концерны-дзайбацу — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумимото», «Ясуда» — контролировали экономику страны. Но, например, в черной металлургии 73 процента выплавки чугуна и 84 процента проката давал государственный завод «Явата».

Государство Мэйдзи вначале поощряло учреждение банков (так быстрее вытягивались иены из «чулка» среднего японца), однако быстро сжало банковскую сеть до минимальных размеров и создало «руководящие» банки — Йокогамский валютный банк в 1880 году и Японский государственный банк в 1882-м.

Японскую промышленность строили на японские деньги, но по европейским образцам и с помощью европейских (американских, конечно, тоже) инженеров.

А откуда брались деньги, читатель? Ведь, как уже не раз говорилось, Япония сырьем бедна. Но зато, как уже было сказано, у Японии был неглупый и работающий народ да и не такие уж глупые правящие классы. Особенно со времен Мэйдзи. И поэтому были использованы все способы получения финансов. Так, уже в первые же годы после «революции Мэйдзи» центральная власть ввела новые налоги: на водку и табак (а пить и курить японцы охочи). Были введены биржевый и гербовый (как когда-то в России — Петром!) сборы, горная подать.

Не были забыты и иностранные займы. Однако в отличие от царской России это были займы для финансирования научно-технической революции, а не для подавления революции социальной.

С 1873 года началось ежегодное составление и (заметь, читатель!) *опубликование* государственного бюджета.

Чай, шелк, рис — это, конечно, японцы вывозили в возрастающих количествах уже сразу после «вскрытия» страны. Но теперь крестьянство правдами и неправдами особенно подталкивали к со-

средоточению усилий на двух высокотехнологичных отраслях — рисоводстве и шелководстве. И подтолкнули.

Быстро развилась в Японии доходная хлопчатобумажная промышленность. Первая механизированная хлопкопрядильная фабрика на 6 тысяч веретен была открыта в 1868 году близ Кагосимы (резиденции, между прочим, мятежного клана Сацума).

Однако основные деньги дала, конечно, жесткая эксплуатация народной массы. Уже во время Первой мировой войны наш знаменитый оружейник, «дважды» генерал (и царской, и Советской армии), Владимир Григорьевич Федоров отправился, по иронии судьбы, в Японию за винтовками для русской армии. И удивился дешевизне японской винтовки «арисака»... Вроде бы она, изготовленная из привозного металла, должна была стоить дороже русской, а стоила дешевле.

Вскоре Федоров понял, что секрет был в исключительной дешевизне труда японского рабочего. Он оплачивался на 30—40 процентов ниже русского, тоже не избалованного особо высокими заработками.

Однажды Федоров зашел в громадный магазин фирмы Мицуи за тканью и разговорился с продавцом, хорошо знавшим русский.

Японец похвалился, что местные ткани изготовляются из привозного индийского хлопка, а стоят дешевле, чем в Индии.

— Как же так получается? — простодушно удивился Владимир Григорьевич.

— Очень просто, — ответил продавец, — в Японии жизнь крайне дешевая, и наши рабочие могут получать меньше...

«Для меня тогда стали вполне понятными причины страшной бедности и нищеты рабочих окраин японских городов, — писал Федоров. — Тесные кривые улочки, разваливающиеся грязные домишки поражали своим убожеством. Даже воздух был там другим: многочисленные отбросы издавали одурающее зловоние».

Так что не будем, уважаемый читатель, простецами, то и дело долдонящими: «А вот у них...» «Японское чудо» питалось еще и особым терпением японской массы... И даже не терпением, а тем

выработанным испокон веку фатализмом, который может возникнуть и развиться лишь в национальном характере народа, подсознательно каждый день готового к неожиданному тайфуну, землетрясению, цунами.

Да, природные катаклизмы тоже формировали характер японцев. И формировали так, что они стали более склонны к кропотливому труду и социальному терпению, чем к революционному социальному протесту.

Я не призываю русские народные массы искать в этом пример для подражания. Очень уж разнятся и наши национальные характеры, и история двух народов, и весь комплекс условий, определяющих жизнь общества. Я просто анализирую причины успеха Японии и подчеркиваю, что этот успех был бы, пожалуй, невозможен без достаточно высокого совпадения национальных задач и национального характера японцев.

В том числе и поэтому средняя норма прибыли в Японии Мэйдзи не падала ниже 20—30%, а часто составляла 50 и даже 100%! Такой же высокой она оставалась и в XX веке... И это была не ростовщическая прибыль паразита, а прибыль, выжатая из пота японских рабочих и крестьян. Но использовалась она правящими слоями Японии с умом — для развития товарного производства, для экспорта капитала и накопления валютных запасов.

Вспомним китайского горе-реформатора Кан Ювэя, которого вместе со товарищи легко «сковырнула» регентша Цы Си... В своем «Исследовании реформ в Японии в период Мэйдзи» он сетовал: «Вся территория Японии меньше одной нашей провинции Сычуань, а ее население составляет лишь 1/10 населения Китая... И однако в результате своевременно проведенных политических реформ маленькая Япония оказалась в состоянии разгромить и уничтожить армию огромного Китая...»

Кан Ювэй видел «секрет» в том, что Япония—де ввела по западному образцу разделение «трех прав»: законодательной, исполнительной и судебной власти. Бумажные реформаторы всегда усматривают причины в структуре бюрократических институтов общества, а не в общественной атмосфере.

А в общем-то, мнение Кан Ювзя — это чепуха! Во-первых, до Японии частнособственнический мир дал лишь один пример резкого государственного рывка — кайзеровскую Германию после ее объединения в начале 70-х годов XIX века. Однако Германия была имперской монархией как раз с высоким уровнем централизации власти.

Главное же, власть — она как свежесть осетрины в романе Михаила Булгакова... Или она есть (как власть, скажем, «генро»), или ее нет. И для власть имущих нет «трех прав», а есть лишь право власти. Другое дело, что если властители таким своим правом пользуются лишь во имя утверждения тотального массового бесправия, то...

То, вспоминая «Разговор Ног и Головы» славного нашего поэта-партизана Дениса Давыдова, «низы» могут однажды «верху» и сказать: «Коль ты имеешь право управлять, так мы имеем право спотыкаться. И можем иногда, споткнувшись — как же быть, — Твое Величество об камень расшибить».

Нет, японские «секреты» имели иное происхождение — реалистичность «верхов» по отношению к народной массе. Так, с учетом опыта войны с Россией Япония наряду с министерством вооруженных сил и Большим генеральным штабом создала равноправную с ними (равноправную, читатель!) Комиссию по обороне страны (Кююику-Хомбу).

Задуманная как «главный штаб по воспитанию», комиссия эта должна была (далее цитирую по Карлу Хаусхоферу) «поддерживать контакт между настроением народа, общественным мнением и ведомствами сухопутной армии, флота, коммуникаций, внутренних дел»...

Ведь это даже не аналог советского ДОСААФа или его предшественника тридцатых годов Осоавиахима (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству)! Это — нечто вообще не имеющее аналогий, но нечто, имевшее первостепенное практическое значение для наращивания мощи Японии за счет энергичных действий всего японского народа!

Налиествовал, однако, и еще один занятный момент. В самом начале «революции Мэйдзи» Япония не имела значительных экспортных фондов. И ее внешняя торговля развивалась за счет вывоза... драгоценных металлов. То есть — серебра и золота.

«Откуда в бедной ресурсами Японии золото?» — может удивиться современный читатель. Но — лишь современный. Я и сам вначале удивлялся — каким таким золотом японцы расплачивались за ружья с португальцами в XVI и XVII веках?

А ответ тут прост: «Японским». Потому что золота (да и серебра) в Японии имелось тогда, оказывается, немало... В главе 14-й я утверждал, что особого избытка этих двух вечных «эквивалентов счастья» в Японии не было... Но тогда я, для удобства рассказа, немного слукавил перед читателем, в чем сейчас и винюсь... Нет, бывали времена, когда собственным золотом и серебром Япония была богата.

Была в Японии и медь (уже в феодальный период медная промышленность давала основную статью экспорта). Однако медь — это всего лишь медь, а вот золото...

Насчет сведений о японском золоте меня выручила, как всегда, первая Большая Советская энциклопедия. Она сообщила мне, а я сообщаю читателю, что к началу 30-х годов XX века ситуация была такова: мощные месторождения золота на севере острова Хоккайдо по реке Эсаси (их называли «японский Клондайк») уже истощались, и преобладающую роль играли золоторудные месторождения на северо-востоке острова Кюсю в провинции Оита.

Оба этих района давали в 20-е годы примерно по 40% добычи Японских островов. А вся годовая добыча — за счет усовершенствования технологии — к 30-м годам составляла около 18 тонн (из них примерно 6 тонн — корейские месторождения).

Золотой запас Японии тогда оценивался в 214 миллионов долларов. При золотом содержании тогдашнего доллара в 1,50463 грамма это было примерно 320 тонн золота. И это было только «казенное» японское золото. А ведь были же еще и личные (и более чем приличные) запасы магнатов.

При среднегодовой добыче, скажем, в 10 тонн запас в 320 тонн образовывался за 32 года... Но золото в Японии добывали веками из еще неистощенных месторождений — пусть и примитивными способами. И золото это в период самоизоляции веками из страны не уходило.

Так что склонность к знанию — склонностью; умное, общественно состоятельное поведение японских «верхов» (в отличие от «верхов» российских) — поведением; налоги — налогами; займы — займами; эксплуатация — эксплуатацией и Кюоику-Хомбу — Кюоику-Хомбой...

Но не забудем и то японское золото, которое дала Японии сама Япония, а точнее — ее недра...

ПОСЛЕ Русско-японской войны Россия и Япония числить друг друга в друзьях уже не могли. Япония «дружила» с другими — с Англией, со Штатами, но этим японским «друзьям» было бы уместно задать вопрос: «Против кого дружите?»

Ответ же был однозначным — против России.

Япония тем временем крепла и все более рассматривала как своего главного потенциального соперника уже не Россию, а Соединенные Штаты. При этом Япония не очень-то стремилась обезопасить себя с «западного» тыла за счет умной «русской» политики. Она уже не брала Россию в серьезный расчет. Я подчеркну это для тех, кто склонен рассматривать царствование Николая Второго как некий расцвет России. А вот японцы — из своего дальневосточного далека — особых перспективных помех себе со стороны русских не видели...

Конечно, и воинственные взгляды в сторону Америки, и снисходительные взгляды в сторону России были политикой авантюры. И осмотровые вроде бы по натуре японцы вели себя тут до удивительного безрассудно — если иметь в виду дальние геополитические перспективы.

Думаю, что тут их — при всей их энергии и трудолюбии — подводи́ла та же особенность истории страны, которая им и помогла

быстро стать на ноги. Я имею в виду более чем двухвековую самоизоляцию Японии. Наглухо отгородившись от внешнего мира, японцы избежали полукOLONиальной участи и сохранили самобытность. Внешний же мир — в период изоляции от него — они высокомерно рассматривали как «варварский».

Когда этот «варварский» мир воистину варварски, под наведенными пушками, начал Японию «вскрывать», у японской элиты хватило исторического чутья и ума не кичиться, а экстренно учиться у могучих «варваров» и перенимать у них все то, что давало мощь и силу.

Однако подспудно — то самурайская спесь осталась!

Япония умело и талантливо научилась использовать научные и технические достижения Запада в своей внутренней экономической и общественной жизни и политике.

Подчеркиваю — во внутренней!

А во внешней?

Увы, во внешней политике — и тут я прошу читателя быть особо внимательным — Япония не сумела так же творчески усвоить принципы конструктивных внешних связей и отношений. Правда, справедливости ради надо признать, что тут и учиться ей было особо не у кого. Внешняя политика элиты во всех странах мира очень редко была рациональной с точки зрения подлинных национальных интересов этих стран. Чего, правда, не скажешь о политической мысли Запада (если брать ее во всем ее развитии от времен Сократа и Аристотеля и до Маркса).

Однако самурайская Япония относилась к другим странам уж совсем потребительски, стремясь или подчинить, или использовать их, а не взаимовыгодно сотрудничать с ними, а уж тем более — осмыслять интеллектуальные «штудии» западных политиков-теоретиков.

Внутренняя политика японской элиты была зачастую мудрой и взвешенной. Внешняя — нередко на удивление слепой.

Известный читателю генерал Федоров после одного мелкого инцидента, в котором проявилась узкоэгоистическая скрытность японского «союзника» России по мировой войне, с горечью думал:

«Никогда при таком отношении японский солдат не станет рядом с солдатами других наций на общем фронте».

И резон в таком мнении был...

Соперничать с Америкой Япония была обречена уже в силу чисто геополитических причин, но рассчитывать на единоличное свое господство в Тихоокеанском регионе было для Японии глупой спесивой химерой. Тем не менее Япония вела себя как раз нереалистично. Она заведомо недооценивала «варваров», которых так быстро догнала, и еще больше переоценивала себя. И при этом не хотела понять, что у нее есть лишь один разумный союзник на Тихом океане на все времена — Россия.

Япония победила Россию, так сказать, ненароком — не в силу своего реального материального превосходства, а лишь в силу идиотизма и предательства российских «верхов». Да еще — в силу поддержки шиффов и рузвельтов.

И решила, что с Россией впредь можно всерьез не считаться.

Но вот две цифры. Даже в 1913 году Япония выплавляла 243 тысячи тонн чугуна и 255 тысяч тонн стали. А Россия — 4,6 миллиона тонн чугуна и 4,9 миллиона тонн стали.

По сравнению с 16,8 миллиона тонн чугуна и 15,7 миллиона тонн стали Германии русский результат не выглядел потрясающим, но разница весовых категорий между нами и Японией была, все же, более чем убедительной. Причем мы плавил свой чугун из своих же руд, а не из привозных, как Япония.

Вернемся во времена подписания Портсмутского мира... Казалось бы, Япония получила тогда все возможное по максимуму и даже сверх него. А условия рыболовной конвенции были для России настолько накладными и оскорбительными, что японцы могли бы тут свои аппетиты и поумерить, чтобы не иметь наших заслуженно косых взглядов в свою сторону в будущем.

Ан нет! Когда в Японии получили известие об условиях мира, в Токио вспыхнули волнения. Памятник маркизу Ито, сооруженный ему при жизни, был разрушен разъяренной толпой потому, что Ито был сторонником умеренности. Токио был объявлен на военном

положении. Свыше 500 человек из народа и столько же полицейских было ранено...

Советская историография, правда, объясняла это «выступлением широких масс, недовольных военными лишениями, дороговизной, усилением налогового гнета» и т. п. Надо полагать, что было и не без этих причин (с окончанием войны по Японии прошел ряд забастовок), но вряд ли социальное выступление кто-то приурочивал бы именно к дню подписания мира. И при чем здесь памятник Ито?

Нет, японские массы в массе своей были настроены тогда весьма шовинистически. Глава делегации Японии на переговорах — министр иностранных дел Комура вынужден был удалиться в отставку.

Вот так, необоснованно свысока, начинали смотреть на внешних — даже великих — своих соседей «маленькие черти из-за моря».

К бывшим цивилизационным наставникам — китайцам средний японец относился все более враждебно. А после Первой мировой войны — вообще как к «рабам погибшего государства» (типичное ругательство по отношению к китайцам). Китайцев презрительно называли «пороссячи хвосты», имея в виду ношение ими косы как символа покорности во времена маньчжурского господства.

И это была не просто официальная политика. Напротив, порой по отношению к тому же Китаю само политическое руководство Японии было вынуждено занимать более высокомерную позицию, чем ему хотелось бы, — из-за опасения раздражить японское общественное мнение...

Но была не только спесь, а и горькая правда в словах японского полицейского начальника, сказанных им арестованному китайскому студенту (их в Японии обучалось несколько тысяч). Японец заявил:

— В политическом отношении государство ваше прогнило, финансовое положение ужасно. Народ темен, армия бездарна, западные державы занимают в вашей стране сильные позиции и вынашивают коварные планы, как поглотить вас. Если бы не наша поддерж-

ка, страна давно разделила бы судьбу Аннама (Вьетнама. — С.К.) или Индии...»

Так складывались в начале XX века дела у Японии с одним из великих (хотя бы по территории и численности населения) ее соседей.

Что же до России...

Возможной дружбой с Россией Япония пренебрегала настолько, что в начале Первой мировой войны по первой просьбе Англии и Франции передала им те винтовки, которые до этого были обещаны России и которых русские представители генералы Гермониус и Федоров безуспешно ожидали несколько недель!

КОНЕЧНО, время кое-что расставляло по своим местам. Летом 1907 года в Петербурге стороны подписали рыболовную конвенцию, а через два дня — и русско-японское соглашение по общеполитическим вопросам.

В гласной его части стороны обязывались уважать территориальную целостность друг друга (тут я просто пожимаю плечами), а также признавали независимость и целостность Китая. В секретной части был зафиксирован раздел китайской (между прочим) Маньчжурии на русскую (северную) и японскую (южную) сферы «специальных» интересов.

Россия признавала все права Японии в Корее, а за это получала режим наибольшего благоприятствования в Корее (на простом языке это означало, что японцы в Корее не дают русским пинка под зад).

Казалось бы, наши отношения с Японией налаживались. Однако все было сложнее... В немалой мере такое «потепление» объяснялось тем, что русско-японские отношения коварно и своекорыстно «налаживали» Англия и Франция, впавшие в 1904 году в «сердечное согласие», получившее название «Антанта»...

Антанта замышлялась против Германии. Противопоставляя Россию Германии, она билась и по России.

Попутно замечу, что, имея целью устроить всеевропейскую сва-

ру, выгодную — в конечном счете — лишь Соединенным Штатам, Антанта била и по самой себе.

Но победоносная для Антанты и США война против Германии была возможна лишь после пристяжки к «сердечному согласию» России.

А Россия отвлекалась на Дальний Восток. Вот для того чтобы развернуть ее на запад — нос к носу с немцами, Англия и надавила на Японию. А Франция Англии помогла (японцы, попавшие после «победы» в «финансовую яму», как раз вели с французами переговоры о крупном займе).

И текст вроде бы двустороннего соглашения (да еще и с секретной частью!) был еще до (!) его подписания одобрен (!!) англичанами и французами (!!!).

Эх, не боялся, не боялся царизм ни данайцев, дары приносящих, ни лукавых «друзей», непрочно мирящих Россию с бывшим врагом лишь для того, чтобы подстроить ей врага нового, намного более грозного.

А ведь можно было и с Германией дружить, и с Японией наращивать сотрудничество, у которого была серьезная геополитическая основа.

ВЕДЬ КАК ПОЛУЧАЛОСЬ!

Крепнущая Япония была ни к чему Соединенным Штатам уже потому, что ее усиление перекрывало Америке пути в Китай. Даже та часть штатовской Золотой Элиты, которая была заинтересована в обеспечении будущей возможности для Японии вести войну с Америкой, тогда к быстрому усилению Японии не стремилась.

Крепнущая же Россия была для США не только невыгодна, но и непреходяще стратегически опасна. Ведь независимая Россия, если бы она начала проводить умную внешнюю политику, могла быстро стать основой союза Германии, России и Японии. И тут всем планам Золотого Интернационала приходил бы естественный конец.

То есть у Японии и России был общий враг даже в том случае,

если бы они мирно, никому не угрожая, развивали свой естественный цивилизационный потенциал.

Этот враг был бы у них даже в том случае, если бы сами Россия и Япония были ко всем своим соседям абсолютно дружественны.

Этот враг был у них потому, что он сам рассматривал две страны как потенциально враждебные уже в силу самого факта их независимого от желаний этого врага существования.

И этим врагом были США.

Так что обоюдная необходимость противодействовать азиатской экспансии США объективно вела к идее того или иного объединения политики России и Японии.

После Русско-японской войны ослабли и Россия, и Япония, а это автоматически влекло за собой активизацию янки. И вот Джон Пирпонт Морган, железнодорожный магнат Гарриман и непременный (если надо поживиться за счет России или напакостить ей) банкирский дом Кун, Леб и К^о предложили проект прокладки глобальной железнодорожной магистрали через Аляску и Северо-Восточную Сибирь.

Менее полувека назад российский царизм отказался от Русской Америки, и это в глобальном отношении икалось нам все чаще. Вот и тут — проект-то был наглый, с претензией на коммуникационный охват американцами всего земного шара. Трансаляско-сибирская магистраль в исполнении янки стала бы одним из элементов «паутины», опутывающей Россию. Тем более что эта же компания имела планы и «реконструкции», а то и покупки русской Сибирской железной дороги...

Тут вспоминаются попытки российского железнодорожного «короля» Самуила Полякова откупить балканские железные дороги при помощи русской казны во времена Александра Второго. Поляков был движим, конечно, вульгарным желанием заглотить жирный кус, хотя прикрывался более чем патриотической фразеологией. Но вспомнил я об этом неудавшемся проекте потому, что российский МИД мгновенно «зарубил» его, испугавшись одной только мысли: а что же скажет княгиня Марья Алексев... ах, пардон — госпожа Европа?

А вот янки было наплевать — кто там и что там скажет! И тут я с ними солидарен в том смысле, что и России надо было плевать на всех, кроме... Кроме России и тех, кто готов был Россию уважать или — хотя бы — с нею всерьез считаться.

В 1909 году государственный секретарь США Филандер Чейз Нокс выдвинул (более точно, конечно, сказать, что «им выдвинули») уже идею «коммерческой нейтрализации» Маньчжурии — в том числе за счет постройки новых железных дорог в Китае.

Нокс был мужчиной активным, в том же 1909 году провел в Париже переговоры о продаже Соединенным Штатам концессии на строительство Панамского канала, открыто проводил в Латинской Америке «дипломатию доллара», а в Китае — «политику открытых дверей». Впрочем, он предпочитал «двери» в чужие страны не столько открывать, сколько прошибать.

Идей у Нокса хватало, наглости и напора — тоже.

Так, он выдвигал план — как сообщал о том 19 января 1910 года барон Розен из Вашингтона Извольскому, пребывавшему тогда уже в министрах иностранных дел — «приобретения международною группою финансистов всей сети маньчжурских железных дорог, уже существующих и еще имеющих быть построенными в будущем».

Да, вот уж что «панама» так «панама»!

Предлагала Америка и установить на железных дорогах Маньчжурии международный контроль и управление. Напомню, что в Маньчжурии тогда имелись только русская КВЖД и бывшая русская (отошедшая Японии) Южно-Маньчжурская железная дорога, ЮМЖД (бывшая южная ветка КВЖД от Харбина до Порт-Артура).

Был у Нокса и план постройки англо-американским консорциумом новой дороги Цзиньчжоу—Цицикар. В своей верхней части такая дорога немного пересекала бы русскую КВЖД, а вниз от КВЖД шла бы по континентальному Китаю километров на двести западнее японской ЮМЖД.

Был и более длинный вариант Цзиньчжоу—Айгунской железной дороги, соединяющей Ляодунский залив Китая с Амуром и прохо-

дящей от Цзиньчжоу через Цицикар во Внутренней Монголии до Айгуня в Северной Маньчжурии...

Все эти варианты были нужны и выгодны как России, так и Японии не более чем телеге пятое колесо.

Нокс все объяснял заботой о «суверенных правах Китая» и «равных правах» всех держав. Однако даже не гораздый на уместную иронию российский МИД 21 января 1910 года в своей памятной записке в посольство США по поводу «интернационализации» железных дорог в Маньчжурии с едкой вежливостью заметил: *«Насколько известно, ни суверенным правам Китая в Маньчжурии, ни политике «открытых дверей» в этой области в данное время ничто не угрожает. Поэтому императорское правительство затрудняется уяснить себе те причины, заключающиеся в современном положении Маньчжурии, которые могли бы вызвать настоятельность постановки на очередь ныне возбужденных правительством Соединенных Штатов запросов».*

Японцы ответили Соединенным Штатам примерно так же. И — чуть ли не день в день с Россией. Удивительного тут ничего не было, потому что при выработке своих ответов русские и японцы конфиденциально обменивались взглядами. То есть в новой обстановке Япония была не прочь как-то и дружить с нами, но — лишь против амбиций США.

И 4 июля 1910 года в Петербурге было подписано, как мы помим, еще одно соглашение. В обмен на согласие России на прямую аннексию Кореи Япония дала согласие на «свободу действий» России в Северной Маньчжурии, Внешней Монголии и Западном Китае.

Предусматривалось проведение консультаций о мерах поддержания status quo в Северо-Восточном Китае.

В секретной же части соглашения (была там и таковая) Россия и Япония вновь обязались не нарушать «специфических интересов» друг друга в сферах, установленных секретной частью соглашения 1907 года.

А 30 ноября 1908 года, то есть незадолго до этой совместной русско-японской акции, ставшей результатом прежде всего амери-

канской железнодорожно–геополитической кутерьмы, государственный секретарь США Рут и посол Японии в Штатах Когоро Такахира обменялись нотами, и стало фактом *американо–японское соглашение Рута–Такахиры о сохранении status quo в районе Тихого океана.*

Тогда, между прочим, Япония формально уверила США в согласии с доктриной «открытых дверей».

Я прошу читателя запомнить имя Элиху Рута, потому что, хотя и не скоро, оно еще раз в моем повествовании всплывет.

Что же до подписанного им соглашения, то надо признать, что в соглашениях между разными странами в принципе ничего недозволенного нет. Однако в поведении Японии не было видно внятной последовательности.

А в поведении России?

Мне хочется познакомить читателя с отрывком из донесения агента Министерства финансов в Китае фон Гойера (он, к слову, был позднее последним министром финансов у Колчака).

19 января 1910 года Гойер писал министру финансов Коковцову, в частности, вот что: *«Идти ли с Японией или с Америкой?.. Если Япония готова дать нам действительно осязательные, эфффективные гарантии своего миролюбия, если она предъявит нам фактические доказательства того, что выгоды, которые она приобретает от сближения с нами, не будут в ближайшем же будущем обращены против нас, то выгоднее игнорировать англо–американцев и сговориться с ней; в противном же случае следует иметь в виду, что, отвернувшись от американцев и англичан и действуя теперь совместно с японцами в Маньчжурии, мы до известной степени теряем их симпатии в случае последующего разрыва с обманувшей нас Японией и должны быть готовы к тому, что они скажут нам: «Поделом, сами заваривали, сами и расхлебывайте!»*

Гойер не предрешал ответ, а лишь давал информацию к размышлению для правительства, давал компетентный анализ. И в качестве правительственного чиновника не мог сказать прямо, что умное правительство не просто ожидает от потенциального партне–

ра неких «осязательных гарантий», а само умной политикой создает условия для возникновения таких гарантий.

Увы, как раз государственного-то ума на вершинах государственной российской власти и не наблюдалось...

Япония и Россия в 1910 году совместно отказались от американских планов «нейтрализации» железных дорог в Маньчжурии. Но это был шаг не стратегический, а скорее тактический... Хотя в те же дни, к которым относится записка Гойера, — в марте 1910 года Роман Романович Розен в донесении министру Извольскому дал обзорную характеристику настроений американского общества относительно России и возлагал немалую ответственность за «решимость Японии вступить с Россией в открытую борьбу» на госсекретаря Хэя, на Якова Шиффа и на президента Рузвельта. (*«Г-н Рузвельт, — писал Розен, — несмотря на все его старания высказываться всегда в самом дружественном к нам смысле, несомненно, не питал к России и русскому народу искренней симпатии».*)

А вот как была оценена роль банкира Шиффа:

«На первый план выступает личность г-на Якова Шиффа, фанатического ненавистника России. По его собственному признанию, которое мы теперь имеем в статье его органа «The New York Times», он был организатором финансовой операции, доставившей Японии возможность вступить в вооруженную борьбу с Россией. Он также ...пользуясь неограниченным влиянием еврейства на американскую печать, был вдохновителем той кампании прессы, которая сумела вселить в общественном мнении Америки убеждение в том, что великая Россия собирается напасть на маленькую Японию и что рыцарски бескорыстная Япония вынуждена взяться за оружие, чтобы отстоять самое свое существование и вместе с тем независимость Кореи и неприкосновенность Китайской империи».

О Шиффе Розен все сказал верно. Но, конечно же, никакая — даже самая фанатичная — ненависть конкретной личности к России не смогла бы так значимо менять облик общемировой политической ситуации, если бы к России не испытывал такой же фанатической ненависти весь тот интернациональный Золотой Клан, в ко-

тором Шифф был лишь доверенным и активным членом. Собственно, и победа Японии была в немалой мере победой шиффов и без их поддержки могла и не состояться.

Выходило, что Япония по многим причинам была для нас как партнер сомнительна, зато Америка шиффов, хэев, ноксов и рузвельтов вообще не могла быть приемлемым партнером для России — с любой точки зрения. Не может она быть им, к слову, и сейчас. Америка органически не способна к партнерству.

Между прочим, в ходе Русско-японской войны (и это, уважаемый читатель, известно очень мало) американский флот выдвинулся к маршруту вероятного передвижения русских кораблей на Дальний Восток. То есть Америка была готова при необходимости заблокировать тот поход эскадры Зиновия Рождественского, который и без ее вмешательства закончился Цусимой.

И тогда же США впервые в своей истории приступили к разработке плана военной операции против России с целью заблокировать русские крейсера во Владивостоке.

Вот даже как!

И уж не пойму, почему об этом в СССР помалкивали даже академики в то время, как об этом должен был знать любой троечник в начальной школе.

НА РОЛИ Америки (точнее — «Америки» Шиффа) в формировании дальневосточной политической ситуации в начале XX века надо бы остановиться еще раз...

Ну, то что Штаты натравливали Японию на Россию и сталкивали Россию с Японией — это еще куда ни шло. Это более-менее понятно...

Но совершенно непонятно на первый взгляд другое...

Сделать Японию врагом России и наоборот — это логичная политика «разделяй и властвуй», известная уже Древнему Риму. Для этого США вместе с Англией (переводимой Золотым Кланом в ближней перспективе в разряд младшего «партнера» США) способствовали развитию военной мощи Японии.

Но способствовали как-то странно. Англосаксонские займы шли на постройку японского военно-морского флота, который строился и в США, и в Англии... Между тем Россия — страна континентальная, и основной узел возможных противоречий между Россией и Японией мог завязаться лишь на суше — в Маньчжурии, в Корею (он там и завязался).

Первоклассный, могучий и современный военно-морской флот — штука крайне дорогая во все времена. На те деньги, которые ушли у Японии на броненосцы, она могла создать такую сухопутную армию, которая и впрямь могла дать Японии шанс поглядывать и на Владивосток, и на левый берег Амура!

Мощная сухопутная армия, правда, могла теоретически стать для Японии и инструментом овладения Китаем, но реально интересы Японии лежали в Корею и как продолжение их — в китайской Маньчжурии. А это автоматически ориентировало Японию — при мощной сухопутной армии — дальше на север, на русский Дальний Восток и Восточную Сибирь.

То есть для США вроде бы был бы выгоден континентальный приоритет военных усилий своей узкоглазой соседки через Тихий океан. А вот же — японцы наращивали при помощи англосаксов морскую флот. И нарастили его так, что сразу после окончания Русско-японской войны, с 1906 года, Япония начала оцениваться американским командованием как наиболее опасный враг.

Ведь до Цусимы никто не мог предполагать, что вместо задуманного Золотой Элитой взаимного истребления русского и японского флотов в действительности реализуется гибель русского флота и мощное усиление флота японского. Причем усиление в том числе и за счет плененных или поднятых со дна и введенных в строй японцами русских кораблей.

И в США в 1907 году началась разработка первого варианта «Оранжевого плана» — первого в истории США заранее подготовленного плана войны с великой державой. И этой державой была Япония.

Буквально накануне подписания соглашения Рута и Такахиры 1908 года Японию посетил «Великий белый флот» США. Это могу-

чее соединение из шестнадцати новейших броненосцев, выкрашенных белой краской (откуда и название), тогда бродило по всему миру, демонстрируя этому миру, кто теперь «Who is who» («Кто есть кто») на океанских мировых просторах.

Японцы встретили белых гостей внешне радушно, но неофициально посоветовали им убираться поскорее и подобру-поздорову, если не хотят, чтобы эскадра была потоплена.

Вот уже даже какой тон забирали в отношениях с янки «маленькие морские черти»...

К началу 1910 года «Оранжевый план» был разработан как полномасштабный план войны со Страной восходящего солнца, а к маю 1913 года доработан и предусматривал:

- сдачу передовой линии обороны на Филиппинах;
- отступление на рубеж Мидуэй—Гавайи с попыткой удержания Гуама;
- последующую переброску флота с Атлантики;
- достижение победы за счет контрнаступления и блокады Японии.

В голове это укладывается плохо. Уже тогда Штаты готовились, как видим, отнюдь не к легкой и мгновенно победоносной войне с японцами. И при этом укрепляли Японию и вели себя лицемерно с Россией.

Что, в США не понимали, что сами же создают себе на Тихом океане могучего морского врага?

Развивать военную силу Японии как потенциального врага России — это было бы для США делом подлым, но — логичным. Но развивать военную силу Японии как потенциального врага США?

Вообще-то, о возможных побудительных причинах такого поведения янки я уже выше говорил и тут просто повторю: для Америки пионеров-фермеров и докеров, для Америки шахтеров и металлургов, для Америки Марка Твена и Томаса Алвы Эдисона это действительно было идиотской бессмыслицей.

А вот для «Америки» Якова Шиффа и Бернарда Баруха, Дюпона и Моргана, «Америки» Рузвельтов и Рута это было всего лишь созданием условий для будущей мировой войны в зоне Тихого океана.

Мировую войну в Европе Золотая «Америка» готовила, создавая раздор между Германией и Россией. А мировую войну в Азии та же Золотая «Америка» готовила на более дальнюю перспективу, создавая раздор между Японией и...

И — Америкой...

Нет, с логикой у Золотого Клана все было в порядке. Вот только очень уж подлой и кровавой она была, эта логика планирования больших войн XX века.

Войн, обильных для масс слезами и кровью, а для Золотого Интернационала — новой властью и новым золотом.

1911 ГОД спокойствия на Дальнем Востоке не принес. Вот как описывает его такой современник эпохи, как кадетский лидер Павел Николаевич Милюков:

«В том же 1911 году в Китае произошла революция, и маньчжурская династия уступила место республике президента Юаншикая. Владетельные князья Монголии почувствовали себя свободными от китайских чиновников, солдат и колонистов — и объявили Монголию независимой. В Петербурге появились монгольские делегации — просить Россию о поддержке. Интересы России тут были прямо задеты, и поддержка была оказана... Желания Монголии были удовлетворены, но с сохранением номинального суверенитета Китая. Монголия становилась автономной... Таким образом, во Внешней Монголии Россия водворялась в роли покровительницы... Так называемая Внутренняя Монголия поступала под покровительство Японии, и были точнее разграничены сферы «специальных интересов» России и Японии в Маньчжурии и Монголии».

Милюков все изложил тут хотя и кратко, но достаточно полно, и мне остается лишь добавить, что «демаркация» сфер влияния в Монголии была зафиксирована в русско-японской секретной конвенции 1912 года, подписанной в Петербурге.

В 1911 году был досрочно продлен и англо-японский договор... Подписание состоялось 13 июня — то ли случайно, то ли — с умыслом. Суеверные английские моряки ни за что не хотели выходить в плавание 13-го числа, а вот английские дипломаты пуститься в новое «плавание» по «японским волнам» почему-то не побоялись...

Впрочем, союз был возобновлен обоюдно вяло и имел скорее целью кое в чем успокоить Штаты. Там на Японию уже вовсю косились широкие массы, недовольные японской иммиграцией...

Произошло «под занавес» 1911 года и еще одно событие, советской историографией освещавшееся тоже почему-то скупо.

В декабре этого года Конгресс США денонсировал трактат между Россией и США о торговле и мореплавании, подписанный министром иностранных дел России Нессельроде и посланником США в России Бьюкененом в 1832 (!!) году. Помнишь, читатель?!

Палата представителей проголосовала за денонсацию тремястами голосами против одного, а сенат — семьдесятю двумя против нуля. Единодушие для обеих палат редчайшее!

В чем тут было дело?

А вот в чем... Как гласил годовой отчет по 2-му департаменту МИДа за 1912 год, написанный уже тогда, когда все было кончено, «официальный отказ правительства Соединенных Штатов Америки от торгового договора 1832 года был вызван недовольством на существующий порядок допущения въезда в Россию американских евреев (собственно, это были в основном евреи-эмигранты в США из России — С.К.)».

14 февраля 1911 года, когда идея денонсации лишь овладевала широкими массами конгрессменов с подачи их бывшего коллеги Герберта Парсонса, временный поверенный в делах России в США князь Н.А. Кудашев писал в Питер: «Удовлетворение будет дано горсти евреев и некоторым их друзьям, но будет ли оно в соответствии с неизбежным раздражением, которое будет вызвано в России денонсированием по изложенным мотивам трактата, действовавшего около 80 лет».

Итак, в Америке начали раздувать «паспортный конфликт». Вообще-то, Кудашев, например, считал, что «отсталость некоторых положений нашей паспортной системы» вредит «нашему нравственному обаянию за границей», а толку от ограничений мало.

Так оно, надо полагать, и было. Но зачем же трактаты разрывать? Да еще и такие давние! Тем более что по экономическим интересам США этот разрыв бил сильнее, чем по нам.

Наш посол в США Юрий Петрович Бахметев далеко не всегда был на высоте, но его донесение в МИД от 2 января 1912 года о настроениях в Штатах после денонсации я местами читал с большим удовольствием и некоторые наиболее выразительные места сейчас приведу.

Бахметев, чувствуется, писал в веселом состоянии духа, да и было отчего повеселиться — далеко не всегда удавалось России (а точнее — почти никогда не удавалось) повозить янки мордой (пардон) об стол или там «фэйсом» об «тэйбл»...

И писал он министру Сазонову такие слова:

*«Милостивый государь Сергей Дмитриевич! Справедливость старой поговорки «You cannot eat your cake and have it too» (Нельзя съесть пирог и иметь его целым. — С.К.) никогда так назидательно не оправдывалась, как в настоящем случае: американцы поспешно проглотили пирог и теперь с недоумением смотрят на пустую тарелку, удивляясь, почему на ней еще не появился свежий, еще более вкусный кусок... Они все вообразили себе, что стоило одним махом избавиться от старого трактата, чтобы тотчас же, автоматически, заменить его новым, заключенным согласно их собственным желаниям, отнюдь не принимая в соображение другую сторону вопроса, т.е. законные права России... И, по моему мнению, чем дальше мы будем держать американцев *le bec dans l'eau* («клювом в воде»), тем удобнее и спокойнее разрешится вопрос...»*

Тут изложена та психология, которая была бы к лицу русской дипломатии в любую эпоху и по отношению к любой стране, недоброжелательно отнесшейся к нам.

Итак, давний договор Штаты разорвали, а новый договор не был подписан даже к концу 1914 года. Торговые отношения, впрочем,

как-то развивались и без него... Ведь для торгашей и капиталистов всего мира наступила горячая пора — ковать золото, пока оно еще было горячим от жара битв начавшейся Мировой войны.

За два года до нее 27-й президент США Уильям Говард Тафт призвал заменить в американской экспансии «пули на доллары».

Но это была лишь красивая фраза — доллары заменяли пули тогда, когда в пулях не было необходимости, а когда такая необходимость появлялась, дядя Сэм вместо долларов из бумажника доставал патроны из подсумка.

Не были забыты в новом исполнении и принципы «треугольной» торговли. Но теперь «торговый треугольник» Соединенные Штаты выстраивали уже иначе: «пули — доллары—пули».

Пули внешний мир получал от США без возврата.

Доллары же возвращались в США.

Глава 9 Мировая война, дальневосточный «клубок» и адмирал Колчак

В ПЕРВУЮ мировую войну Япония вступала колеблясь, но вступила на стороне Антанты против Германии. Соблазнила возможность расширить свое влияние в Китае за счет германских владений. 7 ноября 1914 года Япония оккупирует германскую «арендованную» территорию в Китае — Цзяочжоу (Киоо-Чао) на Шаньдунском полуострове в Китае с военно-морской базой в Циндао.

Это сразу обеспечивало Японии преимущества в Китае на будущее и разрушало «китайские» планы немцев.

Создатель циндаоской базы адмирал Тирпиц в своих мемуарах писал:

«Нужно было путем вложения небольшого капитала пробудить к жизни ценности, о существовании которых китайцы не подозревали, и показать, хоть бы в малых рамках, на что способна Германия».

Расчет был неплохим, но, как признавал тот же Тирпиц: *«У нас было все, не было только политики, которая позволила бы нам надолго закрепить эту немецкую пробу. Развитие Циндао было возможно лишь при сохранении хороших отношений с Японией».*

Адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков, комментируя эту мысль Тирпица, иронизирует по ее поводу и утверждает, что Тирпиц не понимал: *«именно развитие Циндао исключает в перспективе «дружбу» с японскими империалистами».* Но Исаков писал это уже после того, как осколок немецкой бомбы лишил его одной ноги, то есть — после Великой Отечественной

войны, не способствовавшей трезвому взгляду советского человека на суть российско-германских отношений, а также на потенциальную роль Германии в мире.

На самом же деле вариант, желаемый Тирпицем, был отнюдь не исключен, но — в случае германо-японо-*русского* дальневосточного согласия и союза. И сам факт подобных мыслей и умного немца говорит о многом.

«Адмирал Атлантического океана» Вильгельм хотел видеть Николая «адмиралом Тихого океана». Но быть им Николай мог и без конфликта с Японией, а просто имея на Тихом океане мощный флот, усилив его за счет Балтийского флота уже в первые же годы XX века. Эскадра Рождественского на якорях во владивостокской бухте Золотого Рога в 1901 году плюс умная дипломатия — и не то что Русско-японской войны могло бы не быть, но могло бы не быть и англо-японского союза.

Конечно, такая ударная сила, как четыре эскадронных броненосца типа «Бородино» («Бородино», «Император Александр Третий», «Орел» и «Князь Суворов»), была укомплектована только к середине 1904 года, но и за счет имевшегося к 1901 году боевого состава Балтфлота, да и морских сил Черного моря, можно было Тихоокеанский флот сделать не только количественно, но и качественно иным! Особенно если не тратить деньги на Порт-Артур и Дальний.

Но тихоокеанский блок России с Германией был возможен при их европейском согласии, а Россия в это время уже искала «сердечного согласия» с англичанами и французами.

Так или иначе, с началом войны между русскими и немцами японцы крепость Циндао блокировали и после недолгих боевых действий при семикратном своем численном превосходстве взяли. Потери их составили, по данным английских союзников, 36 человек убитыми и 181 — ранеными.

Случай германского Циндао лишний раз показал, что и затея с русским Порт-Артуром была гнилой изначально, особенно в ситуации, когда между Германией и Россией существовал раздрай, а не союз.

Японская операция в Циндао стала чуть ли не единственным примером японской боевой активности в ту войну. Тем не менее вскоре Япония захватывает и завидные океанские базы — выкупленные в свое время Германией у Испании Марианские и Каролинские острова, а также германские же острова Маршалловы.

Да, Первая мировая война оказалась Японии очень на руку и очень помогла ей укрепиться. Тут Японии, можно сказать, повезло, потому что уж она-то к организации этой войны причастна не была.

Все мало-мальски крупные державы мира были тогда заняты в войне европейской, а Япония в это время завоевывала — где без выстрелов, а где уже и с выстрелами — азиатские рынки. Прибыль японских предприятий за годы войны возросла в два-три раза. Число металлургических заводов в Японии увеличилось с 22 до 300, число судостроительных верфей — с 6 до 57! В четыре раза выросла численность промышленных рабочих. Их в Японии стало полтора миллиона — почти столько же, сколько было в России с ее втрое большим населением.

И за годы войны Япония стала третьей военно-морской державой после Англии и США.

У Европы и Америки Япония покупала, но Азии она в основном продавала. Так же выходило и с капиталами. Япония занимала у «белых» и одалживала «цветным».

Качество японских товаров тогда еще было отменно плохим. Богатые японцы предпочитали вещи европейские (из России в том числе) или американские. Но во время Первой мировой войны сбыт по вздутым ценам массы японских товаров при быстром росте японского судоходства обеспечил в 1915—1918 годах колоссальный (выражение из первой БСЭ) приток валюты.

И он был-таки немал — три миллиарда иен. Две трети его Япония использовала для ввоза золота и образования валютных резервов за границей, а треть — для экспорта капитала, да на 272 миллиона иен японцы выкупили у иностранцев японских ценностей.

Интересно посмотреть на таблицу японского экспорта (в миллионах иен) до Первой мировой войны, к ее концу и через десять лет.

Группы товаров	1913	1918	1928
Шелк	199,4	432,0	742,6
Чай	10,1	23,1	11,8
Зерно	7,4	107,7	37,8
Минералы, металлы, химикалии	82,0	237,7	91,7
Текстиль и галантерея	191,0	647,9	654,2
Бумага, керамика, спички	27,4	101,2	84,8
Металлоизделия и машины	10,0	159,3	51,0

В эту таблицу не включен вывоз в японские колонии, и поэтому она особенно выразительна. Видно, что для Японии далекая мировая война была действительно не мачехой, а родной матерью. США, Европа и Россия сами нуждались в сырье, металлах, химикалиях и металлоизделиях, и все это им, но прежде всего в Азию, поставляла во время войны Япония.

Кончилась война — резко сократился и экспорт, за исключением текстиля. Но текстиль — это уже был традиционно японский экспортный «конек»...

Имело свое значение и то, о чем писала первая БСЭ: «Поздний приход иностранного капитала в Японию и слабое его внедрение в страну после Гражданской войны были важными условиями, позволившими японскому капитализму развиваться и занять самостоятельное место под солнцем».

Здесь все, конечно, тоже сказано верно.

Но — скажу уже я — так-то оно так, однако если бы японский капитализм не ставил с самого начала превыше всего Японию, а не прибыль в чистом виде, то Япония получила бы не национальный капитализм, а компрадорский — как в Китае... А вот же — не получила! И это — тоже одна из тех особенностей Японии, которая оп-

ределялась чертами национального характера ее народа и ее историей.

Я, уважаемый читатель, не восхищаюсь японцами — достаточно того, что они показали себя большими мастерами восхищаться собой сами (умный японский писатель Нитобэ даже поставил национальное самомнение среди недостатков национального характера на первое место). Однако неумение пренебречь интересами Японии в сочетании с умением пренебречь интересами всех прочих — это все же лучше нашего русского неумения поставить собственные интересы выше (или хотя бы не ниже) чьих-то...

Так, в Мировой войне армия Японии фактически не участвовала, но оружием бряцала, что называется, вовсю. Правда, не в сторону формальных врагов, а угрожая Китаю, как и Япония, принявшему сторону Антанты. То есть собственно — союзнику.

Да. именно так!

Когда стало ясно, что война в Европе скоро не закончится и белая раса втягивается в нее надолго, Япония тут же резко нажала на Китай. Небесная империя, ставшая сумбурной децентрализованной «республикой», особых сил сопротивляться не имела, и 18 января 1915 года Япония предъявила президенту Китая Юань Ши-каю свое знаменитое «21 требование».

Уж не знаю, насколько это их количество было обусловлено карточными пристрастиями японской элиты, но в политическом отношении этот набор требований был явным перебором.

За суперэкспансионистскими требованиями, которые, если бы выполнены, обеспечили бы Японии полный политический, экономический и военный контроль над Китаем, стоял могущественный «Кокурюдан» — тайное Общество черного дракона. И японский ультиматум (ничем иным эти требования не назовешь) предусматривал:

— обеспечение «специальных прав» Японии в Маньчжурии и Внутренней Монголии;

— увеличение сроков аренды Квантунской области с Порт-Артуром и Далянем (Дальним), с Южно-Маньчжурской и Шеньян-Аньдунской железными дорогами с 25 до 99 лет;

- узаконение захвата Циндао и Шаньдунского полуострова;
- передачу Японии немецких угольных концессий;
- передачу ей всех прав и привилегий, ранее предоставленных германским гражданам в Шаньдуне;
- передачу под совместное управление Ханьпинского угольно-металлургического комбината;
- предоставление обширных железнодорожных концессий в бассейне Янцзы (это была прямая и особо болезненная шпилька в бок дяде Сэму);
- предоставление права на постройку новой железной дороги от Чифу на Шаньдуне;
- исключительное право Японии на аренду китайских портов, островов и территорий;
- беспрепятственное допущение японских военных рекогносцировок на китайской территории;
- право Японии назначать при китайском правительстве японских политических, финансовых, экономических и военных советников;
- такой контроль над полицейскими управлениями важнейших пунктов Китая, при котором руководящий состав полиции состоял бы исключительно из японцев;
- закупку у Японии не менее 50% ввозимого Китаем из-за границы оружия.

Секретные переговоры велись в Пекине четыре месяца. Китай пытался как-то сохранить лицо, но 27 апреля 1915 года требования после небольших изменений были вновь вручены китайскому правительству ультимативно, и 9 мая Китай их принял и подписал с Японией секретный договор.

Китай принял ультиматум по рекомендации США и Англии, данной, конечно, скрепя сердце.

Англия увязала в боях на Европейском континенте и в европейских морях. Еще до войны ей даже пришлось оттянуть с Дальнего Востока свою броненосную эскадру, оставив там лишь крейсера.

Америка исподволь готовилась к тому решающему периоду войны, когда ей придется «лично» вступить в нее.

Тут было не до Китая, тем более что, хотя Япония и предприняла некоторые практические шаги по реализации требований, вскоре после окончания войны те же Штаты ей здорово в том помешали.

Однако позиции Японии уже укрепились — так или иначе. Это проявилось и в том, что даже дяде Сэму пришлось посчитаться с ней и на Парижской мирной конференции, проходившей в 1919 году в Версале, передать германские права на Шаньдунскую провинцию не Китаю (в состав которого эта формально арендуемая провинция входила), а Японии.

И КИТАЙ, и Япония были в Версале представлены равным числом делегатов — по пять. Во главе китайской делегации был министр иностранных дел Лю Чен-сян, а японской — член «генро» и дважды премьер Сайондзи.

Китайцы добивались возвращения их собственной территории и доказывали, что Шаньдунский полуостров, на котором живет 30 миллионов китайцев (то есть по числу — половина населения тогдашней Японии), — исконно китайская территория, да еще и родина Конфуция. Было это чистой правдой, однако Сайондзи с коллегами упрямо твердили, что Шаньдун «отвоеван» у Германии — ныне побежденной, и они от «своего» не откажутся.

Японцы напирали на «жертвы», понесенные ими во имя «общей победы». (В скобках сообщу читателю, что Япония потеряла за всю войну 300 (триста!) солдат и офицеров (хотя есть данные, увеличивающие эту цифру до «целой» тысячи.)

«Белая» Антанта возражать своему «желтому» союзнику хотя и возражала, и противодействовала, но далеко не всегда добивалась своего.

Успех всегда опьяняет японцев, как вино, — они сами в том признаются и своеобразно подтвердили это в Версале... Государственный секретарь США Лансинг тогда обратился с просьбой к одному из японских представителей на конференции барону Макино:

— Господин Макино, я прошу вас как-то смягчить «шаньдунский» удар для Китая!

— То есть?

— Ну, вы могли бы выступить с каким-либо формальным доброжелательным заявлением.

— Каким?

— Собственно, — Лансинг протянул к Макино руку, в которой был зажат лист бумаги, — мы тут совместно набросали проект...

Макино смотрел на Лансинга бесстрастно и молчал, а Лансинг продолжал его уговаривать:

— Еще лучше, если вы дополнительно увидите с Лю Чен-сяном.

Макино пожал плечами, а Лансинг пояснил:

— Такой шаг был бы повсюду встречен с величайшим одобрением и поднял бы престиж Японии!

— Повсюду?

— Да! И прежде всего — в Китае, где иначе горькое разочарование и возмущение может вылиться в насильственное сопротивление вам по всей стране!

— По всей стране? — презрительно повторил Макино. — А разве Китай представляет собой нечто единое как государство?

— ?!

— Нет, господин Лансинг, я очень внимательно выслушал вас и высоко ценю ваши искренние усилия, но...

— Но?

— Но я не могу предпринять такую акцию и сразу скажу, почему...

— Почему же? — не выдержал Лансинг.

— Потому, что я опасаюсь возмущения... — тут Макино сделал голосом нажим, — японского общественного мнения.

Надо сказать, что такое поведение Макино было запрограммировано самими Штатами.

За полтора года до этого «версальского казуса», 2 ноября 1917 года, тот же Роберт Лансинг обменялся с экс-министром иностран-

ных дел Японии, главой специальной японской миссии в Вашингтоне Кикудзиро Исии нотами, где США и Япония взаимно определяли свою политику в Китае. Признавая «особые интересы» Японии в Китае тогда, когда Япония уже аннексировала Шаньдун и базу Циндао, Америка фактически согласилась с этим японским захватом. Япония же вновь подтверждала согласие с политикой «открытых дверей».

Маленький инцидент вокруг соглашения Лансинга—Исии хорошо иллюстрировал всю американо-японо-китайскую интригу.

Опубликование соглашения намечалось на 7 ноября. Но уже 4 ноября Япония без ведома США передала тексты нот в МИД Китая. Китай тут же заявил, что не признает никакого соглашения, заключенного отнюдь относительно Китая другими странами.

Но что значили протесты Китая тогда и чуть позже — в Версале? И Шаньдун остался за Японией.

(Что занятно, замечу я в скобках!) Штаты в конце концов отказались подписывать Версальский договор, мотивируя этот шаг своим несогласием с передачей Шаньдуна японцам.

«Ну, что тут скажешь?!» — приходится повторить автору уже в который раз...

ЛАНСИНГ и Исии обменивались нотами после Октября 1917 года, и этот великий русский Октябрь не в последнюю очередь стал причиной взаимной американо-японской сговорчивости. Россия, Америка, Япония и Китай тут спутывались вновь в противоречивый «дальневосточный» клубок...

Не «дружить» вместе против Китая Япония и Америка не могли, хотя пределы такой «дружбы» не могли не быть ограниченными. Как писал в 1918 году из Токио барон Будберг: «Вся задача Японии в том, чтобы поддерживать в Китае беспорядок и пытаться раздробить его на составные и враждующие части».

По тем временам такой Китай устраивал и США.

Но, как замечал опять же Будберг: «Здоровый и могучий Китай — это конец Японии как промышленной и военной силы».

И в этом смысле *такой* Китай тоже был бы для Америки не так уж и плох. Ведь такой Китай избавлял бы ее от японского конкурента. Правда, здоровый и могучий Китай сам становился бы конкурентом США. Американо-японо-китайская интрига была поэтому вариантной, неоднозначной.

А вот с Россией (и тем более — с Советской Россией) все было просто и однозначно. Здоровая и могучая Россия не нужна была Америке ни с какой стороны.

Японии же...

Дальновидно мыслящей Японии нужна была, конечно, сильная Россия.. И люди дальновидные, да и просто лояльные к России, в Японии времен Первой мировой войны были. В истории этой войны есть одна малоизвестная (из, естественно, великого их множества) и волнующая деталь. На русско-германском фронте действовал небольшой отряд японского Красного Креста. Да, именно так — отряд Красного Креста из буддистской и синтоистской Японии. Но в данном случае, из Японии православной...

Вот они передо мной на старом снимке — семь трогательно сосредоточенных японских сестер милосердия, а за ними — пять японских врачей-офицеров в кителях русского образца и высокий японец в православной рясе и с русским наперсным крестом — священник. Этот снимок, эти лица, эти взгляды пробирают меня до глубины души.

Простые люди всегда человечнее элиты... Даже внешне прекрасные лица кровных аристократов всех национальностей претят мне как мертвенный глянец на «лицах» восковых манекенов — в них нет жизни и борьбы...

Но почему-то, глядя даже на, казалось бы, открытые и улыбающиеся лица простых англосаксов или французов, я не часто испытываю чувство душевного родства и единения с ними... Зато как часто я испытывал его, глядя на лица немцев — даже одетых в форму вермахта... Даже в нее! Даже с этими молодыми ребятами, вышедшими из пекла Курской битвы, хочется дружить, а не враждовать! Даже с ними... Потому что в них есть искренность...

И вот эти японские парни в русской форме... Их лица... Выражение их выглядит чертовски русским! Конечно, это — японцы, действительно нам дружественные и душевно близкие, японцы православные... Конечно, их немного...

Но они были!

Однако не они определяли ситуацию и отношения Японии с Россией. И Япония, опьяненная в период мировой войны огромным успехом, «оплаченным» тремя сотнями погибших (что это было для привыкших к землетрясениям и тайфунам японцев!) тоже была уверена (хотя вернее было бы сказать, что *самоуверенна*) в том, что сильная Россия не нужна и ей.

И так вот — оглядываясь с недоверием друг на друга — Япония и янки были склонны если и не «дружить» против России вместе, то хотя бы как-то продемонстрировать друг другу взаимную готовность к возможным будущим компромиссам на русской территории.

В 1916 году ситуация еще была, впрочем, иной, и 3 июля 1916 года в Петрограде (бывшем Петербурге) было подписано последнее соглашение царской России с Японией. Причем — по инициативе Японии!

Тут не обошлось, правда, и без хитрой японской игры, потому что в мае 1916 года японское правительство сообщило России, что Германия, мол, предложила Японии заключить с ней сепаратный мир. Петроград дрогнул. Хотя мог бы и прикинуть: насколько Германии нужен мир с Японией и как он может повлиять на положение Германии? И на каких условиях такой мир мог быть заключен — с учетом того, что Япония уже попользовалась германскими владениями в Азии и рассчитывала в будущем на еще большее. Ведь летом 1916 года японцы потребовали от Англии заключить секретное соглашение о сохранении за ними бывших германских островов в Тихом океане севернее экватора.

16 февраля 1917 года Англия такие гарантии Японии дала. А затем их подтвердили и другие страны Антанты (США официально уведомлены не были).

Япония ловко блефовала, пользуясь тяжелым положением англо-французов на германском фронте. Причем именно блефовала, потому что, не рискуя ничем в чисто военном отношении, она была прочно политически связана тогда именно с Антантой.

Дело тут было в том, что, несмотря на грозный тон «21 требования» и внешнюю покорность им Китая, Японию в Китае то и дело теснили янки. И союз Японии с Антантой как-то это все сглаживал хотя бы частично.

В 1916 году США предоставили Китаю ряд займов и получили несколько железнодорожных концессий. И Япония вдруг «вспомнила», что воды Тихого океана омывают берега не одной только великой державы Америки, но и другой великой державы, хотя бы географически Америке противоположной, а к Японии намного более близкой. То есть они вспомнили о России...

Конечно, японцы не были бы японцами, если бы не начали с нажима и здесь. Царизм нуждался в поставках японского оружия, и японские переговорщики настаивали на новых рыболовных концессиях в территориальных водах России, на передаче японским властям всей южной части ветки от КВЖД к Ляодуну и на прочих «мелочах»...

Однако инициатива некоего политического «союза» исходила-то от японцев. Россия же могла усмотреть для себя пользу от блока и со Штатами — против напора Японии. Во всяком случае, она могла прилунуть Японию такой перспективой с намного большим основанием, чем Япония Россию — «германским» миром.

Тем не менее японцам в Петербурге, ставшем с началом войны Петроградом, «пошли навстречу».

Договором с Россией Япония прикрывалась и от Англии. А Россия всего-навсего обеспечивала себе японские военные поставки, но по-простецки считала, что уже ради этого «игра стоит свеч». Поэтому русско-японский договор 1916 года состоялся. Ни японская, ни российская сторона тогда еще не знали, что это — последняя их договоренность, потому что русскому царизму осталось исторического времени чуть более полугода.

И уже через год после петроградских переговоров, летом 1917 года, Япония начала накапливать войска в Северной Корее и Северной Маньчжурии и сосредотачивать военные припасы в стратегических пограничных пунктах с Россией. Уже всю пользуясь китайской смутой, японцы намеревались теперь погреть руки на смуте всероссийской.

(Замечу в скобках, что это ей во многом и удалось.)

ИТАК, кому война — мачеха, а кому — мать родная...

Для Страны восходящего солнца Первая мировая война стала и кормилицей, и «доброй богатой теткой», и «дойной коровой»... И мы уже знаем, как росли капиталы Японии и ее влияние в Азии во время этой войны. А вот как к 1917 году выросли цены на рис, текстильные изделия, уголь?

Что же, отвечаю — на сорок процентов.

Заработная плата выросла при этом на десять.

В 1918 году по Японским островам прокатилась волна «рисовых бунтов». На двух третях территории страны бунтовало 10 миллионов человек.

Стачечное движение в городах было, впрочем, относительно слабым. Число стачечников в 1916 году составило всего 8 413 человек. В 1917 году оно выросло в несколько раз, но абсолютная цифра не впечатляла — 57 309 человек.

К 1919 году рост был незначительным — 63 137 человек, а в 1920 году выявился даже спад — 36 317 человек.

В 1920 году началась естественная послевоенная реакция. В экономике страны, которая на войне лишь наживалась, наступал кризис. Но стоимость промышленной продукции упала всего на 20 процентов, и хотя в июне 1921 года прошла небывалая до этого забастовка 35 тысяч японских судостроителей, хотя ценные бумаги на бирже упали вдвое и в 1922 году разразилась банковская паника, в целом Япония потрясена не была.

Тут, пожалуй, сказывалось то свойство японцев, о котором японский ученый и правительственный советник Найто Торадзиро

сказал, что Япония даже на самый незначительный вызов извне всегда реагировала как единый целостный организм.

Это не было фразой. Поэтому и на внутренние *значительные* вызовы стабильности Японии даже неимущие японцы (не говоря уже об имущих) реагировали так, что высшую власть это в целом устраивало.

4 МАРТА 1918 ГОДА в Токио на должность русского военного агента (которую он так и не занял) приехал барон Будберг. Он должен был сменить хорошо знавшего Японию и Дальний Восток генерал-майора Виктора Александровича Яхонтова.

В тот же день, после разговоров с давним знакомцем Яхонтовым, Будберг записал: *«По словам Яхонтова, вмешательство Японии в наши сибирские дела по-видимому неизбежно, но едва ли пойдет дальше Забайкалья; наибольшее затруднение пока представляет резкий протест Америки, несогласной на такое японское выступление».*

7 марта в дневнике барона появилась новая запись: *«По мнению Яхонтова, японцы очень хитры и еще более жадны; сейчас они полны вожделениями, как бы выгоднее использовать наши несчастья и извлечь из этого наибольшую для своей страны пользу; польза же эта рисуется в легком захвате всего русского Дальнего Востока и наложении своей лапы на крайне нужные для них естественные богатства этого края (горные и рыбные). Пока что Япония сдерживается и косится в сторону Америки, своей непримиримой соперницы во всем, что касается эксплуататорских экспериментов на Азиатском континенте».*

Однако уже на следующий день Будберг отметил: *«Газеты сообщают, что три дня тому назад Америка дала свое согласие на выступление Японии на русском Дальнем Востоке».*

Еще 12 января 1918 года во Владивостокский порт «с целью защиты японских подданных» вошел броненосец «Ивами». Через два дня к нему присоединились крейсер «Асахи» и английский крейсер «Суффолк».

Примерно в то же время японцы начинают поддерживать «атамана» Семенова — личность с бо-о-льшими претензиями — в пределах, впрочем, дозволенного.

4 апреля, при нападении на владивостокское отделение японской торговой конторы «Исидо», были убиты два служащих-японца. Повод (создали его, конечно, сами японцы) появился. И 5 апреля эскадра контр-адмирала Като высадила на берег свой первый десант морской пехоты, тем самым начав дальневосточную интервенцию Антанты.

Вначале, впрочем, японцы просто наблюдали за развитием местных событий и в них особо не вмешивались. По некоторым данным, японцы одно время даже вернули десант на суда — якобы из-за недовольства таким шагом внутри Японии. Первое — не исключено, потому что на кораблях было спокойнее, а вновь сойти на берег можно было в любой момент. Второе — сомнительно. В Японии даже рядовые японцы отнюдь не были пацифистами и интернационалистами. На выгодные для Японии интервенционистские действия властей они в массе своей традиционно смотрели благосклонно.

Тем более что японское присутствие в России можно было охарактеризовать одним словом — грабеж. А точнее — двумя: вежливый грабеж. И все еще было впереди...

Причем, первыми из интервентов придя в Россию, японцы последними и ушли: 25 октября 1922 года — из Владивостока и лишь 15 мая 1925 года — из русской, советской части Сахалина. Они, в отличие от США и Антанты, проявили предельную цепкость. Вначале — из пределов РСФСР, затем — с территории «буфера» Дальневосточной республики, и, наконец, после декабря 1922 года — с территории СССР японцев буквально выдавливали.

Американская «Сибирская экспедиция» началась с посылки во Владивосток в марте 1918 года крейсера «Бруклин». Однако *своих* морских пехотинцев янки высадили только 29 июня. В этот день под прикрытием японских войск поднялось восстание белочехов. Растянувшись от Поволжья до владивостокской бухты Золотой Рог, войска чехословацкого корпуса стали запалом большой россий-

ской гражданской войны на огромной территории. И вот после того как город полностью контролировали совместно японцы и чехи, там появились американцы.

17 июля государственный департамент публикует меморандум. Стиль его был уже вполне характерным для той Америки, которая в Европе чужими руками заканчивала Первую мировую войну и успешно закладывала базу покорения европейцев руками европейцев, а в Азии была вынуждена считаться с категорическим нежеланием Японии быть служанкой дяди Сэма.

Меморандум сообщал, что Америка—де отрицательно относится к интервенции в России, но вынуждена во имя исполнения союзнического долга помочь чехам.

У этого меморандума была занятная предыстория. 11 марта 1918 года (в то время, как барон Будберг заполнял еще токийские страницы своего дневника) президент США Вильсон направил послание IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов.

Я приведу его полностью:

«Пользуясь Съездом советов, я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу в особенности теперь, когда Германия ринула свои вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии.

Хотя правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно желало бы оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего Съезда, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности обеспечить России полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества.

Народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы».

При всем при том Америка захватила к апрелю 1918 года четыре

парохода российской судоходной компании «Доброфлот»: «Симферополь», «Нижний Новгород», «Тула» и «Кишинев» (их нам так и не отдали).

А «серый кардинал» Вильсона — «полковник» Хауз в эти же дни разрабатывал программу политики США по «русскому вопросу», где первыми пунктами стояло: «1. Признание временных правительств, которые создавались или предполагается создать в различных районах России. 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства».

И 16 августа 1918 года во Владивостоке высадились 27-й и 31-й полки армии США — всего 3 тысячи человек. Они прибыли из Манилы.

За четыре дня до этого — янки еще только отправились в путь, — 12 августа, японцы высадили во Владивостоке 12-ю пехотную дивизию. А это — 16 тысяч человек.

18 августа ее командир генерал Отани, член Высшего военного совета Японии, был назначен главнокомандующим всеми войсками союзников на Дальнем Востоке.

3 сентября прибыли дополнительные американские силы — 5 тысяч человек из 8-й пехотной дивизии под командой генерал-майора У.С. Гревса.

Еще 8 июля Америка и Япония договорились о совместных антисоветских военных действиях и о примерном равенстве сил в Приморье и Сибири. Однако в части численности войск обе стороны нарушили эту договоренность так одновременно, что подлинная острота ситуации тут выявляется вполне. Недаром Будберг писал в начале марта 1918 года: *«Местные (токийские. — С.К.) газеты обсуждают вопрос о выступлении Японии для водворения порядка на Дальнем Востоке... Япония ожидает, как выскажется по этому вопросу Америка, зорко и ревниво следящая за каждым шагом Японии, особенно на Азиатском материке».*

Практически одновременно предпринимались и политические шаги — японцы официально заявили о посылке войск во Владивосток 2 августа, а Штаты — 3-го.

Назначенный 14 сентября командующим, Гревс обосновался во

Владивостоке со своим штабом Американских Сибирских экспедиционных сил. Формально подчиняясь Отани, он пробыл там до 1 апреля (я не шучу!) 1920 года.

С моря Гревса поддерживал тихоокеанский флот США под командованием адмирала Найта. Во Владивостоке ошвартовывались крейсера «Бруклин», «Сакраменто», «Бир», «Олбани», «Нью-Орлеан»...

Японцы к ноябрю 1918 года увеличили численность своих войск в России до 73 тысяч и постепенно занимали наше Приморье. За ними потихоньку продвигались и американцы. Активных боевых действий они избегали и за все время Сибирской экспедиции потеряли 170 (сто семьдесят) человек. 36 (тридцать шесть) янки было убито, а 134 — умерло от ран и болезней. Еще 52 (пятьдесят два) человека было ранено.

К слову, американцы не более активно «воевали» и на Севере России, где первый батальон морской пехоты был высажен в Мурманске 24 мая 1918 года с крейсера «Олимпия». Всего на Севере к началу января 1919 года накопилось в составе северо-русских экспедиционных сил почти 6 тысяч американцев (из них 700 железнодорожных инженеров — дороги янки брали под контроль сразу!).

Они именно накопились, потому что воевать, а не *присутствовать*, были склонны на севере не более, чем на востоке. Хотя на севере им пришлось немного и повоевать (там у американцев погибло в боях 144 человека и 100 человек умерло от болезней и в результате несчастных случаев, 305 было ранено).

Вышло так, что много американцев сидело в гарнизоне города Шенкурска. Однако в конце января 1919 года Шенкурск был взят красными войсками бывшего генерал-майора Генерального штаба Самойло. Заодно с белогвардейцами-аборигенами досталось тогда и частям экспедиционного корпуса

Эффект вышел оглушительный: из Вашингтона пришел приказ, запрещающий ставить янки в передовую линию, а в июне 1919 года вообще началась их эвакуация...

Основной расчет у Америки был тогда уже на Колчака, войска которого шли из Сибири на Самару. А еще до этого, 9 января 1919

года, в Токио было подписано японо–американское соглашение об установлении совместного контроля над российскими железными дорогами, включая КВЖД.

Общий же контроль над Сибирью и Дальним Востоком тогда был в руках...

А действительно — в чьих он был тогда руках? Американских? Японских? Белогвардейских?

Дать однозначный ответ на этот вопрос тогда вряд ли кто-то смог бы...

США имели там 9 тысяч войск, а Япония — в десять раз больше...

Но все, уважаемый мой читатель, было не так уж и очевидно... Ведь в распоряжении США на востоке России был одно время такой весьма серьезный и многообещающий фактор, как адмирал Колчак.

ИМЯ КОЛЧАКА известно широко, однако для меня в его послереволюционном контрреволюционном возвышении всегда было много нелюбопытного. Работая над этой книгой, я всмотрелся в него уже детально, и многое неясное прояснилось. Колчак стал выглядеть хотя и более понятным, но зато и более мрачным, более злобным и неприглядным персонажем русской политической истории.

И как раз в истории с Колчаком можно увидеть не просто нелюбопытность к России, но особую *изошренность* и *эшелонированность* антирусской политики Золотой Элиты Запада и США.

Изошренность, которой «историки ЦК КПСС» умудрились так и не рассмотреть за многие десятилетия. Российские же расстриги-«историки», типа не брезгавшего вульгарным плагиатом Валерия Краснова из Института военной истории Министерства обороны РФ, ударились чуть ли не в апологетику адмирала. Тут уж не до вдумчивого анализа...

Хотя «Колчакиада» — поле для анализа благодатное уже потому, что все остальные лидеры белого движения в своих послерево-

люционных действиях и в своей «белой» карьере оказываются вполне ясными. Колчак же, повторяю, представляется фигурой не то что с двойным, а, возможно, и с тройным дном.

А почему я так считаю, читателю, надеюсь, станет ясно из знакомства с нижеследующим рассказом об адмирале Колчаке и о его времени. Этот рассказ не уведет нас от темы, потому что в квази-«одиссее» Колчака сплелись многие существенные и плохо освещенные коллизии дальневосточных усилий Японии, Запада и США как по отношению друг к другу, так и по отношению к России.

И особенно все это интересно в части США...

Морской офицер Александр Васильевич Колчак стал известен уже в молодом возрасте благодаря участию в экспедиции полярного исследователя барона Толля. Императорское Русское географическое общество присудило ему тогда свою высшую награду — большую золотую Константиновскую медаль. А по линии морского ведомства он получил орден Владимира...

После участия в Русско-японской войне и японского плена Колчак был назначен в Главный морской штаб, а позднее стал первым командиром нового ледокольного транспорта «Вайгач», однако в полярное плавание не пошел — его вернули в ГМШ на должность начальника отдела. В качестве последнего он закладывал, между прочим, основы претенциозной программы строительства супердредноутов (линкоров) типа «Измаил».

Надо сказать, что эта грандиозная по материальным и финансовым затратам программа в основе своей была скорее вредительской — в силу неумного перекоса в строительстве русского флота накануне близких серьезных событий. «Измаилы», ухлопав на них огромные (и кому-то же «перепавшие») средства, строили, но так и не достроили. А русской армии на фронтах мировой войны катастрофически не хватало ни полевой артиллерии, ни снарядов к ней...

Подвизался в то время Колчак и в Государственной думе — в качестве военно-морского эксперта. То есть якобы «аполитичный» офицер на самом деле был вхож как свой в новый орган буржуаз-

ной российской политики. Но после предпочитал об этом помалкивать...

Никаких документальных свидетельств о тех или иных связях Колчака с военными промышленниками я не отыскал. Однако предположить кое что могу... В отличие от вообще капиталистической промышленной верхушки Российской империи судопромышленники, связанные с морским ведомством, относись преимущественно к «государственной» нации, то есть были русскими, и в этом смысле были в достаточной мере националистами, но отнюдь не монархистами. С другой стороны, они же имели и хорошие связи с иностранными судопромышленниками, ведущими из которых были англосаксы. И в этом смысле русские дельцы были вполне типичными капиталистами-космополитами.

Думаю, что Колчак — уже в силу причастности к перспективным судостроительным программам — не мог не иметь серьезных знакомств в этой среде. Другое дело, что он не афишировал их тогда, а уж позднее — и тем более..

Замечу, что через девять лет — уже во время Гражданской войны — хорошо вроде бы знающий о программе создания супердредноутов Колчак говорил почему-то о серии кораблей не типа «Измаил», а типа «Кинбурн». «Кинбурн» в серии был, однако, не головным. Мелочь, но — странная.

И таких странных несообразностей, крупных и мелких, в жизни Колчака — хоть отбавляй.

По-настоящему он выдвинулся во время Первой мировой войны как способный и энергичный морской офицер-минер. Хотя надо заметить, что непосредственно на строевых миноносцах будущий адмирал служил в сумме всего-то чуть более года!

Во время осады Порт-Артура он, до этого минного опыта *абсолютно* не имевший, некоторое время командовал эскадренным миноносцем «Сердитый». И, как сообщают некоторые источники и как рассказывал — опять-таки, уже во время Гражданской войны — он сам, на минной «банке», выставленной «Сердитым», подорвался японский крейсер «Такасаго» (один лояльный к адмиралу источник называет его «новейшим японским крейсером «Такасаго»).

Такой крейсер в японском флоте действительно был, хотя назвать его новейшим вряд ли можно. Постройки 1897 года, он среди японских малых (легких) крейсеров был не таким уж и молодым. Был спущен на воду в 1897 году, а новейшими в этом классе считались крейсера типа «Цусима» и крейсер «Отава».

Крейсер же «Такасаго» погиб на минной банке под Порт-Артуром 30 ноября 1904 года. Выставил-то, возможно, ее и Колчак, но минная банка — это заранее планируемое дело, и от командира «Сердитого» требовалось лишь аккуратно выполнить не им разработанный план и боевой приказ. Конечно, реально это «лишь» было далеко не простым делом, но вполне укладывалось в рамки рутинной боевой работы.

Колчак появился в Порт-Артуре 18 марта. Был назначен и.о. артиллерийского офицера на минный заградитель «Амур», 21 апреля стал командиром «Сердитого», а в мае слег на два месяца в госпиталь с воспалением легких. В морском бою 28 июля не участвовал — ему было приказано оставаться в Порт-Артуре. 2 ноября Колчака назначают командиром береговой батареи, но вскоре суставный ревматизм опять укладывает его в госпиталь, откуда он попадает уже в плен.

Вряд ли Колчак внес серьезный вклад в подготовку команды вверенного ему корабля. Да, «Сердитый» (уже без Колчака) воевал хорошо, прорвался при сдаче Порт-Артура в Чифу... И на выставленной им банке подорвался «Такасаго»...

Но доказательством высокого «минного» уровня его недолгого командира это является вряд ли. Очевидно, поэтому в одном, весьма «монархически» ориентированном, морском справочнике начала 90-х годов XX века обширная и очень благожелательная к адмиралу статья о Колчаке насчет японских крейсеров, подорвавшихся на его минах, хранит полное молчание и лишь скупо сообщает о том, что «под руководством (? — С.К.) А.В. Колчака были поставлены минные заграждения на подходах к русской базе»...

Тоже странно...

Колчак был всего-то командиром эсминца, да к тому же, повторяю, прошлого минного опыта не имел. Даже если у него и были

некие гениальные новаторские подходы к минным постановкам, бездарное порт-артурское морское начальство позволило бы молодому офицеру руководить (!) минной обороной главной базы. Все, что он мог сделать, это, как я уже говорил, выполнить чужой приказ в пределах компетенции рядового командира миноносца.

Кстати, и «японские» награды Колчака не впечатляют: «мечта прапорщика» — «клюква» Анна 4-й степени, «золотая» сабля и уже после плена — Станислав 2-й степени... Чтобы понять ценность польского по происхождению трехстепенного ордена Св. Станислава, надо знать, что по старшинству он шел среди российских орденов после Анны, то есть был одной из самых незначительных (особенно — в низших степенях) наград...

За «новейший» японский крейсер (если он действительно числился бы в послужном списке Колчака) — более чем мало. Например, даже последний офицер «Варяга» получил за бой под Чемульпо Георгия 4-й степени. (Колчак его тоже получил во время Первой мировой войны, но уже в приличных чинах — не столько, надо полагать, за личный подвиг, сколько по статусу, за руководство тактической десантной операцией).

К началу десятых годов покровителем Колчака становится адмирал Эссен. Командующий Балтийским флотом, он считался талантливым минером. Но серьезного боевого личного опыта по этой части Эссен тоже не имел. Другое дело, что в целом русские моряки ставить мины умели.

С 1912 по 1913 год Колчак командовал на Балтфлоте эсминцем «Уссуриец», а потом в чине капитана 1 ранга стал командовать эсминцем «Пограничник».

Опять странно... Такими кораблями командовали обычно лейтенанты (очень редко — капитаны 2 ранга). Объяснялось же все тем, что Колчак был взят Эссенем во флаг-капитаны, а «Пограничник» играл роль посыльного судна Эссена. То есть строевой службы не нес.

Воевать Колчак начал на той же Балтике. В январе 1915 года руководил удачной 4-й Данцигской минно-заградительной операци-

ей. Восторгающиеся Колчаком обычно не замечают номера этой операции, а он ведь говорит нам о том, что до Колчака только у Данцига было сделано три крупные русские минные постановки, проведенные без руководства Колчака.

Да и не эти минные позиции были главными. Центральная (но — далеко не единственная) минная позиция была поставлена перед началом Первой мировой войны и в ее начале. Причем на одной этой позиции было вывалено в воды Балтийского моря 3285 мин. Расстояние между ними было примерно полсотни метров. Всего-то!

Так что командование Балтийского флота (тот же Эссен и его флаг-офицер) брали тут, может быть, и умением, но скорее — числом.

Поставить такую прорву мин в условиях мелкой и злой балтийской качки было, конечно, делом большого искусства и большим подвигом. Однако это был подвиг самых больших работяг войны — команд миноносцев и их командиров, каковым несколько месяцев побыл в Порт-Артуре и Колчак.

Что же до командиров этих командиров, то — не будучи профессионалом — выскажу все-таки предположение, что неким *уникальным* секретом организации минных позиций русские адмиралы, в том числе и Колчак, не обладали.

Знать ремесло — качество уже ценное и нечастое. Однако знание ремесла — лишь часть таланта, причем та часть, которая ни в год, ни в три не нарабатывается. Минный талант у Колчака, возможно, и был... А вот знание ремесла...

И, пожалуй, в минном деле адмирала надо скорее рассматривать как талантливую авантюриста (даром что он даже теоретические труды по минному делу писал).

28 июня 1916 года Колчак назначен командующим флотом Черного моря. Там он показал себя вроде бы умелым организатором именно минной войны, хотя... Хотя основные минные постановки (у одного Босфора — более двух тысяч мин!) были задуманы и подготовлены еще при его предшественнике вице-адмирале Эбергарде.

Андрей Густавович Эбергард был природным моряком, много плавал, хорошо знал и штабную работу, и в 1911 году, в пятьдесят пять лет, стал командующим морскими силами (с 1914 года — флотом) Черного моря. Уровень боевой готовности флота он обеспечил хороший, театр морских действий знал отлично, и на флоте его, думаю, уважали. Известный впоследствии писатель Константин Паустовский попал в военный Севастополь весной 1916 года, и его описание мимолетного знакомства с молодыми офицерами-черноморцами содержит краткое, но убедительное свидетельство на сей счет.

Перед войной Эбергард и его штаб разработали два варианта оперативного плана боевых действий флота. Резонно предусматривался как случай, когда инициатива окажется в руках противника, так и случай, когда активность будет за нами. Но Главный морской штаб оба варианта отверг, и Эбергарду всю свою боевую жизнь на посту комфлота пришлось вести в условиях связанных рук. Достаточно сказать, что Эбергард не имел права без разрешения высшего командования выходить далеко в море и даже вести разведку в южной части театра морских действий у берегов Турции (мол, не надо турков «дразнить»). Хотя и в этих условиях под руководством Андрея Густавовича русская эскадра дважды серьезно потрепала новейший германский линкор «Гебен», ходивший под формально турецким флагом и переименованный по этому случаю в «Султан Селим».

Чтобы дорисовать краткий портрет того, кому пришлось уступить «фарватер» Колчаку, скажу, что ушедший 13 декабря 1917 года в отставку Эбергард остался в Петрограде, был в 1918 году арестован ЧК, но вскоре освобожден и 19 апреля 1919 года, на шестьдесят четвертом году жизни, в Петрограде же скончался.

Потомок русских немцев, на русской земле...

Увы, о нем особо доброго слова нынешние «российские» «историки» не сказали. Возможно, как раз потому, что, в отличие от Колчака, Родине он служил честно и новой России пути заступать не стал. О Колчаке же пишут, как о сверхбоевом адмирале. Однако я

сомневаюсь в справедливости такой оценки уже потому, что боевому адмиралу народ и матросы прощают многое.

А вот Колчаку они не простили.

Глядя на его портреты, можно предполагать, конечно, и большую волю, и энергию. Однако, как показало будущее, их — то в самый громкий и решительный период своей жизни адмирал и не проявил. А ведь действительно сильный характер по-настоящему проявляет себя как раз в наиболее сложных обстоятельствах — если, конечно, у него есть в руках возможность воздействия на них.

В Гражданскую, в Сибири, Колчак ее имел! А не воспользовался.

Пока, впрочем, он еще на Черном море 1916 года... Серьезной морской войны там не было (как, к слову, и на Балтике, где весьма слабые германские морские силы были ненамного сильнее, чем на Черном море).

Это я все к тому, что по мировым (не по российским) меркам Колчак вряд ли мог считаться неким гением минной войны, десантных операций, противолодочной борьбы. Опыт у него был, но не такой, который выдвигал бы его среди морских офицеров союзников на выдающиеся позиции выдающегося эксперта.

И я прошу читателя этот мой вывод запомнить.

После революции Колчак с матросами не поладил и 6 июня 1917 года решением Севастопольского Совета от должности был отрешен. Нынешние его биографы этот конфликт изображают в тонах, для Колчака лестных. А эмигрантские историки в шестидесятые годы прошлого века в журнале «Военная быль» расписывали трогательную (напрочь, впрочем, опровергаемую рассказом самого адмирала) историю о выброшенном в море кортике (в некоторых вариантах — сабле), который устыдившиеся-де матросы якобы достали со дна моря и вернули владельцу, признавая его власть и величие... Я, впрочем, более доверяю тому не историческому, а житейскому факту, что многие дворняжки на Корабельной стороне в Севастополе имели в начале 20-х годов звучную кличку Колчак.

Да, собственно, если знакомиться с описанием событий самим Колчаком, то видно, что он скорее воспользовался удобным поводом и отказался от командования флотом сам или спровоцировал свое «отрешение» от должности (для кадрового офицера, вообще-то, неправомочное, поскольку «отрешать» его могло лишь высшее руководство).

Ссылаются, правда, его биографы и на прямой приказ Временного правительства сдать флот и убыть в Питер. Но на деле (как показывал адмирал на следствии) Керенский просто согласился на ту отставку Колчака, которую он взял, ни у кого не спросив, самовольно.

Если знать его последующую жизнь, то можно предположить, что уход Колчака с флота был частью умно и скрытно задуманного *очень многими* внутри и вне России плана по развороту взбужденной революцией страны в сторону военно-буржуазной диктатуры.

Колчак нужен был в центре событий, в Питере. Он в центр и отправился. Если, конечно, его туда тайно не вызвали.

Да и отправился он не сам (скоро я скажу — с кем). И то, как и с кем он уехал в столицу, подозрения относительно адмирала лишь усиливает.

Читавший о Колчаке читатель может предположить, что у автора очень уж разгулялась фантазия, однако я тут не так уж и на пустом месте выдумываю. Уже следующая деталь-странность в биографии адмирала вполне дает основания для предположения о том, что отставка его и перемещение в столицу именно замышлялись — и им, и его столичными доброжелателями.

Считается, что Колчака назначили командующим Черноморским флотом вместо адмирала Эбергарда потому, что Эбергард-де не смог парализовать «дерзкие действия немецких кораблей». Хотя флот и под командой Эбергарда воевал не так уж и плохо и, к слову, в начале марта 1916 года удачно высадил десант на Анатолийском побережье Турции. Но это были операции во взаимодействии с армией и в ее поддержку.

Чисто морская же «пассивность» Эбергарда объяснялась тем, что Верховное главнокомандование — напоминаю — лишило его права на дальние выходы в море. Колчак такое право почему-то сразу получил и отправился под Босфор — делать там те новые минные постановки, которые Эбергард задумывал, но осуществлять не мог из-за связанных свыше рук.

Сам Колчак объяснял свое назначение тем, что, мол, в Ставке считали, что он лучше, чем кто-либо, сможет провести Босфорскую десантную операцию, намечаемую на весну 1917 года. С чего вдруг у балтийца Колчака возникла подобная репутация — непонятно. Наиболее серьезные десанты к тому времени были произведены на Черном море — как раз у Эбергарда.

В своих воспоминаниях бывший морской министр Григорович приписывает инициативу назначения Колчака себе. «Я видел, — сообщал Григорович, — что Государь не очень доволен такою моею просьбою, но, к моему удивлению, он легко согласился...»

Конечно, Григорович Колчака знал ранее по Главному морскому штабу, но министр был хорошо знаком и с той верхушкой кадетов, которая в 1916 году уже всю готовила государственный переворот. А столичные военно-промышленные круги, связанные с кадетами, не могли не знать Колчака по программе строительства «измаилов»... Так что министру кандидатуру адмирала могли и подсказать.

Но откуда уступчивость Николая?

И вот тут на страницах этого повествования появляется бравая фигура полковника «Интеллидженс сервис» Самуэля Хора (бывший начальник секретной охраны царя Александр Спиридович называет его «Хоаром»). Уже тогда Хор был членом палаты общин, позднее стал министром иностранных дел и в английской политике след оставил значительный. А в начале 1916 года он прибыл в Питер во главе английской военно-разведывательной миссии с особыми полномочиями, как официальными, так и — не очень...

К Хору прислушивался английский посол Бьюкенен.

Хор (неплохо освоивший русский язык) был хорошо принят в Военно-промышленном комитете (ВПК) — «штабе» деловых «россиянских» людей.

Хор был хорош и с кадетами, с англофилом Милюковым.

И, к слову, Хор был соучеником по Кэмбриджу князя Феликса Юсупова — одного из убийц Распутина.

Ситуацию он оценивал весьма трезво и понимал, что самодержавие само ведет себя к краху. Но и в Государственную думу, как «конституционную» замену царю, он верил не очень-то.

Хор верил в решительных людей, но таких решительных людей, которые были бы также вполне джентльменами в том отношении, что были бы еще и англофилами. Ибо что же это за джентльмен, если он не любит владычицу морей и родину джентльменства Британию?

Между прочим, говоря об английских разведчиках в России в 1917 году, надо бы отметить такой малоизвестный факт, как причастность к событиям известного английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма, автора «Бремени страстей человеческих»... После начала Первой мировой войны Моэм работал в разведке, год был в Швейцарии, а потом его направили в Россию с секретной антибольшевистской миссией. И уже в 1938 году в книге «Подводя итоги» он признавался: *«Я не прошу мне верить, что, если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом».*

Не знаю, как Сомерсет Моэм, а Самуэль Хор имел влияние на Бьюкенена. Бьюкенен же был прочно вхож к Николаю. И вот — как признавался впоследствии сам Хор-Хоар — он-то совместно с британским послом и нажал на императора, настаивая на назначении Колчака командующим Черноморским флотом. Почему-то об этом не написал ни один биограф Колчака, а ведь факт-то этот — просто-таки разоблачителен! С чего это вдруг Хору так настойчиво (на высшем уровне!) вздумалось обеспечивать быструю карьеру какому-то рядовому русскому адмиралу? Он его и знать-то лично не знал!

И, конечно же, Колчака Хору рекомендовали его «военно-промышленные» друзья. Во всяком случае, лично я другого объяснения не вижу (если не предполагать прямую вербовку адмирала).

А вот эти-то друзья, похоже, заранее — еще до подготавливаемой ими Февральской революции — рассматривали адмирала как одну из фигур возможной будущей буржуазной диктатуры.

После Февраля 1917 года их интерес к Колчаку мог лишь возрасти. Хотя они и ошибались...

ЧТОБЫ доказать это, уважаемый читатель, я, пожалуй, именно здесь познакомлю тебя с несколькими характеристиками Колчака, данными людьми, его знавшими хорошо и — что самое существенное — знавшими деловым образом.

Эти характеристики даны настолько разными людьми (и в настолько разные времена), но при этом настолько схожи, что убедительно доказывают ошибочность расчетов тех, кто так или иначе «ставил» на Колчака как на политическую фигуру.

Даром что на штатских кадетских «штафирок» Колчак безусловно производил сильное впечатление. Он выглядел волевым человеком, да и мог ли кто-либо считать иначе при его суровом популярном прошлом?

Но был ли он таким в действительности? Вот что писал в своем рапорте морскому министру сослуживец Колчака А.А. Сакович: *«Колчак слишком впечатлителен и нервен, оттого, что он совершенно не знает людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснованна и почти всегда всем крайне неприятна».*

Александр Константинович Клафтон, возглавлявший у Колчака в Сибири Русское печатное бюро, видный кадет, газетный редактор, знал Колчака уже как «Верховного правителя», и вот как аттестует его он. *«Мне, как и другим, казалось, что в лице Колчака мы имеем*

честного национального вождя и патриота, вокруг которого группируются демократические элементы. Мы видели, что у этого правительства нет программы, что оно не имеет власти, что оно не может быть сильным... Но тогда еще не было ясно, что мы не имеем диктатора Колчака, а имеем игрушку в руках целого ряда атаманов, с одной стороны, и с другой стороны — Ставки и военщины... Здесь не создалось ничего, а развился тот букет жестокостей и ужасов, который является признаком бессилия».

Военный министр Колчака барон Будберг о Колчаке сказал лестного, естественно, немало. Но сказал он о нем и так: *«Он избалован успехами и очень чувствителен к неудачам и неприятностям... Вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жадной личного труда, не понимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться...»*

Будберг считал своего «Верховного» неврастеником и человеком, не обладающим собственной волей.

Колчаковский генерал Сахаров, напротив, пишет о волевом характере, но тут же иллюстрирует свою оценку следующими словами: *«Александр Васильевич... был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро»...*

Да, воля тут просматривается прямо-таки «железная», нечего сказать! Особенно если помнить, что речь идет о профессиональном военном, да еще и о моряке.

Леонид Иванович Шумиловский до того, как стать у Колчака министром труда, прожил сорок три года, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, преподавал в Барнаульской женской гимназии, был членом ЦК меньшевистской партии... В 1921 году, на процессе над колчаковскими министрами, он показывал: *«Я считал, что адмирал Колчак, как сильная личность, сможет сдержать военную среду и предохранить государство от тех потрясений, которые неизбежно грозили справа... Популярность в демократических странах — Америке, Англии (замечу, что если она и была, то не в силу заслуг адмирала, а в силу*

его рекламы теми, кто на него рассчитывал. — С.К.), умение поставить себя в военной среде... и заставили меня подать голос за него... Я потом пришел к убеждению, что он плохой Верховный правитель. Но я считал его безукоризненно честным человеком...»

Насчет честности — это как сказать. Колчак, конечно, вором не был. Но вот нехорошо лукавить ему приходилось не раз и — по-крупному. И актерствовать он умел. И, похоже, играл талантливо и настолько сам увлекался своей игрой, что заставлял верить в себя и других.

Но — до поры до времени...

ЕЩЕ В ТО ВРЕМЯ, когда Колчак был на Черном море, а царь Николай — на троне, в Петрограде в январе 1917 года началась межсоюзническая конференция. Были там англичане, французы, итальянцы... Были — куда деваться? — и русские.

Полковник Хор обозвал конференцию «Ноевым ковчегом». Он считал: «Ни народ, ни правительство, ни император не хотели приезда союзной миссии... этой большой компании политиканов, военных и экспертов... Это было назойливостью в час испытаний их Родины...»

Конечно, это было и назойливостью. Еще бы! Ведь Россия была накануне той Февральской революции, которую готовили не матрос Железняк и большевики-ленинцы, а промышленники и кадеты.

Как ни смотри, а союзники приехали не вовремя...

Впрочем — кто как... Потому что, если отставить в сторону теряющих значение и вес французов и итальянцев, то надо сказать, что англичане преследовали в Питере вполне определенные цели и были уверены, что поспели в Россию в самый раз...

Дело в том, что английскую делегацию возглавлял лорд Альфред Мильнер, и вот как оценил суть его миссии ирландский политик Гинелл: «Наши лидеры... послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице». Гинелл был еще в гневе от жестокой расправы лондонских лидеров с неудачным (его ведь мильнеры не поддер-

живали, а подавляли) Ирландским национальным восстанием. Поэтому он был вполне откровенен, и верить ему мы тут просто обязаны.

Но если все обстояло так, то Хор, Бьюкенен, кадеты, Мильнер, Милюков, ВПК и многое другое было частицами одной и той же политической мозаики. И похоже на то, что был «вмонтирован» в эту мозаику и Колчак. И еще до Февральской революции.

Колчак был связан с кадетской Думой, с промышленниками... И вряд ли было просто делом случая то, что Колчак на посту комфлота поддержал «керенщину» с ее первых дней, а в конце мая 1917 года — как сообщают источники и он сам — познакомился в Одессе с А.Ф. Керенским лично.

Я не исключаю, что два Александра тогда и впрямь познакомились, как не исключаю и того, что они лишь *возобновили* еще дореволюционное знакомство. Мест, где их могли познакомить, в Петербурге–Петрограде хватало... Так или иначе, но на обратном переходе в Севастополь, имея Александра Федоровича Керенского на борту флагманского миноносца, Александр Васильевич Колчак провел в беседе с ним всю ночь.

О чем они там говорили, Колчак поведал нам скупое (а Керенский вообще умолчал), но точно они много спорили о сути дисциплины. И Керенский не мог не запомнить жесткой позиции адмирала. Впрочем, если бы он о Колчаке и забыл, нашлось бы кому и подсказать — тому же Самуэлю Хору.

Пролетали быстрые дни и ночи первого революционного лета... И в белые ночи бродил по Питеру приехавший туда с Черного моря будущий белый «Верховный правитель».

А 17 июня 1917 года бывший соратник барона Толля, бывший командующий Черноморским флотом, законный муж Софьи Федоровны Колчак — вице-адмирал Колчак писал своей любимой женщине Анне Тимиревой письмо...

Тоже замужняя, Тимирева была дочерью известного русского пианиста и дирижера Василия Сафонова и познакомилась с Колча-

ком в начале 1915 года. И вот теперь именно ей адмирал писал: *«Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае необходимости, голову и жизнь в придачу...»*

Для Родины наступил час испытаний — это понимал даже Хор, чужак. А якобы патриот Колчак в этот час решает пойти в наемники «чужой страны».

Странно...

«Чужой страной» были Соединенные Штаты.

Как же так это получилось?

И почему?

И было ли это правдой?

Кое-что для того, чтобы строить догадки, мы уже знаем, но еще **больше** нам с тобой, уважаемый читатель, предстоит **узнать...**

О ВОЗМОЖНОЙ предыстории дореволюционных связей Колчака с эмиссарами Золотой Элиты мира теперь можно лишь гадать (хотя протекция Хора говорит сама за себя). Видимая же (то есть достоверно известная) «американская» послереволюционная линия в судьбе Колчака возникла вот как...

Почти все источники в полном согласии друг с другом сообщают, что 7 июня 1917 года Колчак познакомился в Севастополе с 60-летним американским контр-адмиралом Джеймсом Гарольдом Гленноном, который с группой морских офицеров приехал на Черное море якобы для того, чтобы под руководством Колчака изучить у него постановку минного дела и методы борьбы с подводными лодками.

Замечу, что на Черном море в разное время войны действовало не более десятка германских лодок (а за одну только кампанию 1916 года германский флот получил 95 новых лодок, задействованных в основном против англичан). Так что на Черное ли море надо было ехать заокеанским англосаксам за опытом противолодочной войны?

Так или иначе, Гленнон в Севастополь приехал. Однако Колчак

только что командование флотом сдал (точнее — флот бросил). Вообще-то, кроме Колчака были на флоте и другие офицеры с немалым уже боевым минным опытом, но миссия Гленнона почему-то интерес к Черноморскому флоту без Колчака сразу же утратила. И, толком даже не искупавшись в Черном море, янки в тот же вечер укатили обратно в Питер.

Но — не одни.

В одном вагоне с ними ехал и Колчак.

Когда для Колчака уже все было кончено и он давал в Иркутске показания Чрезвычайной следственной комиссии, он утверждал, что из-за расстроенных-де чувств с Гленноном в Севастополе не встречался и ехал с ним всего лишь «в одном поезде» ..

Эта его ложь (а это — ложь) очень красноречива! Ну какая разница — когда и как состоялся первый контакт адмирала с американцами, если сам факт его последующего тесного сотрудничества с ними сразу же по приезде в Питер 1917 года был в реальном масштабе времени известен многим в русских правительственных и политических кругах?

И что страшного было бы в признании, что да — ехал вместе и беседовал не раз? Чего бы это двум союзным адмиралам да и не скоротать путь с юга на север в приятной беседе?

Ан нет! Колчак в этой «мелочи» почему-то юлил и темнил. И, повторяю, лгал. Во-первых, ехал он с американцами не просто в одном поезде, а именно в одном вагоне. И не просто ехал, а и разговоры вел, свидетелем чему был переводчик — лейтенант Дмитрий Федоров.

Во-вторых, если бы у Колчака 7 июня не было какого-то разговора с Гленноном, то вряд ли американцы уехали бы с Черноморского флота в тот же день. Ведь о минном деле им мог рассказать не один лишь Колчак, да и летний Севастополь настолько неповторимо хорош, что уж на пару деньков там можно было и задержаться.

Благо повод был.

Ну, и в-третьих, просто быть такого не могло, чтобы за несколько суток пути Гленнон, не добравшись до Колчака в Севастополе, не

попытался с Колчаком познакомиться в пути, а Колчак ему безосновательно отказал. Это было бы уж верхом невежливости!

Тем не менее Колчак упорно отрицал знакомство с Гленном до Питера. Выходит — было отчего?

Нет, не за минным опытом приезжал Гленнон, а за Колчаком. И явно еще до их совместного прибытия в русскую столицу два адмирала познакомились. Однако зачем Колчак так потребовался Гленнону? Ведь не был же, конечно, Александр Васильевич настолько всемирно знаменит, чтобы о нем знали в Штатах.

Я еще к этому вопросу вернусь. Но напомним, что если за океаном адмирала не знали, то его политический облик был зато неплохо известен в Петрограде. И известен как раз тем российским «верхам», которым все более «красный» ход русской революции ничего хорошего не сулил. Да и Антанте, и Золотой Элите от надвигающейся большевистской, идущей на смену состоявшейся кадетской, революции ожидать приятности не приходилось.

Российские буржуазные круги не могли не поглядывать с надеждой на круги антантовские... Вспомним того же члена палаты общин Самуила-Самуэля Хора. Он сидел в Питере давно и деловые знакомства имел не только в до-, но и в послефевральских элитных кругах... И мало можно сомневаться, что или сам Хор, или его русские знакомцы (может, с подачи того же Керенского или военного министра Гучкова) вывели американцев на Колчака.

Причем — в целях вовсе не военно-морских.

В ИРКУТСКИХ своих показаниях Колчак упорно стоял на том, что от политики был всегда далек. Но вряд ли это было так на самом деле даже во времена до революции... А уж после революции это было абсолютно не так! И почему-то, уважаемый мой читатель, от *анализа* историков ускользнуло немало занятных фактов, имеющих то или иное касательство к будущему «Верховному правителю». Приводить их — приводили. А вот осмыслить...

Часть таких — внешне «несуразных» — фактов я уже привел.

Но есть в истории Колчака и другие «несуразности». Ну, вот одна из них...

Забегая немного вперед, я сообщу, что адмирал, приехав в Питер в начале июня 1917 года, почти сразу же — после прошедших там переговоров с контр-адмиралом Гленноном — согласился поехать в Америку как консультант. Об известной лишь с его слов сути этих «консультаций» будет сказано отдельно. А пока лишь замечу, что Керенский на отъезд адмирала соглашался...

Тимиреву Колчак известил.

Так за чем дело стало?

Вперед!

Колчак же почему-то задерживается и... возглавляет военный отдел антибольшевистского «Республиканского национального центра», который с мая 1917 года исподволь начал готовить военный переворот.

Центр был образован под эгидой мощного Сибирского банка не столько военными, сколько контрреволюционно настроенными... инженерами и дельцами. Но после того как командующий Петроградским военным округом Лавр Корнилов стал Верховным главнокомандующим, руководство этим «инженерско-бизнесменским» центром перешло к нему.

Спрашивается, почему по приезде Колчака в столицу не кому-то, а именно ему комитет центра предложил руководство военным отделом РНЦ? Собственно, источники обычно называют в качестве такового полковника Леона Дюсимитьера. Но Дюсимитьер был начальником военного отдела и координатором путча уже на заключительных этапах подготовки, после того, как Колчак (скажу это, забегая опять-таки вперед) из Питера отбыл. А вот когда он туда из Крыма прибыл, «инженеры» обратились к адмиралу. А Дюсимитьер Колчака лишь сменил.

Генерал Деникин в своих «Очерках русской смуты» посвятил «Республиканскому центру» несколько страниц. И он сообщал, что деньги этому центру давала крупная буржуазия, при этом «лично представители этой банковской и торгово-промышленной знати

стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи»:

Однако кое-кого можно и назвать по именам. Скажем, знаменитый Павел Рябушинский... После окончания Московского государственного совещания 8—10 августа 1917 года, где ожидалась, но так и не произошла передача власти генералу Корнилову, он заявил в своем ближайшем окружении: «Что отложено, то не отброшено».

Деникин пишет: *«Отсутствие партийной нетерпимости (н-да! — С.К.), деловая программа и в особенности известные средства дали возможность «Респ. центру» объединить много мелких, главным образом военных петроградских организаций. Они вошли в состав военной секции «Респ. центра» в лице своих представителей, причем далеко не все члены их знали, кто их возглавляет. Таким путем, к концу августа активных участников военной секции числилось до 4 тысяч человек. Сколько их было в действительности, вероятно, никто не знал».*

И это были не питерские дворники, а поручики и полковники со свежим фронтовым опытом.

Итак, Колчак — во главе военотдела РНЦ. Тоже странно! Почему Колчак? Почему адмирал? Ведь в Петрограде недостатка в недовольных ходом событий «сухопутных» генералах с боевым опытом не ощущалось. Позже, на допросах, Колчак скромно сообщил, что «был на нескольких заседаниях Национального центра», но скромно умолчал, в качестве кого и на скольких точно.

Однако понятно, что жесткая личность англоязычного адмирала привлекала тех, кто проектировал переворот именно жесткостью. А весьма молодые сорокасемилетний генерал Корнилов и сорокатрехлетний адмирал Колчак смотрелись отличной диктаторской «связкой»!

Опять же Деникин свидетельствует: *«Страна искала имя... Многими организациями делались определенные предложения адмиралу Колчаку во время пребывания его в Петрограде. В частности, «Республиканский центр» находился в то время в сношениях с адмиралом, который принципиально не отказывался от возможности*

стать во главе движения. По словам Новосильцева, которому об этом говорил лично адмирал, доверительные разговоры на эту тему вел с ним и лидер кадетской партии...»

Итак, «аполитичный» Колчак соглашается участвовать в контрреволюции. И обстоятельства его приобщения к хитрым «инженерско-рябушинским» делам позволяют уже более уверенно предполагать, что от флота Колчак отказался не с бухты-баракты, а для того, чтобы иметь возможность переместиться в столицу, не возбуждая ничьих подозрений.

Колчак остается в столице, хотя вроде бы намерен ехать в Америку как простой наемник-кондотьер — якобы для секретной подготовки Дарданелльской операции союзников. Секретной настолько, что янки сообщают ему (все — со слов одного лишь Колчака), что будут ходатайствовать о его отправке в США как инструктора-минера, о Дарданеллах ничего не говоря.

Сговариваться с кем-то, пусть и с представителями союзника, за спиной собственного правительства для флотоводца — линия поведения не самая честная и патриотичная. Но во всей этой «дарданельщине» странным выглядит само привлечение адмирала к якобы подготовке операций американского флота в зоне Дарданелл. (Порой биографы адмирала приплетают сюда и некую мифическую Босфорскую операцию, замышлявшуюся Штатами. Однако как можно пройти со стороны Средиземного моря в район Босфора, не завоевав Дарданеллы, пусть эти биографы и объясняют.)

Да, очень странно выглядел Колчак как эксперт по Дарданеллам. Дело ведь и в том, уважаемый читатель, что в течение 1915 года англичане и французы уже развивали там бешеную активность. Причем захватом Дарданелл и Босфора они имели в виду лишить союзную им Россию права претендовать на те проливы, мечтая о которых Россия и втянулась в мировую войну. Кровопролитная Дарданелльская операция провалилась, но опыта там англо-французы набрались через край. Не Колчаку с ними тут было равняться!

А чего стоил «русский патриотизм» русского моряка, готового содействовать англосаксам в противодействии «проливным» чаяниям России?

Да и о каких серьезных дарданелльских планах США могла идти речь, если их флот до европейского театра морских действий так и не добрался, а янки-армейцы отнюдь не рвались повторить кровавое фиаско англо-французов, потерявших там 266 тысяч человек!

Да и на кой черт Америке эти проливы сдались, чтобы проливать за них и за интересы англичан «стопроцентно» американскую кровь?

И вот в такую «причину» «приглашения» Колчака американцами историки верят по сей день, не дав себе труда хоть немного над ней призадуматься. А ведь странно, очень странно объяснял свой отъезд в Штаты адмирал Колчак!

Еще более странным все это выглядит в свете того, что в подготовляемом военном перевороте с целью установления военной диктатуры Корнилова «рвавшему с Россией» Колчаку отводилась одна из главных ролей, о чем он, естественно, хорошо знал.

Впрочем, «военная диктатура» — это так лишь говорилось. Председателем Совета Министров и Верховным Главнокомандующим предполагался — генерал Корнилов. Однако его замом корниловцы видели Керенского (и сам Керенский видел свое будущее место в «корниловской» политической иерархии именно таким). А намечаемый состав министров был гражданским. Даже военным и морским министром должен был стать штатский — Борис Савинков.

Уже в эмиграции Зинаида Гиппиус, более известная как поэтесса и менее — как амбициозная «политикесса» писала: *«Знаменитое К-С-К., т. е. «Керенский, Савинков и Корнилов»... Именно эти буквы чертил в присутствии Савинкова на бумаге Керенский, испещряя ими лист...»*

С Савинковым и Керенским Гиппиус и ее муж Мережковский были связаны и личным знакомством, и политически, поэтому почти пятидесятилетняя тогда Зинаида Николаевна не с чужих слов, а со слов самого Савинкова записывала: *«Для меня эти оба (Корнилов и Керенский. — С.К.) сливаются в одно. Нет первого и второго места. Неразделимы... Я представляю себе, что Корнилов не захо-*

чет быть с Керенским, захочет один спасать Россию... Я, конечно, не останусь с Корниловым. Я в него, без Керенского, не верю...»

События готовились совместно. И за Колчаком резервировали место управляющего морским министерством, причем — безальтернативно.

И вот вдруг от всех этих перспектив он намерен уехать за океан. И по старому стилю 27 июля 1917 года действительно уезжает с «русской морской комиссией». И официально уезжает именно как специалист-минер. И как он сам всех уверяет — в США.

Деникин об этом пишет так: *«Вскоре, однако, адмирал Колчак по невыясненным причинам (выделение мое. — С.К.) покинул Петроград, уехал в Америку и временно устранился от политической деятельности».*

Удивительно, но и в эту дешевую сказочку верили и верят все историки и так убежденно ее всем рассказывают, что долгое время в нее верил и я...

Хотя поразмышляем—ка мы вместе, уважаемый мой читатель!

ВСЕГО ЛИШЬ весной 1917 года — 6 апреля — Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты. Правда, на самом-то деле США вступали в войну на *своей* стороне, потому что мировая война и была задумана для возвышения США.

Европейцы уже измордовали друг друга до полусмерти, и наступал час янки. Однако ситуация перед вступлением Америки в войну складывалась для нее и Антанты непросто...

Немцы оказывали упорное сопротивление и даже могли победить.

Царская Россия была на грани сепаратного мира.

Япония тоже грозила пойти с немцами на сепаратный мир и тем положение США осложнить дополнительно.

Чтобы облегчить военный дебют янки и встряхнуть Россию, «верхи» Антанты решили заменить неудалого царя-самодержца на царя конституционного или даже на буржуазную Российскую рес-

публику. И нашли в том понимание у буржуазных «верхов» России и части генералитета.

«Технику» дела со стороны Антанты взял на себя коварный Альбион (Хор, Бьюкенен, Мильнер и пр.).

Николай отрекся.

Брат его Михаил корону не взял.

И началась «панاما» Временного правительства, провозгласившего войну «до победного конца».

А США официально объявили войну Германии.

Но тут на запланированный «верхами» ход русской революции начали незапланированно влиять русские массы и большевики.

Массам война — им абсолютно чуждая — осточертела.

А большевики призывали к миру.

Надо было что-то делать... И в России, и в Англии, и в США, конечно же, задумывались — чьими руками?

«Временные» болтуны сильной властью уже не представлялись. А Россия тем временем шла «в разнос».

Идея жесткой диктатуры носилась в воздухе. Диктатуры как красной, так и белой...

И я просто уверен, что отнюдь не случайно в начале мая 1917 года в Питере начали свою «национальную» деятельность инженеры, а уже в начале июня адмирал Гленнон едет в Севастополь... «Учеба» у мастера-минера Колчака тут была явным прикрытием. Есть, есть все основания предполагать, что все обстояло именно так!

Ну, подумаем, так ли уж при всем своем мастерстве Колчак был уникален по сравнению с английскими моряками? Они же за три года активной морской войны съели, что называется, собаку и в минных постановках, и в подводной войне. И своим опытом с американскими коллегами они делились охотно.

У черноморцев при Колчаке был ряд удач — на минах подорвались три германские подлодки, а англичане в противолодочной борьбе в зоне Дарданелл были менее удачливы. Но достоверно об этом стало известно позже — после войны! Выходит, и с этой точки зрения Колчак не мог видаться американцам непререкаемым авторитетом. Другое дело, что Колчак был одной из удачных кандида-

тур на вхождение в верхушку проантантовской и проамериканской милитаризованной контрреволюции.

Американцы — у меня лично тут сомнений сейчас нет — контролировали как «корниловскую», так и «керенскую» ее ветви (Савинков при всех своих амбициях был фигурой второго сорта — «боевиком»). Однако служака Корнилов и эсер Керенский у буржуазной элиты своими не были.

Колчак же...

Ну, о неизбежности пересечения пути популярного полярника, чина Главного морского штаба, эксперта Думы, разработчика судостроительных программ и путей буржуазных состоятельных политиков я уже говорил. Колчак был известен им, Милюкову, Гучкову...

Что это был за круг в психологическом плане? Вот, скажем, брат крупнейшего промышленника, председателя Московского военно-промышленного комитета, банкира Павла Павловича Рябушинского и сам крупный промышленник Владимир Павлович Рябушинский беседует с поэтом Валерием Брюсовым, о чем последний в дневнике пишет так: *«Познакомился с Рябушинским. Убежденный «буржуазист». Все сделают буржуа. Пролетарии — должны быть рабами. Если кто мятежничает — убивать. Крестьяне жгут усадьбы? Перестреляйте тех, которые нападают, и сожгите сами, а не с помощью казаков, десять деревень кругом. И мужики поймут, что у вас есть право на землю. Гучков для В.П. — гений».*

А кто же это — Александр Иванович Гучков? А вот кто: сын купца-старообрядца, окончил курс историко-филологического факультета университета, банкир, лидер партии правых либералов-«октябристов» (Рябушинский-старший входил там в ЦК). С 1915 года — председатель Центрального военно-промышленного комитета, а в 1917 году — военный министр у Керенского.

Позднее Гучков будет жить в эмиграции в Париже, видимым образом с Америкой не связанный (в Гражданскую он более «курировал» «французских» Деникина и Врангеля). Похоже, что янки в нем тогда уже разочаровались, но в 1917 году в среде послепевральской элиты он им должен был импонировать своими нероссийскими энергией и авантюризмом. Тридцати восьмью лет этот филолог

воюет с англичанами на стороне буров, потом — с турками за свободу македонцев, потом — на Русско-японской войне, а в 1912 году он участвует в 1-й Балканской войне, опять против турок на стороне южных славян.

Такие «живчики» янки нравились...

Первый проект «либерального «ответственного министерства народного доверия» был составлен еще летом 1915 года в петроградской квартире Павла Рябушинского. И это был, по сути, набросок состава первого Временного правительства 1917 года, потому что уже в «рябушинском» кабинете были будущие «временные» министры Милюков, Гучков, Некрасов с Коноваловым, Львов...

Вот таким был тот круг, к которому был близок и Колчак. И этот круг — вкупе с Гучковым, с обоими Рябушинскими — исподволь готовил то выступление Корнилова, в случае успеха которого вознесся бы высоко и Колчак.

То, что автор ничего здесь не примысливает, подтверждает генерал Деникин: *«Как же определялась политическая физиономия новой власти (после корниловского переворота. — С.К.)? За отсутствием политической программы (н-да. — С.К.) мы можем судить только по косвенным данным: в составленном предположительном списке министров... упоминались Керенский, Савинков, Аргунов, Плеханов («первый русский марксист». — С.К.) ...генерал Алексеев, адмирал Колчак, Тахтамышев, Третьяков, Покровский, гр. Игнатьев (не будущий советский генерал. — С.К.), кн. Львов... К 29 августа были приглашены в Ставку на совещание по вопросу о конструкции власти Родзянко, кн. Львов, Милюков, В. Маклаков, Рябушинский, Н. Львов, Сироткин, Третьяков, Тесленко и др.»*

В успех Корнилова верили... Но, вообще-то, после этого можно было бы Корнилова с Керенским и оттереть (а то и убрать) и выдвинуть вперед адмирала. Он в качестве ширмы для Рябушинских был бы и ближе, и понятнее, и надежнее. А для либеральной массы — поновее. А при этом устраивал бы и Антанту (то есть — Америку) А при этом слыл человеком жестким.

Так что Гленнон был отправлен в Севастополь явно на «смотрины».

Кем? А это я чуть позже уважаемому читателю сообщу...

Может быть, приезд Гленнона и действительно совпал с отставкой Колчака, а может, он «совпал» с ней в кавычках, и отставка была, повторяю, заранее предусмотрена. Во втором случае становится понятным, почему адмиралы сразу же вместе и уехали.

Читатель может мне возразить, что Колчак мог бы взять «самоотставку» и без приезда американцев — стоило ли им из-за одного дня киселя хлебать через всю Россию. Но, не выказав публичный интерес к Колчаку как к суперминеру, сложно было бы внятно объяснить и его последующее «приглашение в США». Сыны-то дяди Сэма были простодушными лишь для простодушных и выстраивать «прикрытие» умели. Потому что — скажу это, вновь забегая вперед, — по моему мнению, и «приглашение в США» было лишь дымовой завесой над подлинной ролью и миссией адмирала.

Итак, не будет очень смелым предположить, что Гленнон вез Колчака на «смотрины». Вскоре по проезде в Питере эти «смотрины» и состоялись.

Где?

В Зимнем дворце.

Но — не у Керенского.

Ведь там, в Зимнем, в то время пребывал не только российский премьер, а и та американская миссия Элиху Рута, в которой Гленнон был главой морской группы.

ЭТУ МИССИЮ почему-то часто называют «военной», хотя в состав особой миссии в Россию входили представители не только военного и военно-морского ведомств, но и бизнесмены, и даже профсоюзный деятель — социалист-рenegат Эдвард Рассел.

Значение миссии Рута было подчеркнуто тем, что ее глава — при живом после США в России Фрэнсисе — имел ранг чрезвычайного посла, а восемь членов миссии — ранги чрезвычайных посланников.

И... И фигура Элиху Рута нам с тобой, уважаемый читатель, уже

на страницах этой книги попадалась, и я просил тебя его имя запомнить...

Да-да, это был тот самый Рут, который в 1908 году в качестве государственного секретаря США заключил с Японией соглашение Рута—Такахиры. Любовью к России он, надо сказать, не отличался (что, собственно, для элиты США было нормой). В 1917 году Руту было 72 года (прожил он девяносто два), и именно он был удостоен Золотой Элитой чести провести инспекцию России на предмет ее готовности продолжать войну. Опыта у Рута хватало, он зубы на внешней политике проел и сам называл себя «закаленным старым служакой».

О миссии Рута, уважаемый читатель (как и о миссии Самуэля Хора, о миссии лорда Мильнера), у нас знают мало. И до удивления мало внимания им уделили историки. А ведь эти миссии — одни из «ключей» к пониманию как истории Первой мировой войны, так и вообще новейшей мировой истории. Тем более что миссия Рута была не просто дотошной инспекцией, а знаменовала собой новый этап мировой войны.

Америка уже прямо брала верховное руководство войной на себя — как залог своего будущего верховного руководства миром после войны. И Элиху Рут приехал для того, чтобы оценить российскую ситуацию, а также сообщить в Петрограде — *кому надо*, что роль главного кредитора России переходит от Англии к США.

Думаю, что не последней задачей Рута была также подготовка таких запасных вариантов российской власти, которые были бы удобными для США. Надо было найти и обсудить пути ее установления, найти и обсудить кандидатуры доверенных лиц Антанты и США в этой власти.

Американская журналистка Бесси Битти многое увидела в русской революции во время русской революции. И написала об увиденном знаменитую книгу «Красное сердце России». Написала она там и о миссии Рута, которую Битти наблюдала с первых же минут прибытия миссии (Бесси была среди встречающих бывший царский поезд, на котором приехал в Питер Рут и который американка виде-

ла в последний раз тогда, когда на этом поезде царскую семью увозили в ссылку).

Миссию и принимали по-царски, и поселили по-царски — в Зимнем дворце, где каждое утро Битти и другие иностранные корреспонденты виделись с Рут на пресс-конференциях. Удивительные это были встречи, потому что на них Рут и репортеры поменялись местами: Рут молчал, а журналисты рассказывали ему о том, что удалось им узнать. Но основную информацию Рут получал, конечно же, не от них.

«Время от времени, — сообщает нам Битти, — из Петрограда выезжали специальные миссии, чтобы на месте выяснить некоторые детали сложной ситуации. Армейские специалисты отправились на фронт, морские изучали причины неповиновения Черноморского флота, банкиры взялись за изучение степени истощенности русской казны, а верующие поехали в Москву, чтобы ознакомиться с будущим положением русской церкви».

Как видим, о поездке Гленнона Битти знала. Однако о Колчаке не написала, и вот тут ничего странного нет. Ей, умеющей профессионально осведомляться о том, что обычно стараются скрыть, вполне могли намеренно подсунуть ту версию поездки Гленнона, о которой она потом всему миру и сообщила. Во всяком случае, тот факт, что Гленнон все «причины неповиновения Черноморского флота» изучил за один день и отбыл с Колчаком, наводит на мысль о том, что Битти специально подсунули «дезу»...

Вернемся, впрочем, к миссии Рута. Она прибыла во Владивосток 3 июня 1917 года, а в Петрограде появилась 13 июня. То есть — через 10 дней. Обрато она отбыла 9 июля. И уже 21 июля (то есть — через двенадцать дней) отплыла из того же Владивостока в Штаты.

И этот маршрут, а также продолжительность поездок по нему я прошу читателя тоже запомнить.

Колчака показали Руту, и адмирал «закаленному старому служаке» понравился. Хуже было с русской армией, которую инспектировала военная группа генерал-майора Х. Скотта. 1 июля армия начала свое последнее и неудачное наступление.

Однако это Штаты не обескуражило. Сбрасывать Россию как ан-

тигерманскую силу со счетов не хотелось. Да не то что не хотелось! Выход России из войны грозил срывом всех планов США! И Френсис, и Рут верили в то, что Россия как «пушечное мясо» еще для Запада не потеряна. Тем более что «керенская» Россия была готова служить взахлеб именно Штатам.

А Штаты уже прикидывали, как ввозить в Россию военное снаряжение и как вывозить из России то, чем она будет за это снаряжение расплачиваться. Американская миссия железнодорожных экспертов во главе со Стивенсом оценивала «провозоспособность» Сибирской железной дороги, и Временное правительство тут же придало Стивенсу статус советника Министерства путей сообщения.

В США формировался специальный «железнодорожный корпус» для управления русскими дорогами (в 1918 году, с началом сибирской диктатуры Колчака, он-то Транссиб под свой контроль и взял).

Итогом миссии Рута стал «План американской деятельности по сохранению и укреплению морального состояния армии и гражданского населения России». Суть его была проста: «Хотите иметь деньги — продолжайте воевать».

«Миссия Рута, — подтверждает и Бесси Битти, — ясно заявила, что главным условием предоставления помощи России является дальнейшее участие России в войне».

Рута в Питере дружно заверяли в том, что это участие никем под сомнение и не ставится. При этом Рут, конечно же, был прекрасно осведомлен о планах русских «верхов» установить жесткую правую диктатуру. Шанс на подобное был отнюдь не призрачным, и Рут ориентировал Вашингтон именно в этом духе.

И 13 (опять почему-то 13-го!) июля старого стиля посол Временного правительства в США Бахметев (однофамилец и преемник царского посла) сообщил в МИД: *«Американское правительство открывает нам немедленно кредит в 75 миллионов».* Это было только начало. Предполагался заем в 325 миллионов долларов под низкие проценты.

Колчак весь июль был в столице. Это было время расстрела Июльской демонстрации, время напряженной подготовки корни-

ловского переворота (выступил Корнилов 26 августа старого стиля). Однако никаких документальных следов участия адмирала в подготовке того переворота, который должен был сделать его одним из руководителей страны, не находится. Хотя во всех проектах списков будущего корниловско-керенского правительства он был неизменно в наличии. Но — лишь в списках, а не в оперативных документах.

И это как раз тот случай, когда отсутствие документов красноречивее их наличия. Предельная скудость упоминания Колчака корниловцами лишний раз подтверждает его особую роль в планах керенцев-корниловцев. Похоже, Колчака особо тщательно прикрывали, и именно этим объясняется такое скудное его присутствие на писанных страницах корниловской авантюры.

Заканчивается июль, и Колчак, наконец, заявляет, что уезжает в Штаты. И действительно уезжает. Но как уезжает!

Через Финляндию, Швецию и Норвегию до Бергена, проехав часть пути под чужой фамилией и в штатском! Все это — якобы для того, чтобы «не попасть в плен к немцам». Ехали в штатском и сопровождавшие его офицеры.

Из Бергена в сопровождении миноносцев (!) пароход с Колчаком на борту направляется в английский порт Абердин, и лишь 17 августа русские прибывают в Лондон. На путь от Питера до всего лишь Лондона было затрачено двадцать дней. И еще на две недели Колчак застревает в Англии.

Уважаемый читатель! Да одного этого маршрута «в США» (если сравнить его с маршрутом Рута) достаточно, чтобы сказать себе: «Э-э-э!..»

Америка якобы секретно готовит Дарданелльскую операцию и приглашает к ее разработке Колчака. Время, конечно же, не ждет. И вот вместо того чтобы отправиться абсолютно безопасным и тогда еще недалгим путем через родную Россию и Тихий океан к янки, Колчак выбирает нечто, что выглядит абсолютно несуразно, если... Если не сделать естественного предположения о том, что Колчак уехал в Англию не транзитом в США, а как полномочный

эmissар уже близкого керенско-корниловского переворота. И ни в какие Штаты ехать не собирался!

Ну, в самом-то деле, господа историки! Как же это так получается? В конце *июля* Колчак якобы убрался с политической арены России, подался чуть ли не в вольные «кондотьеры». А уже после провала путча Корнилов на допросах в сентябре 1917 года признавался, что в начале путча, вечером 26 *августа*, в ставке в Могилеве у Корнилова собрались комиссар Временного правительства Филоненко, корниловский «ординарец» — кадет Завойко и авантюрист Аладьин (имевший, впрочем, чин лейтенанта британской армии). Корнилов предложил этой далеко не святой троице в очередной раз «набросать схему организации власти и состав правительства».

Далее экс-Главковоерх сообщал: «Был набросан проект Совета народной обороны с участием Верховного главнокомандующего (то есть Корнилова. — *С.К.*) в качестве председателя, А.Ф. Керенского — министра-заместителя, г. Савинкова, генерала Алексеева, адмирала Колчака и г. Филоненко (кандидат на пост министра внутренних дел. — *С.К.*). Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным».

То есть отсутствующий (собственно, если верить историкам, — дезертировавший) Колчак должен был войти с подачи Корнилова и его окружения в число некой российской верховной «шестибоярщины»!

И это несмотря на то, что он уже чуть ли не две недели болтался в Лондоне — якобы «без дела» и в ожидании оказии за океан...

Да как же — без дела?! Не без дела, а в ожидании «дела», в ожидании событий, ход которых он и должен был координировать с союзниками в Лондоне!

И все «несуразности» и странности ранних этапов колчаковской «эпопеи» сразу же перестают быть таковыми, если мы будем рассматривать адмирала как полномочного эmissара Корнилова и военной диктатуры.

Думаю, все мыслилось так... Корнилов совершает переворот в Питере, а в Лондоне уже тут как тут член Совета народной обороны

Колчак, правомочный решать все вопросы. Сухопутного генерала с таким «командировочным прикрытием» найти было бы сложно, да и требовались такие толковые генералы в самой России. А вот Колчак был фигурой, во всех отношениях подходящей.

И вот как раз этого историки чуть ли не за век, прошедший с тех пор, так и не разглядели, объясняя всё высочайшей—де минной квалификацией адмирала. На это «объяснение» попался даже такой серьезный исследователь морской истории, как советский адмирал Иван Степанович Исаков. Желая доказать, что, мол, русские были новаторами в деле приемов ведения морской войны, он запальчиво заявлял: «Еще летом 1917 года, когда революционные матросы вышвырнули Колчака из Севастополя и для его спасения Керенский переправил этого адмирала в США (еще один забавно неожиданный вариант объяснения отъезда! — С.К.), американское правительство предложило ему на выбор несколько (? — С.К.) ответственных (?? — С.К.) должностей».

Н—да... Ничего ему особо ответственного янки не предлагали — если не считать поста «Верховного правителя России».

Есть в колчаковско—корниловской истории и еще одна такая деталь, которая наводит на «американский» след достаточно прозрачно... Эта деталь — странная (удивлявшая современников событий в реальном масштабе времени и позже) причастность к делам Корнилова такого деятеля, как Василий Степанович Завойко. В 1917 году ему было сорок два года, однако он — сын адмирала, отличившегося на Дальнем Востоке в Крымскую войну, крупный помещик, в прошлом предводитель дворянства в Гайсинском уезде Подольской губернии, директор—распорядитель общества братьев Лианозовых «Эмба и Каспий», заместитель председателя правления среднеазиатского общества «Санто», издатель журнала «Свобода и борьба» — летом 1917 года пошел добровольцем в Кабардинской полк и стал ординарцем Корнилова.

Генерал Врангель, вспоминая предысторию корниловского путча, написал о нем так. «Завойко произвел на меня впечатление весьма бойкого, неглупого и способного человека, в то же время в значительной мере фантазера».

Знающие Завойко нередко расценивали его и как темную личность, и как политического интригана самого худшего толка. Ну, фантазер — то фантазером, интриган интриганом, но в деловой хватке, причем как раз — американского типа, ему отказать было нельзя. Приобретая махинациями с недвижимостью в родном Подолье приличное состояние, он затем занялся нефтяным бизнесом и крупным промышленным финансированием, не пренебрегая и ультраправой публицистикой.

После Февральской революции Завойко, естественно, — в гуще событий, бурление которых и вынесло его к Корнилову. Фактически этот авантюрного и одновременно делового склада человек был для Главковерха «серым кардиналом» и ближайшим политическим советником. Арестованный по делу Корнилова, он был 20 октября 1917 года освобожден, уехал в Лондон, затем — в США. В Гражданской войне бравый свежее испеченный «кабардинец» и «убежденный корниловец» почему-то не участвовал. И след его теряется до 1923 года, когда он выплывает как представитель ряда американских финансовых групп на переговорах с советским Концессионным комитетом. Этот факт, к слову, пишущие о Завойко не упоминают, да он и стал известным — то недавно.

Итак, в 20-е годы Василий Степанович был человеком американцев. Но когда он свел знакомство с ними впервые? Ведь нефтяной бизнес по тем временам был любимым детищем Золотой Элиты мира, да и могло ли быть иначе с новым видом мирового золота — черным? И не бывал ли кроме Колчака на аудиенциях у Элиху Рута в Зимнем дворце и «бойкий» Василий Степанович? Не контактировал ли он с Хором, с людьми Мильнера и Бьюкенена?

«Э, домыслы все это!» — слышится мне скептический голос присяжного историка.

Эх, господа-товарищи «историки»! Документов, подтверждающих мою версию, в природе, конечно, не существует. Какой же дурак доверяет *такие* дела бумаге?!

Но корниловский переворот во внутреннем плане означал буржуазную перспективу такой России, которая стала бы после войны

полуколонией Соединенных Штатов уже в силу задолженности им и всей Антанте.

Во внешнем отношении корниловский переворот означал продолжение Россией войны в интересах Антанты и США.

«Техническую» же сторону этого «переворота» хорошо характеризует все та же Зинаида Николаевна Гиппиус-Мережковская: «Что касается «мятежных» дивизий, идущих на Петроград, то не нужно быть ни особенным психологом, ни политиком, а довольно иметь здравое соображение, чтобы, зная детально все предыдущее со всеми действующими лицами, — догадаться: эти дивизии, по всем признакам, шли с **ведома** (выделение Гиппиус. — С.К.) Керенского...»

Мне остается лишь уточнить: с ведома не только Керенского.

Америка устанавливала контроль над Россией. Могли ли ее эмиссары типа Рута обойти своим вниманием тех военных, которые, не особо скрываясь, вели дело к перевороту? Или — игнорировать самого «временного» премьера Керенского, «соседа» Элиху Рута по Зимнему дворцу?

Думаю — нет.

Другое дело, что затея Керенского, Корнилова, Колчака, «Республиканского национального центра» и их интернациональных друзей провалилась. Ее сорвали как бездарность «временных» «верхов», так и — в конечном счете — русские массы, питерские рабочие, кронштадтские матросы и большевики.

Генерал Крымов застрелился, Корнилов с остальными «мятежными» генералами отправился под арест в Быхов.

А «застрявший» в Лондоне Колчак?

Что ж, оказавшийся действительно не у дел Колчак был после провала корниловщины неспешно отправлен англичанами из шотландского Глазго в канадский Галифакс. Плыл он на борту вспомогательного крейсера, сопровождающего транспорт с ранеными и пересекшего Атлантику за 11 дней. По его «легенде» — прикрытию он все еще ехал в Штаты для участия в разработке десантной операции, но переправлять его к штабным столам союзники не спешили. Надобность в «супер-специалисте» почему-то отпала... Так что ад-

мирал Исаков все же заблуждался, приписывая военному командованию США стремление «использовать русского адмирала в качестве своего советника».

К слову, Колчак двинулся из Петрограда 27 июля, но лишь 16 августа МИД Временного правительства телеграфировал в посольство России в США о направлении его в Америку. Как видим, не торопились и тут...

В Штатах адмирал «гостил» пару месяцев, о Дарданеллах уже не заботясь. Позднее он объяснял это тем, что, мол, США от операции по ряду причин отказались. И прибавлял: «Хотя военные круги и говорили, что вывод Турции из состава коалиции послужил бы началом конца всей войны». Сказанное будущим «Верховным правителем» было несусветной белибердой. Африка, конечно, — родина слонов. Но Турция — родина мира? Н-да...

Но бог уж с ним!

Для лица с неопределенным статусом Колчака принимали в США по высокому политическому разряду — были встречи в государственном департаменте, была встреча и с самим президентом Вильсоном.

Октябрьская революция застала Колчака вроде бы в Японии, в Йокогаме, куда он приехал из Сан-Франциско. Во всяком случае, так утверждал он сам, а проверить, где и когда он был на самом деле, сейчас возможности нет. Несомненно одно: с октября 1917-го по октябрь 1918 года Америка выводит Колчака «в резерв». При этом уличающие адмирала «странности» сопровождают его жизнь по-прежнему.

Так, оставшись на Западе и изъявляя (по его словам) желание воевать с немцами на стороне союзников, на флот — английский или американский — он не пошел. А ведь ранее он даже теоретические работы по минному делу писал. Флотом командовал. Однако ни в минеры, ни во флотоводцы союзники его почему-то не взяли и одно время предлагали поехать на... сухопутный Месопотамский фронт, где морские минные постановки не требовались.

Вскоре Колчака, впрочем, переориентируют на иную карьеру и рекомендуют выехать на Дальний Восток, чтобы «начать там свою

деятельность». Впрочем, пока что непосредственно в России подходящего «поля деятельности» для Колчака не намечали. И, возможно, вот почему...

Движущие внешние и внутренние силы внутренней российской войны в разных частях России были разными. Общим же во внешних (как, впрочем, и во внутренних) контрреволюционных антибольшевистских силах было одно — все они были враждебны России. На этот счет в разное время говорилось много, но я сошлюсь на новейшее, 2000 года, подтверждение биографа Колчака Валерия Краснова, который сообщает, что для любого отряда Белого движения была характерна обязательная иностранная ориентация. Упоминая мало-мальски значительную фигуру этого движения, начинали с того, что такой-то такой-то ориентации...

Валерий Краснов объясняет эту особенность белых вождей «мягким и доверчивым русским характером», но от такого «объяснения» отдает, скажу прямо, размягчением не характера, а мозгов... На деле же без «ориентации» не было бы и амуниции...

К лету 1918 года Гражданская война в Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке была «раскручена» «белым» мятежом чехословацкого корпуса, субсидированным США (в основном), а также Англией и Францией.

На промышленном и хлебодородном Юге России под крылом англо-французов собиралась Добровольческая армия Корнилова и Деникина.

На Украине и в Южной России Антанта рассчитывала тогда прежде всего на австро-германскую оккупацию. Тут убивались два зайца: силы немцев отвлекались с Запада на Восток, и руками немцев подавлялась Советская власть.

Богатый лесом Север и богатый нефтью Кавказ — это английские зоны интервенции.

На Севере в региональные диктаторы намечался Юденич, а на Кавказе хватало местных подручных националистов.

Поэтому Колчак в большинстве мест России на первых ролях Антанте пока нужен не был... Кроме двух мест — в Сибири и на Даль-

нем Востоке. И как раз эта зона была «закреплена» преимущественно за США. А также — за Японией.

Лишь разобравшись с Колчаком, я понял, почему он «всплыл» на всеобщее обозрение лишь в самом конце 1918 года...

И почему всплыл в Сибири.

И почему, находясь и властвуя в Сибири, на российской, собственно, окраине, не имевшей серьезного внутривосточного влияния и значения, он обладал статусом «Верховного правителя России и Верховного главнокомандующего всеми русскими армиями».

И почему генерал Деникин, ранее Колчака прогремевший на всю Россию, его «верховенство», хотя и без энтузиазма, но признал.

До этого я многие годы лишь смутно томился непониманием: почему почти весь тот 1918 год, когда Европейская Россия была ареной активнейших боев, в Сибири особо серьезных событий не происходило. Оперировали там белочехи, генерал Болдырев, войска худосочной «Уфимской директории», но все это — без смертельной для Советской власти угрозы. Зато потом все **вдруг** быстро закрутилось с появлением Колчака.

А штука, уважаемый мой читатель, тут, пожалуй, в том, что в любом месте России активность внутренней контрреволюции прямо зависела от активности в этом месте интервентов и от масштабов их поддержки. В Сибири интервенцию вели в 1918 году в основном японцы (англичане ограничивались наблюдением). Но японцы не шли дальше Забайкалья. К чему им был Урал? Им бы Амур удержать. А не удержать, так ободрать побольше... Чем практические японцы с успехом и занимались.

Ленин сказал обо всем этом позднее вполне внятно: *«Если мы возьмем Японию, которая держала в своих руках почти всю Сибирь и которая, конечно, могла помочь во всякое время Колчаку, — основная причина, почему она этого не сделала, заключается в том, что ее интересы коренным образом расходятся с интересами Америки, что она не хотела таскать каштаны из огня для американского капитала»*.

Умница Ленин акценты расставил идеально точно. Колчак был создан Америкой. А с японцами сотрудничал хотя и широко, но — по нужде, а также в силу того, что вынужден был считаться с чисто японским «созданием» — атаманом Семеновым. А японцы не могли не считаться с Колчаком постольку, поскольку не могли не считаться с Антантой и США.

И даже сочувственно относящийся к своему «герою» историк Валерий Краснов не отрицает, что Колчака японцы считали «человеком Вашингтона», то есть — креатурой главного конкурента Японии.

Весной и летом 1918 года японцы и янки все более втягиваются в русские дела политически. Не занятая мировой войной Япония посылает в Россию и крупные войска. Америке же почти весь 1918 год было не до Сибири и не до русской Гражданской войны.

Во-первых, она была занята в Европе.

Во-вторых, одно дело — вытолкнуть чутких к слову «свобода» американцев из Америки в Европу — «освободить» ее от тирана-кайзера, и другое дело — массово послать их в ту Россию, Советское правительство которой президент Вильсон публично поздравлял с уже обретенной свободой.

Тем более что даже в Европе янки на передовые позиции если и претендовали, то отнюдь не фронтовые. И в своей сибирской интервенционистской «зоне» Штатам надо было воевать руками чужими, то есть — русскими. А для этого надо было иметь в Сибири и человека своего, и возможность ему серьезно, крупно помочь.

Человек был, а вот возможности в 1918 году не было.

Поэтому в течение этого года Америка при любезном содействии англичан — пока вдали от арены будущих событий — применяет на роль диктатора Сибири и Дальнего Востока того, кого знает уже не понаслышке, то есть — Колчака.

В 1918 году идет, я бы сказал, «тренировка» Колчака и его «приручение». Из Штатов через Японию он едет в Маньчжурию, в Харбин, и принимает там на себя обязанности военного члена правления КВЖД и начальника стражи КВЖД при управляющем КВЖД

60-летнем генерал-инженере Хорвате, взяточнике еще с дореволюционным богатым (точнее — обогащающим) опытом.

Для адмирала, бывшего комфлота, занятие должности начальника сухопутных железнодорожных сторожей — с учетом того, что на Дальний Восток ему рекомендовало двинуться руководство Антанты, — это еще одна странность-несуразность. Однако, если учесть произошедшее с ним позднее, надо признать, что не такая уж это и несуразность... Хорват уже объявил себя «временным Верховным правителем». Но еще не знал, что этот «титул» придуман не для него, а для адмирала Колчака. И придуман Золотой Элитой...

В простодушных воспоминаниях гражданской жены Колчака — Анны Тимиревой — есть место, где Тимирева пробалтывается, сама того не сознавая.

1918 год...

Она — во Владивостоке.

Он — в Харбине.

А далее слово самой Тимиревой: *«Он писал, что где бы я ни была, я всегда могу о нем узнать у английского консула и мои письма будут ему доставлены. И вот мы во Владивостоке. Первое, что я сделала, — написала ему письмо, что я могу приехать в Харбин. С этим письмом я пошла в английское консульство и попросила доставить его по адресу. Через несколько дней ко мне зашел незнакомый мне человек и передал мне **закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное** письмо Александра Васильевича».*

Выделение тут, уважаемый читатель, везде мое... Да и как же не выделить такие-то строки!

Во-первых, как это понимать — «где бы я ни была»? Далее... Сообщение между Владивостоком и Харбином тогда было беспрепятственным, письмо Колчака — личным. А переправляли его методами разведывательными!

И с чего бы это?

Но не будем заблуждаться — англичане (вкупе с французами) Колчака патронировали лишь тактически, а стратегия геополитики переходила в руки США.

К осени 1918 года на обширной территории от Урала до Забайкалья прочной власти не было ни у интервентов, ни у красных, ни у белых. Но у белых не было еще и сильных лидеров. И для Запада пришло время менять там своих российских «коней»... В октябре 1918 года вместе с английским военным представителем при Уфимской директории генералом Ноксом Колчак прибывает в Омск.

4 ноября он становится военным и морским министром этой злополучной Директории, а уже 18 ноября совершает свой, в отличие от Корнилова — удачный, переворот, ликвидирует Директорию и провозглашает себя Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим всеми русскими армиями.

За полторы недели до этого в Германии происходит революция. Рейху кайзера и войне в Европе приходит конец.

А для Колчака наступает время дебюта.

То есть вот как занятно «совпало»: как только у Америки появилась возможность приняться за русских всерьез, так тут же в России началось то, что скоро назовут «колчаковщиной».

Американские газеты писали, что России нужен Кромвель. При этом между строк подразумевалось, что «Кромвель» в России нужен Америке. Она его искала и «обкатывала», а когда время пришло, «Кромвель» «нашелся» и был запущен в оборот.

Да, мировая война в Европе закончилась, и Соединенные Штаты (без всякой громогласности) становились подлинным «Верховным правителем» всего Запада. А состоявший при адмирале английский полковник Уорд признавался: «Адмирал Колчак никогда не отправился бы в Сибирь, никогда бы не встал во главе русского конституционного (? — С.К.) движения и правительства, если бы он не был вынужден на это советами и наставлениями союзников».

Стоит ли поэтому удивляться, что «верховную» власть «сибирского Кромвеля», не воевавшего на суше ни одного дня (если не считать недолгого командования крепостной батареей в Порт-Артуре), быстро признали все белые правители-генералы с немалым опытом только что закончившейся Большой войны?

Колчаку Россией был отпущен год. И одно время покрасовался он вволю. Некто Аничков, помещик и финансист, вот как описывает Колчака в Екатеринбурге зимой 1919 года:

«Кортеж состоял из нескольких автомобилей, из коих последний, в котором сидел Колчак, был окружен конным конвоем. Особенно выделялась красивая фигура принца Кули Мирзы в черкесской форме, стоявшего на предпоследнем автомобиле спиной к шоферу и влившегося глазами в автомобиль Верховного. Сам Кули Мирза принадлежал к персидской династии, состоял в свите Его Величества покойного Государя, а теперь сопровождал Верховного Правителя. Глядя на эту живописную картину, я не сомневался, в том, что Колчак займет место Романовых».

Конечно, для Запада это был бы неплохой разворот событий. Когда — то во главе России уже оказывался царь Петр Третий, видевший счастье в чине прусского поручика. И заполучить на русский трон офицера английской службы Колчака дядя Сэм не отказался бы...

Однако после успехов весны 1919 года адмирал на пути к Самаре начал терпеть поражения, а точнее — начали терпеть поражения его генералы, потому что даже с большой натяжкой адмирал на полководца не тянул. 11 ноября 1919 года он сдал Омск, а 4 января 1920 года — и права «Верховного правителя», отошедшие к генералу Деникину. Затем адмирал направился на Восток, но 27 декабря был взят в пути белочехами «под охрану», а 15 января 1920 года выдан ими в Иркутске представителям эсеро-меньшевистского Политического центра.

Еще до этого чехи выпустили меморандум, где отрекчивались от Колчака и заявляли, что «под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы совершают такие действия, которые поражают весь цивилизованный мир»...

Белочешский мятеж был таким же созданием Вашингтона, как и Колчак. Так почему же чехи окончательно подрывали «Верховного»? Да исключительно потому, что госсекретарь США Лансинг в конце 1919 года доносил президенту Вильсону: «Правда заключается в том простом факте, что правительство Колчака потерпело полное поражение...»

Мавр не смог сделать своего дела, но его приходилось «уходить»... И Колчака «сдали»... Причем вначале — эсерам.

Сибирская политмешанина проявилась и в этом, и в том, что в назначенной Политцентром следственной комиссии большевиков не было. Однако уже 21 января власть в Иркутске мирно перешла к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, то есть — к большевикам. Допросы продолжились, но до суда дело довести не удалось.

Конец адмирала наступил в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года, когда по решению Иркутского ревкома его и его премьер-министра Виктора Пепеляева расстреляли на берегу речки Ушаковки, а тела спустили в прорубь на льду Ангары. Под Иркутском стояли войска генерала Войцеховского, в самом Иркутске было неспокойно. Ход событий не оставил времени ни для суда, ни для похорон. Лишь позднее, уже в мае 1920 года, прошел открытый процесс над колчаковскими министрами.

Адмирал не оправдал аттестаций и надежд Золотой Элиты, но вины его в том не было.

Он старался.

Он не смог дать Золотой Америке то, чего она от него ожидала, хотя кое-что дал. Это «кое-что» имело прямое золотое измерение, потому что и было чистым золотом из золотого запаса России.

6 АВГУСТА 1918 года белочехи захватили в Казани вывезенный туда золотой запас в 30 563 пуда золота (почти 490 тонн) на сумму 651 532 117 рублей 86 копеек (ох уж эти пресловутые банкирские «копейки»!).

Осенью 1918-го этот запас перешел к Колчаку.

В мире физики явление сверхтекучести открыто не так уж и давно. А вот в мире людей оно известно уже тысячи лет, поскольку нет более текучей в этом мире вещи, чем деньги, золото... Соответственно, и учесть его более чем непросто. Вот вам и пример...

Авторы труда «Государственный банк. 1860—1910», изданного в Петербурге в 1910 году по случаю полувекового юбилея Госбанка,

сообщали: «Для перевозки золотых запасов (русской казны. — С.К.) потребовалось бы 1486 подвод, считая по 50 пудов на каждую. Для перевозки по железной дороге потребовалось бы 100 вагонов, считая по 750 пудов в каждом». Простое умножение в первом случае дает результат в 1188,8 тонны, а во втором — в 1200 тонн. Как видим, 11,2 тонны золота даже у деятелей Госбанка куда-то утекло на расстоянии всего в одну типографскую точку...

Так стоит ли удивляться тому, что данные о судьбе «казанского» золотого запаса в разных источниках весьма различаются? Какая-то (какая — источники умалчивают, но немалая) часть его в конце концов попала в Прагу и составила базу «Легионбанка» бывших легионеров чехословацкого корпуса. Соратники бравого солдата Швейка проявили себя здесь вульгарными воришками. Одних медикаментов они захватили на три миллиона золотых рублей, одной резины — на сорок миллионов!

Какую-то часть золота «неофициально» разворовали те же белочехи, а также японцы, колчаковские министры, янки, союзники, атаман Семенов, атаманы помельче и просто бандиты без политической окраски — при перевозках золота по постоянно сокращающимся колчаковским «владениям».

Часть была отбита у Колчака советскими войсками в Иркутске.

Но часть была официально передана Колчаком странам-интервентам в счет военных поставок. И вот тут всю проявляет свойство золотой свертхтекучести... Точные данные куда-то бесследно утекают! Где-то сообщается, что «подавляющую часть золотого запаса (в 30 с лишком тысяч пудов. — С.К.) — около 10 тысяч пудов правительство А.В. Колчака выплатило своим союзникам».

Треть — это, конечно, немало, но это все же — не подавляющая часть.

Первая Большая Советская энциклопедия дает нам такой «расклад»: из запаса на сумму в 600 миллионов золотых рублей Англия и Франция получили 9 090 пудов золота, Япония — 1142 пуда. В сумме это дает 10 232 пуда. То есть, не «...около», а «более чем...»

Коллективный же труд «Антисоветская интервенция и ее крах» содержит цифры уже иные: англичане получили 2883 пуда, фран-

цузы — 1225 пудов (то есть в сумме — всего 4 108 пудов), Япония — 2672 пуда. А вот Штаты — 2118 пудов. Общий вес в «золотых» пудах тут — 8898 пудов.

Опять концы с концами не сходятся!

Такой вот, уважаемый читатель, получается «золотой» разницей. И что особо непонятно, так это — чрезмерно скромная американская доля.

Насчет французов не знаю, но англичане и японцы Колчаку помогали серьезно (японцы, впрочем, поддерживали прежде всего Семенова). Из Англии войска адмирала получили, например, 100 тысяч винтовок, более 2 тысяч пулеметов. Но Америка — то дала винтовок около 400 тысяч, пулеметов — 3 тысячи, плюс сотни самолетов, паровозы, рельсы, сталь, нефть... В целом поставки США были, конечно же, решающими — даже если часть из них была передана Колчаку лишь на бумаге, поскольку Колчак потерпел поражение раньше, чем успел все заказанное получить.

Думаю, что и золото Колчака тоже утекало прежде всего в США. Оно в те годы вообще только туда и текло, в том числе и из Англии, и из Франции, и даже из Японии... Просто часть доли США не афишировалась. И если уж пускаться в догадки, то смею предположить, что в итоге за океаном осело из русского золотого запаса пудов этак с тысяч шесть, а то и побольше... Недаром же государственный департамент неоднократно запрашивал Колчака, намерен ли он передать золото «на хранение в США».

Конечно, не только Америка, но и весь Интернационал интервентов пользовался Колчаком при этом вовсю — как и Колчак пользовался интервентами. Наживались на этом, конечно, только интервенты. Причем и богатства Сибири и Дальнего Востока, и «адмиральское» золото доставалось им фактически даром, потому что к концу 1918 года винтовки, пулеметы, патроны и мундиры были уже не в цене... Неходовым был этот товар к концу мировой войны.

Но вот же — обошелся России не только в цену русских пота и крови, но и в *неточно* обозначенную цену русского золота.

Много, много потрудились Америка, чтобы таких вот неточностей и белых пятен в истории ее участия в интервенции в Россию

было как можно больше... Как уж историки расписывают, что французские, мол, империалисты командировали к Колчаку генерала Жанена, который был назначен «главнокомандующим союзными войсками, действующими на Дальнем Востоке и в Сибири к востоку от Байкала» с «правом контроля на фронте и в тылу».

А ведь генерал Жанен смыслил в полководческом ремесле не намного больше адмирала Колчака. Во время Первой мировой войны он воевал всего ничего, а в основном представлял французское командование при русской Ставке. То есть был чем-то вроде гибрида разведчика, дипломата и политика. В этом же качестве он подвизался и в колчаковской Сибири до самого конца колчаковщины. Причем — именно что до самого конца, потому что по приказу Жанена чехи адмирала Политцентра и выдали.

Фигура это была для США удобная — француз, сносится не с Вашингтоном, а с Парижем. Однако с 18 января 1919 года (Колчак тогда как раз осваивал кресло «Верховного правителя») Париж на целый год стал филиалом Вашингтона, потому что под Парижем, в Версале, открылась Парижская «мирная» конференция.

Это туда, в Париж, президент США Вильсон привозил карту, составленную госдепартаментом с «предлагаемыми границами в России», которая оставляла русским лишь Средне-Русскую возвышенность и которая лишь к началу XXI века во многом действительно стала картой Российской Федерации.

И именно из Парижа Золотой Интернационал устами Вильсона отдавал директивы западному миру. А конференция оказывалась — кроме прочего — еще и Главным штабом интервенции в России. Жанен тут был всего лишь представителем этого «штаба» при Колчаке и не командовал, а координировал...

А ведь в служебной переписке все точки над «і» расставлялись без обиняков. Исполняющий обязанности госсекретаря США Филлипс докладывал Вильсону: *«При ссылке на обмен нотами, состоявшийся между Вами и другими главами правительств, находившимися в Париже, с одной стороны, и адмиралом Колчаком из Омска — с другой, имеется в виду, что англичане снабжают одеждой и всем необходимым вооружением Деникина, французы — чехов и*

антибольшевистские силы в западных пограничных странах, в то время как Колчак полагается на получение вооружения от Соединенных Штатов».

О Колчаке советские газеты писали: «Мундир — английский, погон — французский, табак — японский, правитель — омский».

Соединенные Штаты в этой частушке отсутствовали.

Зато они прочно присутствовали в судьбе «омского правителя».

Так же, как с самого начала русской революции 1917 года они присутствовали вообще в любой стратегически важной точке России. Пусть зачастую и незримо.

И об этом тоже надо сказать хотя бы несколько слов...

АДМИРАЛ Колчак оказался последней ставкой янки в «русской игре», а первой (точнее — второй, после Корнилова) был атаман Войска Донского генерал Каледин.

После провала Корнилова Антанта (то есть — Золотая Элита Запада) всерьез заинтересовалась казаками. А те — Антантой.

Тогда на Юге России набирало политическую силу Войсковое правительство Каледина. И оно казалось силой — ведь казаки в разваливающейся России внешне выглядели неким монолитом. 3 октября 1917 года в Екатеринодаре (будущем Краснодаре) собралась конференция главнейших казачьих войск (Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского и Астраханского) и горских народов Кавказа.

22 октября 1917 года члены Совета «Союза казачьих войск» посетили американского посла Френсиса.

— Казачество чрезвычайно ценит ту высокую дружбу, с которой президент США и вся Америка относятся к России, — строевым голосом заявил ее глава генерал Михеев.

— Рад слышать это из уст представителей Тихого Дона, — со знанием «местных» условий отозвался посол.

— Нет, — уточнил Михеев, — наша признательность выражается не от имени какого-то одного казачьего войска, а от лица конференции в Екатеринодаре!

— Конференции?

— Так точно.

И Михеев стал докладывать...

Френсис слушал внимательно, а выслушав, сказал:

— Я немедленно сообщу господину президенту обо всем, что вы рассказали, господа.

Казачки обрадованно зашевелились и подправили усы, а Френсис их еще и подбодрил:

— Америка, господа, высоко ценит русское казачество, так много положившее на алтарь свободы во имя благополучия России.

И «апостолы русской свободы» удалились восвояси, похлопывая по голеницам сверкающих сапог нагайками, так много и часто трудившимися во имя «прав человека и гражданина»...

Стоит ли удивляться после этого, что 3 ноября 1917 года в Киеве открылся Казачий съезд! Приветствовал его, между прочим, и председатель Чехословацкого национального совета Масарик (еще одно американское создание, через полгода реализовавшее мятеж чехословацкого корпуса).

Через четыре дня в Петрограде большевики низложили Керенского, и «все здоровые силы России» потянулись на Тихий Дон... Началось второе издание корниловщины — калединщина.

29 ноября 1917 года в Екатеринодаре создается «объединенное правительство Юго-Восточного союза», а через десять дней консул США в Москве направляет депешу государственному секретарю Лансингу с докладом о переговорах с эmissарами Каледина.

Еще через день Лансинг представляет меморандум Вильсону, где предлагается «низвержение большевистского господства путем военной диктатуры, поддержанной лояльными дисциплинированными войсками». Для официального документа «свободной страны» словарь здесь был несколько, гм... *того*, но писалось ведь не для газет. Поэтому все называлось своими именами.

«Единственно реальным ядром организованного движения, достаточно сильного, чтобы сместить большевиков и учредить правительство, является группа высших офицеров во главе с атаманом донских казаков Калединым», — сообщал Лансинг.

Еще через два дня меморандум Лансинга получил официальное одобрение Вильсона, но уже до этого Френсис в Петрограде санкционирует по просьбе полковника Робинса отправку Каледину эшелона с 80 грузовиками.

Через полторы недели посол США в Лондоне Пейдж получил указание «скрытно финансировать в необходимых размерах Каледина через английское и французское правительство».

Обращу твое внимание, уважаемый читатель, на то, что Пейджу предписывалось не запросить согласие «суверенных» англичан и французов на такую скрытную комбинацию, а просто финансировать русскую контрреволюцию через них, и — точка!

Однако на деле тут вышла запятая, потому что Каледин оказался еще неудачливее Корнилова, и в середине февраля 1918 года его затея провалилась, а сам он застрелился.

И Золотая Элита начала готовить розыгрыш уже «чехословацкой» карты (о чем я упоминал в книге «Россия и Германия: путь к пакту»), еще не зная, что ей придется вытаскивать из рукава и карту русского адмирала.

Ну, а об этом последнем выше было сказано — как мне представляется — вполне достаточно.

МОЙ РАССКАЗ об американской линии в русской контрреволюции, об ее преимущественно «колчаковском» окрасе, подходит к концу. И я, и читатель знаем теперь немало о том, что происходило с Колчаком до того, как он стал «Колчаком», о том, что ускользнуло от внимания тех усердных собирателей фактов, которые называют себя еще и «историками». И я предлагаю еще раз вернуться к началу «колчакиады» и проследить еще раз цепь событий, ее составивших...

Да, Колчак внешне всегда производил впечатление человека долга. Но прямо, связанный с корниловцами, он накануне путча уезжает. Хотя путчисты на него рассчитывали. Выходит, он едет как эмиссар Корнилова, чтобы в Англии ждать своего часа.

Однако корниловщина срывается. Но он-то — уже в Лондоне. Что делать?

В России генералов и адмиралов хватает. Да и Корнилов — под арестом в Быхове. Надежды Золотой Элиты теперь связаны с казаками, с Калединым. Тем не менее отказываться от Колчака пока рано. Да и прикрытие его контактов с Антантой выбрано хорошее. И он едет теперь в США — по-прежнему как эмиссар контрреволюции.

Приходит Октябрь...

Корнилов и его ближайшие сторонники все еще в Быховской тюрьме под «охраной» Текинского конвоя, но 19 ноября 1917 года их освобождает полковник Кусонский. И Корнилов с текинцами направляется в Новочеркасск — собирать белые силы, а после краха Каледина выходит в «Ледяной» поход на Кубань. Колчаку пока нет необходимости так вот, с бухты-барахты, возвращаться. Тем более что в России выдвигаются на первый план иные силы — Корнилов в апреле 1918 года погибает, и его сменяет Деникин.

К тому же на Дальнем Востоке, в Китае, в Северной Маньчжурии, сплетается немало интересов и возможностей, поскольку у князя Кудашева, сидящего пока что в Пекине в качестве русского посла, имеются средства, которые Китай выплачивал России в счет «боксерских» репараций. Да и КВЖД пока в руках у местных русских, у Хорвата...

Хорват претендует на «Верховность», но стар, жаден и в военных кругах авторитета не имеет и иметь не может.

Приходит весна 1918 года и с ней — мятеж белочехов, на которых очень рассчитывали. Возникают Самарский комуч, Уфимская директория. И все закрутилось вроде бы неплохо... Колчак не так уж и нужен, тем более что он в сознании белых масс не присутствует. Но он все более свой для «верхушки» интервенционистских сил.

От Дальнего Востока до Забайкалья продвигаются серьезные силы японцев, и они вместе с чехами не дают угаснуть сибирской контрреволюции. Однако Америке нужны там свои люди, способные обеспечить их интересы русскими штыками, потому что у чехов все более пропадает энтузиазм, а японцы для янки стараться не бу-

дут. Для этого надо сформировать условия — на что уходят лето и осень 1918–го... В конце октября Колчака через Нокса запускают в дело: 4 ноября делают министром рушащейся Директории, а 18 ноября «под Колчака» совершают переворот.

Начинается колчаковщина.

ОДНАКО планы Америки сорвала свободная Советская Россия.

Зато Америка с начала 1919 года получает возможность диктовать свою волю Западу.

В России Америка делала ставку на Колчака. И если бы «дело» с ним «выгорело», то Штаты вообще становились бы полными хозяевами мира. Ведь тогда можно было бы разобраться и с крепнущей и наглюющей Японией. Недаром же, создав Колчака и поставив на Колчака, Штаты делегировали к нему после первых успехов посла США в Японии Морриса. После всесторонней инспекции Моррис должен был представить «исчерпывающий план экономической реконструкции Сибири» и «ориентировочный план для Европейской России». И вряд ли в этом плане было достойное место для Японии.

Однако Колчак пал.

И не случайно, конечно, а лишний раз разоблачительно то, что одновременно с его падением изменилось и отношение Америки к интервенции. К январю 1920 года стало окончательно ясно, что Колчак и его режим — это «отработанный пар». И в начале января этого года США направили Японии ноту, где указывалось, что дальнейшее пребывание иностранных войск на русской земле не только не помогает, а мешает русскому народу разумно устроить свою жизнь.

Объяснялось все, конечно, не любовью к русскому народу, а тем, что в России главная карта Америки оказалось битой, а в самих Соединенных Штатах уже мало кто хотел поддерживать интервенцию. Неофициальный представитель РСФСР в США Мартенс еще в ноябре 1919 года сообщал наркому иностранных дел Чичерину: *«Настроение в правительственных сферах подавленное, они чувст-*

вуют, что интервенция лопнула. А «общество» заметно склоняется к тому, чтобы Россию оставили в покое. «Ничто не имеет такого успеха, как успех» — так резюмирует средний американец свое мнение о переломе в отношениях к Советской России».

То есть в американской ноте Японии сказалось желание Америки убедить японцев в том, что русский, мол, «виноград» зелен. Не имея возможности есть его самой, Америка начала отговаривать от него и своего азиатского конкурента.

Однако Япония была страной Востока и «гуляла» сама по себе. Штаты уже не могли воевать в Сибири штыками колчаковцев, а японцы не отказывались там воевать и самолично, если от этого была им выгода.

А выгода была.

К началу 1920 года интервенты из европейской части России ушли, и там уже прочно установилась Советская власть. Русский же Дальний Восток все еще представлял собой самую настоящую политическую... Как бы тут выразиться поточнее? Сказать, что это была политическая «окрошка», нельзя... Это была именно неудобоваримая мешанина из интервенционистских (в основном — японских) войск, мимолетных «правительств» самых разных авантюристов, остатков колчаковцев, семеновцев, мутной партизанщины и очагов Советской власти.

Во Владивостоке как-то сосуществовали и японцы, и янки, и Приморское временное правительство большевика Сергея Лазо, и белогвардейцы... Кончилось это во вторую годовщину нападения на контору фирмы «Исидо» — в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года. Японцы напали на советские войска, захватили Лазо и ввели во Владивостоке военное положение. Немногочисленные советские части отступили в сопки. Лазо японцы передали белогвардейцам, а уже те сожгли его в паровозной топке.

Японцы очень не хотели уходить из таких богатых сырьем мест, как Сибирь и Приморье. В Хабаровске командующий японскими войсками генерал Сиродзу поместил 3 апреля в местной газете статью, где писал: «В стране водворился долгожданный мир и порядок, за сохранение и поддержание которого японцы боролись...

Жалко покидать население Дальнего Востока, с которым мы познакомились так близко, так кровно, питая к нему самую теплую дружбу. Желаем полного успеха в строительстве и сохранения мира и порядка».

А через день войска Сиродзу открыли оружейный огонь по государственным учреждениям и штабу революционных войск. Все началось сначала.

И этот огонь японцы вели еще более двух лет. Потому что им это было выгодно экономически. Всякие атаманы типа Семенова не могли уничтожить Советскую власть, но оттянуть ее приход в Приморье могли. И все это время японцы имели возможность безнаказанно грабить наш Дальний Восток.

Что же до европейцев, то 16 января 1920 года Верховный совет Антанты принял решение о снятии блокады с РСФСР и отзывании своих войск из Сибири.

24 февраля 1920 года Советское правительство обратилось к Японии с предложением о мирных переговорах. Но японцы не хотели уходить. Уже известный нам делец Аничков находился в это время во Владивостоке и принял на постой молодого японского генерала, сменившего у того же Аничкова другого квартиранта — японского генерала в преклонных годах.

На ужине по случаю «новоселья» японец в качестве ответного тоста в его честь попросил разрешения спеть песню и запел о том, что в когда-то принадлежавшем Японии Никольске-Уссурийском пели веселые гейши, а теперь он сам поет песню о том, что есть на свете многоводная река с прозрачной холодной водой, которой так же много, как много на этом столе прекрасного вина. И он, генерал, уверен, что настанет время, когда сидящие за столом опять встретятся в прекрасном городе за Байкалом, что стоит на той реке, и будут пить ее холодную воду.

Река называлась Ангарой, а город на ней — Иркутском. Вот о чем пели японские генералы во Владивостоке весной 1920 года (а «русские патриоты» типа Аничкова заявляли, что будут рады приветствовать японцев в Иркутске после того, как те выгонят оттуда «проклятых большевиков»). Под такие песни 31 марта 1920 года

Япония в ответ на мирные предложения Москвы ответила отказом под предлогом того, что... опасается за жизнь и имущество своих подданных, а также за мир в... Маньчжурии и Корее...

Последнее выглядело особенно смехотворно, но смеяться нам не приходилось — как мы знаем, в начале апреля японцы начали новый этап интервенции переворотом во Владивостоке.

Ответ Москвы прозвучал из Верхнеудинска.

Там 6 апреля 1920 года на съезде трудящихся Забайкалья была провозглашена Дальневосточная республика — «буфер» между РСФСР и зоной японской оккупации. Началась более чем двухлетняя история ДВР...

В Чите сидел посаженный японцами Семенов, но 25 июля 1920 года японцам пришлось Читу эвакуировать и отойти в Амурскую область. Япония цеплялась за свой дальневосточный шанс на русской земле до последнего. В отличие от Америки, эта ее политика внутри самой Японии была вполне популярной, и лишь красноармейские и краснопартизанские штыки все более отжимали японцев к океану.

26 августа 1921 года в японском Дайрене (бывшем русском городе Дальнем-Далыне на китайском Ляодунском полуострове) начались переговоры между представителями Японии и ДВР. Дайренская конференция тянулась долго — до апреля 1922 года, когда японцы ее сорвали.

Дело в том, что в Вашингтоне с 12 ноября 1921-го по 6 февраля 1922 года проходила конференция девяти держав по ограничению морских вооружений, тихоокеанскому и дальневосточному вопросам (я о ней скажу далее). Пока конференция длилась, Японии надо было иметь возможность заявлять, что «сибирские» проблемы она решит самостоятельно, потому что самостоятельно их контролирует.

Конференция закончилась, и японцы попытались покончить с «буфером» силой. Однако 15 августа 1922 года им пришлось заявить о предстоящей эвакуации — сила на Дальнем Востоке окончательно переходила к красным. Но и тут «маленькие черти из-за моря» не хотели уйти просто так — погрузившись на корабли, они

попытались что-то выторговать на переговорах с ДВР и РСФСР в китайском Чаньчуне в сентябре 1922 года. Японцы теперь были готовы рассмотреть проект договора с ДВР, отвергнутый ими же в Дайрене и для японцев — с учетом надвигавшихся реальностей — крайне выгодный.

Но теперь уже не склонны были торговаться мы. И японцы нехотя начали готовить эвакуацию, охотно при этом грабя Дальний Восток напоследок... Им приходилось поторапливаться, потому что в начале октября был штурмом взят Спасск, а 19 октября народно-революционная армия ДВР подошла к Владивостоку.

Теперь оставалось одно — срочно подписывать соглашение об уходе японских войск из Владивостока 25 октября и срочно перемещаться на стоящие под парами пароходы.

25 октября Народное собрание ДВР объявило власть Советов на всем русском Дальнем Востоке, а 15 ноября 1922 года Всероссийский центральный исполнительный комитет объявил о вхождении ДВР в состав РСФСР.

Через месяц с небольшим, в декабре 1922 года, в Москве было провозглашено образование СССР.

Исключительно жадность и цепкость японцев продлили агонию белогвардейщины и интервенции на территории России до 1922 года. Однако теперь то, что без японцев закончилось бы уже к лету 1920 года, наконец произошло.

И Япония была вынуждена думать о том, как выстраивать свои теперь уже мирные отношения с новой пролетарской Россией.

И хотя особых успехов тут не наблюдалось, необходимость умерить аппетиты в отношении России была вызвана также новыми внутрияпонскими трудностями...

Глава 10 Годы 20-е и 30-е:

«клубок» все запутывается...

ИНОГДА выразительность строгой энциклопедической строки превосходит любые художественные приемы, и поэтому я просто процитирую первую БСЭ: «За промышленным кризисом 1920-го и вызванной им паникой 1922-го последовало исключительное по размерам стихийное бедствие — землетрясение 1 сент. 1923-го, уничтожившее значительную часть японского национального богатства. Погибли десятки тысяч людей; от последствий землетрясения непосредственно пострадало ок. 4 млн человек».

Все верно... И — страшно, трагично...

После Первой мировой войны дела у Японии, как уже было сказано, пошли хуже. Сказались и спад спроса «на войну», и кризис мирового судоходства, и расходы (пусть и перекрываемые до поры до времени доходами) на интервенцию в Советскую Россию, и временно убыточная поддержка генералов-милитаристов северной группировки в Китае.

А тут еще и крупнейшее землетрясение в районе Токио—Иокогама. Япония, тайфуны и землетрясения — это почти синонимы. Стихийные бедствия были для японцев настолько привычными, что — я уже говорил об этом — в немалой мере повлияли на формирование национального характера.

Но веками стихии разрушали «бумажные» японские домики. А тут беда впервые поразила новую, промышленную Японию.

Ущерб определялся суммой в 5 миллиардов иен. Только погибших насчитывалось свыше 150 тысяч человек. Япония оцеленела на

несколько дней под отсветы пожаров городов. Оцепенело и правительство, а затем, опомнившись, что в бездеятельности обвинят его, распустило слухи о том, что дома поджигают корейцы. В Токио начались корейские погромы. Тысячи корейцев были убиты.

В конце декабря 1923 года после покушения молодого анархиста на наследного принца-регента Хирохито ушло в отставку правительство Ямамото.

В результате землетрясения 1923 года пассивное сальдо торгового баланса Японии достигло 646 миллионов иен, а с учетом торговли с колониями — 850 миллионов иен. Накопленный за мировую войну валютный резерв был почти полностью растрачен уже в первое военное десятилетие. Утечка золота за границу была перекрыта только в результате эмбарго на золото.

Не лучшим оказывалось и внешнеполитическое положение Японии.

В ИЮНЕ 1921 года истек срок англо-японского союзного договора. Япония рисковала утратить своего единственного сильного «доброжелателя».

«Доброжелатель» был, конечно, в кавычках — англичане, как и янки, органически не могли быть лояльными к кому-либо искренне, хотя британский лев все чаще вполне искренне поджимал хвост перед штатовской «упряжкой» из «демократического» осла и «республиканского» слона.

Но Японию англичане пока что поддерживали, исходя из собственных интересов. Впрочем, делалось это без особого энтузиазма.

Стране восходящего солнца пришлось нарушать «священные» традиции, запрещавшие наследнику императорского трона покидать пределы родины, и в мае 1921 года направить в Англию — за тридевять морей — наследного принца Хирохито.

Ситуация зависала в воздухе...

И вот тут американский президент Гардинг обратился к Англии, Франции, Италии, Японии, а также к Китаю, Голландии, Бельгии и Португалии с официальным предложением созвать в Вашингтоне

конференцию. Америка, приняв верховенство над Европой, хотела установить новые отношения с окружающим миром и в Азии.

Надо было разобраться и с мировой ситуацией на море... Там разворачивалась такая гонка вооружений, что от нее начинали приходиться в ужас даже те, кто ее и затеял. К 1919 году три наиболее сильные морские державы имели следующие военные флоты:

Англия — 43 линкора-дредноута, 1 линкор-додредноут, 11 броненосных крейсеров, 99 легких крейсеров, 451 лидер и эсминец, 124 подлодки.

США — 22 линкора-дредноута, 20 линкоров-додредноутов, 14 броненосных крейсеров, 13 легких крейсеров, 424 лидера и эсминца, 102 подлодки.

Япония — 13 линкоров-дредноутов, 9 линкоров-додредноутов, 13 броненосных крейсеров, 20 легких крейсеров, 84 лидера и эсминца, 53 подлодки.

К 1921 году Япония и США приняли новые военно-морские программы, по которым Япония предполагала построить одних лишь тяжелых кораблей полтора десятка, а США — шестнадцать. К 1927 году ежегодные расходы Японии должны были достигнуть 400 миллионов долларов, а США надо было дополнительно потратить полтора миллиарда — больше, чем Германия израсходовала на всю свою военно-морскую подготовку к Первой мировой войне, включая постройку глубоководного Кильского канала.

В 1921 году в Японии вышла книга адмирала Кодзири Сато, название которой в комментариях не нуждалось: «Если Япония и Америка будут воевать...» В том же году американская морская разведка установила, что шесть строящихся в Штатах линкоров не будут самыми мощными в мире: Япония строила восемь еще более могучих линкоров, а Англия закладывала четыре линкора, не уступающих японским.

Американцы начали на всех углах возглашать, что «англо-японский союз представляет наиболее опасный элемент во взаимоотношениях США с Дальним Востоком и Тихим океаном». Теперь, «после драки», янки уже не стеснялись открыто заявлять, что англо-японский союз был направлен против России и Германии. А по-

сколько русские и немцы сейчас слабы, то союз Японии и Англии уже, мол, не нужен.

Н-да.

На имперской конференции в Лондоне премьер Канады (формально — английского доминиона) Миган заявлял, что если англо-японский договор будет возобновлен, канадский парламент его не ратифицирует. На что Ллойд Джордж бросил ему: «Сэр, вы выступаете, как гражданин Соединенных Штатов» — и от правды был не так уж и далек.

В общем, громкий кавардак вокруг Тихого и других океанов затевался еще тот! И поэтому предложение Америки все обсудить на обстоятельной конференции не пропало втуне. 12 ноября 1921 года Вашингтонская конференция начала свою работу.

В официальную повестку входили два пункта: 1) ограничение морских вооружений, а также правила пользования новыми орудиями войны; 2) тихоокеанский и дальневосточный вопрос — Китай, Сибирь и мандатные острова.

РСФСР на эту конференцию не пригласили. Что ж, значит, и решения ее нам были не писаны.

Японии же эта конференция ничего хорошего не сулила, потому что одним из неофициальных пунктов был как раз поиск путей сдерживания японской военно-морской активности. И пути эти отыскивались в виде трех итоговых документов конференции.

Договор четырех держав (Четверное соглашение) — США, Великобритании, Франции и Японии — о «совместной защите прав на островные владения» был подписан 13 декабря 1921 года. Он — кроме прочего — аннулировал англо-японский союз, заключенный в Лондоне 13 (ах, как популярна эта цифра у Золотой Элиты!) июля 1911 года.

Францию к этому соглашению приплели Штаты, ибо не желали связывать себе руки чисто англосаксонско-японской договоренностью на Тихом океане.

На секретном заседании по дальневосточному вопросу японский посол в США Сидэхара уверил собравшихся, что Япония не бу-

дет аннексировать Сибирь, но будет вести там «мирное торговое строительство».

Не забудем, что в это время владивостокский постоялец будущего белоэмигранта Аничкова — японский генерал — еще распевал песни о будущем японском Иркутске.

С Сибирью и островами в Вашингтоне разобрались быстро, а потом начались тяжелейшие споры о квотах на военные флоты. В том, что их надо ограничить, соглашались все, потому что уже стало ясно — при безудержной морской гонке в финансовой бездне могут утонуть тоже все.

Но вот кому что можно позволить — на этом было сломано немало если не копий и мечей, то — писарских перьев и стенографических карандашей.

Японцы настаивали на соотношении сил линейных флотов Англии, США и Японии 10:10:7.

Штаты предлагали 5:5:3 и настаивали, в частности, на отказе Японии от достройки уже спущенного на воду новейшего линкора «Муцу».

Японцы упирались, но в конце концов на норму для своего флота в 60 процентов от флотов англосаксонских согласились. Но при этом Япония смогла добиться отказа от создания в Тихом океане такой сети англосаксонских баз, которая угрожала бы Японии. Ни Штаты, ни бритты не могли иметь военно-морских баз на расстоянии менее 5 тысяч километров от японских берегов.

Для круглого счета к договоренности были присоединены Франция и Италия, и подписанный 6 февраля Договор пяти держав устанавливал общее соотношение флотов для них 5:5:3:1,75:1,75.

Того же 6 февраля был подписан и Договор девяти держав по Китаю. Японии пришлось вернуть Китаю Шаньдунскую провинцию и отказаться от «21-го требования»...

Вместе с тем попуколонизальный статус «суверенного» Китая был в Вашингтоне скорее подтвержден, чем оспорен. Тут, пожалуй, достаточно привести мнение государственного секретаря США Юза: «Мы считаем, что благодаря этому договору «открытые двери» в Китай стали, наконец, реальностью».

С одной стороны, сказанное было наглой ложью — потому что «двери» в Китай были открыты для янки еще, пожалуй, со времен миссии Кашинга, а уж со времен Хэя — во всяком случае. Но, с другой стороны, сказанное было и правдой, потому что именно в Договоре девяти держав янки добились, наконец, для своей политики «открытых дверей» статуса не только де-факто, но и де-юре. Однако эти, открытые не Китаем, «двери» были далеко не аналогом того российского «окна», которое прорубал в Европу наш Петр Великий.

И уже вскоре после конференции — 14 апреля 1923 года — было признано утратившим силу и американо-японское соглашение Лансинга—Исии об «особых интересах» Японии в Китае.

И ВНОВЬ, уважаемый читатель, нам надо вернуться к Китаю...

Китайский крестьянин даже сейчас, в начале XXI века, существо, по словам людей знающих, бесправное. Наверное, это так и есть.

А почему я так думаю, я сейчас объясню...

Судя по всему, в решето китайской «статистики» уже не один век проваливаются не то что миллионы, а десятки и даже сотни миллионов китайцев. И все они — крестьяне.

Вот цитата из 32-го тома первой БСЭ: «Отдельные оценки численности его (населения Китая. — С.К.) сильно расходятся между собой. Официальные оценки правительственных органов довольно высоки: управление морских таможен насчитывает (1931) 439 млн ч.; статистическое управление (1931) 453 млн ч.; почтовое управление (1928) 485 млн ч. Китайские ученые присоединяются к официальным оценкам и считают, что население Китая значительно превышает 400 млн. Так, Чэнь Чжан-хэн останавливается на цифре в 445 млн, Лю Да-цзюнь — в 470—480 млн, Дяо Минь-цзянь — в 463 млн человек.

На другом полюсе находятся значительно более низкие оценки американских китаеведов. Так, Рокгиль определял в 1904 г. численность населения собственно Китая в 275 млн душ. Профессор Корнельского университета Вилькокс считает (1930) наиболее приемлемой цифру в 323 миллиона».

В энциклопедии приводились и «последние» (том подписан в печать 13 декабря 1936 года) данные Нанкинского правительства — 463 751 997 человек.

Эта последняя семерка, читатель, меня особенно умилила. Она, надо полагать, была выведена нанкинскими «счетоводами» с целью показать то, как тщательно все учитывались, но показала скорее обратное...

А ведь «прореха» между высшей и низшей оценками численности населения таможенными и почтовыми чинами самого Китая на рубеже 20—30-х годов — 46 миллионов человек!

Между высшей китайской и американской «учеными» оценками — 157 (!) миллионов!!

Вот как много китайцев проваливалось тогда в эти «прорехи»...

Но кто они?

Мандарины-чиновники?

Эти учтены.

Поэты и художники?

Этих любимцев императорских дворов всегда учитывали поштучно...

Рабочие фабрик и заводов тоже не могут быть обойдены учетом.

А вот кто учтет крестьян?

Проще и вернее сказать, что их — «сотни миллионов», и на том утвердиться...

Так что подлинными «лишними людьми» в Китае всегда оказывались именно крестьяне.

При этом только в войсках провинциальных генералов-милитаристов в 30-е годы не столько воевало, сколько пило-ело то ли два, то ли три миллиона человек.

В городах жило примерно 80 миллионов, и жизнь там для многих была далеко не сахар. В Шанхае на 1000 мужчин приходилось в 1934 году всего 436 женщин (по всему Китаю статистика давала соотношение 549 на 451).

И — вот парадокс — хотя женщин в Китае не хватало, их там не ценили уже с детских лет, и девочки до возраста невест просто не доживали.

ЗНАКОМЯСЬ (естественно, по книгам) с Китаем 20—30-х годов, я просто диву давался той пестроте и странностям, которые выпирали из каждой страницы прочитанного.

Ну, вот возьмем железные дороги...

В отличие от японцев, китайцы свою страну для Запада не закрывали, но первая китайская железная дорога была построена на десять лет позже первой японской — в 1881 году.

Да и короче ее была чуть ли не в десять раз!

В Японии накануне Первой мировой войны было уже 11 тысяч километров эксплуатируемой железнодорожной сети, а в Китае — всего 6 тысяч.

И к началу тридцатых годов Китай удлинил эту сеть ненамного. 8307 километров — вот что имел он в 1932 году. И перевозил он по ним 25—27 миллионов тонн грузов и не более 48 миллионов пассажиров.

Япония в 1929 году имела уже 19 613 километров, по которым перевезла 103,2 миллиона тонн грузов и (держишь, читатель!) — миллиард двести четырнадцать миллионов пассажиров... Правда, средний пассажир имел «наезд» всего в 20 километров (то есть, как всегда, наибольший вклад давали пригородные поездки). Но все равно это — цифра, вызывающая к японцам исключительное уважение...

Тем более что уже по одной ней не скажешь, что японцы того времени, «вскрытые» для внешнего мира восемьдесят лет назад, остались домоседами (в Англии в те годы по железным дорогам проехало на 18 миллионов англичан меньше, чем японцев в Японии, а в Германии немцев — лишь в два раза больше).

А что собой представляли китайские и японские железные дороги? С позволения читателя, я опять просто процитирую тома первой БСЭ: 32-й (о Китае) и 65-й (о Японии).

1) «Крайне низкий технический строительный стандарт, снабжение подвижным составом и техническим оборудованием в подавляющем большинстве за счет брака и отработанного иностранного старья, ничтожная величина новых капиталовложений при непрерывных милитаристских войнах и частых стихийных бедствиях (в Японии, вообще-то, тоже случались землетрясения. — С.К.) — все это обу-

словливает техническую отсталость и разруху китайского ж.-д. транспорта».

2) «Большие достижения Я. имеет в области использования подвижного состава. Перевозя в 3 раза грузов меньше, чем Англия, и в 5 раз меньше, чем Германия, Я. имеет товарных вагонов почти в 10 раз меньше, чем каждая из этих стран. То же мы видим и в использовании пассажирских вагонов и паровозов... Высокие нормы использования подвижного состава на ж. д. Я. связаны с прекрасной организацией на них движения и ремонта. В этом отношении Я. идет впереди всех остальных стран...»

Впереди **всех**, читатель! И это явно было так, ибо далее БСЭ сообщала: «Поэтому, когда встала во весь рост проблема рационализации ж.-д. х-ва СССР, в качестве образца была взята именно Я.».

Не Германия, не Америка, не Англия, не Швеция, а Япония, уважаемый мой читатель!

Ознакомившись с этими цифрами, я лишний раз понял — как много значит для истории страны национальный характер ее народа. Огромный континентальный Китай сам разрушал себя, а узенькая островная Япония, за столетия приученная к идеям единого государства, прогрессировала так, что и сталинскому СССР с его пятилетками было впору позавидовать не просто трудолюбию, а «стахановскому» напору японцев.

Япония использовала иностранцев, а вот Китай кормил и обогащал их... В 1934 году в Китае и китайцами (но отнюдь не *Китаем*) добывалось 28,5 миллиона тонн угля. А вот сводка по предприятиям его угольной промышленности за 1934 год:

Копи, принадлежащие исключительно Китаю, 9062 млн т
 Кайланьские копи (английские) 5460 млн т
 Другие английские и англо-китайские копи 1637 млн т
 Фушуньские копи (японские) 7106 млн т
 Другие японские и японо-китайские копи 1637 млн т
 Германо-китайские копи 0,879 млн т
 Всего с участием иностранного капитала 19 438 млн т

И во всей экономике Китая картина от выше изображенной отличалась мало. При этом по импорту в Китай на первом месте стояла Америка с 26,16 процента, на втором — Япония с 12,21 процента; на третье (с первого перед Первой мировой войной) переместилась Англия с 12 процентами. На Германию приходилось 9 китайского импорта.

С мирового рынка чая Китай вытесняли британские Индия и Цейлон, с рынка шелка-сырца — Япония. С японского рынка хлопка Китай вытесняла та же Индия.

Да, непросто...

Однако почти с начала XX века Китай раздирали на части не только Запад, Япония, Штаты, но и — прежде всего — сам Китай.

Вот как характеризовал процессы на Юго-Западе Китая такой оригинальный исследователь, как Рихард Зорге.

В германском журнале «Цайтшрифт фюр геополитик» в 1938 году, заключая свою аналитическую статью о Кантоне, Зорге писал: *«В этом бегло очерченном, охватывающем почти все области провинциальной жизни изменившемся положении Юго-Запада... содержится в значительной мере ответ на так часто задаваемый вопрос о том, как долго просуществуют сплоченность и единство китайских провинций... Можно, пожалуй, считать, что не все противоречия, раздиравшие ранее по преимуществу формально объединенный под контролем нанкинского правительства Китай, исчезли, и Юго-Запад еще будет преследовать некоторые собственные цели и намерения... Поэтому было бы рискованно уже сегодня объявлять новый откол или самостоятельное конституирование южной провинции полностью невозможным... Корреспонденту кажется, что самое серьезное испытание выковываемого в борьбе практического единства Юго-Запада с остальным Китаем наступит только после окончания борьбы с Японией. Центральное правительство... окажется тогда перед лицом двух больших группировок, и ему придется иметь дело с их руководящими деятелями, новыми путями экономического развития и политическими течениями. Это,*

с одной стороны, Северо-Запад Китая, находящийся под влиянием коммунистов, а с другой — антикоммунистический, приобретающий все большее значение Юго-Запад».

И над тем, что ждет Китай в будущем, задумывался, естественно, не только Зорге...

А что ждало Японию?

А что — Россию?

НАД ЯПОНИЕЙ пролетали дымные шлейфы от действующих вулканов, ее трясли подвижки земной коры и рождающиеся на просторах океана цунами.

Отошла в прошлое мировая война, осиротившая десятки миллионов людей в десятках стран, а Японию на время озолотившая.

Отошли в прошлое русская Гражданская война и японская антисоветская интервенция в Россию, прекращению этой войны не способствовавшая...

Сдала свои дела в архивы «буферная» Дальневосточная республика, вошедшая в СССР.

Рухнуло (и не только от толчков землетрясения 1923 года) оказавшееся непрочным благополучие японской экономики, которую не очень-то выручил и временный подъем в 1925 году...

Но жизнь шла...

В 1921 году в Японии был значительно понижен имущественный ценз для избирателей, а в 1925 году избирательное право стало формально всеобщим (правда, лишь для мужчин, да и то не для всех).

В том же 1925 году был принят и закон об «охране общественного порядка», который сразу же получил и второе, неофициальное название — закон «об опасных мыслях»... Опасными признавались все сомнения в благодетельности частной собственности. За «создание или участие в обществе, ставящем своей целью изменение конституции или образа правления или отвергающем систему

частной собственности», закон предусматривал десятилетнее заключение.

Но жизнь шла...

И в этой жизни Япония не могла не помнить о том, что она соседствует с Россией как по морю, так и по суше — по 50-й параллели на острове с двойным названием Карафутто-Сахалин.

Не могла забывать об этом и Советская Россия.

Наши торговые отношения особой живостью не отличались еще до Первой мировой войны. В 1913 году общий объем русско-японской торговли составил 10,5 миллиона иен при активном балансе для Японии в 7—8 миллионов.

В войну мы закупали у Японии и военные товары (как мы помним, славный наш оружейник генерал Федоров ездил тогда в Японию за винтовками «арисака»), и продовольствие. Закупали на вполне приличные суммы — в 1916 году на 151 миллион иен.

Чуть позже Япония неплохо попользовалась нашими богатствами во время интервенции — от 45 до 171 миллиона иен в год составляла тогда ее русская «добыча».

Но жизнь шла...

В январе 1923 года мэр Токио — виконт Гото — предложил начать переговоры между Японией и Россией для выяснения существующих между ними «недоразумений» (позднее Гото стал председателем Японо-советского общества культурных связей).

А через два года, 20 января 1925-го в Пекине был подписан первый советско-японский договор — Конвенция об основных принципах взаимоотношений.

По этому пекинскому договору Советский Союз признавал, к слову, остающимся в силе Портсмутский договор 1905 года, но отказался разделить с бывшим царским правительством политическую ответственность за него.

Рыболовную же конвенцию 1907 года было решено пересмотреть.

К маю 1925 года Япония вывела свои войска с Северного Сахалина, но по нефтяной и угольной концессиям в соответствии с пе-

кинским договором Япония получала с тамошних концессионных промыслов до 200 тысяч тонн нефти и 130 тысяч тонн угля в год.

Еще через три года, 23 января 1928-го, в Москве была заключена новая Рыболовная конвенция. Переговоры были непростыми, а аппетиты японцев — нескромными.

Да и вели они себя нагло — в 1928 году наш торговый представитель Аникеев получил в Токио три пули при выезде из того дома, где он жил. Торгпред был лишь ранен, конвенцию (для японцев — выгодную и льготную) мы подписали. Однако эти три пули как бы символизировали те политические «многоточия», которые стали для наших взаимных отношений достаточно привычным «знаком препинания».

Но не во всем и не всегда японцы были к СССР враждебны... В конце июля того же 1928 года к нам на месячные гастроли приехал знаменитый театр кабуки во главе с выдающимся актером Садандзи. Нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский опубликовал в № 32 журнала «Красная панорама» статью, где писал:

«Приезд японского театра кабуки в Москву и Ленинград представляет исключительный интерес. Во-первых, настоящий японский театр, театр традиционный, обладающий целым рядом оригинальнейших особенностей, до сих пор, насколько мне известно, никогда не покидал территории Японии. Только сейчас одновременно два однотипных театра поедут: один в СССР, другой — в Германию...»

Адреса зарубежных гастролей кабуки вряд ли были случайными — они могли даже рассматриваться как символические... Ведь умные люди в Японии понимали, что именно эти три страны — Германия, Россия и Япония — могут образовать небывалый по своему потенциалу взаимодополняющий союз...

Луначарский заканчивал статью так:

«Мы не сомневаемся, что наша публика проявит самый определенный интерес к столь оригинальному зрелищу, являющемуся ключом к пониманию целой сложной и высокой культуры, до сих пор; несмотря на наше соседство с японцами, остающейся для нас чем-то далеким и замкнутым».

Увы, на Дальнем Востоке разыгрывались другие спектакли, и они тоже были ключами к пониманию того, что дружить с японцами может только сильная Россия, способная спокойно и убедительно сказать: «Всяк при своем»...

Ведь японцы то и дело пытались получить за наш счет что-то и сверх «своего»... В 1930 году в конвенционных водах вдоль советского побережья Японского, Охотского и Берингова морей они выловили рыбы на 60 миллионов иен (и на 6 миллионов иен они ее у нас в том году закупили).

Море и его продукты кормили японцев всегда. А после «революции Мэйдзи» быстро развивалось и промышленное рыболовство. Неудалая царская Россия проигрывала Японии и в этом отношении. И до Октябрьской революции мы в собственных дальневосточных водах ловили рыбы мало. А вот советское рыболовство на Дальнем Востоке уже к началу 30-х годов становилось фактором вполне реальным и с каждым годом все более весомым.

Все это было для Японии очень нежелательным. Мы начинали сами обеспечивать свой внутренний рынок, выходили на рынки внешние (японский в том числе) и естественным образом теснили японцев в районах промысла.

Воды-то, в конце концов, были нашими, русскими, а льготы мы предоставляли японцам вынужденно. Надо было иметь чисто самурайскую самоуверенность, чтобы рассчитывать на то, что рыболовное советско-японское статус-кво сохранится навеки.

В 1930 году в кабинете управляющего владивостокским отделением японского Чосен-банка появились аккуратно одетые в гражданское, но не по-штатски подтянутые люди.

— Господин Иомиура! Ваш банк производит незаконные операции.

— Это — наглая провокация!

— Нет, это — правда. Вы снабжаете японских рыбопромышленников нашими червонцами по пониженному курсу.

— Это — наглая провокация!

— Нет, это — правда! Но более подобного мы не допустим.

Спекуляцию советской валютой мы тогда подрубили. А вот антисоветскую спекулятивную политику Японии — нет.

Но жизнь шла...

В том же 1930 году взаимный экспорт–импорт делился примерно пополам при общем обороте в сорок с лишним миллионов иен. Конечно, это было не бог весть что.

Япония получала от нас преимущественно лесоматериалы и рыбопродукты. Мы закупали у Японии лесные изделия, металлы и металлоизделия, электроизделия и текстильные товары. В основном же наш импорт проходил по статье «товары особого рода» (на четыре пятых это были... сети).

Занятная вещь — экономика. Советский торгпред за свои действия по ограждению нашего рыболовства вынужден был уклоняться от пуль в той самой стране, которая снабжала русских рыбаков качественными орудиями лова.

А К СЛОВУ, немного об экономике... В царской России об особой экономике Дальнего Востока говорить не приходилось.

А что же Россия Советская?

Итак, том 20-й первой БСЭ, изданный в 1930 году, в статье «Дальневосточный край» сообщал:

«ДВК — крупнейшая после Якутии и Казахстана единица областного деления СССР, охватывающая ок. 12% его площади, образована... из прежних губ. Забайкальской, Приморской, Амурской, Камчатской и сев. части Сахалина... Площадь 2.602,6 тыс. км²; нас. 1.881,4 т. по переписи 1926 и 2 099,7 т. по исчислению на 1/1 1929 (прирост за считанные годы на 10% о чем-то говорит! — С.К.). Центр — Хабаровск».

Быстро росло не только население, но и вся экономика края, хотя планы пятилеток тогда еще только намечались. За три тех же года, с 1926 по 1929-й, валовая стоимость продукции сельского хозяйства увеличилась с 184,3 миллиона рублей до 261,5 миллиона, промышленности — со 140,4 миллиона до 235,9 миллиона руб-

лей (в том числе крупной — с 77,4 до 145,2, а золотопромышленности с 5,9 до 15,5 миллиона) в ценах 1926—1927 годов.

В то время на Дальнем Востоке мы предоставляли концессии японцам. Так, на сахалинском Охинском месторождении они добывали до 150 тысяч тонн нефти в год. Но уже существовал советский трест «Сахалиннефть» с планом добычи к 1933 году в 370 тысяч тонн.

В 1913 году грузооборот портов ДВК составлял 1 миллион 530 тысяч тонн (из них 423 тысячи — экспорт, 377 — импорт, остальное — внутренний каботаж).

К 1925 году он упал до 1 миллиона 185 тысяч тонн (980 тысяч — экспорт, 52 — импорт), однако уже через три года серьезно превысил дореволюционный уровень — 2 миллиона 591 тысяча тонн (2 млн 005 тысяч — экспорт, 140 — импорт).

Сальдо внешней торговли в 1913 году было пассивным при минус 23,6 процента, а в 1928 году — активным при плюс 3,9 процента, но первая БСЭ делала характерное уточнение: «Если внести поправку на контрабандную торговлю, то по обмену с границей ДВК имеет пассивное сальдо, которое компенсируется активным сальдо по обмену с остальными районами СССР».

Впрочем, к началу тридцатых годов все это самым приятным образом устаревало уже в перспективе ближайших лет. БСЭ говорила об этом так: «Проблема развития производительных сил ДВК находится в совершенно особых условиях, отличных от любого другого района СССР. Советский Дальний Восток наиболее удален от основных хозяйственных центров Союза...

Совершенно иное положение наступит в начале второго пятилетия. Урал и Кузбасс будут давать до 6 млн т черного металла, переработанного в рельсы, орудия, машины. С химических заводов Кузбасса начнут поступать транспортабельные удобрения. В районе Новосибирска начнут действовать мощные хлопчатобумажные и льняные фабрики... Спустя еще несколько лет возникнет энергетический центр мирового значения в районе Прибайкалья...»

Все это давало новый шанс и русскому Дальнему Востоку. К 1933 году предполагалось развертывание каменноугольной про-

мышленности с добычей до 6 миллионов тонн угля в год, создание рыболовного флота «из траллеров, дрейфтеров, плавучих крабоконсервных заводов, китобойных баз и пр.», а кроме того — создание стационарных заводов, на что выделялось 42 миллиона рублей. По тем временам — деньги не ошеломляющие, но приличные.

Дальний Восток был удален от Москвы по-прежнему на девять тысяч километров, но в этом дальнем русском крае возникала уже новая психология. Чехов не увидел здесь русского самосознания, и вот теперь общность Востока России с Центром возникала уже на основе самосознания советского, то есть — коллективистского, деятельного, созидательного и оптимистичного...

И разве это было плохо?

Даже — для Японии?

В СВОЕЙ знаменитой «Цусиме» Алексей Силыч Новиков-Прибой о Японии простых людей (иных цусимский матрос, собственно, видеть и не мог) написал так: *«Меня удивляли японцы. Я не встречал опечаленных и угрюмых лиц ни у мужчин, ни у женщин. Казалось, что они всегда жизнерадостны, словно всем им живется отлично и все они довольны и государственным строем, и самими собою, и своим социальным положением. На самом же деле японское население живет в большой бедности, но искусно скрывает это. Точно так же ошибочно было бы предположить, судя по их чрезмерной вежливости и любезности, выработанной веками, что они представляют собой самый мирный народ на свете».*

Таковы были итоги наблюдения вдумчивого русского человека за японскими «низами»...

Общественную физиономию «верхов» изучать легче — и потому, что многое из их дел от публичного взгляда не скроешь, и потому, что от них остается много разных бумаг...

25 июля 1927 года премьер-министр и министр иностранных дел Японии генерал Танака закончил секретный меморандум «Об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии» и представил его императору. Программа Японии в этом меморандуме опре-

делялась так: Маньчжурия, Монголия, затем — остальной Китай, затем — Индия, Архипелаг, Азия и, наконец, «даже Европа».

Вообще-то японцы подлинность «меморандума Танаки» пытались оспаривать (впервые он был опубликован в китайском журнале «China Critic» в сентябре 1931 года, в атмосфере начавшейся оккупации Маньчжурии японскими войсками).

Но висевшая в японских школах карта «Соседи Японии» с пятью концентрическими кругами перспективной экспансии полностью этой якобы «фальшивке» соответствовала.

Относительно Америки Танака был не так решителен, однако считал, что такая политика «расы Ямато» ставит ее с янки «лицом к лицу». Танака писал: *«Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить США, то есть поступить с ними так, как мы поступили в Русско-японской войне».*

Конечно, это была уже непростительная геополитическая и историческая слепота. Япония не победила Россию, во всяком случае, не победила убедительно, в силу долговременно действующих факторов. Россию «победили» при помощи Японии те, кому нужна была антигерманская активность России в Европе и ни к чему была разумная активность России на ее собственном Дальнем Востоке.

Без кредитов Якоба Шиффа не могли бы состояться ни Мукден, ни Цусима.

Золотая Элита была, конечно, не прочь финансировать и поощрять новые военные приготовления Японии, однако допустить военную победу Японии над страной пребывания штаб-квартиры этой Элиты никто, естественно, не планировал. Прочная, конечная победа Японии над США была однозначно химерой.

И это была уже вторая (после антисоветской) авантюрная линия в политике Японии. Преклоняясь перед князем Бисмарком, японские «виконты» и «бароны» из «генро» не хотели усвоить бисмарковский генеральный внешнеполитический тезис. Суть его можно было сформулировать так: «Россию не надо любить, но Россией нельзя пренебрегать, а значит, с Россией надо дружить».

Не поняв этого, Япония обрекала себя на внешнее противостояние сразу на двух фронтах.

А ведь так же, как для немцев когда-то был бы благотворным союз с континентальной Россией против морской Англии, так и для японцев было бы умным в своем предстоящем противостоянии с океанской Америкой заручиться честным союзом с континентальной Россией...

Понимала ли это Япония 30-х годов?

Увы, нет!

Япония шла в Маньчжурию и в Китай и там поддерживала те силы, которые раздирали страну на части, а при этом еще и ненавидели Россию.

ИТАК, вновь — Маньчжурия...

По ее территории как была Россией проложена, так и пролегла хорошо памятная нам «виттевская» КВЖД. Советский Союз считал КВЖД коммерческим предприятием — хотя и находящимся на территории Китая, но выстроенным на русские государственные средства и поэтому принадлежащим СССР.

В двадцатые годы, однако, на КВЖД претендовали и китайские милитаристы, и японцы, и янки, и даже Франция (последняя — на том «основании», что выкупила акции Русско-азиатского банка).

Тем не менее 31 мая 1924 года пекинское правительство подписало «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой». Его не признал генерал Чжан Цзо-линь — глава провинциального маньчжурского правительства, но 24 сентября 1924 года мы подписали в Мукдене соглашение по КВЖД и с ним.

На железных дорогах Чжан Цзо-линь в конечном счете и погорел, в том числе — и буквально. Конфликт его с центральным правительством к 1928 году принял вооруженный характер. Генерал занял Пекин, там не удержался, вынужден был отступить и этим подорвал свои акции у японцев (они его еще и в связях с американцами заподозрили!).

4 июня 1928 года Чжан Цзо-линь отправился в Мукден, но когда его поезд проезжал виадук, охраняемый японскими войсками, раздался взрыв.

Шума было много, было ясно, что убрали генерала сами японцы, но дело замяли. Генералу наследовал его 27-летний сын генерал Чжан Сю-элян, который был настроен националистически и подчинил Маньчжурию чанкайшистскому нанкинскому правительству Китая. В декабре 1928 года над столицей Чжан Сю-эяна Мукденом был поднят гоминьдановский флаг.

На всем этом фоне в середине июля 1929 года войска Чжан Сю-эяна захватили КВЖД, в чем им Гоминьдан Чан Кай-ши не препятствовал даже для вида. Собственно, как раз на встрече Чан Кай-ши и Чжан Сю-эяна в Пекине в начале июля 1929 года захват КВЖД и был окончательно решен.

В нынешней «России» «записные» перья «разоблачителей» тайн советских спецслужб сообщили, правда, что «маршала» Чжан Цзо-лина убрала Москва, а организатором акта был советский разведчик Христорфор Салнынь.

Не верится мне в это... А «документы» сейчас фабриковать научились. Стоило ли нам убирать Чжан Цзо-линя, чтобы вскоре получить конфликт на КВЖД? Да и если бы не японских рук это было дело, то уж японцы бы землю носом рыли после взрыва, а «концы» советские нашли. Это же как здорово было бы все свалить на «агентов Коминтерна»!

Агенты-то эти в Китае действовали активно, но тут, как мне кажется, были ни при чем.

В зону КВЖД китайцы пошли летом 1929 года. Но к осени того же года действия созданной приказом Реввоенсовета СССР Особой Дальневосточной Армии (ОДВА) быстро отрезвили и провинциальное мукденское, и центральное правительства. К наименованию ОДВА прибавилась буква «К» (Краснознаменная), а командарм ОКДВА Василий Блюхер получил только что учрежденный орден Красной Звезды за номером 1.

Впрочем, и после этого Китай Чан Кай-ши вел себя с нами то льстиво, то — подло. Но об этом я уже в свое время рассказывал.

Вообще-то в Китае мы тогда дров наломали немало. В двадцатые годы Китай в политическом отношении был еще более «лоскутным одеялом», чем Россия времен Гражданской войны. Там пестрело «Синее братство», там — «Красное братство», там — Гоминьдан, там — китайские рабочие дружины...

Шанхайская мафия, нанкинское правительство Чан Кай-ши и Чжан Сю-элян, южно-китайские войска и северные банды генералов-милитаристов, советский военный советник Галин-Блюхер и троцкистского разбора политсоветник Бородин-Грузенберг, французский консул и коммунистическая Кантонская коммуна, коммунисты и националисты...

Прочной власти нет, устойчивости ситуации нет.

Вот деталь...

Эмиссар СССР Бородин — советник Чан Кай-ши. А его жену, Фаину Бородину, и наших дипкурьеров солдаты Чжан Цзо-линя захватывают на переходе из Шанхая на борту советского парохода «Память Ленина». Бородину судят в Пекине, но за взятку судье в 200 тысяч долларов (санкционированную Москвой) оправдывают, выпускают и сразу же начинают искать, объявив в Пекине за ее голову награду в 30 тысяч долларов, а в Мукдене — 20 тысяч...

Голова может кругом пойти!

Мы не могли овладеть ситуацией в Китае, и нарком иностранных дел Чичерин расценивал линию Коминтерна в Китае как гибельную. И вряд ли в том ошибался. Если пролетарии Китая и были готовы объединяться друг с другом и с пролетариями всех стран, то они, составляя в Китае абсолютное меньшинство, не могли стать силой, объединяющей весь Китай.

А жизнь шла...

Япония по мере возможностей вмешивалась в дела Китая. экономически развивалась, политически бурлила и исподволь готовилась к реализации программы Танаки.

В 1928 году был изменен «закон об опасных мыслях» — вместо десяти лет тюрьмы за его нарушение теперь полагалась смертная казнь.

Активизировались японцы и в Китае. Но жесткость не всегда хо-

роша, особенно — для оккупантов. Танака отправил войска в китайский Шаньдун, но в ответ в Китае начался массовый бойкот японских товаров. Пахло и кое-чем более серьезным.

В марте 1929 года японцы вынуждены были вывести свои войска из Шаньдуна, а 2 июля правительство Танака пало. Сам Танака вскоре умер. В тот же день 2 июля «генро» Сайонлзи предложил назначить премьер-министром известного политика, лидера партии минсэйто Хамагути.

Правительству Хамагути и пришлось расхлебывать ту политическую военно-морскую «уху», которую начали заваривать в 1927 году уже на Женевской морской конференции Англия и США.

Вашингтонская конференция лишь выявила линии будущих ссор. Женева их продолжила. И англичане пригласили две другие «первоклассные морские державы» на консультации в Лондон.

Лондонская конференция 1930 года по морским вопросам началась в январе и касалась прежде всего строительства тех кораблей, которые Вашингтонское соглашение не ограничивало, — крейсеров, эсминцев и подводных лодок.

Японцы настаивали на пропорции в 7 японских крейсеров и эсминцев против 10 американских и английских и равенстве по лодкам. Штаты соглашались в отношении тяжелых крейсеров лишь на пропорцию 6:10.

Англичане хотели иметь в своем флоте 70 крейсеров всех типов, но янки возражали, что тогда получится не сокращение вооружений, а их увеличение.

Не успокаивало страсти и строительство Англией военно-морской базы в Сингапуре, явно нацеленной против притязаний Японии в Юго-Восточной Азии.

В итоге к апрелю был достигнут непрочный и явно недолговечный компромисс. Но многим в Японии компромисс уже казался государственным преступлением. Начальник морского штаба адмирал Като Кандзи, адмиралы Окада, Того, Суэцугу заявили, что Хамагути не обеспечил морскую оборону страны, и подали в знак протеста в отставку. А 14 ноября 1930 года Хамагути был смертель-

но ранен членом шовинистической организации и весной 1931 года скончался.

Премьером стал его коллега по партии минсэйто Вацуоки.

К ИСХОДУ первой трети XX века Маньчжурия стала одним из крупнейших экономических районов Китая. На ее долю приходилось 93 процента добычи нефти, около 41 процента железных дорог (спасибо Витте!).

Во внешнеторговом обороте Китая удельный вес Маньчжурии доходил до 37 процентов.

Летом 1931 года в маньчжурском городе Ваньбаошане начались столкновения между корейцами, поселенными тут Японией, и китайцами. Они были организованы, конечно, японцами, как и ответные китайские погромы в Корее.

В конце июня в Маньчжурии «загадочно исчезает» японский ученый-агроном Накамура (он же — капитан японской армии). Японские военные заявляют о «неслыханном оскорблении императорской армии».

В июле 1931 года японская пресса публикует речь генерала Койсо из военного министерства, произнесенную на заседании кабинета министров 7 июля. Койсо заявлял: «Русская угроза снова выросла. Выполнение пятилетки создает угрозу Японии. Китай тоже пытается умалить японские права и интересы в Маньчжурии. Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действительного разрешения».

15 сентября 1931 года начальник военной разведки Квантунской армии полковник Доихара лично информирует в Токио свое и капитана Накамуры «оскорбленное» руководство о текущей ситуации и получает инструкции.

А в ночь с 18 на 19 сентября на Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД) вблизи Мукдена прогремел взрыв. Позднее японцы все свалили на якобы китайских солдат, но чего уж там было им открещиваться!

История умалчивает, далеко ли место взрыва отстояло от «виа-

дука Чжан Цзо-линя», но политически японцы просто повторили историю с генералом. Однако заминать ничего на этот раз не стали. Не для того все затевалось. В ту же ночь японские войска заняли Мукден, затем Аньдун, Чанчунь и Ньючжуан. Вся зона ЮМЖД была взята под контроль за 18 часов.

Началась оккупация Маньчжурии и Китая. И ей на долгие годы предстояло стать уже перманентной. Был сдан в архив и «договор девяти держав» по Китаю.

К агрессивной активности Японию подталкивал и мировой экономический кризис. Стоимость продукции японской промышленности упала с 7,4 миллиарда иен в 1929 году до 5 миллиардов иен в 1931-м. Половина тяжелой и добывающей промышленности бездействовала. Безработных насчитывалось до 3 миллионов человек.

Социальные тайфуны тогда пронеслись не над одной только Японией. Летом 1932 года губернатор (!) Миннесоты Олсон публично заявлял представителю Вашингтона: «Скажите им там, в столице, что Олсон больше не берет в национальную гвардию никого, кто не красный! Миннесота — левый штат».

Так что война была бы очень кстати не только для Японии.

Но ни одна другая крупная капиталистическая страна мира не могла тогда решать свои внутренние проблемы за счет крупной внешней войны.

Ни одна, кроме Японии.

Для большой войны в Европе нужен был серьезный базис. И его мог дать только советско-германский конфликт. Но к середине 30-х годов Германия лишь начинала обрастать бранной сталью и броней...

Америка могла воевать только вдали от своей территории, но в Европе войны пока быть не могло...

Война в Азии? С кем? Пожалуй, только с Японией... Но и эту войну надо было серьезно подготовить. Янки ее и готовили в уже привычной для них манере — непрямыми действиями, как учил англосаксов их военный теоретик капитан Лиддел Гарт.

За сорок восемь часов до вторжения японцев в Маньчжурию государственного секретаря США Генри Стимсона посетил японский посол Кацуи Дебучи. Если верить мемуарам Стимсона, они

много говорили о взаимных дружественных чувствах, и не более того... После того как собеседники «выразили друг другу удовлетворение настоящим положением вещей», Дебучи отбыл...

А через двое суток началось японское вторжение...

Стимсон — как любой высокопоставленный янки, самоуверенный до саморазоблачения — проговаривался: «Маньчжурия фактически и юридически была частью Китая. Но японцы проявляли к Маньчжурии такой интерес, исторический, политический, такое чувство (н-да. — С.К.) и в этом были подкреплены такими исключительными правами и притязаниями, что конфликт между этими притязаниями и суверенитетом Китая практически стал неизбежным».

Итак, госсекретарь США — достойный наследник Куинси и Сьюарда — был искренне уверен, что достаточно очень сильно хотеть чужого, чтобы иметь право взять это чужое...

Логика и философия бандита, но кем иным были янки во внешней своей политике на протяжении всей своей истории? И их далеко не всегда беспокоило — есть ли у их «притязаний» хоть какое-то политическое или моральное обоснование. Вот и тут Стимсон и его шеф президент Гувер поощряли Японию постольку, поскольку таким образом продвигали к войне и сами Соединенные Штаты...

Да, ту серьезную войну, которая была нужна элите Соединенных Штатов, могла тогда начать только Япония. И — только в Китае.

Япония и вступила первой на этот заманчивый для элиты, но очень уж неверный путь... Агрессия в Китае расширялась, и расширялась успешно... Чан Кай-ши записал в дневнике:

«Карликовые разбойники воспользовались беспорядками, внутренним расколом и напали на наши северо-восточные провинции...»

И стандартными определениями для японцев у китайцев по-прежнему были «карлики», «карликовые дьяволы»... Говорили о «Квантунской армии карликов».

Но не только ловкий Давид побеждал гиганта Голиафа. Японцы тоже били китайские войска. И эффект от их побед был далеко не карликовым.

В СЕНТЯБРЕ того же кризисного 1931 года концерн «Мицубиси» впервые начал производство тяжелых бомбардировщиков, причем — уже из японского алюминия.

29 февраля 1932 года в Мукдене собралось (впрочем, точнее — было собрано японцами) «всеманьчжурское совещание», которое 3 марта избрало бывшего императора Китая Пу И «регентом» нового маньчжурского государства — марионеточного Маньчжоу-Го. Соответственно, японский штык уже начинал подпирать не только КВЖД, но и — в возможной перспективе — советскую «Амурскую дугу» и Монголию.

Еще до начала событий в Маньчжурии, весной 1931 года, через Москву в Токио возвращался генерал Харада. В русской столице он встретился с послом Хиротой и военным атташе Касахарой.

— Как Европа? Будет ли она поддерживать Китай против нас? — поинтересовался у гостя посол.

— Нет! — ответил Харада и в свою очередь спросил:

— А будут ли поддерживать Китай Советы?

— Они бы и рады, — не сдержав улыбки Хирота, — но в такой поддержке не видят нужды прежде всего сами китайцы...

И тут же поправился:

— Если они, конечно, не красные...

— Так что же мне передать начальнику Генерального штаба?

— Передайте ему, что надо проводить решительную политику против Советской России и быть готовыми в любой момент начать войну с целью захвата Восточной Сибири...

Харада перевел взгляд на генерала Касахару, и тот молча кивнул коротко остриженной головой.

Но до этого на деле не доходило... Лига наций ведь отдавала Северный Китай Японии, рассчитывая как раз на «сибирское» продолжение, но японцы в глубине души не могли не признавать, что ушли из Сибири отнюдь не потому, что этого хотели. А ведь русские с тех пор стали намного сильнее — ОКДВА у них тогда не было...

Поэтому пока все ограничивалось нахальством в пределах КВЖД — японцы и войска Пу И все чаще передвигались по КВЖД, не оплачивая проезд. Движение по дороге все чаще срывалось.

Весной 1933 года мы предложили продать КВЖД Японии за 250 миллионов золотых рублей. Цена более чем сходная, однако японцы рассчитывали получить дорогу даром. Лишь через два года они выплатили нам за КВЖД 140 миллионов иен плюс 30 миллионов иен компенсации увольняемым советским служащим.

Обидно было все это, но — что же делать... Давняя антирусская провокация Витте все еще отдавалась эхом в нашей дальневосточной политике, и ликвидировать повод к новым провокациям становилось не таким уж и малым делом.

Мы — крепки.

Японцы — осторожничают.

Владимир Коккинаки совершал сверхдальние перелеты, и в газетах писали: «Если надо, Коккинаки долетит до Нагасаки и покажет всем Араки, где у нас зимуют раки».

Араки был японским генералом, военным министром, кумиром «молодого офицерства» и не скрывал своих чувств по отношению к нам. От любви они были, надо сказать, очень далеки...

В ДЕКАБРЕ 1934 года Япония отказалась от Вашингтонского соглашения и потребовала уравнивания своего флота с англосаксонскими. А в начале 1936 года она покинула новую Лондонскую конференцию, где ей в таком уравнивании отказали.

Аракисты становились все активнее, хотя сам Араки в 1934 году ушел в отставку. Но причиной ее был не поворот Японии к мирному курсу, а свара между могучими «старыми» концернами и наглыми «новыми», с которыми был связан Араки.

В том же 1934 году 60 тысяч девушек из нищих крестьянских семей были проданы в дома терпимости.

На место Араки пришел генерал Хаяси, но вскоре пришлось уйти и ему. Причем — уйти по поводу трагикомического: 12 августа 1935 года аракист подполковник Айдзава убил заместителя Хаяси по кадрам генерала Нагата. «Небывалый случай нарушения субординации» (офицер убивает генерала, а не наоборот) и вынудил Хаяси подать в отставку.

Сменил его аракист генерал Кавасима...

Все чаще коммунистов в Японии казнили, но министр юстиции сетовал: «Правительство до сих пор не может добиться искоренения коммунизма».

Впрочем, в целом политическое лицо Японии было устойчиво либеральным. На февральских выборах 1936 года антиаракистская партия минсэйто увеличила чисто мест в парламенте со 146 до 205, а милитаристская сэйюкай из ранее имевшихся у нее 303 мест потеряла 132 и со 171 местом перешла в оппозицию — тем более что демократическая партия сякай тайсюто тоже получила прибавку с 5 до 18 мест, еще более уменьшив влияние аракистов.

А 26 февраля начался путч «молодых офицеров». Они вывели на улицу полторы тысячи солдат и заняли парламент, военное министерство, главное полицейское управление.

Действовали путчисты, субординацию совсем уж не соблюдая. Бывший премьер, лорд-хранитель печати адмирал Сайто, министр финансов Такахаси, главный инспектор военного обучения генерал Ватанабэ, зять премьера Окада были убиты на глазах своих домашних.

Главный камергер императора адмирал Судзуки был тяжело ранен.

Премьер Окада, «генро» Сайодзи и Макино успели скрыться.

Трехдневный путч не подавляли, он просто рассосался, не получив поддержки ни от других войсковых частей, ни от масс. Последние хотя и не активно, но выступали явно против путчистов.

В итоге 17 офицеров-«стрелочников» были казнены (в их числе — до этого безнаказанный подполковник Айдзава). Семь членов высшего военного совета (фактическая верхушка путча) ушли в отставку, причем четверо из них (Араки, Мадзаки, Хаяси и Абэ) ушли вообще навсегда с военной службы. Новым премьером стал Хирота — министр иностранных дел в павшем правительстве Окада.

Путч в Токио «рассосался» 29 февраля, а 1 марта этого високосного «олимпийского» года Сталин дал интервью президенту американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» Рою Говарду, где сказал: «В случае, если Япония решится на-

пасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике».

12 марта 1936 года между СССР и МНР было подписано соглашение о взаимопомощи.

А правительство Хирота просуществовало год. 2 февраля 1937 года его сменил кабинет одного из отставных путчиков генерала Хаяси, но и этот премьер продержался недолго. Распустив 31 марта парламент и назначив новые выборы, правительство потерпело на них поражение и тоже вышло в отставку.

Во главе нового кабинета встал 38-летний «надпартийный» принц Коноэ — председатель палаты пэров, аристократ, по образованию — юрист, связанный и с дворцовыми, и с финансовыми кругами. Режим Коноэ был призван обеспечить «внутреннее согласие» и внешнюю войну.

Еще при Хироте, в ноябре 1936 года, японцы совершили налет на нашу территорию у озера Ханка. А 25 ноября 1936 года заключением на 5 лет «Антикоминтерновского пакта» с Германией оформилась ось «Берлин—Токио».

Формально Пакт был направлен не против СССР, а против Коминтерна (что подчеркивал в беседе с советским послом в Японии Юрневым министр иностранных дел Арита). Но тот же Арита на заседании тайного совета «генро» сказал: «Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией...»

В сказанном желаемого было много больше, чем реального. Гитлер был скорее склонен широко сотрудничать с нами в экономической сфере, чем всерьез блокироваться с Японией. Но что касается Японии, то она и впрямь — вопреки географии — собиралась стоять лицом к лицу с Америкой, и с Россией.

Россия в ответ отказалась возобновить с Японией Рыболовную конвенцию, срок которой истек в 1936 году. Однако лидеры «расы Ямато», не смутившись этим, собирались ловить уже иную «рыбу» в мутных волнах очень мутной политики.

Эти волны омывали и Сахалин–Карафуто, и берега тихоокеанских островов, и берега мутной «Великой желтой реки» Янцзы...

Омывали они и берега бывшей русской, а ныне — штатовской Аляски... К середине 30-х годов там в Бристольском заливе японцы расширили вылов рыбы — особенно лососевых, так, что стали для янки чем-то вроде того, чем были сами янки для нас во времена Русской Америки.

И в меморандуме от 21 ноября 1937 года президент США Рузвельт заявил: «Мне представляется, что возможным выходом могла бы быть президентская прокламация, объявляющая закрытыми морские области вдоль побережья Аляски для всех видов рыбного промысла».

Что ж — янки как янки... Они были такими — до мозга костей эгоистичными и лицемерными — еще со времен «отцов-пилигримов» и «отцов-основателей», со времен Вашингтона и Джефферсона, Адамсов и Монро, Сьюарда и Хэя, Рузвельта-дяди и Тафта, Вильсона и Гувера.

Так с чего бы это было меняться Рузвельту–племяннику?

Вот только — понимали ли это японцы? Они — раз за разом оглядываясь на США — получали от этого тактические, сиюминутные выгоды. И теряли в стратегическом, цивилизационном интересе, идя на противостояние с русскими.

А это янки вполне устраивало.

Пришел год 1938-й...

Середина июля этого года знаменовалась вначале политическим конфликтом в виде японских претензий на сопку Заозерную в районе озера Хасан, а последний день июля принес уже начало конфликта военного.

Впрочем, к 11 августа все было кончено. ОКДВА — пусть и не самым блестящим образом — утвердила на Заозерной красное знамя. И японцам пришлось согласиться с давней русской демаркацией этого участка границы.

Ну, а как там было в Европе?

Что ж, политическая осень 38-го в Европе, закончившаяся Мюнхенским соглашением по Судетам, была более похожа на жаркое лето.

И уже наступал 1939 год...

СССР и Японии он принес конфликт на Халхин-Голе.

СССР и Германии в разгар боевых действий на Халхин-Голе он принес Пакт о ненападении от 23 августа...

Япония была в шоке. Правительство горячего поклонника Гитлера, премьер-министра Хиранумы, подало в отставку. Уже значительно позже японский профессор Хироми Тэратани сказал: «Никогда — ни до, ни после — в истории не было случая, чтобы японское правительство уходило в отставку по причине заключения договора двух других государств между собой».

Барон Хиранума в ответ на просьбу прокомментировать Пакт ответил одно: «Непостижимо!»

Тэратани считал, что деморализующее значение этого «непостижимого» события не только приблизило капитуляцию японцев в Монголии, но и удержало их от желания распространить свою экспансию в сторону России. То есть шок 1939 года в какой-то мере обусловил выбор южного направления, где Япония входила в конфликт с янки.

Осенью 1939 года пала жертвой собственной гнилости панская Польша.

Весной 1940 года пала жертвой собственной гнилости забывшая о здравомыслии и независимости Франция «двухсот семейств».

В мире создавалась вот уж действительно непостижимая для невнимательного наблюдателя ситуация... Хотя в целом все шло примерно так, как это и надо было Золотой Элите мира.

И очень жаль, что события не развивались иначе. Как иначе?

Ну, например, хотя бы вот так...

Представим себе лето 1940 года. И представим, что в США приходит следующее сообщение: «Япония заключила мир с Китаем,

возвратила СССР Южный Сахалин и заключает с СССР прямой военный союз, а к этому союзу присоединяется Германия...»

То-то поднялся бы переполох! То-то началась бы паника!

Увы, все происходило так, как это замышляла Золотая космополитическая Элита. И «клубок» дальневосточных проблем все более запутывался...

И распутывать его можно было бездарно, а можно — и умно...

А 1940 год проходил...

И уже наступал год 1941-й...

Послесловие

ПРЕДДВЕРИЕМ 1941 года, который принес России и Германии войну, я и заканчиваю эту книгу...

Япония, не ввязываясь в бессмысленный, спровоцированный все тем же Западом конфликт русских и немцев, все же получила свою войну с Россией в 1945 году — уже по инициативе России...

Но в той ситуации объявление нами войны Японии не было актом неблагодарности — как это иногда пытаются представить сейчас японцы.

Во-первых, у японцев вряд ли вышло бы что-либо путное в случае их агрессии против нас... Тем более что нам весь период войны с немцами пришлось держать на Востоке весьма значительные силы.

Во-вторых, компетентные лидеры народов и государств (а Сталин был компетентен в высшей мере) не имеют права руководствоваться прежде всего некими этическими соображениями. Собственно, никто и никогда ими в реальной истории и не руководствовался (за исключением череды некомпетентных «российских» монархов и ряда послесталинских советских горе-«вождей»). Немногомудрые славянофилы (впрочем, особо мудрых среди них никогда и не наблюдалось) до сих пор не могут простить, скажем, князю Бисмарку, что он на Берлинском конгрессе не защищал с пеной у рта интересы России и не выступал против англо-еврейского политика Дизраэли. Но Бисмарк был не русофилом, а умным германским патриотом, и в качестве такового он руководствовался исключительно интересами *своего* Отечества! И честь ему за это и хвала!

Лично я, автор этой книги, тоже не отношусь к германофилам (хотя иногда меня в интернет-дискуссиях и принимают за таково-

го). Я и не «японофил». Я — русский советский патриот, и если я отстаиваю идеи благотворности партнерства России прежде всего с Германией и Японией, то лишь в силу убежденности благотворности такого союза для России...

Для нас!!!

Между прочим, отстаивая свои национальные интересы, Россия не конфликтует с национальными интересами других народов. Это объясняется тем, что Россия — как уже было сказано — носительница глобального потенциала Добра. Сохраняя и укрепляя себя, Россия сохраняет и укрепляет светлые надежды (да простится мне этот хотя и удачный, но весьма затертый оборот) всего человечества.

Вернемся, впрочем, в 1945 год...

Объявление Советским Союзом войны Японии не было актом неблагодарности и потому, что после Великой Октябрьской революции Япония в полной мере и весьма невеликодушно воспользовалась российским кризисом в исключительно сиюминутных своих интересах.

Строгий педант, возможно, захочет поймать автора на слове «невеликодушно», имеющем явный этический смысл... Но ведь рациональная внешняя политика держав совсем не обязательно должна быть коварной. И даже — совсем наоборот. Поэтому великодушие Японии по отношению вначале к РСФСР, а затем — СССР было бы в долгосрочной перспективе актом рациональным.

Однако как раз рационализма в «русской» политике Япония и не проявила... Мы с тобой, уважаемый читатель, об этом знаем...

И вместо того чтобы, скажем, мирно вернуть СССР Южный Сахалин и отказаться от привилегий по концессиям на советском Северном Сахалине, Япония поглядывала на Приморье...

А ведь даже Курилы Япония могла бы уступить нам мирно! Ведь геополитически Курилы относятся к России, а не к Японии...

Ничего этого сделано не было, и наша война 1945 года с Японией стала скорее актом восстановления исторической, геополитической и цивилизационной справедливости...

Но жизнь непрерывно шла ранее, так же непрерывно идет и не-

прерывно же продолжится в будущем.. И нам не уйти от будущего, как не уйти от уже произошедшего прошлого...

Так что же тут можно и нужно сказать?

РОССИЯ и Япония...

Сейчас для меня эти два понятия все более неотделимы от третьего понятия — Германия... Недаром же англосакса Гомера Ли (и далеко не только его) уже в позапрошлом веке пугал тройственный союз Германии, России и...

И — Японии...

Японии!

Между прочим, генерал Куропаткин, чью военную судьбу омрачили именно поражения от японцев, уже после этого написал: *«Несмотря на войну, положившую между нациями, казалось бы, созданными для союза и дружбы, преграду, я до сих пор храню чувство симпатии к своим знакомым в Токио».*

Такие слова из таких уст — это очень серьезная «информация к размышлению»...

А вот впечатления генерала-оружейника Федорова: *«Чем ближе мы узнавали народ Японии, тем все больше убеждались, что, несмотря на недавнюю войну, к нам, русским, относятся очень доброжелательно. Но только народ. Другое дело — правительство. И в этом смысле Япония оказалась двуликим Янусом».*

Очень, очень по-разному могли с учетом всего этого выстраиваться наши с Японией отношения в XX веке.

Как и с Германией...

И с обеими державами — и с западной, и с восточной — России надо было дружить и сотрудничать. Однако в XX веке, на излете своей истории, царская Россия провела только две войны — вначале с Японией, затем — с Германией.

Советская Россия серьезно конфликтовала и серьезно воевала тоже только с Германией и Японией.

Почему?

Не потому ли, что их стравливали сознательно — смертельно боясь их союзничества!

Хотя Германия на Западе, а Япония на Востоке были, да и остаются, наиболее дополняющими Россию ее потенциальными партнерами. И у нас есть много общего в наших исторических судьбах...

Лишь три державы, три народа в мировой истории смогли совершить стремительные, по историческим меркам мгновенные, рывки к политической первоклассности!

Это — Германия Бисмарка, а позднее — Рейх Гитлера.

Это — Россия Петра Великого, а позднее — Советская Россия Ленина, Советский Союз Сталина.

И это — Япония эпохи Мэйдзи, а позднее — Япония эпохи «Сони»...

Конечно, России и Японии пришлось очень многому учиться и многое заимствовать из внешнего мира... Очень уж они перед своими цивилизационными рывками от этого мира отставали. Но опирались они при этом на силы собственного национального духа и собственного национального интеллекта.

Пора, пора нам открыто признать, что русские не только долго запрягают, но быстро — по выражению великого Бисмарка — ездят.

Германия «запрягала» после Вестфальского мира 1648 года два с лишним века.

Япония, после «закрытия» ее Иэмицу Токугава в 1638 году, «запрягала» тоже два с лишним века.

А «поехали» они...

Быстро они поехали!

Быстро едет сейчас и Китай...

Вот только понять бы — куда... Неплохо знающий современный Китай человек, подтверждая мои сомнения, как-то сказал мне: «Да, что варится в этом полуторамиллиардном котле с названием «Китай», пока не знает никто, в том числе — и сами китайцы. .»

Хорошо сказано, да...

Но ведь — варится!

И варится на одной планете с нами.

Да и — рядом с нами.

А СЕЙЧАС я хотел бы ознакомить читателя с некоторыми оценками русского геополитика Генерального штаба генерал-майора Алексея Ефимовича Вандама (Едрихина), сделанными в начале XX века и касающимися предмета этой книги... Заодно читатель узнает и некоторые подробности визита коммодора Мэтью Колбрайта Перри в Японию, о которых автор до сего момента умалчивал.

Вот что писал Алексей Ефимович в своем труде «Наше положение» в 1912 году:

«Это открытие (открытие Невельским в конце 40-х годов XIX века островного положения Сахалина и судоходности Амура. — С.К.), плохо понятое у нас и едва не повлекшее за собою разжалование самого Невельского в рядовые, наоборот, в Англии и Америке вызвало сильную тревогу и целый ряд мероприятий...»

Едва только весть о новых русских открытиях в Тихом океане распространилась по цивилизованному миру, как работавшие у Камчатки и в Охотском море американские китобои потянулись к Амурскому лиману и Татарскому проливу для наблюдения за нашими действиями в тамошних местах. В соседней Маньчжурии появились лучшие из политических разведчиков — миссионеры. В самих Штатах политическая мысль занялась выяснением вопроса о том, какое значение может иметь величайший из бассейнов земного шара, т. е. Тихий океан, для человечества вообще и для североамериканцев в особенности...

Со своей стороны и исполнительная власть не сидела сложа руки. Обдумывая над картой возможное в ближайшем будущем занятие Россией Амурского бассейна, руководители американской политики обратили внимание на то, что главные японские острова Иезо (Иедзо, Иессо — Хоккайдо. — С.К.), Ниппон (Хонсю. — С.К.) и Киу-Сиу (Кюсю. — С.К.), вытянувшись дугой от Сахалина до Корейского пролива, представляют как бы гигантский бар (наносная отмель в устьях рек. — С.К.), заграждающий собою то море, к которому не сегодня-завтра Россия должна была выйти по Амуру. Это обстоятельство сейчас же подсказало привыкшему к сложным комбинациям англосаксонскому уму один из замечательных по

смелости, дальновидности и глубине расчета политических ходов, а именно:

Не теряя времени, предпринять морской поход в Японию с тем, чтобы одним ударом утвердить над нею моральное превосходство С.-А. Соединенных Штатов, взять ее под свою опеку и, постепенно направляя ее честолюбие на Азиатский материк, подготовить, таким образом, из этого островного государства сильный англосаксонский авангард против России».

А далее Вандам пишет и о миссии Перри, причем — с такими деталями, которые в отечественных монографиях почему-то опускаются. В изложении хронологии событий им допущены некоторые неточности, но они полностью искупаются системной точностью оценок:

«С этой целью по приказанию президента сформирована была и в ноябре 1852 г. отправлена в Тихий океан сильная эскадра в 10 военных судов под начальством коммодора Перри. Подойдя летом 1853 года к берегам Японии, Перри, после отказа японцев впустить его в Куригамскую бухту, приступил к бомбардировке прибрежных городов. Никогда не виданные в таком количестве «черные корабли» американцев, энергичные действия и повелительный тон начальника эскадры навели на японцев панический страх и внушили им представление о С.-А. Соединенных Штатах как о самом могущественном государстве в мире...»

Замечу, что «черные корабли» американцев — эта сочная деталь эффективного психологического давления янки — мне встретились лишь у Вандама, хотя я был о них уже осведомлен по той японской гравюре, которую в своем месте описывал.

«Дав, таким образом, японцам почувствовать, — заканчивает Вандам, — сначала силу, американцы объявили себя затем духовными отцами этого выведенного ими из замкнутого состояния народа и заставили его принять к себе, кроме дипломатических представителей, еще и особых советников по иностранным делам. Последние же, внимательно следя за каждым нашим шагом в Азии и

постепенно внушая японцам страх к России и ненависть ко всему русскому, начали превращать нашего легко поддающегося чужому влиянию соседа в подозрительного и опасного врага...»

Не все излагая здесь фактически верно, дав некоторые ошибочные прогнозы, Вандам удивительно прозорливо уловил суть происходившего на Тихом океане, на Дальнем Востоке, а также, отмечу дополнительно, и его связи с поспешной продажей «царями» Русской Америки именно янки...

Впрочем, об истории естественного основания, противоречивого развития и насильственного конца Русской Америки я написал отдельную книгу — «Русская Америка: открыть и продать!».

ЭТА КНИГА начиналась как исследование прежде всего отношений России и Японии. Уже в ходе работы тематика расширилась за счет китайского и корейского аспектов, а также необходимости показать роль США и Англии в стравливании двух тихоокеанских соседей — Российской и Японской империй.

Но в конечном счете эта книга — как и все мои предыдущие книги, и, как я надеюсь, книги будущие — написана о России и с думой о России...

У «высоких берегов Амура» все еще стоят часовые Родины.
И им есть что охранять!

*г. Кремлёв (Арзамас-16),
8 июля 2005 года,
12 часов 21 минута*

Об авторе. **СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ**

(Сергей Тарасович Брезкун)

Украинец. Родился 7 октября 1951 года в Днепропетровске в семье инженера–железнодорожника.

Окончил среднюю школу имени А.С. Пушкина в Керчи и двигателестроительный факультет Харьковского ордена Ленина авиационного института им. Н.Е. Жуковского. По специальности — двигателист–ракетчик.

После службы в береговых частях Черноморского флота, с 1978 года по настоящее время — сотрудник старейшего Центра разработки советского ядерного оружия в г. Арзамас–16 (позднее — г. Кремлев, ныне — г. Саров Нижегородской области).

Принимал участие в разработке и проектировании термоядерных зарядов, в 1981 году участвовал в полигонных испытаниях на Семипалатинском полигоне.

В 2003 году избран профессором Академии военных наук.

Автор многочисленных публикаций в периодике по широкому спектру общественно–политических и военно–политических тем, в том числе — по концептуальным проблемам ядерных вооружений.

Соавтор (с И.И. Никитчуком) двух небольших книг «СНВ–2 простым взглядом» и «XXI век. Будет ли у России ядерный оружейный комплекс?» (последняя вышла в свет как официальное издание Государственной думы РФ), а также — (с В.Н. Михайловым) книги «Добро или зло? (Философия стабильного мира)».

В течение 2003—2004 годов издательство «АСТ» выпустило в серии «Великие противостояния» три книги Сергея Кремлева (Брезкуна) о российско-германских и советско-германских отношениях: «Россия и Германия: сравнить!», «Россия и Германия: вместе или порознь?» и «Россия и Германия: путь к пакту».

В 2005 году в издательстве «Яуза» изданы еще две его книги: «Русская Америка: открыть и продать!» и «Кремлевский визит фюрера (Визит судьбы)».

Оглавление

От автора	5
Предисловие	8
И еще одно предуведомление	16
Глава 1. Ерофей Павлович, граф Муравьев и Небесная империя	20
Глава 2. Дым опиума, королева Мин и «черти из-за Восточного моря» ..	52
Глава 3. «Раса Ямато» и коммодор Перри	101
Глава 4. Японский пролог и «дальневосточный» вопрос	127
Глава 5. Министр Витте, бритты и хитрые профиты	143
Глава 6. Сопки Маньчжурии и топи концессии	174
Глава 7. Русская смута, позор Портсмута и Сахалин-Карафуто	213
Глава 8. Почему победила Япония и еще кое о чем...	239
Глава 9. Мировая война, дальневосточный «клубок» и адмирал Колчак	268
Глава 10. Годы 20-е и 30-е: «клубок» все запутывается...	341
Послесловие	373

Сергей Кремлёв

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: СТРАВИТЬ!

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *С. Груздев*
Компьютерная верстка *А. Колесников*
Корректор *Н. Струэнзе*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15, к 4
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к.5
Контактный тел. (095)745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 09.11.2005
Формат 84/108^{1/32}. Гарнитура «Гелиос» Печать офсетная.
Бумага тип Усл печ. л 20.16 Тираж 4000 экз
Заказ № 2232

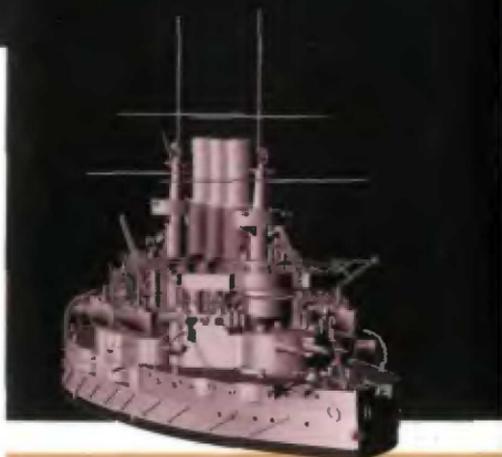
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г Тула, пр. Ленина, 109

ISBN 5-87849-189-3

ПРОТИВО СТОЯНИЕ

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: СТРАВИТЬ!

На Дальнем Востоке издавна завязывались в тугой узел интересы сразу многих народов и держав... Россия, Япония, Китай, Корея, США и страны Запада... Взаимосвязь их судеб, «дальневосточный клубок» проблем мировой истории XIX и начала XX века – тема нового исследования Сергея Кремлёва (Сергея Брезкуна).

Геополитик Карл Хаусхофер в книге «Континентальный блок», изданной в Мюнхене в 1941 (!!!) году, приводил мнение идеолога викторианской Британии – Гомера Ли: тот день, когда Германия, Россия и Япония объединятся, будет днем гибели англосаксонской гегемонии. Да, с Японией нам можно и нужно было дружить. Однако на излете своей истории царская Россия с Японией воевала. Почему? Не потому ли, что враги России ссорили русских с японцами на Востоке так же, как они ссорили нас с немцами на Западе? Ссорили, смертельно боясь их общего союза...